Симон Львович

СОЛОВЕЙЧИК

Автор предисловия Андрей Максимов

Педагогика для всех

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Педагогика для всех» впервые вышла в середине 80-х годов и сразу стала сенсацией. Автор книги – Симон Соловейчик, знаменитый педагог, писатель, журналист, автор бестселлеров для детей и родителей «Учение с увлечением», «Непрописные истины воспитания», «Час ученичества» – выпустил книгу, отвечающую на вопрос, откуда берутся хорошие дети. Отчего в одинаковых условиях в одних семьях вырастают хорошие дети, а в других плохие? Почему для воспитания детей одной нашей любви недостаточно? «Педагогика для всех» не предписывает, как жить и каким быть: она исследует, при каких обстоятельствах с детьми все будет хорошо, а при каких непременно будут трудности.

- Симон Соловейчик
  -
  - Андрей Максимов
  - Книга первая
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
  - Книга вторая
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
  - Книга третья
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3

Симон Соловейчик
Педагогика для всех

© Соловейчик С., текст
© Максимов А., предисловие
© ООО «Издательство АСТ»

* * *

Андрей Максимов
Дон Кихот российской педагогики

НАЧНУ С ТОГО, с чего ну, никак не принято начинать предисловия, а именно с благодарности.

Несколько лет я предлагал разным издательствам выпустить выдающуюся книгу Симона Львовича Соловейчика «Педагогика для всех».

Никто не возражал. Все даже радовались: «Соловейчик? Педагогика? Воспитание? Интересно…»

И… ничего не происходило.

А в «Издательстве АСТ» произошло. Вы держите в руках книгу Симона Львовича Соловейчика «Педагогика для всех».

Повторю для тех, кто пропустил: это выдающаяся книга. Ее просто обязан прочесть любой человек, вне зависимости от того, является он профессиональным педагогом или нет, и даже вне зависимости от того, взрослые у него дети, маленькие, или их нет вовсе.

Соловейчик заметил, что воспитание детей – самое древнее из человеческих дел. А ведь, действительно… Как только начали рождаться первые дети – первые взрослые начали их воспитывать. Мало того… Что такое изгнание Адама и Евы из рая, как не воспитательный акт Отца в отношении своих детей?

Поэтому неудивительно, что с тех пор, как люди научились писать – они начали сочинять педагогические трактаты. Чем с удовольствием и продолжают заниматься.

В любом книжном магазине – огромное количество книг по воспитанию. И современных авторов. И совсем не современных.

Что же отличает хорошие педагогические книги от иных?

Во-первых, хорошая книга, посвященная проблемам воспитания, должна помогать тем, кто занимается с детьми. Это должна быть практическая книга.

Я уже многократно говорил и писал о том, что в нашей стране не просто плохая система образования, а можно легко сказать, что системы такой нет вовсе. За образование своих детей, за то, чтобы они выросли достойными и счастливыми гражданами, в решающей степени отвечают родители.

Мы, родители, поставлены в такие условия, что просто обязаны быть педагогами. У нас просто нет иного выхода. И в этом сложном деле книга Соловейчика, безусловно, незаменима.

Уверяю Вас: ощущение, что Вы читаете книгу, быстро исчезнет. Ему на смену придет абсолютно реальная иллюзия того,

что с Вами беседует очень умный, знающий человек, который, кажется, готов дать Вам совет в любой трудной ситуации. Замечу, что, если относиться к общению со своим ребенком, как к важнейшему делу жизни, – такие ситуации возникают ежедневно.

Но для того, чтобы педагогическая книга была выдающейся, ей мало быть только практической. Она еще обязательно должна быть и философской.

Само слово «философия» нас пугает. Нам представляется, что оно относится к древним бородатым людям, а к нам лично вообще никакого отношения не имеет. Это ошибка.

Однажды я понял, что все люди являются психологическими консультантами: все мы даем друг другу советы, опираясь, как правило, на собственный опыт и больше ни на что. И я начал работать над созданием психологической системы, которая будет обращена не к специалистам, а ко всем людям, поможет им помогать друг другу в житейских психологических ситуациях.

Как назвать эту систему? Много было вариантов, в конце концов, я остановился на слове «*психофилософия*». Почему? Потому что у каждого из нас есть своя психика, но есть и своя философия, даже если мы не отдаем себе в этом отчета. Ведь любой человек определенным, ему свойственным образом, относится к жизни и к смерти, к любви, к деньгам, и, конечно, к детям.

Понимаете? Философия не прерогатива ученых, а свойство каждого человека. У Вас, того, кто держит в руках эту книгу, есть своя философия жизни.

Вот такая, очень практическая и очень важная философия открывается и в книге Соловейчика. Это не заумь, а основа наших отношений с ребенком, их суть.

Чтобы не быть голословным, приведу всего одну цитату, дабы был понятен, с одной стороны, уровень мышления этого удивительного педагога и писателя, а с другой – абсолютная простота и ясность изложения.

Наугад открываю книгу, читаю: «Сын не судья своему отцу, но совесть отца – в его детях. Они каким-то образом связаны с нами, и если мы поступаем дурно, то это сказывается на них. Может быть, чувство вины остается в наших глазах, и дети его улавливают?»

Разве за этими, абсолютно ясными словами, не скрыта философия наших отношений с детьми?

Три главы книги: «Цели воспитания», «Условия воспитания», «Средства воспитания».

Три абсолютно практических беседы, выводы которых простотаки необходимы всем родителям.

Три очень ясно написанных философских трактата, позволяющих иначе взглянуть на суть воспитания, на наши взаимоотношения с детьми, переворачивающих и голову, и душу.

Кто же такой, этот Симон Львович Соловейчик – выдающейся педагог, писатель и мыслитель?

В своем архиве я обнаружил старую театральную программку. Спектакль назывался «Изгнание Палагиных». Автор Симон Соловейчик. Постановка – народного драматического театра Дворца культуры Московского автозавода имени Лихачева. В выходных данных отыскал год – 1982.

За давностью лет спектакль я помню плохо. Но в те годы я активно занимался театральной критикой, и поэтому писал на программках какие-то, как мне казалось важные, цитаты и мысли.

О чем же, с помощью Соловейчика, я кричу сам себе через тридцать с лишним лет?

Главная тема спектакля: «Никому ничего не надо. Никто никому не нужен». Вот о чем не говорил – кричал Соловейчик в самый, замечу, разгар застоя.

Цитата: «Все пустяки по сравнению с тем, что с людьми происходит».

Еще цитата: «Быть добрым – значит, быть необыкновенным».

И еще: «Количество на заводе. В школе – качество».

И писателем, и педагогом, и публицистом он был неуспокоенным. Видел все, что творилось тогда вокруг, многое понимал. Ему самому не очень-то уютно было жить в мире, в котором добро есть качество необыкновенное.

И очень хотел достучаться, докричаться не до мира вообще, а конкретно до детей и родителей. Чтобы они берегли друг друга. Чтобы хотя бы в семье добро стало нормой.

Симон Соловейчик родился в 1930 году в семье, которая в ту пору называлась «семья служащих», но, на самом деле, была семьей интеллигентов. Его отец – журналист, писатель. Мама – доктор, во время войны была главным врачом санитарного поезда, после Победы руководила одной из московских аптек.

Подростком два года Соловейчик провел в эвакуации на Урале. Вернулся в Москву. Поступил на филфак МГУ, по окончании которого преподавал русский язык и литературу в библиотечном техникуме. Тогда же приступил к написанию статей.

Первый журнал, в котором начал свою журналистскую деятельность Симон Соловейчик, назывался удивительно, почти по-зощенковски, «Строитель стадиона». Но уже в 28 лет Соловейчик стал корреспондентом очень популярного в ту пору детского журнала «Пионер».

Перестав преподавать в школе, Соловейчик, по сути, остался поразительным педагогом. Для своих читателей в первую очередь. Но и для тех молодых ребят, которые приходили к нему в «Комсомолку». Этот вывод я, что называется, проверил на себе: Симон Львович был и навсегда останется моим учителем.

Больше двадцати лет – с 1956 по 1977 год – Соловейчик работал в «Комсомолке».

Потом – уже в 80-е годы – была «Учительская газета», где вместе с главным редактором Владимиром Матвеевым он пытался по-человечески, не формально, говорить с учителями, рассказывал о педагогах-новаторах, собирал их в Москве, итогом этих встреч стал «Манифест педагогики сотрудничества».

Соловейчик вообще очень любил это слово – сотрудничество. Он считал – и этому посвящено немало в книге, которую Вы держите в руках, – что учитель и ученик, родители и дети должны вот именно – сотрудничать.

Всматривайтесь в детей – поймете себя, – утверждал Соловейчик. Это важнейший не только философский, но, на самом деле, очень практический вывод. Он имеет к Вам, читателю этой книги, самое непосредственное отношение, не так ли?

Матвеевская команда в «Учительской газете» была разгромлена. Матвеева понизили до заместителя главного редактор, и, через год после этого Владимир Федорович умер.

Соловейчик продолжал трудиться: вел педагогические колонки в журнале «Новое время». Много ездил, в том числе и за рубеж, искал новый педагогический опыт и рассказывал о нем.

Уже в новые времена, в 1992 году, основал газету и издательский дом «Первое сентября», которые стали его последним детищем.

Я пришел в газету «Комсомольская правда» в 1974 году, когда мне еще не исполнилось 15 лет.

Как я туда попал? Мне повезло: вступительное сочинение, которое я писал, надеясь поступить в Школу юного журналиста при журфаке МГУ, было признано хорошим и опубликовано в подростковой страничке «Алый парус» при «Комсомолке». Меня позвал в газету знаменитый журналист, а впоследствии и политик, удивительно чистый и искренний человек Юра Щекочихин.

Придя туда, я еще не знал, что «Алый парус» придумал и организовал именно Соловейчик, вместе с тогдашним заведующим отделом школьной молодежи Иваном Ивановичем Зюзюкиным.

Первый выпуск «Алого паруса» вышел 25 сентября 1963 года. На дворе стояла знаменитая «оттепель», хотя «заморозки» уже

случались все чаще. Ни в те времена, ни через десять лет, когда в «Комсомолку» пришел я, ни сегодня к подросткам мало кто относится всерьез. В лучшем случае, их «награждали» (и «награждают») довольно унизительным определением «трудные» и – давай с ними и педагогически работать!

Когда Соловейчик и Зюзюкин поняли, что подростки – это люди, которые имеют право на высказывание в самой популярной в ту пору газете страны, – по сути они совершили революцию!

Термина такого педагогика сотрудничества в начале шестидесятых еще не было, но, по сути, она уже начала действовать.

Для меня, мальчишки, Симон Львович Соловейчик был живой классик, и я очень хорошо помню то потрясение, какое я испытывал, когда Соловейчик (!!!) с нами – пацанами говорил заинтересованно (!!!).

Он никогда не спрашивал: «Как дела в школе?» – вопрос, от которого любой подросток готов взвыть. Он спрашивал о том, что тебя волнует и что тебе интересно. Ему – Соловейчику – было важно, чем живут школьники. Его не интересовали формальности, его волновала суть.

Когда Вы будете читать «Педагогику для всех», обратите внимание на то, что в этой довольно увесистой книге, нет ни одного формального, обязательного слова. Все – только по сути.

Соловейчик не пишет проповедь. Он высказывается. И уже дело читателя принимать это высказывание, соглашаться с ним или спорить. Но равнодушным читатель не останется никогда.

Эту манеру разговора я очень хорошо помню по тому, как он говорил с нами, мальчишками.

Тогда же, в середине 70-х, Соловейчик, вместе с журналистами «Комсомолки» Ольгой Мариничевой и Валерием Хилтуненом решили создать из нас неформальное объединение «Коммунарская бригада», сокращено – Комбриг.

Постепенно мы узнавали, что Комбриг – это, своего рода, отзвуки знаменитой Фрунзенской коммуны, которую открыл для читателей именно Соловейчик.

Боюсь, что большинству современных читателей словосочетание «Фрунзенская коммуна» не говорит ни о чем. Между тем, это было объединение, которое в самый разгар Советской власти работало с подростками по совершенно иным, вовсе не советским принципам.

Фрунзенская коммуна возникла во Фрунзенском Доме пионеров и школьников в Ленинграде (отсюда и название). У ее истоков стояли педагоги Игорь Петрович Иванов и Фаина Яковлевна Шапиро.

Уверен, что деятельность коммуны, ее принципы имели для Соловейчика огромное, если не сказать решающее значение, не случайно же он так много писал о ней.

Симон Львович составил и подготовил к печати книгу «Фрунзенская коммуна», которая вышла в издательстве «Детская литература» в 1969 году. Книга имела такой успех, что через три года она была переиздана. Вот бы ее переиздать сейчас! Правда, в этом случае пришлось бы снабжать ее многочисленными комментариями: ведь многое даже просто из лексики того времени современному читателю уже не понятно. Однако, сама история и, главное, идеи Фрунзенской коммуны, убежден, будут не только интересны, но и весьма полезны сегодня.

Что ж это были за идеи? Почему они до такой степени увлекли Соловейчика, что благодаря его усилиям о Фрунзенской коммуне узнала вся страна? В той книге, которую Вы сейчас держите в руках, эти идеи, кстати, тоже свое отражение нашли.

Откроем старую книгу. «…Что может предложить коммуна? Во-первых, необычных взрослых. Взрослых, которые во всем советуются с ребятами, всегда веселые, жизнерадостные, всегда шутят…

Во-вторых, радость сделанного дела. С первого же сбора один отряд пошел на завод с концертом, второй – в детский сад чинить игрушки, третий – в библиотеку, разбирать и приводить в порядок книги.

В-третьих, коммуна может предложить такую организацию, чтобы каждый коммунар действительно чувствовал себя ответственным за всю коммуну. Полное самоуправление…»

С одной стороны, в этих идеях, казалось бы, не было ничего особенно революционного. Но, с другой, они принципиально расходились с реалиями советской школы. Поэтому, когда коммунарское движение начало развиваться слишком активно и, по сути, стало альтернативой комсомолу, его не то чтобы убили, а перестали поддерживать.

Но Соловейчик всюду, где мог, говорил об этом. Рассказывал. Объяснял. Увлекал. И когда мы, еще даже не молодые журналисты, а пацаны и девчонки, пытающиеся овладеть профессией, пришли в «Комсомолку», Соловейчик стал идеологом нашего Комбрига.

Мы проводили коммунарские сборы и собственными глазами видели, как работают коммунарские идеи.

Где мы только эти сборы ни проводили! В Москве, в Челябинске – в знаменитой школе Владимира Абрамовича Караковского. Ездили даже в школу для трудновоспитуемых девочек-подростков в Ярославской, по-моему, области: пытались с

помощью коммунарских идей воздействовать на юных проституток и убийц.

Сборы длились три дня. И – удивительное дело! – зашоренные советские школьники за три дня преображались! Они, как принято нынче говорить – *реально* становились другими.

Благодаря чему? В первую очередь, благодаря абсолютно доброжелательной атмосфере сборов. Здесь никто никого не оценивал, и все друг друга слушали. Мнение каждого ребенка учитывалось. Здесь никто не заставлял никого ничего делать.

Вот мы оформляем школу в Челябинске, чтобы она выглядела повеселей. У кого какие идеи? Предлагайте – делайте. Вам нужны помощники? Кто готов помогать?

Одна из главных идей педагогической системы Соловейчика, которая никогда не декларируется, но является основой, фундаментом, сутью – доброжелательность. То есть желание добра всем тем, кто рядом, – будь это твой собственный ребенок, ученик или соратник по коммунарскому сбору.

Я собственными глазами видел, что доброжелательность, оказывается, это серьезная сила. Попав в атмосферу добра, имея при этом конкретные задачи, дети начинали проявлять свои лучшие качества. Выяснялось, что качества эти были у всех, только оставались невостребованными. А тут – пригодились.

Я помню этих трудновоспитуемых девочек, которые за свою коротенькую жизнь пережили такое, что не всякому взрослому присниться. Помню, как удивлялись они изначально доброму отношению к себе. Они к такому не привыкли! Их слушали! Их мнение было важно! С ними вместе хотели работать!

В коммунарской методике, понятно, есть своя система, есть определенная последовательность заданий. Думаю, в нашей ситуации вечной образовательной реформы историки и теоретики педагогики могли бы рассказать об этом подробней.

Я ни разу не теоретик и не историк. Для меня, как для участника сборов, самым главным было то, что из привычной атмосферы недоброжелательства и ежесекундного воспитания, которой славилась советская школа, я, школьник, попадал в мир, где ко мне все относились хорошо, где меня уважали, где мое мнение было важным.

Я считаю Симона Львовича Соловейчика своим учителем не только потому, что он дал мне очень много практических журналистских советов, которыми я пользуюсь всю свою жизнь. Но эти коммунарские сборы, через которые мне посчастливилось пройти, имели, конечно, решающее значение.

В первую очередь потому, что я очень явственно увидел, что доброжелательность – это сила, которая может переворачивать

человеческую жизнь. Добро притягательно.

Согласитесь, одно дело, когда это просто декларируется, и совсем иное – когда ты видишь, как это все работает.

Итак, перед вами главная книга педагога, писателя, философа Симона Львовича Соловейчика.

Можно ли утверждать, что в ней представлена его собственная педагогическая система?

Убежден, что можно. Также уверен в том, что система эта очень поможет, в первую очередь родителям, не только наладить контакт со своим ребенком, но и раскрыть маленького человека.

Для Соловейчика ребенок – это личность.

«Мы воспитываем не ребенка, а человека, – пишет Соловейчик. – Каждому человеку, сколько бы ему ни было, хоть полгода, нужно, чтобы его считали человеком… Считайте человека за человека – больше для воспитания ничего не нужно, здесь – правда, только правда и вся правда».

Когда я стал заниматься своей психофилософской педагогикой, именно этот вывод стал для меня принципиально важным: ребенок – это личность! Если мы научимся к нему относиться так, это поможет решить огромное количество педагогических проблем.

Ребенок – это человек, у которого мы можем очень многому научиться, который не только меняется под нашим воздействием, но и безусловно меняет нас.

Симон Львович Соловейчик был высокий, худой, слегка сутулый человек с очень интеллигентным и добрым лицом. Его глаза, за стеклами очков, всегда смотрели на мир чуть удивленно. И это все делало его похожим на Дон Кихота.

Дон Кихот – это тот, кто живет так, как считает нужным. Живет, защищая свои принципы, даже, когда это вполне кровавая защита.

Таким был Соловейчик. Дон Кихот российской педагогики. Абсолютно добрый. И абсолютно непримиримый в тех случаях, когда речь идет о детях. Мудрый и точный в своих очень глубоких работах.

Именно поэтому его книги не только не устарели, а, кажется, стали еще более актуальными.

«Педагогика для всех», которую Вам сейчас предстоит прочесть, кого-то поддержит в его педагогических устремлениях: я не один так думаю, значит, я прав. А чьи-то убеждения, я уверен, поколеблет или даже перевернет.

Эта книга необходима всем, кто считает: нет более важного дела на земле, чем помочь раскрыться и попробовать помочь стать счастливым собственному ребенку.

Я оставляю Вас наедине с потрясающим собеседником.

Книга первая
Человек для человека

Глава 1
Цели воспитания

1

Не без смущения, не без страха предлагаю я эту книгу. Одно могу сказать в оправдание: я не собирался, я не хотел! Почти сорок лет занимаюсь я детьми, воспитывал чужих и своих, работал вожатым и учителем, писал о детях и для детей; но однажды я задал себе вопрос: отчего это в одинаковых условиях в одних семьях вырастают хорошие дети, а в других плохие?

Когда мы встречаемся с бездушными, бессердечными, бессовестными людьми, мы обычно спрашиваем: «Откуда? Ну откуда же?!» Попытаемся отыскать самый корень – не бесчеловечности, нет! – корень человечности отыскать.

Нам всем приходится воспитывать друг друга, потому что мы не умеем воспитывать маленьких детей.

Обычно пишут: «Автор призывает нас…» Нет! Автор не призывает. В этой книге исследуется процесс воспитания детей, и притом не трудных, а обыкновенных. Попытаемся понять, что же происходит между нами и нашими детьми, когда мы их воспитываем, и какую силу имеют различные наши педагогические действия, что возможно в воспитании и что невозможно, что из чего получается.

Даже дети знают, откуда берутся дети; но откуда берутся хорошие дети?

Педагогика для всех – наука довольно жесткая, как и все науки. Она не предписывает, как жить и каким быть, она даже не прописывает рецептов воспитания: она лишь исследует, при каких обстоятельствах с детьми все будет хорошо, а при каких непременно будут трудности.

Так получается, а так – нет. Вот все, что может сказать педагогика, но это немало.

2

Воспитание детей – старейшее из человеческих дел, оно ни на один день не моложе человечества; оттого оно кажется несложной работой: все справляются, и мы справимся. В действительности взгляд этот обманчив, я бы даже сказал – коварен. В самом деле,

ни в какой другой человеческой деятельности итоги не отличаются так разительно от затраченных усилий.

Воспитание зависит от трех переменных: взрослые, дети и отношения между ними. Это задача с тремя неизвестными из трех! Математики за нее не взялись бы.

Попытаемся решить ее, насколько это возможно. Переберем все три неизвестные величины: первая глава книги посвящена родителям, вторая – детям, а третья, соответственно, отношениям между родителями и детьми.

Должен предупредить, что многим книга покажется слишком трудной, слишком «философской». Потрудимся. Как бы высоко ни занесла человека судьба, как бы круто ни обошлась она с ним, счастье его или несчастье – в детях. Чем старше становишься, тем больше это понимаешь.

3

Этого мальчика зовут Матвей, Матусь, Матусик. Друзья подшучивают надо мною:

– Педагогика от Матвея!

И действительно, неизвестно, кто кого воспитывает: мы его или он нас.

Да, дети сильно затрудняют жизнь, с ними никак не управишься, но ведь еще сильнее они помогают нам, причем в главном – помогают человеку управиться с самим собой.

И разве не все мы посланы в эту жизнь? Не все призваны?

Для чего – призваны? Для чего – посланы?

Нам не справиться ни с одной загадкой в воспитании и не ответить ни на один самый простой вопрос, пока мы не знаем, для чего мы сами-то призваны в жизнь. Тут мы все и попадаемся, даже культурнейшие и умнейшие из нас: мы думаем, будто есть ответы на простые вопросы – без сложных, будто можно ответить на бытовой вопрос воспитания – без ответа на вопросы этические. А это невозможно.

Мы спрашиваем: «Что делать, если ребенок…» – что делать, если ребенок непослушен, упрям, капризен, медлителен, неряшлив, грубит, плохо учится, ленится, грызет ногти, поздно приходит домой, вообще не выходит из дому, не читает, только и делает что сидит над книгой, курит, ворует, обманывает, связался с дурной компанией, не имеет товарищей, жаден, скрытен, скуп, застенчив, необщителен, труслив, несамостоятелен, безвольный, нечуткий, невнимательный, злой?

Но ответов на уровне «Что делать, если ребенок…» нет, они

живут, эти ответы, в другой сфере – в этической.

4

Вот так началась жизнь Матвея: он родился в тот день, когда его старший брат ушел служить матросом на Северный флот, а старшая сестра его заканчивала школу. А он явился, деловитый, словно для того, чтобы мы все подобрались и вошли в то особое расположение духа, для которого нет слова в языке – не назвать ли его *детным* состоянием?

Одни из нас живут в мире без детей, а другие – в мире, полном детей. Дети составляют если не весь смысл жизни, то, во всяком случае, важную часть этого смысла. Такой человек не может пасть духом, отчаяться, залениться – у него есть дети, их надо кормить, им надо подавать пример бодрости и человечности.

Дети связывают нас с миром. Рождаясь, ребенок словно выныривает из вечности, и, общаясь с детьми, мы как бы приобщаемся к вечности.

Детного человека легко узнать: дети ему интересны. Для *недетного* человека ребенок прежде всего объект воспитания. Протянув ребенку яблоко, такой человек обязательно напомнит: «Ты, кажется, забыл что-то сказать?» Он не получает радости от того, что у ребенка есть вкусное яблоко, его радует только воспитанность, он не знает других отношений с ребенком, кроме воспитательных, и школьнику он умеет задать лишь один вопрос: «Как учишься?»

Сын не судья своему отцу, но совесть отца – в его детях. Они каким-то образом связаны с нами, и если мы поступаем дурно, то это сказывается на них. Может быть, чувство вины остается в наших глазах и дети его улавливают?

Театральному режиссеру начальство предложило не совсем благовидную сделку с совестью. Режиссер возмутился: «Что вы? У меня же сын растет!» Начальство не поняло: при чем тут сын? Кто трогает его сына? Но режиссер стоял на своем. Он не мог поступить бессовестно, потому что у него есть сын, – на этом основании!

Нельзя – дети видят. Нельзя – здесь дети. Нельзя – что скажут дети? Нельзя – у меня же дети есть! Детным людям нельзя поступать дурно по той простой причине, что в мире есть дети.

Одни из нас всю жизнь живут в детном состоянии, другие всю жизнь в бездетном, третьи то забываются, увлеченные потоками трудов, страстей и забот, то вновь вдруг вспоминают, что у них

есть дети.

Но если у нас что-то не получается с детьми, то, может быть, причина в том, что мы не замечаем их? Тогда помочь трудно. Воспитывать детей, не будучи в детном состоянии, почти безнадежное дело.

…Кровать на колесиках ходит ходуном. Энергично прыгая в ней, Матвей научился разъезжать по комнате. Под вечер оставим его одного, думаем, что уложили – все, отбой! А он подъедет к двери, приоткроет ее, высунется:

– Э-а! Э-а (Как вы тут без меня?)

И надо бы на него рассердиться, но никто не может. Мама игровым грозным голосом говорит:

– Это что такое? Ну-ка!

Мальчик смеется, и его водворяют на место.

5

Чего мы ждем от детей? Да радости, конечно, чего же еще. Из одних лишь надежд на будущее или из одного только сознания общественного долга мало кто стал бы обзаводиться детьми.

Можно порассуждать о том, что дети – наше будущее, залог бессмертия; можно смотреть на мальчика как на продолжателя рода; можно растить детей в надежде, что они будут опорой в старости, – это все так. Но детному человеку дети доставляют радость, и этим все сказано.

Иногда люди так и объясняют, отчего у них нет детей:

– Да какие теперь дети? Какая от них радость? Вон у моих знакомых…

Каждый легко продолжит, что же именно произошло «у знакомых», «у соседки», «у сослуживцев».

Историям разочарования в детях нет конца.

Вот наши дети, в нашем доме – что нам нужно, чтобы они и сейчас, и через пять лет, и через двадцать пять приносили радость, а не разочарование? Какими мы хотим их видеть?

6

У каждого из нас, даже если мы об этом не знаем, живет в голове образ Идеального Ребенка, и мы незаметно для себя стараемся подвести реального нашего ребенка под этот идеальный образ. Что бы ни сделал, что бы ни сказал малыш, мы автоматически сличаем его поступок и слово с образом Ребенка в

голове, и если сходится – то мы хвалим сына, если расходится – осуждаем. Можно сказать, что живой мальчик зависит не от папы, а от своего идеального сверстника, который поселился в папиной голове. И не от мамы зависит, а от образа Ребенка, поселившегося в маминой голове. Мы воспитываем детей вовсе не по своему образу и подобию, своего образа почти никто не знает, а по какому-то сочиненному нами образу.

И первое разочарование нас ожидает, когда оказывается, что, несмотря на все наши старания и усилия, живой мальчик никак не хочет отвечать образу Идеального Ребенка, нисколько на него не похож. У других дети как дети, а наш? Уж не достался ли нам какой-то не такой ребенок, вроде бракованного холодильника? Еще хорошо, что мы не просим заменить этого ребенка на другого, исправного.

Но настоящее уныние охватывает родителей, когда дети, которые росли вроде бы правильно, вырастают и оказываются негодными людьми, от которых никакой радости ни родителям, ни окружающим их, никому.

Понять причину, происхождение, природу этого величайшего из разочарований, какое только может постигнуть человека, очень важно.

Ребенок отличается от взрослого тем, что у него есть будущее, ему предстоит и вторая, взрослая, жизнь. Ребенок в наших глазах – это лежачее будущее, потом сидячее, ползающее, ходящее, бегающее и прыгающее. Но поскольку у него две жизни, детская и взрослая, то и образ его в нашей голове двоится. Мы видим Петю сегодняшнего, но загадываем о Пете будущем, это естественно. У нас есть образ Идеального Ребенка, но есть и образ Идеального Человека, мужчины или женщины.

Но два образа, Ребенка и Человека, довольно часто расходятся в одной и той же родительской голове. В этом истинная причина наших разочарований. Образ Человека мы конструируем для взрослой жизни, в нем главное – самостоятельность. А образ Ребенка нужен нам такой, чтобы легче было справиться с трудной работой воспитания, в нем главное – несамостоятельность, потому что своевольным ребенком сложнее управлять. Образ Человека – для одной цели (жить!), а образ Ребенка – для другой (воспитывать!). Но если в одной воспитательной голове два несовместимых образа, то воспитание разлаживается, и мы перестаем что-либо понимать. Мы хвалим мальчика тогда, когда следовало бы отнестись к нему с долей осуждения, и браним, когда надо было бы хвалить. Мы ждем от него одного – и в то же время другого, мы запутываемся сами и запутываем сознание ребенка. В результате во всех порах

семейной жизни, как пыль, накапливается раздражение. Все недовольны друг другом, все легко раздражаются, все чего-то требуют друг от друга, и никому не угодишь.

Педагогическая постройка рассыпается.

7

Итак, нам нужно заняться тем Идеальным Мальчиком, той Идеальной Девочкой, которые живут в наших головах. Если уж перевоспитывать кого-нибудь, то сначала их, а не реальных наших детей. Нужно создать такой образ Ребенка, чтобы из него непротиворечиво вырастал образ Человека – и сам человек.

Но каков тот образ Человека, который кажется нам привлекательным и манит нас? Иначе говоря, каковы на самом деле цели нашего воспитания? Сначала кажется, будто их много; но расспросите любых десять человек – и все скажут примерно одно и то же, причем в одних и тех же словах. Образ Человека у всех примерно одинаковый.

И наша беда не в том, что мы не умеем добиваться целей – умеем, все умеют. А в том, что довольно часто говорим и даже думаем, будто хотим одного, – а на самом деле хотим чего-то совершенно иного, и этого-то, иного, мы и добиваемся.

С предельной ясностью поймем, чего же мы хотим, чего мы сами хотим, вы хотите, читатель, – и наш внутренний механизм начнет подстраиваться на цель, сам собою начнет меняться руководящий нами образ Ребенка, и нам будет легче с детьми.

8

Вряд ли кто-нибудь будет спорить с тем, что человек должен быть хозяином собственной жизни; а для других – кормильцем, поильцем, помощником, заступником, защитником. Самостоятельность – это и есть первая цель воспитания. Родившегося у нас беспомощного младенца мы должны вырастить и поставить на ноги, чтобы он был достаточно здоров, достаточно развит и обучен. Чтобы помочь родителям в достижении этой цели, государством создана система образования, общего и профессионального.

Но образование оказывается почти бесполезным и не ведет к самостоятельности, если не вырабатывается у человека внутренняя самостоятельность, не укрепляется тот жизненный хребет, от которого зависят все другие качества, подобно тому

как физические наши силы зависят от крепости позвоночника.

Ускользающий от нас секрет слова «самостоятельность» заключается в том, что самостоятельный – значит свободный. То есть у него шире пространство жизненных выборов. И чем свободнее человек, тем значительнее может быть его выбор, тем сильнее выбор влияет на судьбу. А значит, и ответственности за сделанный выбор у него больше.

Несвободного за ложный выбор наказывает кто-то (родители, сверстники, закон), свободного за неудачный шаг наказывает жизнь. Свобода человека определяется источником наказания за ошибки; совершенно свободен человек, если источник наказаний в нем самом, и нигде больше. Для такого человека полная свобода поведения – это максимум ответственности, это крайне напряженная нравственная и духовная жизнь.

Напряженная, трудная, опасная! Для неразвитых людей она буквально невыносима – как трудна, например, для некоторых молодых парней жизнь «на гражданке» по сравнению с армейской. Они мечтают о дисциплине, потому что не могут справиться с собой на свободе, их давит тяжесть ответственности перед жизнью, они предпочитают зависимость. Так и подростки, не знавшие свободы в детстве и не научившиеся обращаться с нею, вдруг освободившись от родительского надзора, быстрее торопятся примкнуть к какой-нибудь компании сверстников, где царит самое суровое подчинение. Для духовно развитого свобода – крылья, для неразвитого – бремя. Поскорее сбросить его с себя, взвалить на плечи другого! Когда мы наказываем ребенка, мы не усложняем его жизнь, как думают, а облегчаем, и притом опасно облегчаем. Мы берем выбор на себя. Мы освобождаем его совесть от необходимости выбирать и нести ответственность, мы перехватываем у жизни право наказания, мы ставим заглушку на источник самостоятельности. И если мы постоянно наказываем, осуждаем, делаем замечания, то вырастают люди, которые боятся самостоятельности, боятся свободы. По всем представлениям человек должен бы стремиться к свободе – но нет, он стремится прочь от нее, бежит от самостоятельности. Это, так сказать, восьмой смертный грех: конформизм. Человек не хочет быть свободным даже в мыслях! Ему показывают бумажную полоску в десять сантиметров, но все окружающие, сговорившись, утверждают, что в ней только шесть или семь сантиметров, и человек в руках психолога-экспериментатора, заикаясь и смущаясь, говорит не то, что видит, а то, что люди говорят. Он несамостоятелен, он как все, он конформист. Руки могут быть в мозолях, ум изощрен, память забита знаниями, а дух спит, не развит. К ответственному выбору человек не способен, боится его,

живет в полной зависимости от своего окружения, от сослуживцев, от жены, от каких-то темных сил, поднимающихся из глубины его души. Самостоятельным его никак не назовешь.

9

Но отчего одни дети и подростки, имея свободу, раскованны, а другие распущенны?

Разница в том, как пришла к ним свобода. К ответственности ведет не та свобода, что дана или подарена, а та, что добыта собственным усилием. Ребенка и подростка развивает не свобода, как иногда думают, а собственное действие по добыванию свободы, самоосвобождение. Достичь подлинной самостоятельности можно только самоосвобождением. Ребенок и на свет появляется сам – самоосвобождением.

Запомним это слово, быть может, относительно новое для вас и редкое в педагогических книгах – самоосвобождение.

Когда ребенка оставляют без внимания, без надзора, без влияния взрослых, короче говоря, без воспитания, когда он растет вроде беспризорного, – он борется за себя в компании сверстников, на это уходят все его силы, и он вырастает духовно бедным человеком (хотя возможны, конечно, и исключения). Когда ребенку приходится освобождаться от опеки родителей, когда он борется за свободу в семье, то скандалы кухонного типа не дают толчка для развития. Подросток добывает внешнюю независимость, внешнюю свободу – чтобы сменить ее, как уже говорилось, на зависимость от сверстников. Для него свобода – лишь разменная монета: здесь добыл, там продал. Самоосвобождения не происходит.

Таким образом, ценность самоосвобождения зависит от значительности противника. Одно дело – освобождаться от мелочных родительских запретов, другое – от темноты, от трусости, от засилья дурных людей.

Если в семье мир, если ребенок с первых шагов чувствует себя свободным и знает вкус самостоятельности, то он стремится стать лучше, сильнее, старается освободиться от собственной слабости, неумелости, то есть его порыв к самоосвобождению растет. Порыв к самоосвобождению, поддержанный старшими, и дает самостоятельного, свободного, раскованного – воспитанного – человека. Да и вообще освобождаться увлекательнее, чем воспитываться.

Вон идет пятнадцатилетний мальчик; взгляните в его глаза, присмотритесь к его походке, перекиньтесь с ним двумя словами,

и вы сразу увидите, кто перед вами: скованный человек? раскованный? распущенный? свободный или несвободный? воспитанный или невоспитанный? Распущенный подросток в непривычном для него обществе держится неловко, скованно. Воспитанный же человек, свободный, всюду и везде раскован, свободен в движениях и поступках, он всюду один и тот же.

Воспитание – это научение свободе, научение самоосвобождению.

10

Первый шаг ребенка к свободе – рождение. Ребенок вырывается на свет. Сам! Возможности его, прежде почти нулевые, вдруг возрастают в миллион раз, и мы скорее пеленаем его, чтобы он не наделал себе вреда.

Второй шаг к освобождению: ребенок выходит из колыбели. Если его не спустить на пол вовремя, то он сам шагнет через решетку кровати, и хорошо еще, если не вниз головой. Снова в тысячу раз увеличиваются возможности и в тысячи раз – опасности. И перестраивается внутренний мир.

Первый шаг ребенка – это и первое «нельзя». Туда нельзя, упадешь, разобьешься! Вот, быть может, самая горячая точка воспитания: первый месяц после того, как ребенок научился ходить. Это как увертюра: с чего мы начнем? С бесконечных «нельзя» – или будем стараться обходиться без них? Можно кричать «нельзя», когда ребеночек тянется к электрической розетке, а можно заклеить ее пластырем, коль скоро в доме маленький ребенок. Убрать книги с нижних полок. Переставить крючок в ванной повыше, чтобы маленький не мог запереться изнутри.

Обычно родители, желая облегчить себе жизнь, хотят, чтобы ребенок поскорее усвоил запреты – но так ли это хорошо? Надо ли торопиться? Кто знает, может быть, в этой свободе под надзором, которой больше никогда не будет, то есть в полной внутренней свободе вызревают и способность любить, и тяга к самоосвобождению. Она так велика, что ребенок во всем перечит родителям. Сам! Выходит с мамой из автобуса – «Я сам!» А ведь разобьется. Мама подхватывает его под мышки, держит крепко, но приговаривает: «Сам, сам! Вот молодец, сам!» Он все делает наперекор, это называют «негативизмом» – стремлением к отрицанию. Но он ничего не отрицает, он отдается мощному, ничем пока что не ограниченному стремлению к самостоятельности. Для него свобода дороже цели и успеха. Он

лучше разобьется, но – сам. Так дитя превращается в личность, а личность – это «самость». «Сам». «Я сам». И если оно, это стремление, укрепится, станет ведущей чертой характера, то все дальше будет легче, и даже подростковый трудный период будет нетрудным. Мы даем укрепиться стремлению к самостоятельности в безопасном возрасте, когда ребенок под надзором. Иначе это стремление прорвется в переходном возрасте, когда бунт и негативизм могут привести и к плохим последствиям.

Мы приучаем к свободе в пять лет – тогда к пятнадцати подросток уже умеет пользоваться ею. Кто не захотел мучиться с мальчиком от двух до пяти, а вышколил его, сделал удобным для воспитания, тот почти наверняка хлебнет с ним горя в его пятнадцать-шестнадцать лет, если, конечно, не родился какой-то особый, может быть, даже флегматичный ребенок, из тех, про которых мамы говорят: «А мой такой – посадишь его, он и сидит». В старину говорили: нянчитесь с маленьким ребенком, не придется нянчиться со взрослым.

Третий шаг еще более значительный: ребенок, освоив дом, выходит во двор (или в детский сад). Теперь он вступает в долгий период полусвободы-полунадзора, и начинается обучение ответственности. Сначала мама еще рядом, она предупредит об опасности или защитит. Надзор – он же и защита, многие люди и всю жизнь с радостью провели бы под надзором. Потом мама уходит домой, но и ребенок может скрыться, спрятаться дома. Он устает во дворе не от игр, а от самостоятельности. Он бежит домой, но горе ему, если его встречают суровым: «Ты где шлялся? Ты посмотри на себя, на кого ты похож?» Дом должен быть норкой для маленького ребенка и берлогой для большого, для подростка. Когда бы и откуда ни вернулся сын домой, встретим его с радостью. Из многих и многих воспитательных мер я не знаю более сильной, более значительной по влиянию на судьбу, чем радость родных, когда человек входит в свой дом. Все дети, видимо, делятся на тех, кого встречают с радостью, и на тех, кого встречают безразлично, хмуро, сердито. С выговорами и нотациями.

Так просто! Когда сын, сколько бы ему ни было, выходит из дома, мама каждый раз (и даже если у нее гости) провожает его и всегда повторяет: «Осторожнее на улице!», а когда хлопнет дверь – сын вернулся, мама встречает его (даже если у нее сто гостей!) – встречает с радостью. Где он ходил, мы не всегда знаем и знать не можем, но мама все равно была с ним, он от нее ушел, к ней вернулся. Он еще не совсем справляется с собой, но мама с ним, мама в нем, мама добавляет недостающую силу.

Ослабляется надзор – должна усиливаться внутренняя, душевная связь с домом, она заменяет надзор. А если ни надзора, ни внутренней связи – пиши пропало.

Но вот и следующий шаг: ребенок выходит со двора в школу. Теперь родительский надзор практически невозможен, на контроль нечего надеяться; теперь затаись, не дыши и старайся дать сыну или дочери побольше домашнего тепла. Он ведь как на передовой сейчас, маленький первоклассник, еще не умеющий открыть свой собственный ранец, а мы – тыл, тыловая служба. Горе мальчику, если на него наступают в школе и предают в тылу, если на него обрушиваются со всех сторон!

Следующий шаг невидимый: выход из детства. В некоторых цивилизациях он отмечается особыми обрядами «инициаций». Бывает, ребенку меняют имя или ему приходится пройти суровейшие физические испытания. С наступлением отрочества освобождается стопор сжатой прежде пружины полового развития, девочка постепенно превращается в девушку, мальчик – в юношу: «Безвестных наслаждений ранний голод меня терзал…»

С новыми неясными мучительными желаниями освобождаются силы характера, дремавшие прежде. Происходит как бы второе рождение – другой человек, новый, взрослый, и теперь он может сам добыть то, чего не дали ему родители. С другой стороны, в нем, взрослом, исчезает все то, чего мы так старательно добивались, – исчезает способность к послушанию. Теперь все зависит от крепости внутренней связи с домом. Сумели с детства сделать ее прочной – переживем и трудное время; не сумели – намучаемся.

И наконец, наши дети выходят из школы – в мир, а затем из родительского дома – в собственный. У них появляется семья и свой первый ребенок. Цикл закончен. С рождением детей как бы заканчивается и рождение родителей. Ведь самый глубокий, биологический смысл воспитания – превращение детей в родителей. Из детского состояния они переходят в детное.

Теперь молодой человек полностью свободен от родительского надзора. Он должен сам регулировать свое поведение, иначе он, увы, вполне может вернуться в прежнее положение для доучивания: его лишают свободы, устанавливают полный надзор, и почти никакой у него теперь ответственности.

Выход в жизнь, выход из колыбели, выход из дома, выход со двора, выход из детства, выход из школы, выход из семьи – вот семь главных периодов на пути от рождения до рождения. А там – жизнь и, наконец, абсолютная свобода от всякой ответственности – смерть.

Чтобы от выросших детей была радость, они должны быть

полностью независимы от нас материально – и полностью соединены с нами душевно. Чтобы навсегда сохранялось тепло отношений. Ах, какая бывает радость от взрослых детей! Она ни с чем не сравнима, у нее вкус другой, от нее замираешь. Если же идеал кажется недостижимым (полная независимость – полное соединение), то лишь потому, что мы, родители, чья первая цель – самостоятельность ребенка, почему-то боремся с этой самостоятельностью не уставая… Между тем Макаренко открыл, что жизни на свободе можно научить только жизнью на свободе. Он и преступников учил свободе – свободой, ответственности – ответственностью, а не лишением того и другого.

Придержим рвущиеся из души вопросы: «Но как, но как же?» и «Но что же делать?». Мы пока строим лишь одну стену воспитательной постройки, а одна стена не держится. Вся остальная часть книги и представляет собой ответ на простейший с виду вопрос: как вырастить самостоятельного человека?

11

Чтобы понятно ответить на какой-нибудь вопрос, нужно пользоваться понятными словами. Тут-то и поджидает нас скрытое препятствие.

Сотни лет повторяет мир иронически-грустную шекспировскую фразу: «Слова, слова, слова…». Имеются в виду возвышенные слова, которыми так часто прикрывают пустоту.

Но что же делать? Педагогика без высоких слов и понятий – обман, обман, обман… В высоких словах может содержаться ложь, а без них все оборачивается ложью неминуемо. Вот и выбирай.

Решительно выбираем! Идите сюда, слова-принцы и слова-нищие, слова, над которыми посмеиваются и без которых не могут жить, блестящие и затертые, содержащие и высшую правду, и самую безобразную ложь, слова, от которых, как нам кажется, ничего не зависит, но от которых на самом деле зависит все. Идите сюда, слова несерьезных, неделовых людей: совесть, правда, честь, свобода, сердце, радость, счастье, красота, добро, вера, надежда, любовь, справедливость, нравственность, долг, дух, душа и духовность.

Без этих понятий нам не справиться с детьми.

Есть рыцари толкового словаря, до того преданные точному мышлению, что о каждом слове с азартом спрашивают: «А что это такое? А что вы под этим понимаете?» Спокойно! К концу книги все необходимые понятия будут если не определены, то

разъяснены и сопоставлены. Больше тревожит другое возможное обвинение – в бесцеремонности. Высокие слова поэтичны, высокие слова святы, к ним и прикасаться-то – кощунство.

Но мы занимаемся делом, нам детей растить, нам придется преодолеть страх и разбирать высокие слова, рассматривать их, заглядывать в них и пользоваться ими как инструментом. Простите нас, высокие слова!

Говорится: видимо-невидимо…

В воспитании детей всё видимо – и невидимо. Но пока мы пытаемся рассуждать и действовать на уровне видимого, ничего не получается, и мы даже не можем понять отчего.

Займемся непривычными нам явлениями, невидимыми, на уровне высоких слов. От них, а не от чего-нибудь другого зависит успех видимого воспитания.

12

Мамы чаще всего говорят о ребенке так:

– Был бы человек хороший, больше мне ничего не нужно.

Именно в таком порядке слов: «человек хороший», с ударением на «человек».

Все устали от дурных людей, от бесстыжих слов, от бессовестно сделанных вещей, от элементарной непорядочности. Устали от людей, безразличных к людям.

В исследовании, проведенном психологами, когда испытуемым предложили список из пяти качеств, важных для человека, большинство поставили слово «доброта» на первое место. Мы все мечтаем о добром окружении.

Но когда этим же самым людям предложили такой же точно список – но для себя, то слово «добрый» было сброшено с чемпионской первой ступени на третье-четвертое место. «Вы, пожалуйста, будьте подобрее ко мне, а у меня доброты хватит» – так это нужно понимать.

Каждый из нас кажется себе очень добрым; отчего же в мире так не хватает доброты? Каждый склонен ждать добра от другого, а не от себя.

Несмотря на общую нашу тоску по совести и добру, у человека есть основания сомневаться: доброта и честность – это достоинство или недостаток? Сила или слабость?

В этом сомнении – всё. Тут сердце, нет, тут сердцевина всех наших воспитательных стараний.

Воспитать честных и добрых детей, воспитать «человека хорошего» можно, и притом в любых, даже самых отвратительных

обстоятельствах; но для этого необходимо, чтобы кто-нибудь рядом с детьми, хоть один человек из многих – вы, читатель, или кто-нибудь другой – искренне, глубоко, не сомневаясь – то ли с детства не сомневаясь, то ли победив сомнения, – верил, что доброта и честность, или любовь и совесть (что одно и то же), не только не слабость человеческая или глупость, но в них-то вся сила, в них весь разум мира.

Любовь и совесть правят миром.

В этой строчке, которая может вызвать и усмешку, в этой строчке, где каждое слово может показаться напыщенным, в этой ничего не значащей для многих людей сентенции – в ней бьется живое сердце воспитания. Вся судьба детей, вся наша детная жизнь – в этих словах, в том, что за ними скрыто.

13

Любовь и совесть правят миром людей. Мы не всегда это замечаем, как не чувствуем воздуха, которым дышим, но испытываем удушье, когда его не хватает. Да, воздух загрязнен, загазован, дышать трудно, только об этом и говорят: какой, дескать, теперь воздух? Но дышим мы все-таки по-прежнему – воздухом, питаемся кислородом, в нем содержащимся. Любовь и совесть – кислород нравственной атмосферы, в которую каждый из нас погружается с первым вдохом, с первым криком. Не все мы верим в силу любви и совести, сомневаемся даже в их существовании (а есть ли любовь? есть ли совесть?), но всякое их ослабление делает жизнь невыносимой. Для каждого в отдельности и для всех вместе.

Одни думают, будто можно прожить без любви и совести; другие говорят: «Любовь! Только любовь!»; третьи стремятся к правде, справедливости, совести. Но в предложении «Любовь и совесть правят миром» главное слово – «и». Союз. Соединение. Слияние. Содействие. Сосуществование. Здесь главная нервная точка всей нравственной жизни, здесь единый центр бесконечного числа кругов, описывающих всю нашу жизнь, все наши поступки, все наши отношения, – в этом маленьком, как и подобает быть точке, «и».

Совесть охраняет доброту, добро очищает совесть. Совесть наступает, требуя справедливости, любовь прощает и позволяет отступить. Совесть непримирима, любовь мирит. Совесть разводит людей, любовь сводит их. Совесть требует казни, любовь призывает к милосердию.

Одной лишь любовью, без правды, без совести, ребенка не

вырастишь. Одной лишь ответственностью, без любви и великодушия, ребенка погубишь.

Но миролюбие и совесть, любовь и правда не всегда уживаются. И только высочайшее миролюбие совестливо само по себе, и полна любви высочайшая совесть. Только на пиках любовь и совесть сходятся, становясь красотой. Совесть и любовь сталкиваются, совесть и любовь едины – оттого красота всегда живая. Оттого и говорится, что красотою мир спасен будет! Любовью и совестью. Правдой, согретой любовью.

…Высокие слова, отвлеченные. «А меня, – слышу я, – беспокоит мой Петька. Он опять не пришел из школы домой, шатается где-то!»

Но это все про Петьку. Это все для Петьки. Чтобы он по-прежнему шатался где-то целыми днями, мальчишки и должны шататься, но чтобы с толком!

14

Любовь и совесть правят миром. Я пишу эти строчки в шесть утра, на кухне, и притом на чужой. Истертая клеенка на столе, помятые алюминиевые кастрюли над плитой, хозяева дома – старые люди. Я оглядываюсь вокруг. Всматриваюсь в свою жизнь – да так ли? Сомнение охватывает меня, как и каждого человека схватывает иногда сердечная боль. Да так ли?

Любовь и совесть правят миром.

Нет-нет, читатель, я не уговариваю вас жить по совести, кто я такой? Я просто обращаю ваше внимание на одно педагогическое обстоятельство: если мы хотим, чтобы наши дети выросли добрыми и честными людьми, то мало быть такими же по отношению к детям, хоть это трудно. Но надо еще и верить в любовь и совесть – и более простого способа достичь своей цели в воспитании нет. Да, Петька шастает где-то, но мама встретит его сурово и нежно, потому что в ее душе любовь и совесть.

Свойства и судьба детей строго зависят от того, какое из пяти нижеследующих высказываний (разумеется, таких градаций не пять, а бесконечное множество, потому-то люди и разные) кажется нам достоверней:

1. В мире нет ни любви, ни совести.
2. А есть ли в мире любовь? Есть ли совесть?
3. Нет, все-таки в мире есть любовь и совесть.
4. В мире есть любовь и совесть.
5. Любовь и совесть правят миром.

И тому, кто находится на уровне первого утверждения или

близок к нему, тому, боюсь, не помогут в его делах с детьми ни советы, ни консультации, ни доценты педагогики, ни профессора психологии. Так – не получается.

Если бы здесь было сказано: «Зимой дети должны ходить в обуви», никто не стал бы возражать или спрашивать, где ее взять. Кто заботится о детях, тот где-нибудь да найдет ботинки, не вступая в спор, нужны они или нет. Точно так и в невидимых нравственных делах. Справедливо утверждение относительно любви и совести или несправедливо, трудно оно дается или мучительно, нравится оно или вызывает возмущение, но для воспитания честных и добрых людей необходимо верить в правду и любовь.

Детным людям нельзя не верить в красоту нравственного мира, иначе мы не воспитываем, а развращаем детские души. Будем верить в его красоту – ради детей и вместе с детьми.

15

Мы не первые на земле живем, и до нас люди жили, и до нас детей воспитывали, и всегда были честные и бессовестные, добрые и злые, и всегда казалось, что время невыгодно для воспитания. Как вырастить хороших людей в дурных обстоятельствах? – это старинная проблема, и всегда одни люди решали ее, а другие находили оправдательные причины для объяснения бесчестности и недоброты выросших своих детей: мир виноват. Но в одном и том же мире есть хорошие школы и плохие, хорошие семьи и дурные, хорошие дети и ужасные. Воспитание зависит от мира, но оно и не зависит от него, автономно. Иначе в каждом обществе все люди были бы одинаковы.

Как оставлены нам леса, озера, поля, реки – земля, так оставлены богатства любви и совести. И точно так же, как беспокоимся мы о сохранности тех природных богатств, должны мы думать о сбережении богатств нравственных – в нашем доме, в нашей семье, в наших детях.

Трудно держать в уме множество воспитательных целей, все равно не удержишь. Если наши дети будут совестливы и добры, этого достаточно, все остальное приложится. Из школы, из жизни они сами будут выбирать и вбирать в себя все доброе и честное. Будет основа – и серьезное воспитание во всех его видах и направлениях пойдет им впрок.

Но нельзя строить третий и пятый этажи там, где нет фундамента.

16

Любимый вопрос родителей: «Как подготовить ребенка к школе?» Учителя и психологи отвечают: приучайте его к аккуратности, учите быть внимательным и так далее – как будто в школе только уроки, учение, учитель. Но в школе класс, другие дети, товарищи! Подготовим маленького к самостоятельной жизни среди сверстников, попытаемся научить его простым правилам детского общежития.

Не отнимай чужого, но и не все свое отдавай.

Попросили – дай, пытаются отнять – старайся защититься.

Не дерись без обиды.

Не обижайся без дела.

Сам ни к кому не приставай.

Зовут играть – иди, не зовут – попросись, это не стыдно.

Не дразни, не канючь, не выпрашивай ничего. Никого два раза ни о чем не проси.

Из-за отметок не плачь, будь гордым. С учителем за отметки не спорь и на учителя за отметки не обижайся. Делай уроки, а какие будут отметки, такие и будут.

Не ябедничай за спиной у товарищей.

Не будь грязнулей, дети грязнуль не любят, не будь и чистюлей, дети не любят и чистюль.

Почаще говори: давай дружить, давай играть, давай водиться, давай вместе домой пойдем.

И не выставляйся! Ты не лучше всех, ты не хуже всех, ты мой любимый. Иди в школу, и пусть она тебе будет в радость, а я буду ждать и думать о тебе. Дорогу переходи внимательно, не торопись!

17

…Я отложил ручку, потому что из коридора раздался отчаянный Матвеев крик – что такое? Упал? Разбился? Кровь хлещет?

Ах, вон в чем дело! Вечная история с ним.

В старых книгах писали, что дети, вырастая, проходят такие же стадии, какие прошло человечество: стадия собирательства, стадия охоты, стадия орды. Теорию эту в свое время раскритиковали и забыли, но вот наш мальчик подрос, ему три года, и он явно вступил в стадию собирательства. Дай ему конфетку – побежит и спрячет ее в какое-то свое укромное место, где уже хранятся обломки игрушек, бумажки, палочки, камушки,

стеклышки. Оставь часы на столе, и через минуту придется грозным голосом спрашивать:

– Матвей, где мои часы?

Бежит к полке, маленький, достает из-за книг и честно протягивает: на, мол, пожалуйста, если они тебе нужны, – я думал, они просто так лежат…

Я не ругаю его, я радуюсь, что часы нашлись, что он помнит, куда спрятал. Раньше он забывал, и пропавшие вещи исчезали навсегда или по крайней мере до перестановки мебели. Нет, он не вырастет ни воришкой, ни скопидомом, с ним все будет в порядке, с этим мальчиком, просто сейчас у него такая стадия. Любимые игрушки – пустой чемодан и сумки. В чемодан можно собрать и спрятать полдома, а с сумками на кухне такая игра: складывать маленькие сумки в большую, клетчатую, с двумя кожаными ручками. Ничего, пусть играет, и спасибо, что сумками, а не чашками и не блюдцами. Но несчастье в доме, когда ему, как это только что случилось, приходит в голову засунуть большую клетчатую сумку в маленькую, а это, естественно, не получается.

Орет на весь дом! Плачет! Крупные слезы по щекам текут, утирается, оскорблен, не может вынести такой несправедливости, кричит в голос!

Все сбегаются, все пытаются объяснить, что он хочет невозможного, пытаются показать мальчику, что большая сумка никогда не поместится в маленькой, и даже сердятся на него – ну что за мальчик такой упрямый!

Мрачно слушает, замолкает, мрачно отталкивает всех и… снова хватает большую сумку, засовывает ее в маленькую, и вот-вот, кажется ему, получится, ну еще усилие… Но нет! И опять раздается отчаянный рев, опять он громко рыдает, несчастный! И нет средств успокоить его, пока не придет ему в голову какая-нибудь другая мысль, более удачная.

Маленькие дети потому с трудом понимают слово «нельзя», что оно бессодержательно. Мама танцует со щеткой в руках – подметает, и мальчик повторяет ее движения. Вот действие – вот оно повторено. Но что значит «нельзя»? Нельзя – это щетка? Нельзя – это что-то острое? Некоторые дети так и думают, и маленький тащит гвоздь: «Мама, я нашел „нельзя“». Но почему, когда берешь эту газету – все молчат, хоть в клочки ее разорви, а до этой чуть дотронешься, кричат «нельзя»? Пойди догадайся, что та газета – вчерашняя, а эта – сегодняшняя.

И уж совершенно недоступно маленькому понятие «невозможно». Это все равно что сказать ему «перпендикулярно» или «конгруэнтно». Что это значит?

Степень развития хорошо видна по отношениям человека со словом «невозможно». «Нельзя» – запрет людей, он понятен. «Невозможно» – запрет природы, с ним разум соглашается неохотно. Уже и запрещали изобретать вечный двигатель, а все же люди пытаются. Но в большинстве своем взрослые понимают слово «невозможно». Однако благоразумнейшие люди буквально теряют разум, когда дело касается воспитания детей. Они, как маленькие, перестают понимать значение слова «невозможно», не принимают его смысла, чуть не плачут – как так? Запреты природы им понятны, запреты педагогики оскорбляют их. Как так? Я директор, я все могу, мне подчиняются тысячи людей, а с этим семилетним мальчишкой я не могу справиться? Не может этого быть!

Но во всякой науке, во всяком искусстве, как и в природе, есть свои принципиальные запреты. Невозможно построить вечный двигатель, невозможно соорудить плотину из песка на бурной реке, невозможно засунуть большую сумку в маленькую, невозможно влиять на ребенка, не имея влияния на него, невозможно вырастить идеально доброго ребенка в мире, где столько зла, невозможно вырастить ребенка с абсолютно чистой совестью в мире, где столько несправедливости, и невозможно воспитать добрых, честных, отзывчивых и чутких детей, не веря в силу любви и правды.

Поймем возможности воспитания, постараемся более трезво оценить свои собственные силы, и наши дети станут если и не совершенными людьми, то, по крайней мере, людьми, стремящимися к совершенству.

18

Теперь о счастье.

…В родительский день в летний лагерь шел «Икарус», мамы и папы ехали к своим детям. Я же направлялся в лагерь по делу. Сидевшая рядом со мной у окна скромно одетая сдержанная женщина открыла томик Чехова. Дорога предстояла длинная, книжки я не захватил, люди вокруг были чужие, я стал думать о работе. И тем же тоном, каким спрашивают, например: «Вы не знаете, скоро ли мы приедем?» – я неожиданно для себя и тем более для соседки спросил ее:

– Простите, вы не знаете, что такое счастье?

Женщина с томиком Чехова в руках оказалась замечательной собеседницей. Она не стала спрашивать меня, отчего я задал такой странный вопрос, не стала с ходу отвечать: «Счастье –

это…», она не сказала мне, что счастье – когда тебя понимают, или «что такое счастье – это каждый понимает по-своему», – не стала говорить цитатами: нет, она прикрыла книгу и долго молчала, посматривая в окно, – думала. Наконец, когда я совсем уже решил, что она забыла о вопросе, она повернулась ко мне и сказала…

Вернемся к ее ответу позже. Спросим себя: что такое счастье? Ведь, говоря о детях, мы все повторяем:

– Были бы они счастливы!

Что кроется за словом? Какого счастья мы желаем детям? Конечно, интересно, что думает женщина в автобусе, и что говорят философы, и что пишут в книгах. Но нельзя ли узнать, а что на самом деле счастье? Не кто что думает о нем, а в действительности?

Оказывается, это возможно.

19

В каждой стране есть свой Главный педагог – народ, и есть Главный учебник педагогики – язык, «практическое сознание», как давно писали классики. За поступками мы обращаемся к народу, за понятиями – к языку народа. Я не должен объяснять, что такое счастье, я должен смиренно спросить об этом наш язык – в нем все есть, из него все поймешь, прислушиваясь к слову в сегодняшней нашей речи. Обычно идут от происхождения слова, от его этимологии. Происхождение важно, но еще важнее жизнь слова. Народная мысль содержится не только в пословицах и поговорках, в народной мудрости (пословицы как раз и противоречивы), но в распространенных, обычных фразах и оборотах речи. Поищем: с какими другими словами сочетается интересующее нас понятие, почему так можно сказать, а так нельзя. Так говорят, а так – не говорят. Это никогда не бывает случайным.

И еще один верный источник важных сведений есть в нашем распоряжении: Пушкин. Поэт, никогда не поставивший рядом два случайных слова. В вопросах этики и психологии Пушкин настолько точен, что, я думаю, и вы, читатель, согласитесь с утверждением: как у Пушкина – так правильно. Почти все ссылки здесь (и все ссылки без указания автора) – на Пушкина.

Все важнейшие этические и педагогические понятия, необходимые для воспитания детей, будем извлекать не из толковых словарей, не из учебников и монографий и даже не из сборников мудрых мыслей, как принято сейчас делать, а из живой

речи, из пушкинского языка, то есть из глубин нашего общего сознания. Детей можно воспитывать лишь собственными убеждениями: их и разберем.

20

Мы говорим: «счастливая доля», «счастливый случай», «счастливая судьба», «счастье привалило», «вытянул счастливый билет».

Счастье – часть, у-часть, лучшая доля из всего, что может дать жизнь.

Она может быть счастливой, а может – и худшей, плохой, злой: «Плохая им досталась доля» (у Лермонтова), «злосчастный человек», «горе-злосчастие», «злая судьба моя».

Самые деятельные, всего достигшие своим трудом люди все-таки говорят: «Мне выпало счастье… Мне дано счастье…»

Счастье – фортуна, судьба, о которой мы ничего не знаем, и если его нет, то говорят: «Такая уж у меня судьба», «Видно, мне так на роду написано».

И когда мы говорим: «Пусть будут дети счастливы», мы словно желаем им счастливого пути по жизни – пусть судьба будет милостива к ним, пусть ничего дурного с ними не случится, пусть им везет во всем, пусть они будут удачливы. Одно только это горячее желание счастья детям соединяет нас с ними, и нет воспитания, где мать не желает счастья своему ребенку, не мечтает о нем. Когда мы сердимся на детей, мы забываем, что желаем им счастья, разъединяемся с ними, оставляем их беззащитными перед судьбой. Ведь если поссоришься с ребенком, а с ним что-то случится, то не можешь себе простить.

Как воспитывать детей? Каждую минуту и всей душой желайте им счастья сейчас и в будущем – этого достаточно!

21

Желайте счастья? Да разве оно от нашего желания зависит?

Но мы не раз еще столкнемся с законом духовной жизни: все, что есть в человеке, возникает из двух встречных движений, из двух сил: из движения, направленного от мира к человеку, и движения от человека – к миру. Противоположные эти силы, встречаясь в одной точке, не уничтожаются, а складываются. Но если встреча не происходит, то обеих сил словно и не было. Предположим, человеку нет удачи ни в чем, несчастья

преследуют его, и выпала ему, быть может, от рождения тяжелая доля. Не всякий сумеет победить судьбу. Но сильный человек умеет использовать самый незаметный шанс, который, конечно, есть в жизни каждого.

Так человек побеждает судьбу. Вернее, не судьбу, а трудности, которые посланы ему судьбой.

Говорят: нашел свое счастье, добыл счастье, достиг счастья и даже – украл чужое счастье. Язык требует действия: нашел, поймал, добыл, достиг, вырвал у судьбы свое счастье, всякий человек – кузнец своего счастья.

Чтобы наши дети нашли свое счастье, они должны стремиться к нему. Неукротимое, неудержимое, жгучее желание счастья… Если бы удалось пробудить его, оно стало бы главным воспитателем в нашем доме, оно само сделало бы все остальное. Когда родители желают счастья ребенку, верят в него – желают не сиюминутного успеха, а именно счастья, и притом большого и долгого, то они заражают ребенка этим стремлением. Бывает сомнительным стремление к славе, к первенству, к превосходству, к богатству, к успеху – все требует оговорок и пояснений. Но язык поднимает слово «счастье» так высоко, что желание счастья другому безоговорочно. Счастье – такое благословенное состояние, такая благодать, что оно всегда прекрасно.

Мы говорим: я почувствовал себя счастливым, я испытал счастье, безудержное счастье охватило меня. Счастье нахлынуло, накатило, волна счастья захлестнула, я почувствовал себя счастливейшим человеком, самым счастливым на земле.

Откуда уверенность, что счастливейшим? Может, кто и посчастливее есть на земле? Нет, такого нет: «счастливее меня быть невозможно», «я самая счастливая».

Счастье – состояние абсолютной полноты, когда счастливее быть нельзя. Говорят даже: он переполнен счастьем.

В этом-то и счастье от счастья: переполнен, ничего больше не нужно, нет других желаний, нет желаний вообще – кроме одного, чтобы счастье продлилось, чтобы время остановилось: счастливые часов не наблюдают. Человек в состоянии счастья чувствует себя совершившимся и совершенным, у него нет желаний.

Вот искусство воспитания: вырастить человека, стремящегося к большой жизни. Желание счастья не грызет, не мучит такого человека, а переполняет его. Он чувствует себя живым, бодрым.

Как это достигается? Не отказом детям в их желаниях и не потачками, а воспитанием духа.

Бывает, что родители очень заботятся о детях, стараются сыграть в их жизни роль счастливой судьбы. Устраивают их и в школу получше, и в институт, и всюду. У детей вроде бы все есть – кроме счастья. Счастливчики, но не счастливые. В чем же дело? Обычно сходятся на том, что не надо было помогать, пусть бы дети сами – нам-то никто не помогал в молодости.

Но как же так? Как не помочь детям, если есть возможность? Что же мы за люди были бы, если бы отказывали детям в помощи, исходя из каких-то абстрактных педагогических построений или мстя им, как муравей стрекозе: я потрудился – и ты поди-ка потрудись. Мы не нравоучительные муравьи и дети не стрекозы, у нас другие отношения, мы любим детей и готовы помогать им, конечно, не поступаясь совестью.

И не в том беда, что родители помогают детям, а в том, что они считают, будто этого достаточно. Нам все время кажется, будто мы слишком много даем детям, а на самом деле мы им постоянно недодаем чего-то очень важного. Обладая связями, родители обычно не обладают той внутренней тягой к счастью, которая увлекла бы и детей. Человек со связями сам-то скорей всего добивался успеха, а не счастья, и потому он не может научить счастью детей.

Счастье – не вещь, и не склад вещей, и не положение, и не денежное состояние, а состояние души, возникающее при достижении сильно желаемого.

Ничего не желающий человек никогда не узнает счастья. О женщине говорят: «Какая счастливая! У нее есть все!» – у нее есть все, что для другой, для других, а может быть, для всех других лишь предмет желания. Но сама-то счастливая и возбуждающая зависть не чувствует особого счастья: ее счастье, как и у всех, в том, к чему она стремится. Если же ей не к чему стремиться или нет возможности достичь желаемого, то она вовсе не счастлива, как ожидается другими, а несчастна – и, может быть, сильнее других. «Ну чего ей еще не хватает?» – говорят о ней (и мы иногда так о детях своих говорим!), а ей – и детям нашим – не хватает того же, что и всем: желаний и их исполнения. Нелепо даже и спрашивать, в чем же состоит счастье. Оно состоит в том, что нас понимают, и в том, что гвоздь в сапоге наконец-то удалось выдернуть, и в неожиданной встрече любимой, и в покупке пачки вкусных макарон, если очень хотелось их купить, и в победе над опасным противником или над самим собой, и в тысяче, тысяче других пустяковых или крайне важных для нас вещей.

При этом человек обычно чувствует себя счастливым не тогда, когда достигает предела мечтаний, а когда достается что-то сверх ожидаемого, сверх необходимого. Когда он может

сказать: «Я об этом даже и не мечтал». Счастье не от того, о чем мечтают, а от того, о чем и не мечтают. Счастье – награда и подарок, ожидающие нас на перекрестке стремлений и судьбы. Поэтому личное счастье и нераздельно. Можно сказать: «Я разделяю ваше горе», но «разделяю ваше счастье»? Можно сочувствовать, но даже и слова нет для обозначения со-счастия, хотя, конечно, люди радуются счастью другого: «Я рад за вас», «Я счастлив за вас», «Я счастлив видеть вас здоровым». Научить ребенка радоваться чужому счастью и не завидовать ему – половина всего воспитательного дела. Но главное – не завидовать! Строго говоря, незаслуженного счастья не бывает. Когда говорят: «За что ему такое счастье?» – то, скорее всего, есть в человеке что-то, за что ему такое счастье и чего мы пока еще увидеть в нем не можем.

Время от времени мы встречаем действительно счастливых людей. Счастливые – как гонцы судьбы, свидетели ее существования и благосклонности. Счастливые помогают нам надеяться, поддерживают наши силы, потому-то дети так любят счастливые концы в книгах и в кино, хеппи-энд. Счастливые – украшение жизни, от них идут волны счастья, им обычно даже и не завидуют – им радуются. Счастливому бывает и самому неловко: кругом беды, а у него счастье, и он говорит: «Мне стыдно, но я так счастлив». Говорят: «Ее глаза сияют счастьем» – и никто не спрашивает почему. А как любят счастливых влюбленных!

Для того чтобы воспитать счастливых детей, возбудить у них стремление к счастью, наш дом может быть и бедным, и богатым, и каким угодно, но необходимо, чтобы хоть кто-нибудь в окружении ребенка был счастлив, заражал его желанием счастья и поддерживал веру в его возможность.

Приходит мама, жалуется на десятилетнего сына, спрашивает, что ей делать. Но чем ей поможешь? Смотрю на нее и вижу, что она глубоко несчастна – скорее всего оттого, что всю жизнь посвятила воспитанию сына, от всего отказалась ради мальчика и теперь глубоко уязвлена его неблагодарностью. Пройдет еще три-четыре года, и в ответ на ее упрек: «Я все ради тебя отдала!» – он поразит ее сердце небрежно-холодным: «А кто тебя просил об этом?»

Маме кажется, что если она все отдает – то, значит, она все дает. В действительности же мальчик обделен, ему недодано главное: у него нет счастливой матери, в его окружении нет счастливого человека. В таких случаях мы обвиняем детей в нечуткости и жестокосердии, но мы не совсем правы. Дети бегут от несчастных, как от заразных больных. Вид несчастного

человека подрывает их еще слабую веру в возможность счастья, а им ведь жить, детям, им бороться, им надо верить в лучшее. Что они будут делать без этой веры? И, не понимая, отчего мать раздражает его, мальчик отходит от нее душой – от нее, любящей, все ему отдавшей! Вот трагедия…

И чем больше мама взывает к чуткости и просит пожалеть ее, тем труднее складываются их отношения, потому что просьбами о чуткости в детском сердце чуткости не вызовешь. Материнское несчастье убивает его. Иногда ребенок просто не может вынести тяжесть несчастья, и душа его замирает, он становится бесчувственным. Только очень правильно воспитанные, очень самостоятельные дети могут почувствовать себя рядом с несчастной матерью (хоть в пять, хоть в семь лет) защитниками – и проникнуться к ней жалостью: у них иммунитет против болезни несчастья, они его не боятся. Но мама, воспитавшая таких детей, как правило, и не бывает несчастной.

Отчего одни люди всегда счастливые, сияют, а другие всегда несчастны, и никак их не уговоришь, что нечего им горевать? Оптимисты и пессимисты? Счастливый характер и несчастный?

Я думаю, это целиком зависит от воспитания. Хронической, неизлечимой болезнью несчастья ребенок заболевает не от несчастных обстоятельств, а от людей, его окружающих. Несчастные люди не могут воспитывать счастливых, это невозможно. Не получается.

Свободе учат свободой, ответственности – ответственностью, добру и совести – добром и совестью, а счастью – счастьем.

23

Звоню домой.

– Ты когда придешь? – спрашивает Матвей.

– Часов в пять-шесть.

– Если в пять не придешь, то в шесть придешь? А если в шесть придешь, то в пять не придешь?

Этот проблеск юмора в шесть лет воодушевляет меня, я старательно смеюсь, поощряя его охоту острить.

Прихожу, звоню в дверь, слышу замирающее, с надеждой: «Кто там?» – и счастье, счастье, прыганье, как будто он собачонка. Мальчики в шесть-семь лет, утверждают психологи, ищут мужской образ, и потому они, как правило, больше любят отцов – а вовсе не потому, что отцы лучше мам, как думают с гордостью некоторые папы.

Матвей всегда бурно выражает свои чувства. Когда его

впервые отвели в ясли, ему было два года и он еще не знал слова «мое» – дома-то никто не говорит «мое». А в яслях воспитание идет быстро, там дети на каждом шагу: «Мое!», «Мое!». Я пришел за мальчиком, а он бросился ко мне, обхватил колени и кричит, победно оглядываясь:

– Мое папа!

Чье сердце не дрогнет? Один из великих перебирал минуты счастья в своей жизни и насчитал их всего четыре. Четыре минуты из восьмидесяти лет!

Не знаю, сколько их будет, когда и я решусь пересчитать минуты-крохи; но мгновения в дверях – «Папа пришел!» – они мои, я их не забуду.

24

Чем больше одинаковых по смыслу выражений в языке, тем, следовательно, значительнее в жизни явление, описываемое в этих выражениях. Прислушайтесь: забылся от счастья, потерялся от счастья, поглупел от счастья, совсем голову потерял от счастья, голова закружилась от счастья, с ума сошел от счастья, сумасшедшее счастье, и даже – умрешь от счастья, умру от счастья, чуть не умер от счастья. Но ощущение счастья кратковременно.

Если бы счастье было достижимо раз и навсегда, человечество давно бы вымерло. При малейшей удаче люди выпадали бы из строя действующих. Счастье косило бы людей, как пулемет наступающие цепи. Нет, природа манит нас, она дает нам почувствовать счастье, чтобы мы насладились им, испытали его и стремились к нему вновь и вновь.

Слово «счастье» почти всегда связано в языке с указанием на время: «счастливый миг», «минуты счастья», «мы провели счастливый месяц», «это было такое счастливое лето».

«Счастливое время прошло», «счастье промелькнуло», «короткое счастье», «недолгое счастье», «куда ушло мое счастье?», «счастье улетело, как золотой сон…».

А может ли оно быть долгим? Можно ли быть счастливым всегда?

Чаще всего отвечают не задумываясь – нет!

Но русский язык, как и другие языки, допускает такую возможность. А что есть в языке, то есть и в духовной жизни.

Мы говорим: «годы счастья», «счастливейшие годы моей жизни», и даже можно сказать: «Он прожил счастливую жизнь», «Мы прожили с ней долгую счастливую жизнь». Больше того,

говорят – «счастливый человек», и о себе можно вполне серьезно сказать: «Я счастливый человек».

А сказать: «Я красивый», «Я умный» – без насмешки нельзя, язык не позволяет.

Счастливая жизнь? Вся?

Вот оно, вот это и нужно нам для детей: не только счастье-мгновение, но и счастье-жизнь.

Именно этот смысл мы вкладываем в слова «был бы сын счастливый». Что же сделать, чтобы дети были счастливы?

Вопрос вопросов!

Ничто так не объединяет людей и не разделяет их, как представление о счастье жизни. Когда люди расходятся, они обычно говорят, что у них разные интересы. На самом деле у них разные представления о счастье, и именно поэтому им невозможно жить вместе.

25

Так соблазнительно найти хоть в чем-нибудь замену счастью! Мы постоянно занимаемся поисками подобного рода:

Привычка свыше нам дана –
Замена счастию она.

Евгений Онегин с жаром восклицает:

Я думал: вольность и покой
Замена счастью. Боже мой!
Как я ошибся, как наказан…

Замены нет. Счастье неподменно.

Однако позже Пушкин вновь размышляет о том же: «На свете счастья нет, но есть покой и воля». Слово «замена» исчезло; замены нет, но нет и счастья.

Так или иначе, но представление о счастливой жизни находится где-то возле слов «покой и воля», «вольность и покой».

Замечательно, что и в языке содержится точно тот же образ счастья, что и у Пушкина, и притом художественный.

Мы говорим: безоблачное счастье. Ничто не угрожает, не тревожит. Мир, покой – ни облачка на небе.

Мы говорим: безмятежное счастье. Ничто не смущает душу, чистая совесть, нет внутренних раздоров, мятежа.

Мир вокруг человека, мир в душе человека… Безоблачность и безмятежность. Напомню, что это не автор книги так думает, это вы так говорите, читатель, мы все так думаем, это в языке закреплено, тут спорить нечего. И в знаменитой строчке Блока «Покой нам только снится» снится все же покой, а не что-нибудь другое. Нравится нам это или не нравится, совпадает ли это с принятым мнением или нет, но общее представление о счастье – покой вокруг человека и покой в душе человека.

Но мир тревожен и беспокоен – как застраховаться от забот и тревог, «от злых забот и лени вялой»?

И еще вопрос: безоблачность и безмятежность – необходимые условия счастья, но, как мы видели, не само счастье. В чем же оно? Где?

Вот пушкинские строчки в более полном виде:

> Чужой для всех, ничем не связан,
> Я думал: вольность и покой
> Замена счастью. Боже мой!
> Как я ошибся, как наказан…

Очевидно, счастье в чем-то противоположном тому, что думал Онегин, ошибаясь. Счастье – среди людей. В любимом человеке. Другого нет, в других местах оно не водится. «Чужой для всех, ничем не связан» не может быть счастливым. Но есть лишь один способ прожить среди людей без страха, без мятежа в душе, о нем говорится в «Борисе Годунове»:

> Ах! чувствую: ничто не может нас
> Среди мирских печалей успокоить:
> Ничто, ничто… едина разве совесть.

Жизнь по совести – приближение к правде, а у правды есть свойство волновать, возвышать, доставлять счастье. Вспомните, ведь и любовь доставляет нам счастье лишь тогда, когда она совершенно искренняя. Малейшее сомнение – и мы чувствуем себя скорее несчастными, чем счастливыми.

Счастье – ощущение высшего, но и у правды то же свойство. Мы говорим: неподдельная радость, неподдельное счастье, неподдельная правда. Обман мучит нас, чужой или свой; правда дает покой душе.

Когда человек исполняет свой долг перед правдой, он и чувствует себя счастливым. Оттого природа и награждает нас счастьем за исполнение долга – она премирует за старание, за то,

что не жалели себя, действовали на пределе возможного.

Счастье на перекрестке стремлений и судьбы; но где эта точка, если говорить о целой жизни? Там, где встречаются правда и долг.

Когда человек исполняет свой долг перед правдой, он чувствует себя свободным, его ничего не страшит. Он следует старому девизу честных людей: «Делай что должно, и пусть будет, что будет». Не жди награды, приготовься к наказанию, но делай что должно. Не хитри с жизнью! И в языке есть: «Я счастлив, что исполнил свой долг». Достоевский внес в записную книжку, что там, где нет сознания правды и долга, там нет и представления о счастье.

Так неожиданно соединяются эти слова: долг, правда, счастье. Суровый поворот дела! Нет счастья в исполнении долга перед неправдой, нет счастья в сознании правды, но без исполнения долга перед нею.

Исполнение долга перед правдой жизни – в этом и есть смысл жизни. Для этого мы призваны в жизнь:

Ты понял жизни цель: счастливый человек,
Для жизни ты живешь.

Человек – для человека, жизнь – для жизни. В конечном счете все сводится к тому, чтобы найти свою цель жизни и честно служить ей, исполняя свой долг.

Молодая учительница сказала мне:

– Я счастливый человек: я делаю свое дело.

Почти все проблемы снимаются у человека, нашедшего дело своей жизни – свое дело.

К беде нашей, долг и правда могут расходиться. Тогда человек не чувствует себя хозяином своего дела: или оно пустое, ненужное, или делается не лучшим образом. Когда кругом царит распущенность, неразбериха, обман – в деле нет правды. Человек не может быть счастливым.

Делай что должно, и пусть будет, что будет.

26

Но будем поосторожнее с этим словом – «долг». Как бы нам не спугнуть синюю птицу счастья!

Мы хотим вырастить человека долга? Значит, нам нельзя пользоваться словами «долг», «должен» для попрека и принуждения. Нельзя говорить ребенку: «Ты должен, ты обязан,

это твой долг, мало ли, что тебе не хочется, в жизни многое не хочется, а надо делать, мне, может быть, тоже не хочется на работу ходить». Многие люди думают, что долг – это то, чего не хочется делать.

Да нет же, нет! Как огня следует бояться такого взгляда. Это самое страшное, что только может произойти с нашими детьми – если в их сознании долг разойдется с радостью, если им будет казаться, что работа, долг – это одно, а радость жизни – это другое. Вырастут люди раздвоенные, несчастные и, главное, неспособные понять, отчего же они несчастны. Многие несчастья в жизни оттого, что человек дурно воспитан и считает долг обузой. Он обычно оправдывается тем, что не нашел свое место – вот нашел бы, и был бы счастлив; а делать с удовольствием всякую работу он не научен.

Но если мы не станем применять слово «долг» по пустякам («Убери постель! Это твой долг!»), если мы будем помогать детям выполнить свой долг так, чтобы он никогда не был им обузой, то постепенно чувство долга само вызреет в душах детей. В хорошей семье каждый радостно несет свои обязанности, постепенно завлекая детей радостью всякой работы.

Соединим в сознании ребенка долг и радость – и больше ничего для воспитания не нужно.

«Как же так, – спросят, – вы же говорили, что надо желать счастья ребенку, а больше ничего не нужно!»

Да ведь это все одно и то же. Тысячи слов в книжке, но все они про одно и то же, таинственное и невыразимое – его нельзя объяснить и передать иначе как растратив великое множество обыкновенных и высоких слов.

27

Что же, однако, сказала о счастье женщина в автобусе? Позже выяснилось, что она научный сотрудник, специалист в области химии белков. После долгого обдумывания предложенного ей вопроса она сказала:

– Я не могу дать определения счастья. Вот ученый! Ученый не тот, кто все знает, а тот, кто точно знает, чего он не знает. Но, – добавила моя спутница, – может быть, так? У человека есть духовные стремления: когда они удовлетворяются, он чувствует себя счастливым. Похоже на правду?

Вот ученый…

А еще важнее, что моя соседка наверняка знала счастье – я потом видел ее сына, он поджидал маму. Это счастливый

мальчик.

Вглядываясь в незнакомых детей, я не думаю о них «хороший», «плохой», а прежде всего стараюсь понять: счастливый? несчастный? несчастненький? Как бы там ни было, пусть выпадет нашим детям лучшая доля, пусть никогда не угаснет в них стремление к счастью, пусть они чувствуют себя счастливыми, живя в сознании правды и долга перед нею.

По известным словам Толстого, все счастливые семьи счастливы одинаково. Почему? Да потому, что люди до ужаса изобретательны на неправду. А правда – одна, а долг у людей один: любовью своей и совестью поддерживать правду на земле.

28

Детство: тайные домики-секретики под стеклышками у девочек, склады нужных вещиц в кармане у мальчиков, все эти прятки, жмурки, беспричинные радости, беганье, все эти невероятные события, о которых рассказывают, захлебываясь и широко открыв глаза, все эти небрежности и бестактности – схватил кусок хлеба и убежал, все эти ушибы, порезы, синяки, не износившиеся, а буквально сгоревшие ботинки, все это хвастовство, залихватство – а рядом пугливость, страхи, преувеличения, пренебрежение домом и уроками, все эти школьные неприятности, из которых пытаются выйти такими фантастическими способами, что неприятности разрастаются до чудовищных размеров, все эти обиды по пустякам, эти почти ежедневные «все, я пропал, я погиб», и эта любовь к отцу и матери, так не похожая на любовь…

Детство: дни рождения, Новый год, подарки, неожиданные радости… Такая красивая мама; такой добрый, сильный и умный папа…

И это детство: враги в соседнем классе, ненавистные люди во дворе. Договорились драться, ты приходишь один, а мальчишки наскакивают вчетвером.

А еще и такое в детстве есть: маленькие дети собрались у двери в подвал, а двое, мальчик и девочка, отправились за эту дверь на глазах у всех, и дети стоят хихикают, переглядываются, и каждый что-то знает, но что?

Некоторые мамы говорят: «Я все про своего знаю, он мне обо всем рассказывает…» Хорошо, конечно, но всего не рассказывают даже маме. Детство в чистой рубашечке не проведешь. Сор, мусор, грязь, стыдное-постыдное – через все проходят дети…

Третьеклассник пришел из школы, лег на диван, вытянулся и

лежит не шелохнувшись. Прохожу мимо, слегка обеспокоенный. Скосил глаза на него – лежит! Полчаса проходит, опять мимо прохожу – все ли в порядке? Лежит молчит… Лишь через несколько дней осторожными расспросами узнал, что, оказывается, вот что с ним было: он в плен попал, его связали, и он лежал, в подвале, связанный по рукам и ногам… Детство!

Стараясь не помешать, не сказать лишнего слова и даже не встретиться глазами, на цыпочках прохожу мимо играющего мальчика, чтобы не спугнуть игру, не спугнуть птицу детства. Никогда не говорю: «Хватит тебе играть, ты уже не маленький!» Конечно, он не маленький, дети для себя никогда не бывают маленькими, дети всегда, со второго дня жизни, «уже большие», но коль скоро играет – то и хорошо, значит, это ему нужно, значит, детство еще не ушло из него, и великая глупость изгонять детство из ребенка и ребенка из детства.

Давным-давно было открыто, что детство – не подготовка к будущей жизни, оно и есть сама жизнь человека. Жан-Жак Руссо, впервые понявший это, высказал свою мысль в довольно страшной форме. Он писал, что нельзя знать, сколько проживет его воспитанник Эмиль. Может быть, и всей его жизни будет лишь лет восемнадцать? И что же, говорил педагог, я лишу его счастья детства ради той жизни, которой у него не будет?

Наш долг перед детьми – дать им детство, сохранить его.

Счастью учатся в детстве. Стремлением к счастью на всю жизнь заражаются и заряжаются в детстве.

29

Были бы они счастливы, наши дети, и были бы они здоровы. Ничего не надо, были бы они здоровы сегодня и всегда!

Но многие из нас даже и не представляют себе, насколько физическое здоровье ребенка связано с его духовным состоянием, с его счастьем.

…Утром собирались в школу. Мама подала шерстяной шарф, а сын-пятиклассник не захотел надевать его: никто с шарфами не ходит, что же он, будет один? Мама подняла крик, она вспомнила все болезни мальчика, сказала, что не пустит в школу, что он неблагодарный, что он хочет уморить ее, – ну, словом, сказала все, что говорят в таких случаях мамы. Мальчик выбежал из дому, хлопнув дверью. Так они воюют по каждому поводу. Каждый день начинается стрессом и им заканчивается.

Мама права. У мальчика слабое горло. Мама боится простуды. Мы все боимся детских простуд и заразных детских

болезней и думаем, что важнее всего для здоровья ребенка – чистота и закаливание, и кажется, будто этого достаточно. Наверно, три четверти всей педагогически-медицинской литературы – о простудах и о том, что не надо кутать детей.

Между тем новая, куда более страшная беда, чем простуда, на пороге нашего дома. Болезни сердца и сосудов приобрели характер эпидемии – врачи не могут справиться с нею.

Истоки сердечных болезней еще недавно обнаруживали у пятнадцати-шестнадцатилетних подростков, а теперь уже говорят, что их надо искать у пяти-шестилетних детей.

«Стрессовые недуги» – этим общим названием определяют сейчас специалисты целый круг различных заболеваний, в основе которых лежит одна и та же причина: отрицательные эмоции. По мнению ученых, риск возникновения таких недугов, как инфаркт, гипертония, диабет, язвенная болезнь, даже рак и кариес зубов, в значительной мере определяется реакцией человеческого организма на стрессовые ситуации.

– Ты меня до инфаркта доведешь! – кричит мама сыну, не подозревая, что своим криком и она может довести сына до инфаркта или хотя бы до зубной боли.

«Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало». Я прежде так понимал это: чем угодно занять ребенка, лишь бы он не плакал, не мешал, детский плач сильно досаждает. Но старая женщина объяснила, что у пословицы совсем другой смысл: дети вообще не должны плакать!

Что угодно, лишь бы дитя не плакало; ребенку вредно плакать, и этот вред для здоровья опаснее того педагогического вреда, которого мы обычно боимся, говоря: пусть поплачет, ничего с ним не случится, не умрет.

Лучше, конечно, закалять ребенка; но можно и не закалять. Лучше не кутать; но можно и кутать. Но плакать детям нельзя.

Были бы наши дети здоровы! И телом, и нервами, и духом. В здоровом теле здоровый дух? Но ведь у крепкого духом человека и здоровье крепче, он легче справляется с болезнями. Конечно, когда пятилетний капризничает, канючит, добивается своего слезами – то стоит потерпеть, к тому же мама всегда знает, плачет ли мальчик от обиды или ревет, подсматривая одним глазом, какой эффект он производит и скоро ли мама сдастся. Но будем и уступчивы, придем на помощь, вытрем слезы – пусть лучше дети не плачут. Куда проще совет: не обижайте маленьких. Это опасно для их здоровья.

Сегодня в доме невероятное событие: бабушка получила наследство! Не кто-нибудь, а именно старенькая наша бабушка, и на это наследство она купила и подарила нам… телевизор.

Со старым телевизором Матвей управился в неделю: аппарат навеки умолк. Тогда купили совсем маленький, автомобильный переносной телевизор – считалось, что его можно будет прятать от Матвея. Но как спрячешь? И вскоре мальчик отвернул все его ручки. Что делать? Такая душа у мальчика – он всем помогает. Помогая маме мыть посуду, он разбил десятка четыре чашек и блюдец… А как-то мне подарили авторучку с золотым пером, настоящий «Паркер», я так радовался! Но недолго. На одну минуту потерял я бдительность, вышел из комнаты, оставив ручку на бумагах, вхожу – Матвей опрометью бросается от стола, а мой «Паркер» звенит, воткнутый золотым своим пером в пол, как стрела, выпущенная из лука индейца.

А что делать с мальчиком? Ничего не сделаешь. Он не виноват. Ему интересно. Примись наказывать его, он будет плакать с утра до вечера. Конечно, суровыми мерами можно отучить его трогать вещи, но не погасим ли мы его любознательность, которую потом никак не разовьешь? Не превратится ли для него дом в музей с табличками «Руками не трогать!»? И что узнаешь о вещах, не потрогав их? Однако и мы люди, и нам жить надо.

Однажды я шел с ним в гости в чужой дом, и сердце мое ныло. В чужом доме и телевизор чужой… Всю дорогу я вел подготовительную беседу. Объяснять ему, что чужое нельзя трогать, – бесполезно. Он уверен, что если повернет ручку, то ничего не случится – взрослые-то вертят, и ничего. Ну и он немножечко повернет! Чуть-чуть! Отложив на время педагогические принципы, я решил припугнуть его. Милиционером пугать бесполезно – не потому, что это нехорошо и подрывает любовь к милиции, а потому, что у него есть знакомый милиционер Валера, и чуть что, он и сам может припугнуть милицией: «Я Валере скажу, он застрелит тебя! У него пистолет есть!» Но нечаянно было открыто, что почему-то Матвей побаивается слов «директор» и «дежурный». Наверно, в детском саду это опасные люди. И я плету несуразицу: дескать, в доме, куда мы идем, на верхнем этаже работает директор, и время от времени его дежурные ходят и проверяют телевизоры, и особенно смотрят, не прикасаются ли к ним маленькие мальчики…

– А если прикасаются, тогда что? – с интересом спросил Матвей.

– Тогда их ведут к директору.

Матвей задумался. На лице его появилось сомнение: стоит ли

идти в гости и подвергаться такому риску? Но все-таки мы пошли. Перед дверью озабоченный предстоящим испытанием Матвей совершенно серьезно спросил:

– А смотреть на этот телевизор можно?

Честный мальчик!

Что, впрочем, не помешало ему вскоре очутиться у опасной задней стенки телевизора.

Общий крик:

– Матвей!

– Ну я только хотел посмотреть, куда идет этот проводок.

…И вот серьезнейшая педагогическая проблема: подаренный бабушкой в счет полученного ею наследства дорогой телевизор – что с ним сделает Матвей? Нельзя, чтобы такая радость превращалась в горе. И для мальчика тоже. Что ж, теперь только и будут что кричать на него: «Не трогай! Кому сказали? Нельзя!»?

А он будет обижаться и плакать. А нельзя, чтобы дети плакали.

И вот мама начала великую операцию. Она нашла фотографию Матвея и наклеила ее в угол заявления-обязательства. Долго, с заинтересованным участием мальчика, изготавливался этот документ – обязательство на имя директора универмага тов. Генералова: все взрослые в семье ручались за Матвея, что он не будет без спроса подходить к телевизору.

Слово «обязательство» очень волновало и тревожило Матвея. Он беспокоился, согласится ли подписаться папа, и несколько раз, словно невзначай, спрашивал меня: «Ты подписался?» Я подписался. И дочка подписалась, и ее муж, и старший сын тоже, и его жена – все ручаются за Матвея! Он ведь большой, ему скоро в школу!

Обязательство отнесут к директору, и он даст разрешение включить телевизор, но время от времени будут приходить дежурные проверять, не трогает ли Матвей телевизор. И если бабушка хоть раз скажет, что да, Матвей трогает телевизор, его, телевизор, тут же и увезут, тут же!

…Неизвестно, насколько хватит этой педагогики. Но делать нечего. Нельзя ломать телевизоры, тем более подаренные старой бабушкой в счет полученного ею наследства, но и нельзя, чтобы дети плакали.

Ничего, старшие дети и не то творили, а выросли люди и настойчивые, и покладистые, пока что одна только радость от них.

Но с ними было проще. Их было двое, они погодки, им можно было весело сказать: «А ну марш отсюда!» – и они дружно убирались без всяких обид и занимались своими играми. Они

замыкались друг на дружке и не требовали особого внимания. Растить двух детей в четыре раза легче, чем одного, и если в какой-нибудь семье думают о втором ребенке, то исходить надо не из материальных возможностей, размеров комнаты или квартиры и прочего, а из сил своих и способностей: если есть геркулесовы силы для воспитания одного мальчика – то можно и одного вырастить, но это изнурительный труд. У гайдаровской мамы были баловники Чук и Гек, она с ними замучилась. Но представьте себе, что у нее один Чук или один Гек – она бы с ума сошла.

У старших детей телевизионная проблема была обыкновенной: не оторвешь. Сидят и смотрят все подряд. Старшие не ломали телевизор, и ломать его приходилось мне.

Примерно в феврале каждого года я тайно что-нибудь вывинчивал из аппарата: увы, сломался! И некогда вызвать мастера, и нет денег на починку, и возникали всякие трудности, пока дети не привыкали жить без телевизора и не приходили в себя: они опять начинали читать книжки, гулять во дворе, у них снова появлялись друзья, и отметки становились получше… Месяца через два-три, после глубокого отдыха семьи, телевизор приводили в порядок (если я помнил, куда спрятал деталь и куда ее надо поставить), и наступало счастье – телевизор работает!

Недавно одна старая писательница пожаловалась мне, что ее внук все время сидит у экрана, – что делать?

– А вы сломайте телевизор, – посоветовал я простодушно.

– Хм! – сказала писательница. – Сломайте! Да внук в десять минут его починит!

Наверно, этому мальчику разрешали смотреть, куда идет проводок. Чем бы дети ни тешились, лишь бы не плакали – противоинфарктное воспитание.

31

Думая о будущем ребенка, собирая в уме идеальный образ Человека, зададим себе и такой вопрос: мы хотели бы, конечно, чтобы наших выросших детей любили; но каких людей любят люди?

Оказывается, есть одно качество, одно-единственное, без вариантов, которое раз в десять важнее всех других, вместе взятых. Если его нет, этого Главного свойства, то все другие качества, даже и прекрасные, превращаются в дурные; а если это Главное свойство есть, то и дурные качества становятся отчасти простительными.

Это поразительное Главное свойство можно обнаружить, вслушиваясь в детские дразнилки – моральный кодекс детей.

Чтобы узнать, за что люди любят людей, выйдем во двор и прислушаемся, за что дети дразнят детей.

Домашняя мораль для маленьких: послушный – непослушный, хорошо кушает – плохо кушает, убрал за собой игрушки – не убрал за собой игрушки.

Дворовая мораль гораздо шире и жестче.

Дома ребенку – лучший кусок, а во дворе – делись со всеми. «Жадина-говядина, кусок колбасы!» или «Жадина-говядина, турецкий барабан, кто на нем играет, тот – таракан».

Первая детская заповедь – не жадничай! Отдай! Поделись! Несправедливо, чтобы у одного был кусок хлеба, а у другого не было. С этим выходит ребенок в мир – с требованием справедливого. У тебя есть игрушка? Дай поиграть. Велосипед? Дай покататься. Красивый ремень? Дай поносить. Не наше домашнее: «Дай маме кусочек, разве ты маму не любишь?» – не выпрашивание любви, а требование всеобщей справедливости – делись, не будь жадиной-говядиной, турецким барабаном.

Но не это главное, оно впереди. Прислушаемся к другим дразнилкам.

Дома радуются, что ребенок хорошо ест и быстро поправляется, а здесь учитывается, что лишний вес опасен. Толстых не любят, толстый – значит, жадный, обжора, ленив, неповоротлив, одним словом: «Толстый, жирный, поезд пассажирный!»

Дома, когда заплакал, утешают – дети не должны плакать, а здесь естественное противоинфарктное воспитание работает испокон веку: не плачь по пустякам, будь крепким, умей вытерпеть боль и обиду, иначе: «Плакса, вакса, гуталин, на носу горячий блин!»

Дома кутают, боятся простуд, а здесь, чуть появишься одетым теплее, чем все, сейчас же и задразнят: «Зима-лето-попугай!» Никогда дети не дразнят тех, кто одет слишком легко, только тех, кто кутается.

Дома всё прощают, а здесь требуют порядочности в делах и, главное, в играх. Выбрали водить – води, а нечестен – неотвожа!

Дома говорят: «Дружи с Наташей, она такая хорошая», а во дворе за эту дружбу еще и «тили-тили тесто» схватишь, потому что мальчик будь до поры с мальчишками, а девочка – с девочками, каждый учись соответствующему поведению. Закладывается в детскую душу, что в отношениях мальчика и девочки есть и что-то стыдное, что это не простые отношения. Лев Николаевич Толстой, составляя заповеди для детей, выразил одну

из них в такой замечательно краткой форме: «Не делайте стыдное между мальчиками и девочками». Но должен быть и стыд – для того и дразнят.

Как видим, детские дразнилки не так уж просты, они отвечают всем педагогическим требованиям. Все они нацелены на будущее и так благородны, что, например, за трусость самых маленьких не дразнят – быть трусишкой еще позволяется. А злым быть нельзя: «Злючка-колючка». До той поры, когда дети подрастут, выйдут из-под надзора и начнут драться по-настоящему, между ними происходят словесные драки, в ход идут дразнилки, прозвища и ругательства. Если обидишь кого-нибудь, или враг появится у тебя, или слаб, не можешь ответить, то будут дразнить за то, что длинный, лопоухий, белобрысый, рыжий, косой, заика – все человеческие недостатки отражены в детских дразнилках точно так же, как и в брани взрослых. Не за что дразнить, так привяжутся к имени: «Коля, Коля, Николай, сиди дома, не гуляй!» На каждое имя своя дразнилка, а то и две – помягче и позлее. Нет готовой дразнилки – придумают с ходу.

С возрастом же, когда начальная школа морали пройдена, дворовый кодекс ужесточается, расширяется, и наказанием теперь служат не безобидные веселые кричалки, а клички, презрительные словечки, брань: «маменькин сынок», «ябеда», «бессовестная», «слабак», «тихоня», «трус», «баба», «ворюга». Кодекс приближается к взрослому. Трехлетний взял Вовино ведерко, семилетний – украл Вовин пистолет.

И тут-то и выходит на первый план Главное требование к человеку, маленькому или взрослому.

32

О том, что это требование главное, непременное, можно судить по огромному количеству и разнообразию устойчивых языковых сочетаний и оборотов на одну и ту же тему – их во много раз больше, чем всех дразнилок и прозвищ, вместе взятых. Эта тема – абсолютный чемпион среди других, что, конечно, не может быть случайным.

Сперва, при переходе из начальной школы морали в среднюю, это еще дразнилка: «воображала!», а потом идет подряд: «задавака», «выскочка», «заносится», «строит из себя», «корчит из себя невесть кого», «выставляется», «а ты кто такой?», «нашелся тут!», «видали мы таких», «подумаешь, тоже мне!» – и так до бесконечности, до относительно недавнего «не возникай», причем все новые и новые словечки и выражения подобного рода

появляются каждый день.

Не ставь из себя, не старайся казаться лучше, чем ты есть.

Будь самим собой.

В этом мире от основания его и до наших дней уважают лишь тех, кто естествен, кто выглядит таким, каков он есть на самом деле.

Так за детскими прозвищами встает все та же проблема правды, истинности, искренности. Сколько мир стоял, люди всегда презирали тех, кто пытается из себя что-то доказать, на что-то претендует, несет в себе неправду. Будь правдив, неси правду в себе, будь правдой!

33

Будь правдой? Снова и снова надвигается на нас огромное это слово – «правда», ключевое понятие воспитания и вообще всей духовной жизни.

«Василий Теркин» открывается зачином: нельзя на войне без воды, без пищи, нельзя солдату без прибаутки:

А всего иного пуще
Не прожить наверняка –
Без чего?

Без чего же? Что дороже всего?

Без чего? Без правды сущей,
Правды, прямо в душу бьющей,
Да была б она погуще,
Как бы ни была горька.

Что же все-таки это за правда, без которой ни солдат на войне не может, ни мальчишка во дворе? Извечный человеческий вопрос. Правда – соответствие действительности? Но за соответствие действительности не пойдешь на смерть, а за правду люди не раз шли в огонь и под огонь. Мы говорим: «жить по правде», «стремиться к правде». Какой смысл в этих словах? К чему же все-таки стремиться?

Мы сейчас во дворе, слушаем детские дразнилки. Вокруг маленькие на трехколесных велосипедах, они нашли где-то металлические никелированные прутики – что с ними сделаешь? С ходу придумали: прицепили прутики к рулям, и трехколесные

велосипеды превратились в милицейские машины с антеннами. Носятся по двору, ревут сиренами, а один мальчишка, покрупнее, кричит: «Я буду старший, а вы – мои подчиненные!»

Все как у взрослых. Да ведь и у взрослых все как у детей… Примем это детское дворовое общество за упрощенную, наглядную модель человеческого сообщества. Говорится: устами младенцев глаголет истина. Что у взрослых на уме, то у детей на языке. Может быть, эти младенцы скажут нам истину об истине и правду о правде? Я давно обнаружил, что, наблюдая за детьми, можно многое понять из жизни взрослых.

Прежде всего заметим, что дети, в противоположность взрослым, оценивают не поступки, а личности. Кто ты? Что ты? Взрослые, если не бранятся, стараются личность не задевать, а дети судят друг друга на каждом шагу. Не говорят «не отводился», а сразу: неотвожа. Не «пожадничал» – а жадина. Не «плачешь» – а плакса. Вопроса «какой?» нет, есть вопрос «кто?»: неотвожа, плакса, жадина, маменькин сынок или, может быть, «парень что надо» – выражение, до смешного совпадающее с изысканным французским «комильфо» (что надо). В центре внимания дворового общества – личность, ее достоинство. Унижение достоинства – почти единственный повод для драки: «Я тебе дам за жадину!» Редкая драка состоится без того, чтобы маленькие противники прежде не унизили друг друга прозвищами, дразнилками или бранью. Ничего дороже достоинства для мальчишки во дворе нет, и кто потерял его, тот пропал, будет ходить в униженных и отверженных.

Но каково подлинное достоинство каждого из этих маленьких велосипедистов с блестящими прутиками-антеннами у рулей?

Увлеченные игрой, они не замечают меня, я их не интересую – незнакомый дядя. Я стою над ними, как великан, как Гулливер. Я все вижу, но не вмешиваюсь, я склонен прощать им хитрости. Я люблю их всех, они все одинаково дороги мне, все равны. Я отношусь к ним гораздо лучше, чем они относятся друг к другу, и при необходимости каждый может обратиться ко мне за помощью и защитой. Со своей высоты и со своим опытом жизни я вижу истинную цену каждому, невидимую им, неизвестную им. Я вижу, что действительная цена каждого мальчишки сильно расходится с той, которая назначена ему во дворе, – то выше, то ниже. Скорее всего, и я ошибаюсь. Но вот что важно: а есть ли на самом деле подлинная цена каждому – не та, что дети назначили, и не та, что я даю, а действительная, подлинная, настоящая?

Конечно, есть. В ней-то правда о мальчишке.

Но ведь и в обществе взрослых все то же самое. У нас тоже

есть соблазн представить себе кого-то взрослее взрослого, возвышающегося над всеми, как над мальчишками во дворе, и потому всеведущего и всепрощающего кого-то, кто знает всю правду о каждом и когда-нибудь скажет ее: кто есть кто, о достоинстве каждого человека. Ничего более значительного, чем достоинство, для взрослых, как и для детей во дворе, нет. У взрослых с достоинством связано все. Важно, что есть для каждого и для всех вместе высшая цена.

Эта цена – правда. Всем необходимо, чтобы их ценили по высшему достоинству, по правде.

Подлинная цена человека – это правда о нем.

Отчего в русском языке два схожих слова: «истина» и «правда»? Зачем-то это нужно. Попытаемся развести значения этих слов.

Пользуясь принятым методом – искать смысл важнейших понятий в глубине нашего сознания, то есть в языке, – отметим такую странность: можно сказать «моя правда», «ваша правда», «правда о войне 1812 года», «правда о Суэцком канале», из чего следует, что должно бы существовать и множественное число от слова «правда»; однако его нет. Множественное от «правда» практически не употребляется. На всех и на все случаи жизни правда одна.

Между тем слово «истина» имеет множественное число: простые истины, трудные истины, истины, открытые в детстве. Истин – тьма: «Тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман». Истин – тьма, правда – одна.

Почему?

Да потому, что предмет истины – факты природы и истории, а их бесконечное множество. Предмет правды один: человек.

Истина – о природе. Правда – о человеке. И не просто о человеке (тогда и «правд» было бы много – сколько людей, столько и «правд»). А о его достоинстве, едином на всех.

Так и будем считать. Отнесем слово «истина» к любому устройству, к любой истории, а слово «правда» – к достоинству человека.

Когда мы узнаем нечто об устройстве мира, природы, общества, о том, что происходило, или происходит, или даже будет происходить, мы постигаем истину. А когда мы узнаем что-то о ценности человека, мы постигаем правду. Сведения об анатомии, физиологии, психологии человека, о социологии человеческого общества добывают соответствующие науки – это истины. Правду о человеке может сказать лишь мудрец, философ. Правда хранится в народе, между людьми, им известна, их волнует и манит. Возвышающий нас обман дороже тьмы низких

истин потому, что он вовсе не обман, а правда – возвышение человеческого достоинства. Он – обман лишь по отношению к истине, а по отношению к правде он – правда.

Чем больше возвышен в нашем сознании человек, тем ближе мы к правде, потому что правда – это идеальный человек, идеально высокое человеческое достоинство, его идеально высокая цена. Речь идет не о качествах человека (смелый, честный, добрый), а именно о достоинстве, его охране и его нарушениях. Когда мы спрашиваем: «Какая завтра погода?» – мы хотим знать истину о погоде, больше ничего. Но стоит спросить: «Скажите мне правду, какая завтра погода?» – и сейчас же появляется предположение, что по каким-то причинам, жалея меня или желая нанести вред, могут сказать неправду, обмануть. О Суэцком канале можно сообщить большое количество истин: когда он открыт, какова его длина, ширина и так далее. Но в книге «Правда о Суэцком канале» наверняка опровергается какая-то неправда. Где правда – там предполагается и возможная неправда, ложь, обман. Машину о правде спрашивать смешно, она может ошибаться, но обманывать не может, обман – сознательное унижение человека, его достоинства, и любой спор о правде или неправде, даже по самому мелкому случаю, – это в конечном счете спор о человеческом достоинстве.

Всякий суд начинается с установления истины: что произошло? Кто, где, когда, каким образом? От свидетелей требуют говорить правду, и только правду, потому что они люди и, следовательно, в зависимости от их представления о достоинстве человека они могут говорить и ложь. Но после того как беспристрастным исследованием истина была найдена (и не произошло судебной ошибки), суд и сам вступает в область права и правды: как оценить людей, ответственных за происшедшее?

Не раз бывало, что суд, установив истину, приговаривал подсудимого к смерти, а суд истории, пользуясь той же истиной, объявлял бывшего подсудимого героем всех времен и народов, как это случилось, например, с Сократом. В таких случаях говорят, что правда восторжествовала.

Давно, в пятом веке до нашей эры, когда философия впервые занялась человеком (до того она была натурфилософией, ее интересовали истины, устройство мира), софист Протагор написал знаменитые слова: «Человек – мера всех вещей». А что же правда? Правда – мера человека. Правда и появилась лишь с появлением человека, она моложе истины, поэтому можно сказать «истинная правда», но нельзя сказать «правдивая истина». Истина скрыта в природе, правду человек несет в себе. Он не только знает или не знает правду, он и сам есть правда или неправда.

Правда – мера человека. Чем дальше цена, назначаемая обществом человеку, от действительной, подлинной его цены, тем острее у человека чувство неправды, тем более склонен он негодовать.

Есть ли правда или ее нет, по достоинству ли относятся к человеку – тревожный вопрос всех правдолюбцев и правдоискателей. Извечная борьба за правду – борьба за то, чтобы ко всякому человеку относились по-человечески и полной мерой отпускали ему уважение и блага. Ведь и само слово «уважение» – от «важность», «вага» – вес. Правда – в уважении к человеку.

Есть ли абсолютная истина? Есть, их много, в каждом случае своя, и человечество с развитием науки постепенно приближается к ним во всех областях знания.

Есть ли идеальная правда? Есть сокровенная правда, чистая правда, иной раз горькая правда, и всегда – святая правда. Словом «святой» обозначают высшее (святая к Родине любовь, святыни народа, святое чувство, святая память о погибших за Родину, святая правда…). Правда одна. В отличие от истины она не может быть даже старой или новой: говорят «я узнал правду», а сказать «я узнал новую правду» – трудно, между тем новые истины открываются чуть ли не каждый день.

Мы так высоко ставим великих людей прошлого, великих героев, великие деяния, храним память о них – потому что в них содержится правда. Петр I особым указом повелел, чтобы в училищах во время трапезы читали вслух биографии великих людей по Плутарху. Мы читаем и рассказываем детям о великих не только для подражания и примера, но и для того, чтобы в сознание ребенка проникало представление об истинной ценности человека, высокое представление о правде.

Правда – в человечности, гуманизме, высочайшем уважении к достоинству человека. Другой правды нет. Педагогика не может быть гуманной или негуманной, негуманная педагогика – это что? Педагогика, построенная на лжи? Нет, мы воспитываем детей правдой. Когда мы относимся к ребенку лживо, то есть не уважая его достоинство, он сопротивляется нам. Когда мы относимся лживо, то есть без уважения, к самим себе, ребенок перестает уважать нас, и воспитание практически прекращается. Воспитание идет только до тех пор, пока между воспитателем и воспитанником – правда во всем, и устанавливает эти отношения правды и справедливости взрослый.

Стремиться к правде – всей душой ценить и уважать каждого человека и самого себя как человека, стремиться к тому, чтобы

такое уважение было общей нормой, чтобы правда всюду торжествовала, чтобы нигде и ни в чем человек не был унижен, обижен, оскорблен, не оценен, оставлен в небрежении, без помощи, в темноте, чтобы никому не было отказано в свободном развитии всех его сил.

Иногда говорят: «Как верить в человека? Как это – правда в человеке? Посмотрите на людей – как они дурно живут, они обманывают друг друга, они ленивы, жадны, жестоки! В кого верить? В них? В этих?»

Но все мы бываем в разных состояниях. И никто из нас не любит вспоминать о себе жестокосердном, несправедливом, резком. А если и вспоминает, то всегда находит этому объяснение. И не потому, что мы оправдываем себя, а потому, что внутри себя мы знаем, что на самом деле мы другие, мы лучше, и это-то и есть правда о нас.

Но почему-то, когда мы сталкиваемся с проявлением дурных свойств в людях, мы судим их иной мерой, отказывая им в правде лучшего.

Будем защищать это лучшее в человеке, будем стремиться к правде в нем, то есть будем утверждать его достоинство на земле.

Правда – в славе человечьей!

35

Но вернемся из высоких сфер в обыкновенный наш двор, где среди других мальчиков и девочек бегает по лужам и наш или наша.

Многие родители требуют от детей, чтобы те говорили правду, и на том успокаиваются. Или требуют, чтобы правду говорили родителям:

– Разве маму можно обманывать? Ты кого пытался обмануть – маму?

Других людей, очевидно, обмануть не грех. Только маму нельзя.

Не будем так уж бояться детской скрытности, требовать: «Говори мне всю правду, я должна знать, я хочу знать». У нас нет права на душу ребенка. Будем принципиальны в вопросах чести, но побоимся сильно принципиальничать в простых житейских обстоятельствах. Ребенок скрытничает или обманывает, чтобы не огорчать родителей, чтобы покороче ответить, или потому, что лень, неохота давать отчет о происшедшем, или потому, что боится подозрений, боится, что его не поймут. Дадим ребенку возможность обманывать нас весело.

– Ой, врешь! Чувствует мое сердце, что врешь! Все ты врешь! – смеется мама, и мальчик смеется, и тем дело кончается.

Разоблачая ложь, мы гордимся своей проницательностью, но меньше любим своего ребенка, и он меньше любит нас.

Говорение правды, правдивость – важное свойство. Но еще важнее правдивость поведения. Ребенок чаще всего обманывает нас не в словах, а в поведении. Он не тот в наших глазах, каким кажется учителю, сверстникам, младшим ребятам и старшим. Он всюду разный, но значит ли, что он всюду лжив?

Относительно недавно была разработана социологическая теория ролей: человек действует по неписаному сценарию, играя то роль сына, то роль мужа, то роль брата, то роль покупателя, то роль сослуживца. Чем основательнее усваивает он жизненные роли, тем он лучше приспособлен к жизни. Есть соблазн и все воспитание свести к обучению социальным ролям. Так воспитанный человек всюду будет действовать как надо. Но не потеряет ли он самого себя? Где же он настоящий? Наедине с собой, что ли? Одной из ведущих тем мировой литературы XX века стала потеря человеком себя и поиски себя настоящего.

Нет, роли ролями, без них не обойдешься, и дети всегда играют в ролевые игры, но люди любят человека определенного, цельного. Он всегда то, что он есть. Недостатки не так волнуют нас, как стремление скрыть их, поднять себе цену, обмануть. Неправда в человеке, человек-туфта, раздражает безмерно.

Но как трудно воспитать цельного, правдивого человека!

Варвара в «Грозе» Островского говорит: «А по-моему, делай, что хочешь, только бы шито да крыто было».

Противоположный взгляд выражен в реплике Катерины: «Что при людях, что без людей, я всегда одна, ничего из себя не доказываю».

Это нам больше нравится? Но ведь Катерина жила в материнском доме, словно птичка на воле, ни об чем не тужила, а когда ее, шестилетнюю, чем-то обидели, она выбежала на Волгу, села в лодку да отпихнула ее от берега – через десять верст нашли. Согласны мы на такую девочку? Что бы мы с нею сделали, вернув домой?

Расти цельным, подлинным, искренним человеком – значит расти без страха перед людьми, их укорами и насмешками, не бояться выглядеть глупым, смешным, отстающим.

Как Иванушка-дурачок всех побеждает и женится на царской дочке, так и в обычной жизни мальчик, долгое время отставший, казавшийся неуклюжим, неотесанным, – именно он и становится замечательным человеком, если его растили в правде, и все его любят, и все удивляются: «Поди ж ты! Кто бы

мог подумать!» Я не раз был свидетелем историй о гадком утенке.

Наш бесхитростный ребенок хуже всех. Выдержим ли? И учителя будут укорять нас, и соседи, и знакомые – что, мол, он у вас такой… Непохожий какой-то, не как все дети.

Я ждал с мальчиком электричку на пустынной платформе; он шалил, бегал, смеялся, махал руками, изображая птицу, дурачился. Какой-то пьяный, опустившийся человек привязался ко мне: почему я плохо воспитываю его? Видеть вольного мальчика ему было невыносимо, он бранил меня и ругал с озлоблением. А сколько упреков приходится вынести от школы, от знакомых: «Ленивые, нерадивые родители… Портят детей! Вот из таких-то…»

А потом дети вырастали, и все говорили: как вам удалось воспитать их такими? И даже про маленького невыносимого нашего Матвея воспитательница в детском саду говорит: «Как вам удалось воспитать такого мальчика? Ни на кого не похож! Конечно, с ним трудно, но ведь как его любишь! Я укладываю детей спать, а с ним сижу чай пью… С ним так интересно!»

Чтобы ребенок вырос естественно добрым и честным человеком, чтобы он не старался казаться лучше, чем он есть, приходится исключить принуждение из арсенала воспитательных средств. Принуждая, мы заставляем ребенка делать нечто такое, что не отвечает его сущности, – иначе его и не пришлось бы принуждать.

Мы боимся, что наших детей обманут и обидят, мы учим «давать сдачу», родители чуть ли не младенцами записывают детей в секции самбо. Но на сильного всегда найдется и посильнее, на храброго в драках – и похрабрее, на самбиста – каратист.

Никто в этом мире не защищен, кроме правдивого человека, который есть то, что он есть. У него лучшая защита – уважение людей.

Лишь то воспитание прочно, которое приучает ребенка быть самим собой. Быть, а не казаться.

36

Две трудные проблемы у воспитателя:

первая: как вырастить доброго и честного, правдивого человека;

вторая: когда вырастишь доброго и правдивого человека, то как ему жить?

Только очень наивные люди думают, будто мир изменится от

фраз, начинающихся со слова «пусть»: «Пусть каждый на своем месте хорошо работает, и все будет хорошо», «Пусть каждый займется собой, постарается быть добрее, и все будут добрые», «Пусть каждая мать воспитает хорошего человека, и мир превратится в рай». Пусть-то пусть, да не получается. Нужно очень много условий для того, чтобы наше «пусть» приобрело хоть какую-нибудь силу, а без этого оно скрывает обман. Вместо серьезного исследования обстоятельств жизни, вместо серьезной и тяжелой борьбы – легкокрылое «пусть».

Но как же все-таки быть?

Предположим, думает иной читатель, я постараюсь и дам своим детям счастливое детство; предположим, они вырастут честными и добрыми людьми. Но каково им будет жить с их честностью и добротой? И что будет с моими детьми, когда они, выйдя из счастливого детства и мечтательной юности, встретятся с суровой действительностью? Разочарование, крушение идеалов, растерянность, отчаяние – вот что их ждет…

Рассуждения такого рода, с виду безукоризненно логичные, подозрительны своим удобством. Это очень удобные рассуждения! А в нравственной жизни все, что удобно, то скорее всего ложно.

Каждый из нас хоть иногда слышит голос совести. Но жить по совести трудно, а иной раз совесть толкает буквально к гибели. А жить-то хочется.

Поэтому каждому человеку для выживания вместе с совестью дана еще и антисовесть – тот внутренний голос, который утишает голос совести, опровергает его или просто заставляет замолчать.

Совесть, увидим мы дальше, есть решительно у всех; нет человека без совести, как нет человека без сердца. Но есть люди с такой сильной антисовестью, что совести в них и вовсе не заметишь. Заглушена.

Воспитывать честных и добрых детей некоторым очень легко, не нужно почти никаких усилий; а некоторым – неимоверно трудно. Но совесть мучит. И тогда усиливается голос антисовести: «И не надо честности, пропадешь с ней».

Голос антисовести обычно подкрепляется услужливым здравым смыслом. Например, говорят же – тяжело в учении, легко в бою. Вот и будем с детства готовить ребят к тяготам жизни. Пусть с ранних лет узнают они суровую правду жизни.

Для физической закалки и приучения к дисциплине солдатам необходимо тяжелое учение. Но духовные законы не те, что законы физического развития. Для закаливания тела нужно спартанское воспитание, а для закалки духа нужны идеалы, представление о счастье, здоровая нравственность.

Крепкий духом человек не ждет от жизни легкой удачи. Не знавший особых трудностей в детстве, он тем не менее лучше подготовлен к встрече с жизнью. Он здоровее! Он не предается унынию, не впадает в отчаяние, он не меняет взглядов под влиянием первого встречного, не теряет веру в жизнь после первой же беды. Он видит в людях не одно лишь дурное, но и доброе. Он способен улыбнуться, наконец! Он знает счастье и верит в него.

Я специально расспрашивал многих людей, у которых было счастливейшее детство и суровая, иногда страшная жизнь. Они все говорят, что только душевные и духовные силы, полученные в детстве, помогли им все выдержать и выстоять.

Ошибка взгляда на детей как на солдат, которым тяжело в учении, но легко в бою, состоит в том, что под словом «воспитание» воспринимается одно лишь приучение. К чему приучили – то и будет. Воспитание смешивают с дрессировкой. Между тем приучение в воспитании, особенно сегодняшнем, играет сравнительно небольшую роль.

Человечность, сильный дух – вот что может и что должно дать воспитание. Остальное зависит от природных способностей человека и его судьбы. Если же нам кажется, что честному и доброму жить плохо, что надо с детства приучать ребенка к трудностям жизни, то давайте не кормить детей и ничем не радовать, в чем дело?

Многие из нас, да что там – все! – желают своим детям хорошо устроиться в жизни. Это можно понять. Говорят: мы жили трудно, пусть им будет полегче. Другие, напротив, говорят: я жил трудно, мне никто ничего не давал, почему я должен давать им, детям? Даже и это можно понять.

Но поймем тогда, что педагогика не является наукой о хорошем устройстве в жизни. Педагогика – наука об искусстве воспитания здоровых, самостоятельных, честных, добрых, счастливых людей, и не больше. Про устройство в жизни педагогика ничего не знает, для этого надо искать какую-то другую науку и, соответственно, другую книжку.

37

Перебирая достоинства, ожидаемые нами в детях, мы всюду, в каждой цели обнаруживаем одно и то же: неразрешимое противоречие. Самые привычные слова и понятия взрывоопасны. Цели двоятся, а раздвоившись, спорят между собой, не совмещаются. Образ Ребенка заслоняет нами же созданный образ

Человека, совесть ослабляет миролюбие, долг и правда сшибаются, трудно в одно и то же время быть самим собой и быть как все люди, и невозможно растить идеального человека для неидеального мира.

В педагогических книгах между двумя трудносоединимыми понятиями обычно ставят союз «и», например: «Дети должны быть дисциплинированны и творчески активны». Кто возразит? Но это «и» – чернильное, оно лишь прячет проблему. Где на бумаге маленькое «и», в жизни – пропасть.

Нет, «и» – чернильным не обойдешься, надо сделать усилие и попытаться понять нечто непривычное, не поддающееся обычному представлению.

Воспитание – это духовный процесс; но много ли мы знаем о природе и законах духовных процессов? Мы проходили в школе физические процессы, химические, изучали общественный процесс и литературный, процесс образования грозовой тучи и оплодотворения. Кто изучал логику, у того есть представление о мыслительных процессах.

Но ведь существуют еще и духовные процессы, они по природе своей отличаются от общественных, логических и биологических. Это отличие должно выглядеть в наших глазах странностью, нарушением привычной логики.

Что ж, открыто множество странностей внутриатомного мира: электрон находится в данном месте – и не находится, он на этой орбите – и на другой, и так далее. Да что электрон! Чтобы понять движение обыкновенного шарика по плоскости, мы должны допустить, что в каждое мгновение он и находится в данной точке – и не находится. Не сначала находится, а потом не находится, как представляет себе дело обыкновенный ум обыкновенного человека, а именно – сразу и есть он тут, и нет его, иначе движение не поймешь. Современная физика полна всевозможных «и есть, и нет». Но разве человек проще электрона и шарика?

Душа человека – такой же странный мир, как и мир атома, а может быть, еще более странный – во всяком случае более зыбкий. Не «сложный» мир, с чем все согласятся, а именно странный, не такой, как всё, что нас окружает, по другим законам живущий.

Читателю еще предстоит путешествие в глубь этого удивительного мира, таящего в себе энергию, сравнимую с ядерной; пока что отметим первое и, видимо, общее свойство всех духовных процессов: здесь противоречия не имеют разрешения. Выбрать «то» или «это» нельзя, должно быть сразу и то и это. Мы должны видеть в двухнедельном младенце сразу и человека-

ребенка, и человека-взрослого, причем не так: отчасти ребенок, но уже и человек, нет, наш младенец полностью ребенок и полностью человек, его человеческая жизнь уже сейчас идет полным ходом.

Нам кажется иногда, что разгадка в слове «мера». Пишут, что в педагогике главное – знать меру. Это вроде «и» – чернильного: легко написать «надо знать меру», но за этим «надо» скрываются такие сложности, что для их описания не хватит и толстой книги. Мера в духовных процессах – не отсчитанная золотая середина, не отметка на шкале. В духовных процессах нет шкалы, нет меры, нет дозы, нет золотой середины, здесь живое и животрепещущее противоречие. Его нельзя снять, его и надо принимать таким, какое оно есть. Не разрешать его, не уничтожать, не обходить, а сохранять и поддерживать. Совести не может быть чуть-чуть или наполовину. Мы должны давать детям самостоятельность и не должны давать ее, мы должны понимать детей и не должны, мы должны баловать их – мы не имеем права баловать. И то, и другое, и все целиком, хотя то и другое как будто несовместимо. Огонь – вот образ, наиболее точно отражающий духовные процессы. Огонь, в котором сгорает топливо и кислород и рождается тепло – оно согревает детскую душу, оно как солнце для детской души.

«Есть час Души, как час грозы…» – написала М.Цветаева. Душа – гроза, молния, противоборство и светлое слияние, огонь.

Мы все изучали начала диалектики в школьных курсах обществоведения, но почему-то думаем, будто диалектика, борьба и единство противоположностей – это нечто философское, не имеющее отношения к практической жизни. Да вот же она, диалектика, на кухне, где мама готовит обед, а ее семилетний сын канючит: «Мам, можно я пойду погулять? Ну ма-ам, можно?»

В вечном противоречии мир и совесть – и в вечном согласии. В борении и единстве, в столкновении и соединении протекает наша нравственная жизнь. От нас всегда и в каждое мгновение требуется духовное напряжение, трата духовных сил, иначе не получается:

Так нас природа сотворила,
К противуречию склонна!

Но именно эти противоречия и делают необходимыми

воспитание и педагогику. Если бы любовь и совесть, правда и долг, самостоятельность и душевная зависимость от родителей сами собой соединялись, то воспитание было бы не нужно.

Говорят о творческой мощи писателя, о силе ума, о сильной кисти художника.

Но есть и воспитательная сила, воспитательная мощь человека. Это не сила авторитета, не сила характера, не воля и даже не любовь и не мудрость, а духовная сила соединять противоречивые духовные движения в одно, достигать гармонии, нравственной красоты. Этой силой обладают иногда тихие и слабые женщины, но ее не было, например, у мощной характером Кабанихи, все приводившей в трепет. Воспитательная сила не гнетет человека, не подавляет, а возвышает его. Это подъемная сила души.

Сила эта дает полноту и многообразие каждому душевному движению воспитателя. Мама говорит сердитым голосом, но в нем столько любви к провинившемуся! Мама говорит требовательным голосом – но это вдохновляющая требовательность, мальчик счастлив подчиниться. Мама хвалит ребенка – а в глазах у нее усмешка. Мама дразнит его – но и подбадривает. Мама говорит: «Опять ты бездельничаешь, а ну садись за уроки», но когда третьеклассник приносит двойку, она жалеет его, гладит по голове и ставит тесто на пирожки.

У слабых воспитателей все плоско, односторонне, они пытаются снять нравственные противоречия, не чувствуют их. У сильного все объемно, богато, как радуга, чувствами, оттенками, обертонами, все так же противоречиво, как и сама жизнь, все побуждает ребенка принимать мир в его сложности и противоречивости – все укрепляет его нравственность и его дух.

Великое, красивейшее явление человеческого духа – воспитательная сила.

39

Составим подобие прогноза на будущее.

Мы воспитываем ребенка по образу Ребенка, и успех зависит от того, есть ли у нас воспитательная сила подвести детей к этому нашему образу и отвечает ли он, этот образ, образу Человека.

Когда образ Ребенка правилен, а воспитательная сила велика, выходят очень хорошие люди. Здоровые, нравственно красивые, счастливые, естественные.

Когда образ Ребенка правилен, а воспитательная сила слаба,

результат предсказать труднее, но, вероятно, все будет хорошо.

Когда образ Ребенка ложный, а у воспитателя есть какая-то сила (скажем, сила характера), то результат, по всей видимости, будет плохим. Можно надеяться лишь на благотворное влияние школы или чужих людей, если таковых пошлет судьба.

Если же и образ Ребенка ложный, и воспитательной силы нет, то результат непредсказуем, потому что в этом случае воспитывают стихии двора, улиц, школы, случайные встречные. С кем ребенок поведется, от того и наберется.

Следовательно, нужно стараться создать более правильный образ Ребенка и развить свою воспитательную силу. Этим двум задачам, в сущности, и служит педагогика – наука об искусстве воспитания детей.

Завернув ребеночка в теплый платок, Катя, наша дочка, сидит в уголке на кухне и напевает песенку о сурке. Голые ножки в голубых вязаных пинетках высовываются из свертка, маленький гулит, подает голосок, словно подпевает маме, и Катя от этого счастлива. И по тому, как она поет, как наклоняется к сыну, как смотрит на него, какой у нее ласковый и веселый голос – по всему видно, что из этого ребенка вырастет Человек… Но как передать тайну этого мгновения здесь, на бумаге? Как научить искусству таким голосом напевать «Сурка» новорожденному, завернутому в бабушкин клетчатый платок?

Глава 2
Условия воспитания

1

В русской классической литературе была традиция: почти все писатели и критики занимались педагогикой. Или они сами учили детей, или открывали школы, или писали о воспитании детей так много, что выходили целые тома их педагогических сочинений. Да и художественная литература прошлого была переполнена педагогическими мыслями. «Война и мир» открывается сценами в салоне Анны Павловны Шерер, там говорят о политике и о воспитании детей; а заканчивается роман сценами в доме Безуховых – там говорят о воспитании детей и о политике. Политика, литература, воспитание – это один узел интересов, высокая литература и высокая педагогика всегда сливаются в одном стремлении к правде: чтобы человеку было лучше, чтобы человек был лучше. Разумеется, чем меньше назидательности в литературе, тем она художественнее. Но это правило касается и педагогики: чем меньше в ней назидательности, тем она педагогичнее.

Литература и воспитание всегда вместе, однако в наши дни появилось и разделение. Воспитание перешло в ведение педагогов и психологов – мы живем в век специализации. Никто, не будучи специалистом, не смеет публично трактовать ученые вопросы.

Но в воспитании своих детей специалистов быть не может, отцов-профессионалов и мам-профессионалок на свете нет. Воспитание своих детей – одно из самых благородных дел, ему можно отдать жизнь, но профессией оно стать не может. К тому же воспитание – это искусство, а где искусство – там талант, там сердце, интуиция, вдохновение, любовь и прочие ненаучные вещи. Где искусство, там результат без процесса: каким-то образом получилось, но как? Магия… Так и говорят: магия искусства. Наука – это бегство от «чуда», по известному слову Эйнштейна, а воспитание, а искусство непременно содержит в себе какое-то чудо – иначе искусства нет, одно только холодное ремесло. Как это все совместить? Может ли наука оперировать ненаучными, туманными понятиями вроде «сердце» и «любовь»?

Может. Есть искусство писать книги, и есть наука об искусстве писать книги – литературоведение. Есть искусство

играть на сцене, и есть наука об этом искусстве – театроведение. Есть искусство воспитания – и есть наука об этом искусстве, педагогика. Стопроцентная наука о стопроцентном искусстве, но с одним отличием от точных наук: как у всякой науки об искусстве, ее язык тоже должен быть приближен к искусству. Педагоги, стараясь быть «научными», пытаются иногда обойтись без неточных понятий – любовь, сердце, – но без них ничего нельзя ни объяснить, ни предсказать, и наука перестает быть наукой. Точным языком о воспитании не скажешь – получается ненаучно. Наоборот, когда мы говорим об искусстве воспитания ненаучным языком, мы ближе к правде и, следовательно, ближе к науке. Все науки стремятся к безличному, общему, а педагогика безличной быть не может, ее нет вне личности. Все науки бесстрастны, а бесстрастная педагогика ненаучна.

Вот почему воспитанием всегда занимались не просто педагоги, но педагоги-писатели и педагоги-публицисты: Коменский, Руссо, Песталоцци, Ушинский, Л.Толстой, Макаренко, Крупская, Корчак, Сухомлинский. Три главные педагогические книги XX века называются «Педагогическая поэма», «Как любить детей», «Сердце отдаю детям».

Поэма, любовь, сердце…

2

Многим людям, в том числе и ученым, кажется, будто наука о воспитании детей в семье – та же самая наука, что и о воспитании в школе, а учитель – специалист и в домашнем воспитании.

Но, оказывается, все не так.

Педагогика – наука об искусстве воспитания детей, но не всех, а только чужих. Когда же дело доходит до собственных детей, то всякая наука вроде бы кончается и начинается неизвестно что. Даже у самых прекрасных учителей бывают никудышные дети – не видали? В таких случаях осуждающе говорят: своих детей воспитать не умеет, а за чужих берется!

Но много ли хирургов делали операции на собственном сердце?

Да, чужих воспитывает, а своих не всякий может, потому что наука педагогика, помогающая учителю в его трудах, хорошо работает, когда перед воспитателем тысяча детей, похуже – когда их тридцать, и совсем плохо, когда один-два-три. Тут происходит незаметная смена наук. Для воспитания тысячи детей нужна наука управления, для воспитания одного – наука общения, а это принципиально разные науки, вот в чем дело.

Педагогика развивается сотни, даже, можно сказать, тысячи лет. Наука же общения так мало разработана, что ее нельзя пока что преподавать в институтах.

Вот тут-то мы и попадаемся. Родина обучения – школа, учить надо, как в школе учат. А родина воспитания – семья, воспитывать надо, как в семье. Между тем бывают учителя, которые пытаются учить как дома, и бывают родители, которые хотят воспитывать детей как в школе, – и ни у тех, ни у других ничего не получается. Правила, методы, идеи, взгляды, выработанные учителем в опытах над чужими детьми, то есть в школе, совершенно не годятся для семейного воспитания.

У воспитателя в школе есть мощное орудие – коллектив детей, ребенка воспитывает дух коллектива. Иногда говорят, что и семья – маленький коллектив. Но, во-первых, порой до того маленький, что само слово «коллектив» употребишь разве в насмешку, а во-вторых, в маленьком этом коллективе такие бывают великие раздоры, что о воспитании и речи быть не может.

Чем меньше детей – тем труднее, а не легче работа воспитания. Ведь школьный педагог, который, имея сорок детей, справляется с тридцатью девятью из них, считается прекрасным учителем, а сорокового, неуправляемого, стараются обычно куда-нибудь сплавить. Даже такой великий педагог, как Януш Корчак, говорил, что ни один воспитатель не вырастит сто хороших детей из ста детей. Но у мамы-то сороковой – не сороковой, а первый и единственный, и никуда его не сплавишь и на другого не обменяешь. Столетиями призывают учителей к индивидуальному подходу, говорят: «Надо найти ключ к каждому», и всегда это было труднейшей частью педагогической работы. Но у папы и мамы никакого другого подхода, кроме индивидуального, и быть не может. У профессионала-учителя не получается, а у мамы-непрофессионала должно получиться.

Но это все ничто по сравнению с главным различием между школьным и семейным воспитанием: в школе воспитывают учителя, отобранные при поступлении в училище или институт, отобранные учением, отобранные самой школой – кто совсем не справляется или не подходит по нравственным своим качествам, тот вынужден уйти, сменить профессию (хотя, конечно, случается всякое).

Но ведь еще ни у одной будущей мамы, когда она ночью постучалась в родильный дом, не спросили справки о ее педагогических способностях, о ее пригодности к той работе, к которой она приступает с рождением ребенка…

От этого все путается в науке о семейном воспитании, совершенно не похожей на все остальные науки, создаваемые

профессионалами для профессионалов.

Профессиональная педагогика, обращаясь к специально отобранным и обученным людям, может опустить законы этики, законы человеческого общения и сосредоточиться на системах, приемах, способах и методах воспитания. В домашней же педагогике эти главные, общечеловеческие, этические вопросы – куда более трудные, чем чисто педагогические – опускать нельзя, без них разговоры о методах и приемах – пустое дело.

Маме говорят: «Вы должны, вы обязаны», то есть обращаются с ней как с учительницей, которой при случае можно делать выговор, а то и уволить ее. Но маму-то не уволишь!

Маме говорят:

– Если ребенок не послушался вас, то надо повторить приказание голосом, не допускающим возражения.

Совершенно правильно! Надо! Но что делать, если мама не умеет говорить таким голосом, и чем больше пытается она быть строгой, тем хуже результат?

Маме говорят о методах и приемах, а она приходит с работы и видит, что ее озлобившийся десятилетний сын нашел зубило, молоток и сбивает штукатурку на кухне.

Тут тебе и методы, и приемы, и способы вместе взятые…

И со всех сторон говорят маме: «Надо, чтобы… Надо, чтобы… Надо, чтобы…»

Надо, чтобы ребенок знал слово «нельзя».

Надо, чтобы ребенок знал слова «пожалуйста» и «спасибо».

Надо, чтобы ребенок не баловался, и надо, чтобы он рос рыцарем, – почему вы не научили его рыцарству, мамаша? Надо, чтобы ребенок с детства был приучен уступать дорогу старшим…

Да надо, надо, все надо, кто спорит?

Но что делать, если не получается, и даже непонятно, отчего не получается? Ведь мама всё делает как все!

Вот и выходит: с одной стороны педагогика, набор замечательных научных суждений для замечательных родителей, а с другой стороны родители, отнюдь не замечательные – детей ведь воспитывают не одни только герои известной книжной серии «ЖЗЛ». Родители внимают педагогике, стараются изо всех сил, а у них ничего не получается. Они и не подозревают, что им преподносят правила, выработанные в школе и не имеющие никакого отношения к семейному воспитанию!

Словом, воспитание в школе – одно, воспитание дома – другое. То – то, а это – это.

Ну, например, хороший мастер всегда лучше плохого – кто не согласится с этим утверждением? И, разумеется, талантливый учитель лучше бесталанного. Однако плохая мама, но своя

заведомо лучше хорошей, но чужой… Плохое лучше хорошего! Посмотреть бы на математиков и логиков – как управились бы они с такой наукой.

3

Мало того! Первое, что должна сделать странная наука о семейном воспитании, – это установить факт, что люди прекрасно обходились и обходятся без нее, без науки.

В самом деле, кто видел детей, воспитанных по науке? Никто.

Потому что детей воспитывают не по науке, а по вере. Не будем бояться этого слова, оно не раз еще встретится нам. Духовные процессы совершенно не поддаются анализу и объяснению без понятия о вере.

Мы и сами не знаем, откуда берутся наши педагогические убеждения, они кажутся нам здравым смыслом – мол, как же иначе? Педагогическая вера живет в нас, поскольку все мы закончили пятнадцатилетний родительский педагогический институт. Нас не только воспитывали так или иначе, нас при этом учили воспитывать своих будущих детей. Воспитание – первый вид человеческой деятельности, с которым сталкивается человек, рождаясь на свет. Сначала он на собственной, так сказать, шкуре узнает, как воспитывают, – а потом уж видит он, как варят обед, убирают, забивают гвозди, гладят белье, и лишь много позже увидит ребенок, как работает шофер, врач, продавец – первые герои детских игр. Но сначала – «дочки-матери». Сначала – воспитание.

Дайте самой маленькой девочке куклу, и она начнет баюкать ее и укладывать спать (самые большие неприятности у детей связаны с укладыванием в постель), а может быть, задерет ей платьице и начнет шлепать, приговаривая: «Ата-та, ата-та! Ты почему не слушаешься?»

Мама возвращается с сынишкой из детского садика и ведет неторопливую педагогическую беседу:

– Мишка все игрушки разбросал, раскидал… Что мы с ним сделаем?

– Отлупим, – равнодушно отвечает мальчик.

Мама – интеллигентная женщина, современная, она оглядывается: вдруг кто-нибудь услышал?

– Ну зачем же так – «отлупим»… – говорит она неуверенно.

– А вы меня лупите? – возражает мальчик. – Лупите. И его отлупим.

– Ну, мы тебя лупим, когда ты упрямишься…

– И он упрямится, – говорит мальчик.

Ему пять лет, но он точно знает, как надо воспитывать. Человеку еще расти и расти, а воспитание будущего воспитателя уже закончено.

Но вера есть вера. Она необходима, она и опасна. Убеждения, воспринятые в раннем детстве, – это не перчатка на руке, а сама рука; люди крайне неохотно расстаются с убеждениями даже тогда, когда совершенно очевидно, что они не отвечают жизни. Вера обладает свойством укрепляться даже при столкновении с опровергающими ее фактами.

Отец слишком строг с ребенком, маленький превратился в зверька, стал неуправляемым, а отцу кажется, что он еще и недостаточно строг. Он винит жену, тещу, ребенка, самого себя винит, но ему и в голову не приходит, что виноваты его убеждения. Он и знать не знает, что у него есть какая-то педагогическая вера и что она может быть совсем другой, что ее можно сменить.

Это объясняет, отчего одним людям советы по воспитанию идут впрок, а другим нет. Если советы противоречат вере отца или матери, то, конечно же, в них не будет толку. Это все равно что советовать японцу есть вилкой, а европейцу посоветовать есть палочками, а про вилки забыть. Педагогический совет хорош лишь в том случае, если он отвечает нашей вере. Да и эта книжка у одних вызовет одобрение: «Вот-вот! И я так думала!», а другим покажется несообразностью.

Если у вас все хорошо с ребенком – то и ладно, закройте возмущающую вас книгу; но если не получается – присмотритесь, может быть, дело в педагогической вашей вере?

Все начинается с веры!

4

Но первое сомнение в истинности распространенной педагогической веры должно возникнуть, когда мы обнаруживаем полную необъяснимость результатов воспитания.

Вот отрывок из польского детективного романа, сюжет которого в том, что некий молодой человек ограбил дачу и при этом убил случайно оказавшуюся там служанку. Такой герой. Откуда он взялся? Инспектор полиции приходит к родителям, и отец преступника говорит ему:

– Вы сами понимаете, как это для нас страшно. Мы жили для него, у нас ведь никого больше нет… А он? Почему?.. Почему так?

– Нет теперь религиозного воспитания, – сказала мать.

– Ерунда… Я был с ним строг… И требователен. В кино – только в награду, никаких сигарет, водки, дурных книжек… Ему хорошо жилось… Всегда сыт, в доме согласие, порядок, в четыре обед, в семь ужин, в десять спать. Только по субботам я разрешал ему смотреть телевизор… Говорят, у таких детей бывает плохой пример… У нас такого быть не могло… Я всегда вбивал Болеку в голову, что нет вещи более святой, чем чужая собственность… Я возглавляю строительно-монтажное управление… Пятнадцать лет безупречной службы…

Все как по учебнику педагогики: и требовательность, и согласие, и родители честные, и пример хороший. Не пил сын, не курил и дурных книжек не читал – а вырос убийцей и грабителем.

Почему?

Почему так? – можем мы спросить вместе с несчастным отцом.

Вот где настоящий детектив. В убийстве служанки инспектор разобрался, но кто разберется в убийстве души? Какой Шерлок Холмс, Эркюль Пуаро, капитан Денисов?

Кто скажет, почему в одних семьях за детьми смотрят, а они вырастают дурными людьми? В других же дети растут как трава, целыми днями во дворе пропадают, до девятого, до десятого класса книгу в руки не берут – в футбол гоняют, а потом вырастают прекрасными людьми, достигают уважения и положения – я знаю такие случаи. Почему это – девочке показывают пример трудолюбия, отец с матерью не разгибаются, «чертоломят», как сказано о них в газете, а дочка наберет в подол огурцов – и на весь день на речку? А вон у мальчика мать на двух работах, за сыном не смотрит, но он весь дом тянет, он и в магазин, он и пол помоет, он и ужин маме готовит, оладьи печь научился. В этой семье девочке до замужества не давали к венику прикоснуться, тряпочки не постирала, а после свадьбы оказалась прекрасной хозяйкой, любит дом, чистота у нее, все вовремя, все быстро, все с любовью. А эту только и делали что приучали к труду, а она и посуду не моет, ненавидит она скучную работу… Этого ребенка баловали – он и вырос бездельником, лентяем, капризничает, изводит мать. А этого баловали – вырос добрый, серьезный мальчик с развитым чувством ответственности. За этим и папа ходит, и мама, а он растет угрюмым, злым, невежливым, он «спасибо» только после напоминания скажет, а вот соседские мальчик и девочка – на загляденье дети, хотя отец, например, ими не занимается, потому что его и дома-то нет, его то и дело от запоев лечат… Одного держали в строгости – но вырос изверг какой-то, в пятнадцать лет заявил парализованной бабушке, воспитавшей его: «Когда же ты сдохнешь наконец?», но другого

тоже в строгости растили, настоящее «авторитарное» воспитание, против которого так ополчаются педагоги, – а вырос честный, справедливый, добрый человек.

Говорят: «Избаловали детей, ни в чем им не отказывают, все у них есть… Вот в наше время…»

Но ведь в прошлые времена люди, бывало, вырастали в такой роскоши, какая и не снилась нашим детям. Иные из прекрасных наших писателей, учителей нравственности, в детстве и ботинки сами не шнуровали себе – у них были няньки и дядьки. А в нищете вырастают и нравственные люди, и безнравственные – хитрые, жадные, слабодушные, завистливые… Где же закономерность?

Перед каждым ребенком, когда он подрастает, широкий веер хороших и дурных примеров, однако одни дети почему-то учатся у хороших людей, а к другим всякая грязь так и липнет. Отчего так?

5

Педагогическая наша вера сложилась очень давно и передавалась из поколения в поколение. Она сложилась в условиях, когда действовала безотказно – иначе она не выжила бы.

Века и века было одно, и вдруг стало совсем другое – настоящая революция в педагогических обстоятельствах, которую многие из нас не заметили и не могли заметить. Вера – прежняя, здравый смысл – прежний, но условия в последние десятилетия изменились до неузнаваемости. В этом и разгадка почти всех педагогических загадок.

Жизнь несколько подшутила над последними поколениями родителей: условия воспитания она дала новые – и так незаметно, что не с чем и сравнить, невозможно и заметить эту новизну, – а веру оставила старую, потому что для выработки новой нужны поколения и поколения.

Произошло несовпадение обстоятельств и взглядов, особенно опасное тем, что мы его не замечаем и не можем заметить.

6

Педагогическая вера, живущая в нас, прежде подкреплялась и соответствующей педагогической силой, авторитетом родителей, который поддерживался государством, общественным мнением,

религией, угрозами лишить наследства – при жизни, лишить рая – после смерти. Но если всей этой поддержки не хватало и угроз не хватало, то для поддержания авторитета без зазрения совести прибегали к физическим наказаниям.

Образ воспитания отвечал образу жизни.

Наша педагогическая вера сложилась в те времена, когда считалось необходимым бить ребенка за дурное поведение и непослушание.

Родителям не только разрешали бить детей, а принуждали, заставляли бить: «Учи ребенка, пока он поперек лавки лежит». Но лежащий поперек лавки ребенок слов не понимает. Известный английский философ-педагог Джон Локк писал в XVII веке в книге «Мысли о воспитании»: «Упрямство и упорное неповиновение должны подавляться силой и побоями: ибо против них нет другого лекарства… Одна из моих знакомых, разумная и добрая мать, принуждена была в подобном случае свою маленькую дочь, только что взятую от кормилицы, высечь восемь раз подряд в одно и то же утро, пока ей удалось преодолеть ее упрямство и добиться повиновения в одной, собственно говоря, пустой и безразличной вещи. И если бы она бросила дело раньше, остановилась бы на седьмом сечении, дитя было бы испорчено навсегда и безуспешные побои только бы укрепили ее упрямство, которое впоследствии весьма трудно было бы исправить». Далее Локк советовал бить детей до тех пор, пока они не замолчат, пока вы «не убедитесь, что подчинили их душу».

По всем представлениям прошлого, человек (и ребенок) настолько зол, что его необходимо держать в страхе, иначе он будет считать, что ему «все дозволено». Считалось, что поведение человека определяется дозволением, что человек живет в рамках между дозволенным и недозволенным, что его поведение регулируется не изнутри его, а только извне – родителями, государством, религией, – и только страхом.

Из такого представления естественно вытекала необходимость устрашающего наказания. Если бы мы узнали, что в такой-то школе учителя бьют детей, мы постарались бы отдать сына в другое заведение. А сто лет назад крестьяне поначалу не отдавали детей в яснополянскую школу Л.Н.Толстого именно по той причине, что в ней не бьют детей – и, значит, не смогут научить. Пустая трата времени, баловство. Люди в самом деле не представляли себе, как можно научить ребенка чему-нибудь и воспитать его, если не бить.

То обстоятельство, что мы с вами, читатель, не хотим, чтобы наших детей били в школе, означает и глубочайший переворот в сознании людей, полную смену представлений о человеке и его

природе. Переворот, происшедший незаметно для нас, но куда более значительный по своим последствиям, чем самые крупные научные открытия.

Ведь если мы не хотим, чтобы наших детей били и угрожали им битьем, значит, мы с вами верим в то, что человека можно обучить и воспитать без страха, верим в то, что ребенка не нужно, не обязательно держать в страхе, что не страх перед земным и загробным наказанием держит человека в каких-то рамках, движет его поступками, а что-то другое!

Но, исключая из методов воспитания сильные наказания, угрозы, страх перед ними, мы тем самым лишаем всю воспринятую нами систему воспитания какой бы то ни было силы. Те до нас жившие люди были не дураки и не садисты, они знали, что делали. Они били детей, потому что это отвечало их задаче вырастить послушных и отвечало их представлениям о природе человека.

А у нас и задачи другие, и представления другие, мы уже на опыте убедились, что можно растить детей без страха и без суровых наказаний, но продолжаем бить детей – без толку, без пользы, без правила и без закона!

По наследству передалось нам в языке:

– Я тебе задам! Я тебе покажу! Ты у меня узнаешь! Ты у меня получишь! Ты у меня увидишь! Ты у меня дождешься!..

Пойдите в любое место, где много детей с родителями, и вы услышите эту воспитательную музыку. Мы привыкли к ней. Мы бесконечно верим в силу битья. Сотрудник в учреждении хвастает перед коллегами своей дочерью:

– Она у меня кандидат наук. А почему? Потому что я ее с ранних лет лупцевал!

Женщина, слушавшая его, вздохнула:

– Я свою тоже вчера побила. Ну совсем не учится!

А девочке десять лет.

Девятиклассник рассказывает, что только двоих из его товарищей ни разу не били за двойки. «Вложить ума», «проучить» до сих пор означает «избить».

Прежде родителей заставляли бить детей, чтобы не испортить их; теперь испорченным надо считать ребенка, которого бьют родители, – он не понимает слов, и учитель не может справиться с ним.

Мы не те люди, и не те у нас дети, и не то время на дворе, мы не можем бить детей, мы только портим детей битьем.

Нам кажется:

– Нечего мудрить, высечь его как следует, чтобы знал!

Это очень опасное заблуждение, будто можно заменить всю

воспитательную работу одной сильной поркой. Невозможно!

Мы читаем нотации, говорим, и наконец приходится признать:

– Моему хоть говори, хоть не говори…

Тогда мы начинаем кричать, и вскоре:

– На моего хоть кричи, хоть не кричи.

Что ж, «нечего мудрить», начинаем бить. Результат предсказать нетрудно:

– Моего хоть бей, хоть не бей…

И мы чувствуем себя бессильными перед ребенком, мы приходим в отчаяние, мы теряем рассудок, видя, как он торжествует над нами, мы понять не можем, отчего это прежде люди били – и у них все было хорошо, а мы бьем – и ничего не получается.

Кошмарное чувство полной несостоятельности, полной беспомощности!

Но если решающей силой того воспитания, которое нам передано, является физическая сила, страх и угрозы и если этой силы не стало, нет ее, хоть жалей, хоть не жалей – нет! – то это значит, что нужно выработать совсем другое представление о воспитании, найти другие силы.

Ведь и дети другие!

7

На каждые условия должно быть свое воспитание.

Воспитание в нужде – одно, в достатке – другое, среди всеобщего достатка – третье. А еще чаще бывает теперь, что родители росли в нужде, а детей им приходится воспитывать в достатке. Воспитание в этом случае возможно лишь тогда, когда к материальной роскоши прибавляется и духовная, но это бывает очень редко. Обычно заботы по достижению достатка вытесняют заботы духовного ряда. Но родителям духовность заменяет их энергия, их успех, их стремление к успеху – какие-никакие, а люди. На долю же детей их не остается ничего – ни духа, ни энергии, ни собственного успеха, и они погибают душой.

При росте, при перемене благосостояния надо быть очень бдительными – как отразится эта перемена на детях?

Не лучше сейчас, не хуже, а по-другому. Но у многих из нас нет даже идеи о том, что воспитание может быть разным, что оно должно меняться.

8

Другими были цели воспитания – другими и возможности родителей.

В прошлые века родители вообще не занимались воспитанием детей в том смысле, в каком мы сейчас понимаем это слово. В обеспеченных семьях были няньки, бонны, гувернантки и гувернеры, мадам и мосье – по пушкинскому «Евгению Онегину». В простых семьях было много детей, и старшие воспитывали младших, нянчили их, ходили за ними.

Но ведь у мамы одна педагогика, у няни – другая, у сестры – третья, у гувернантки – четвертая. А нынешняя мама – и мама, и няня, и мадам, и кухарка, и служанка, да еще она, между прочим, работает…

Обычно думают, будто прежде воспитание было индивидуальным, а теперь стало общественным. Ничего подобного, дело обстоит прямо противоположным образом: было общественным, стало индивидуальным. Прежде ребенка поднимали всем селом или всем двором, он рос на виду у всех, на виду множества соседей – все знали, чей он, и каждый останавливал его, если он дурно вел себя, да и он не мог дерзить взрослым, потому что сталкивался не со взрослыми вообще, а со знакомыми людьми. Ребенок знал, что его все знают, у него было представление о чести семьи, и каждое слово отца подкреплялось не только его, отцовским авторитетом, но и общественным мнением: все отцы говорили своим детям одно и то же. Даже в моем детстве двор, в котором я рос, считался плохим двором – он был проходным. В проходном дворе, считалось, детей воспитывать труднее. Он опаснее для детей, чем обычный двор.

Что же сказать про города без дворов, про микрорайоны, в которых бегают неизвестно чьи дети-анонимы? Общество взрослых никак не влияет на них. Пространство между корпусами полно чужих людей, и все дети – чужие. Да и в коммунальной квартире – не хочу ее хвалить – были свои педагогические достоинства: с соседями не очень-то покапризничаешь. Многие важные требования выставляли соседи, а родители были заступниками – это большая разница. Школьник приходил домой с пятеркой, и мама хвалила его, сосед восхищался, другой сосед посмеивался, а третий говорил, что в детстве он стрелял в отличников из рогатки, – все эти разговоры весьма и весьма полезны. В отдельной квартире, в особой детской комнате жить куда лучше, чем в коммуналке и в одной комнате на восьмерых, но и воспитание должно измениться. То полезное, что давали соседи по квартире и по двору, теперь должны давать мы.

И, наконец, последнее: знаете ли вы, сколько времени общаются теперь родители с детьми?

По некоторым данным – двенадцать минут в день! Но это такая цифра, что и верить в нее не хочется. Пусть будет втрое больше – тридцать минут. Полчаса. Полчаса проводит мама с ребенком, да и то она в это время, скорее всего, готовит ужин.

Воспитание в полчаса! Воспитание между прочим!

Включите телевизор, откройте педагогические книги – всюду говорят и пишут, каким должен быть отец, и как играть с детьми, и как развивать их эстетически, и как…

Да кто, кто будет все это делать? Какое там еще эстетическое воспитание в полчаса?

Учительница пожимает плечами:

– Семейное воспитание? Это очень просто! Надо, чтобы детей было много, чтобы родители показывали хороший пример и чтобы они занимались детьми двадцать четыре часа в сутки.

Правильно! Но в половине семей Российской Федерации один ребенок. И не двадцать четыре часа на него у родителей, а тридцать минут… Что толку говорить? Что вздыхать о прошлом?

Надо научиться воспитывать в полчаса, если другого выхода нет; надо отказаться от представлений, созданных в других условиях, и использовать преимущества нового времени.

Все трудно. Но откуда-то берутся же хорошие дети и хорошие люди в наши дни – вон их сколько!

Условия воспитания стали хуже, если его целью является послушание сначала родителям, потом – жизни. Приучать ребенка к послушанию стало почти невозможно. Но условия воспитания сильно улучшились, если целью является самостоятельный человек, – и неправильно было бы не замечать этого и не ценить.

И действительно, огромное большинство людей незаметно для себя, неосознанно, перешли в другую, никем не описанную эффективную педагогическую веру. Она позволяет в новых условиях, пользуясь их преимуществом, растить хороших людей.

10

В этой книге одно действующее лицо – вы, читатель. Вам предстоит совершить важное действие в душе и, отбросив недоумения «как же так?», «ну как же тогда воспитывать?», «ну надо же детей воспитывать!», – неизбежные при смене убеждений, – согласиться с фактом, против которого не возразишь: воспитание в полчаса не может быть таким же, как

круглосуточное.

Этот короткий рассказ поразил меня.

Товарищ мой, прекрасный человек, так ответил на вопрос о его воспитании:

– Отец мною совсем не занимался. Но когда бы я среди ночи ни проснулся, я видел щелочку света под дверью его комнаты. Он работал… Вот эта щелочка меня и воспитывала!

Другой мой товарищ, отличавшийся замечательным трудолюбием, готовностью прийти на помощь, когда я спросил, как его воспитывали, только усмехнулся:

– А меня никто не воспитывал… Родителям было не до меня. Мама – врач, отец – адвокат, и каждую ночь будили то маму, то отца – у кого-то беда… Может, эти звонки в дверь воспитывали?

Да ведь и многие очень хорошие люди говорят, что их вовсе не воспитывали, ими не занимались, родителям было некогда, «я рос сам по себе»…

Не воспитывали, не занимались, не обращали внимания – некогда было, а результат получился прекрасным. Само по себе вышло? Нет, видимо, есть какой-то секрет. Как это получается, что щелочка света воспитывает, воспитывают звонки в дверь, фотография отца-солдата – и вовсе не было его в живых, с войны не вернулся, а воспитывал?

А может быть, существует воспитание без воспитания?

11

Много лет назад один юноша прислал письмо, в котором спорил со мной о смысле жизни. Не помню сейчас, в чем состоял спор, но одну строчку из письма я словно вижу перед собой. «Только не приводите примеров, – писал девятиклассник, – примерами можно доказать что угодно».

С тех пор я все читаю глазами храброго школьника и не люблю примеров, особенно в педагогической литературе, и сам стараюсь приводить лишь примеры-модели, лишь такие особые случаи, которые подводят к пониманию общего.

Таким примером-моделью, и притом, пожалуй, наиболее важным во всех размышлениях о домашнем воспитании, стал незначительный случай, произошедший с трехлетним Матвеем.

…Ранним воскресным утром я рассказывал ему на кухне сказку о репке. Честно говоря, мне больше хотелось спать, но мальчик проснулся, и если его не занять, он поднимет на ноги весь дом. Сказку он любил, слушал внимательно, и все было хорошо, пока репку тянул дед, тянула бабка, тянула внучка…

На собаке Жучке мы споткнулись.

Я заметил, что Матвей вовсе не слушает меня, а поднял локти и странно вертит ими, словно собирается взлететь.

Что такое?

И тут я понял, что сижу за столом, облокотясь и подперев голову рукой. Мальчик, подражая мне, хочет сесть таким же чудесным способом, но, увы, не достает локтями до стола, только тщится.

Понимаете? Я думаю, будто рассказываю сказку, учу доброму, а на самом деле я учу его облокачиваться, только и всего.

Снова я должен употребить слово «поразило». Это столкновение между «я думаю, что…» и «на самом деле» поразило меня. Может быть, и на каждом шагу я добиваюсь одного, а происходит что-то другое? И это другое и есть подлинное воспитание?

Учу одному – а научаю другому. Не этим ли объясняется, отчего на одних и тех же сказках вырастают и хорошие, и дурные дети?

12

Я стал присматриваться к отношениям старших и детей.

В кабинет старого, почтенного человека вбежал при мне пятилетний внук хозяина:

– Дедушка, дедушка, посмотри, как я нарисовал!

Дедушка осадил мальчика:

– Разве ты не видишь, что мы разговариваем?

Мальчик сник и послушно вышел из комнаты.

Раньше я сказал бы про себя или вслух: «Ну зачем так грубо», теперь, после истории с «Репкой», я вижу: дедушка дал внуку не один урок, а два. Первый – урок культуры: нельзя прерывать взрослых. Второй – урок нравственного бескультурья: ничего не стоит погасить радость человека, осадить его, пользуясь старшинством, предать. Ведь если бы в комнату столь же бесцеремонно ворвался старый друг, его не осадили бы. Хозяин нашел бы способ не обидеть ни его, ни гостя. И это было бы по-человечески. С мальчиком же дедушка поступает педагогически – то есть худшим образом.

Мама с девочкой ждут троллейбус, девочка подняла руку к лицу с явным намерением поковырять в носу. Предупредительная мама говорит:

– Врезать тебе? Или сама догадаешься?

Два урока. Урок культуры – не ковыряй в носу, неприлично, и

урок бескультурья – «врезать тебе?».

Восьмиклассник хорошо рисует, у него явные способности, он тихий, умный паренек. Но маму заботит, что он горбится, когда сидит за столом. К тому же он не причесывается. Сто раз говорила ему мама: «Не горбись!» – и двести раз: «Причешись!» Горбится и не причесывается. Интеллигентная мама отвела сына к врачу-психиатру: «Что с моим мальчиком? Он болен! Он горбится и не причесывается!»

Два урока. Урок культуры – не горбись, причесывайся, и урок безжалостности. Поход к врачу, подозрение в психическом заболевании даром не пройдут.

Мама-актриса говорит своей восьмилетней дочери: «Сложи рубашку». – «Сейчас!» – «Я кому сказала?» – «Ну сейчас, сейчас!» – «Сколько раз тебе говорить? Что это такое?» – раскричалась мама и ушла в ванную комнату плакать.

Два урока. Урок культуры – надо убирать вещи! И урок бескультурья, беспомощности, нетерпения.

На каждом шагу сказка и локти, на каждом шагу не один, а два урока.

Но что же делать? Когда я тихо заметил, что не стоило обрывать мальчика, вбежавшего с рисунком, почтенный дедушка крайне удивился. У него лицо вытянулось, плечи вверх пошли, он посмотрел на меня с подозрением – в своем ли уме человек?

– Ну надо же детей воспитывать! – сказал он. – Ребенок должен знать, что дети в разговоры взрослых не вмешиваются!

Конечно, должен! И не должна девочка ковырять в носу, и не должен мальчик горбиться, и должен он причесываться, и должна девочка убирать свои вещи – надо же детей воспитывать!

Есть старинное изречение: «Кораблями управлять необходимо». Точно так же можно сказать: «Детей воспитывать необходимо», нет двух мнений.

Но спросим себя наконец:

– Что значит воспитывать?

Всматривайтесь в детей – поймете себя. Размышляя о мальчике, который не слушает сказку, а, глядя на отца, вертит локтями, я понял, мне кажется, суть воспитания. И вы поймете, читатель, если спросите себя: а что такое эти урок № 1 и урок № 2, которые мы видим в каждом воспитательном событии?

Да это же цель и средства!

13

Воспитывать – значит учить жить, а жить – значит какими-то

средствами добиваться каких-то целей. В жизни всё – цели и средства, больше ничего нет. Даже любовь не что иное, как перенос своих целей на другого человека. Все, что я желаю себе, я пылко желаю другому или другим больше, чем себе, – вот что такое любовь.

Цели у всех людей относительно одинаковые, все мы в той или иной степени хотим благополучия, свободы, счастья и здоровья – стремимся если не к блаженству, то к благу.

Но средства для достижения целей бесконечно разнообразны, и все они строго и бесспорно разделяются вопросом «за чей счет?».

О целях, как и о вкусах, можно спорить, о средствах спорить нечего. За чей счет добивается человек своих целей – за свой или за чужой? Здесь граница между нравственностью и безнравственностью.

Все моральные заповеди, все законы, все правила поведения культурного человека сводятся, по сути, к одному: добивайся своих целей, но за свой счет, а не за счет другого. Какими бы значительными ни казались тебе твои цели, не посягай ради них на другого человека, на его жизнь, на его труд, на его покой, на его права, на его личность, на его достоинство, на его интересы, на его вкусы, на его взгляды, на его настроение, на его планы, на его время, на его отдых, на его счастье – не посягай! Не утруждай его, не используй, добивайся своих целей за свой счет, и только за свой – за счет своего труда, своего опыта, своих знаний, своих страданий, своих сил, своего времени, своего имущества, своих способностей, своего мастерства.

Все, в чем нет посягательства на человека, – нравственно. Я не сумел придумать цели, которая была бы безнравственна сама по себе. Хочешь стать владыкой мира? Пожалуйста! Я первый признаю такого владыку, если он добился владычества, не посягнув ни на одного человека. Скорее всего, это будет человек из тех, кого называют «властителями умов» или «совестью мира». Что плохого?

Но самый корень нравственности, «самое-самое», как говорят дети, «самое-самое-самое» заключается в следующем: когда человек видит, что он не в состоянии добиться своей цели без того, чтобы посягнуть или излишне затруднить кого-то, то что же он делает?

Он отказывается от своей цели. Цель, связанная с посягательством на человека, для нравственного существа недостижима. Закрыта. Нет ее.

У Раскольникова была замечательная цель, он хотел доказать, что человек – это человек, а не тварь дрожащая. Но средства,

средства! Средства его погубили – он выбрал безнравственное средство, переступил порог нравственности; а так как он по сути своей был высоконравственный человек, оттого он и страдал, оттого и пришел к мысли о раскаянии, о необходимости искупить вину, пострадать; и когда он пострадал, то есть стал добиваться новых своих целей (покой души) за свой счет, за счет своего страдания, он, собственно, и доказал, что человек – это человек, а не тварь дрожащая. Потому-то Достоевского так и чтят во всем мире, что он поднимается до великих высот нравственности: его герой готов отдать мировую гармонию, то есть счастье миллионов людей, за единую слезу ребенка. Он показывает, что нет мыслимой цели на земле, которая могла бы оправдать малейшее посягательство на малейшего из людей.

Давно известное этическое правило (его выдвинул Кант): человек всегда цель, человек не может быть средством. Не посягай на человека для достижения своих целей, отказывайся от них, если они связаны с посягательством.

14

У читателя, конечно, возникла уйма возражений. А как же, спросят, на войне, где полководец посылает на смерть тысячи людей? Но ведь в справедливой войне у полководца и солдата одна цель: солдат стремится к победе точно так же, как и полководец. А в несправедливой войне солдаты – пушечное мясо, они воюют за чуждые им цели, их кто-то использует в своих целях. Несправедливая, захватническая война безнравственна до последней степени.

Но что делать, спросят, если посягают на тебя, и притом со всех сторон?

Когда разнимаешь дерущихся мальчишек, то один из них бормочет:

– А чего он? Он первый!

– Я первый? Это ты, ты первый полез! – возмущается другой.

Со словами «он первый» дерутся мальчишки, взрослые, народы и государства.

«Что делать, если на тебя посягают?» – это неправильный вопрос, в общем виде ответа нет. Бесполезно даже и пытаться вырабатывать правила, что же делать в каждом случае, и не потому, что этих случаев бесчисленное количество, а потому, что в правилах такого рода кроется недоверие к человеку. Нравственный человек, миролюбивый и совестливый, поступит так, как велит ему совесть и миролюбие. Может быть, он первый

начнет драку.

В несовершенном мире никто не огражден от посягательств, но ведь живут же люди. Одни из них добры и честны, никого не заденут, а другие по трупам пройдут, добиваясь своего. Эти другие обычно и задают вопрос: «А что же делать?»

«Не посягай на человека», – учим мы детей, и они вырастают чуткими, внимательными людьми. Вырастает девочка, которая за столом не скажет: «Папа, дай, пожалуйста, хлеба». Нет, и это ей кажется грубым! Она дождется, пока отец посмотрит на нее, встретится с ней взглядом, и лишь тогда скажет: «Тебе не трудно дать мне хлеба?» – с интонацией извинения. И вовсе не потому она так просит, что боится отца, нет, ей в самом деле неловко утруждать его. Она никогда никого ни о чем не попросит, не встретившись взглядом, не установив контакт, не убедившись, что не помешает просьбой. А может быть, человек за столом думает о чем-то своем – нельзя его просить, надо подождать, пока он посмотрит на тебя. Самая простая, самая легкая из целей – кусок хлеба из хлебницы, но и ради нее нельзя механически посягать на другого, ради нее тоже надо самому потрудиться душой: подождать, установить контакт, улыбнуться, преодолеть что-то, выразить благодарность. Цель достигнута за свой счет.

Я рассказываю о девочке, которой ни разу в жизни не сказали, что нельзя вмешиваться в разговоры взрослых. Но ее ни разу не осадили, ее ни разу ни о чем не попросили, не убедившись предварительно, что просьба ей не в тягость.

Скажут: что же это за воспитание? Это слишком деликатно, нечего так миндальничать с детьми.

Но ведь научились же мы все носить галстуки и прилично одеваться; пора научиться и деликатности, научиться миндальничать – от этого жизнь становится жизнью.

«Не посягай!», «Не затрудняй!» – и у детей появляется своего рода бдительность, появляется чувство человека: «Я никому не помешаю?», «Я никого не задену?», «Я никому не в тягость?», «Я никого не обижу?», «Я никого не расстрою?», «Я никого не утруждаю?»

«Не посягай!» – учим мы, и детям будет известно чувство неловкости, когда нечаянно заденешь кого-нибудь неуместным словом.

Хожу и повторяю дивные пушкинские строки: «Если горести чужой вам ужасно быть виною…»

Не посягай не из трусости, не по слабости, а из глубокого уважения к человеку, из чувства правды.

«Не причиняй горести», «не посягай» – тогда дети будут и деликатны, и тверды. Тверды в целях, деликатны в средствах.

Назовем все относящееся к целям человека его духовностью, а все относящееся к средствам – нравственностью. Цели человека могут быть духовные или бездуховные, средства – нравственные или безнравственные. А мораль – это принятые в обществе правила нравственности, писаные (моральный кодекс) или неписаные (общественное мнение). Можно сказать «читает мне мораль», а сказать «читает нравственность» нельзя.

Человек, читающий мораль другим, моралист, морализатор, сам может быть безнравственным человеком, и, как правило, он таковым и является; он стоит над душой, вычитывает мораль ради каких-то своих целей. Есть люди, которые в карман не залезут, на улице не ограбят, но живут за чужой счет, за счет народа, живут, спекулируя, воруя или бездельничая на своем посту. Всякий человек, получающий заработную плату не за дело, а за то, что занимает пост и пытается сохранить его, живет за чужой счет, безнравствен. Но когда человек ведет безнравственный образ жизни, то есть получает не заработанное (хотя он, быть может, сутками сидит в своей конторе, в своем кабинете), то дети, если они вовремя не уйдут от родителей, погибают душой. Они задыхаются без щелочки света.

Человек спрашивает: «Что с моими детьми? Почему они такие бессовестные? Я тружусь, я работаю, я стараюсь, я показываю пример…» – и, признаться, не всегда хватает мужества назвать в глаза истинную причину: она в том, что в работе такого отца нет правды. Он бюрократ, если занимает должность, он бракодел, если работает у станка, он привирает в книгах, если писатель, он делает приписки, если шофер, он невнимателен к больным, если врач, – как же детям вырасти правдивыми в доме, где правда то и дело не ночует дома?

Дети – тяжелое бремя, и не потому, что они шумят, требуют внимания и расходов, а потому, что приходится жить по правде.

Воспитание – это обучение нравственной жизни, то есть обучение нравственным средствам. Воспитывая детей, мы учим их добиваться своих целей за свой счет, пользуясь лишь нравственными средствами. Нравственность (определяемая вопросом «за чей счет?») указывает нижнюю границу возможных для человека действий и поступков; через требования нравственности переступить невозможно. Нравственность – граница дозволяемого совестью. А верхней границы нет, вверх – духовность, она бесконечна. Человек живет не в диапазоне между недозволенным и дозволенным, а бесконечно свободно – но с твердым основанием нравственности. У него любые выборы,

кроме тех, которые связаны с затруднениями для другого человека. От границы нравственности стрела возможного идет бесконечно высоко, но в одну сторону.

Будет нравственность, почти наверняка будет и духовность; не будет нравственности – не будет ничего, никакого воспитания.

16

Поставим мысленный эксперимент. Предположим, некий мальчик дурно вел себя во дворе: побил маленького соседского мальчишку. Тот пожаловался своему отцу, отец отправился к соседу – «приструни, мол, своего», и наш отец берется за ремень. Он порет сына, приговаривая:

– Не бей маленьких! Ты у меня на всю жизнь запомнишь, как маленьких бить!

Вопрос: чему учит отец? Бить маленьких или не бить маленьких?

Теперь мы можем ответить: неизвестно, научит ли он тому, чему хочет научить, но бить другого – научит наверняка.

Нравственной цели (не посягай) отец учит безнравственными средствами (посягая) – и мы должны признать, что он не воспитывает ребенка, как он думает, а развращает его душу, учит безнравственности, учит посягать на человека.

Наши цели ребенку, как правило, недоступны. Он не может понять, отчего нельзя стукнуть приставшего к нему соседского мальчишку, зачем надевать теплую куртку, когда еще тепло, зачем есть, когда не хочется, зачем спать, если не спится, зачем сидеть за уроками, если все равно ничего не понятно, – всех этих целей ребенок не понимает. Но средства, которыми мы своих целей пытаемся достичь, вполне ребенку доступны. Замечание, брань, крик, ремень – что тут непонятного? Школа обучения средствам открывается на первой минуте после рождения.

Воспитание, повторим, – это обучение средствам для достижения своих и общих целей.

Мама говорит неудачному (на ее взгляд) сыну:

– Пожалей маму!

– Я больше не могу с тобой!

– Ну ради отца с матерью!

– Неужели тебе мать не жалко?

Маме кажется, что она учит чуткости. На самом деле работает школа эгоизма: мама учит жаловаться, учит думать о себе, учит добиваться своего, вызывая жалость, учит беспомощности, навязчивости. И эти, а не другие уроки будут

восприняты и обращены против матери же.

Грубовато обращаясь с младенцем, я учу его грубости, и больше ничему. Какая бы у меня ни была важная цель: здоровье ребенка, его будущее, его жизнь, но учу я его одной лишь грубости. Ее он воспринимает, а не мою цель.

Требуя от ребенка, я учу его требовать от родителей, от людей, от жизни. Не тому учу и не другому, а только требовать, наступать, из горла вырывать – дай! Делай, как я велю!

Добиваясь верха – учу добиваться верха.

Прошу – учу просить.

Уступаю – учу уступать.

Добиваюсь своего увлекая, шутя, с выдумкой – учу тому же своего ребенка.

В глаголах «грубить», «просить», «требовать», «посягать», «уступать» выражены такие же действия, как в глаголах «пилить», «читать», «стирать», «косить». Физическим действиям мы учим наглядно, душевным – незаметно. Нам кажется, что ничего значительного не происходит, но процесс обучения идет – мы учим добиваться своих целей определенными душевными движениями, как учат строгать определенными физическими движениями.

17

Воспитание принципиально двойственно, в нем два ряда. Один ряд – культурный, навыки культурного поведения, умственное развитие, учение – все то, что в прежние времена в богатых семьях давали гувернеры и домашние учителя.

Другой ряд – нравственный, навыки обращения с целями, навыки выбора нравственных средств.

В сознании большинства родителей воспитывать – значит прививать культурные навыки: не шуми, не бегай, не прыгай, ешь, как люди едят, не пачкайся, говори «здравствуйте», «спасибо» и «пожалуйста» («Что надо сказать тете?»), не вмешивайся в разговор взрослых, не груби, не пререкайся, уступай место старшим, мой руки перед едой, ложись вовремя спать, не разбрасывай вещи, не пачкай пол.

На самом деле воспитывать – значит учить человека относиться к людям и к делу по-человечески, по правде.

Мы прививаем культурные навыки (надо же детей воспитывать!) и в то же самое время прививаем им грубость, черствость, нечуткость, неуважение к людям – и первые же страдаем от такого псевдовоспитания.

Правил культурного поведения относительно немного, и даются они приучением, требуют постоянного надзора за ребенком. Нетрудно предсказать, что уже в начале будущего века будет изобретен электронный карманный гувернер. Помещенный в задний карман джинсов, он легким пощипыванием напомнит воспитаннику о правилах поведения.

Но никогда не изобретут машину для воспитания любви и совестливости, чести и порядочности, и человеку самому приходится постоянно умерять свои желания, отказываться от целей, если их достижение задевает хоть одного человека.

Вот это второе, немашинное нравственное воспитание и является главным. Только оно и есть воспитание.

Будет нравственное воспитание – ребенок воспримет правила культурного поведения из среды, его окружающей, возьмет пример с родителей. Нравственный человек никогда не будет ниже своей среды по культурному уровню.

18

Дело, таким образом, сводится к следующему.

Мальчик по утрам долго одевается, он копуха, а мы опаздываем в детский сад и на работу. Можно было бы рассказать ему сказку про медлительную черепаху, устроить веселое соревнование, затормошить мальчика или без разговоров быстро одеть его, не боясь, что это непедагогично и что он не научится одеваться сам – научится!

Но все эти средства требуют времени, терпения, сил, изобретательности, хорошего настроения, жизнерадостности, а мы торопимся, мы издерганы, мы боимся потакать мальчику, и мы кричим на него, шлепаем, обзываем – мы учим добиваться своего небрежением и насилием.

Мальчик плохо учится. Надо пораньше приходить с работы, заниматься с ним, развивать его, читать с ним и читать ему; надо подыскать ему кружок поинтереснее; надо хвалить его, когда хотелось бы отругать, терпеливо, изо дня в день сидеть с ним, когда он делает уроки. Но у нас нет желания возиться с сыном, и нет терпения ждать результатов годами, и нет умения помочь. Мы умеем одно – накричать! Наорать! «В следующий раз выпорю!» – вот и все воспитание. Но воспитание – чего? Обучение – чему?

Матвей ложится спать и самым аккуратным образом складывает на стул свои штанишки и рубашку. Что за чудеса?

Этому его научили в детском саду. В прошлые времена даже самые состоятельные люди отдавали детей в закрытые

воспитательные учреждения, потому что там ребенка могли научить правилам поведения, не вступая в отношения с ним. В лицее, в пансионе, в детском саду к порядку приучает не воспитательница, а порядок, установленный раз и навсегда. Человек, побывавший в венгерской гимназии, рассказывал мне, как его поразило, что ученики на переменах чинно ходят по двору в парах, по кругу. Он спросил директора гимназии, какими методами добиваются такого порядка. Тот пожал плечами:

– Не знаю. Они уже четыреста лет так ходят.

Гувернерское, пансионное, детсадовское воспитание почти не влияет на нравственность детей, потому что там очень слаб элемент отношения. Злая воспитательница – это просто злая воспитательница, как бывают злые соседки. А злая мама – значит, весь мир злой.

Не понимая этой разницы, этих механизмов воспитания, мы стараемся добиться от детей того же, что легко получается в детском саду, и отношения с детьми портятся, нравственность их страдает.

…И снова мы подходим к горячей точке педагогики, к чему-то, определяющему успех или неуспех воспитания.

Все наши представления о любви и совести, все доброе и умное рушится перед простым фактом: ребенок должен аккуратно складывать одежду перед сном, а утром быстро одеваться, прилично учиться, помогать по дому и вести себя так, чтобы за него не было стыдно и чтобы на него не жаловались. Должен! С этим невозможно спорить. Если он не учится, не помогает, не слушается, если на него жалуются, то жизнь становится невыносимой.

Педагоги говорят родителям: «Ваш ребенок должен делать все, что положено, вы должны научить его, и при этом, конечно, нельзя унижать его достоинство, ругать его, кричать на него, бить».

Уже знакомое нам «и» – чернильное, «и» – педагогическое. Легко сказать! Но нет в жизни «и», нет у родителей ни времени, ни сил, ни терпения, ни умения! Все это правильно для совершенных родителей-отличников.

Но что же делать несовершенным?

Совершенные родители, да еще если они в педагогически выгодных условиях, например, с помощниками, могут добиваться своих целей нравственными способами. Они дают детям навыки культурного поведения, дети у них хорошо учатся без особых, казалось бы, усилий, и ни один их урок № 1 не противоречит уроку № 2.

Но что же – еще раз – делать нам, несовершенным?

Неотличникам? Замотанным жизнью и работой? Встречающимся со своими детьми на полчаса в день? Не обладающим великой воспитательной силой? И взгляд-то у нас вовсе не такой, что посмотришь на ребеночка – он и стихает. Что нам делать?!

19

Вывод, мне кажется, может быть только один.

Если у нас не хватает способностей, не хватает сил, времени и дети не ангелы, если невозможно достичь и того и этого – и культурное поведение дать, и нравственную культуру, то надо каким-то из двух этих рядов поступиться. Сделать выбор. Отказаться от некоторых целей, поскольку мы в нынешних условиях не можем достичь их нравственными средствами, не посягая на ребенка.

Тут с двух сторон сходится:

– только нравственное, духовное воспитание – подлинное воспитание;

– и только нравственное, духовное воспитание возможно в нынешних условиях, когда нет помощников, когда родители работают и когда на ребенка есть всего полчаса в день.

Если бы воспитание заключалось в одних лишь мерах прямого воздействия, состояло из одних «уроков № 1», из того, что принято считать воспитанием, то дела наши были бы плохи. К счастью, это не так. Воспитание в полчаса возможно.

20

Но мы должны привести образ воспитания в соответствие с образом жизни. Или мы добиваемся культурных целей за счет нравственности, или мы отдаем предпочтение нравственности – и тогда должны смириться с тем, что не все и, быть может, далеко не все культурные наши цели могут быть достигнуты. Можно не соглашаться с таким решением, с таким ответом, но не отбрасывайте вопроса! Главное – не замазывать противоречия, не говорить с серьезным видом, что и то важно, и это, не прятать истинную причину неудач в воспитании: мы добиваемся нравственных (культурных) целей безнравственными (бескультурными) средствами, а для достижения двух целей – культура и нравственность – у многих из нас нет воспитательной силы.

Тут ничего нового нет, все родители делают и всегда делали

этот выбор, но многие выбирали и выбирают культурный ряд за счет нравственного. В результате вырастают дети и безнравственные, и бескультурные. Дети вырастают бескультурными не потому, что им дают мало культуры, а потому, что им пытаются привить одну лишь культуру, без нравственности.

В воспитании, как и всюду, действует жесткое правило: «По одежке протягивай ножки». Мы покупаем вещи по средствам, мы строим дом по средствам, мы все в жизни делаем по средствам. Почему же не хотим мы понять, что и для воспитания нужны средства, условия, возможности, силы, способности, и коли их не хватает, то надо и подвинуться, попридержать свои амбиции. Будем чемпионами, но, простите, в своем весе. Что ж заглядываться на сверхтяжелых атлетов?

Включил телевизор и поймал случайную фразу из спектакля:

– Ему не хватает воспитания, но душа у него прекрасная.

Позвольте, а что же прекрасная душа – сама по себе появилась? Без воспитания? Вот это и есть воспитанный человек – с прекрасной душой.

Воспитанный – значит с прекрасной душой, а не с одними лишь прекрасными манерами.

Из двух целей выберем важнейшую, сделаем крен на воспитание нравственности – это и значит перейти в новую педагогическую веру.

И сразу решаются многие задачи и загадки!

Культурно-гувернерское воспитание невозможно в полчаса, мы только зря тратим силы и нервы, зря ссоримся с детьми. Наш ребенок не виноват, что у него нет гувернера, а мама ведет себя так, словно она гувернер, но безответственный, исчезающий на весь день и пытающийся в полчаса замазать свои грехи и навести порядок. Нельзя в полчаса добиться того же, чего прежде профессионалы и за сутки добивались с трудом.

А нравственное, духовное воспитание возможно, потому что оно идет не полчаса, а сутки напролет, все двадцать четыре часа, и не требует никаких специальных педагогических действий. Нужна трата души, а не времени, души, а не одних только нервов. Педагогическая работа идет в душе отца, в душе матери, но дети от нее становятся лучше. Ребенок видит только щелочку света, но в ней больше педагогической силы, чем в тысяче поощрений и в миллионе наказаний.

Нравственное воспитание – это воспитание без воспитания, то есть без особых педагогических мероприятий и мер, которые сами по себе могут быть и полезными, и вредными. Если мы выбираем первый, культурный ряд, но ничего не можем добиться

от ребенка, мы становимся все злее, все нетерпимее, мы все меньше любим разочаровавшего нас ребенка, и он становится все хуже и хуже. Если же мы делаем второй выбор, нравственный, мы постепенно научаемся находить выходы, у нас развивается изобретательность, некая педагогическая хитрость, мы становимся лучше, даже не занимаясь самосовершенствованием, не думая о нем, – и лучше становятся наши дети.

Дети становятся лучше или хуже не сами по себе, а в зависимости от того, что происходит с нами. Лучше становимся мы, лучше становятся и дети.

Слышу возмущенные голоса: «Вместо того чтобы призывать к полноценному воспитанию – и культуры, и нравственности, – он призывает к чему? Вы подумайте, к чему он призывает!»

Но еще и еще раз: я не призываю. Я ни в коем случае не против культуры поведения, я очень не люблю невежливых людей, и в конечном счете не наученный культурному поведению человек постоянно посягает на других и затрудняет их. Я лишь утверждаю, что есть два пути к культуре поведения: гувернерский и материнский, и что в наших условиях надо, во-первых, сделать выбор, а во-вторых, отдать предпочтение второму пути. К культуре поведения – через нравственность.

Должен повторить: несовершенные, мы хотим вырастить совершенных детей. А это невозможно.

21

Разберем такой парадокс.

Мы всегда с интересом слушаем рассказы о воспитании детей в других странах.

В одной – детей держат в ежовых рукавицах, в другой – распускают; в этой стране особо уважают мальчиков, а, например, на Кубе – все внимание и уважение девочкам; там детей секут, а здесь считается неприличным и пальцем тронуть ребенка; там дети чуть ли не в пять лет в работу впрягаются, а здесь – до двадцати пяти лет учатся… Любые краски найдешь на педагогической палитре мира, и можно сколько угодно спорить о преимуществе тех или других методов или подходов. Педагогика всюду разная.

А результаты ее нельзя не признать одинаковыми, если не впадать в расизм. Нормальный человек не станет утверждать, что один народ лучше другого.

Воспитание разное – результаты одинаковые.

Как это может быть?

Я обращался ко многим людям, спрашивал ученых – как так? Воспитание разное, а результаты одинаковые!

Никто не может ответить.

А ответ, по-моему, в том, что и воспитание во всем мире одинаковое. Оно разнится методами, и методы, конечно, накладывают отпечаток на характер – есть ведь и национальный характер у каждого народа, он зависит и от форм воспитания. Но нравственное содержание у всех народов одно. В разных формах живет общее содержание, которое делает людей прежде всего людьми, а потом уж кубинцами или японцами.

Все семьи разные, все народы разные, все времена разные, все условия воспитания разные, но высшая нравственность одна, но правда одна, но слово «любовь» на всех языках означает одно и то же. Вот и будем учить детей жить нравственно – это возможно и в полчаса, и в десять минут, и во всех условиях.

Воспитание воздействиями – это пассивная педагогика. Мы наметили в голове некий курс в виде образа Ребенка, и теперь все наши действия определяются не нами, а ребенком. Чуть он отклонится – мы начинам реагировать. Если бы он следовал по заданной траектории поведения, мы бы спали. Мы не замечаем ребенка, мы замечаем одни лишь его недостатки.

Нравственно-духовное воспитание – это активная педагогика. Мы зовем к самоосвобождению, вызываем чувство симпатии, пробуждаем добро. Сами не спим душой и не даем заснуть душе ребенка.

Одна педагогика делает упор на то, что ребенок должен знать, должен уметь, должен понимать. Она говорит нам: надо, чтобы… надо, чтобы…

Другая педагогика делает упор на то, каким путем добиваться этих всем известных «должен, должен, должен». Она говорит: чтобы… надо, чтобы… надо.

Чтобы дети выросли нравственными людьми, надо добиваться от ребенка лишь того, чего мы можем добиться, не посягая на него. Будет нравственность – будет все; не будет нравственности – ничего не будет.

Так – получается, а так – нет.

22

Матвей наш – детсадовский, и притом из честных. На вопрос о любимых кушаньях он отвечает: «Котлеты, компот, картошка и еще макароны».

Сегодня дома на завтрак макароны. Мы с ним вдвоем. Он

тычет вилкой лениво, он набросал вокруг тарелки. В детском саду ему сделали бы сто замечаний, но я молчу. Он показывает самому себе, что он свободный человек: как хочет, так и ест. А я его сегодня не воспитываю, он у меня как гость, у нас выходной – и от воспитания выходной. У меня нет страха за его будущее: а вдруг он вырастет и всю жизнь будет есть неаккуратно? Не будет! Я знаю, я чувствую, я верю – все будет с ним хорошо.

Некоторые педагоги советуют сажать детей до пяти лет за отдельный столик, потому что не всякий выдержит, когда в тарелку лезут пятерней (и хорошо если в свою, а то ведь и в чужую!), – не всякий это выдержит, но ведь и нельзя, чтобы завтрак сопровождался бесконечными: «Ешь аккуратнее! Ты почему все разбросал? Ну что же это такое! Вот, опять пролил! Позавтракать спокойно нельзя! Сейчас ты у меня получишь! Сейчас кое-кто у меня схлопочет!» Не в таких ли завтраках, обедах и ужинах с острой приправой в виде понуканий и угроз закладывается будущая язва желудка? Воспитание должно быть, напомню, антиязвенным.

Но и отдельно мальчика не посадишь – он год будет возиться. И чтобы не портить воскресное утро замечаниями и ссорами, я завожу речь о дяде Сереже, моем новом знакомом, – он и конструктор ЭВМ, и сочинитель сказок. Мы все давно ждали его в гости, и вот он сегодня впервые придет к нам.

Но мальчик настроен все делать наперекор.

Что-то, видимо, я не так сказал ему, какое-то раздражение он все-таки уловил в моем голосе, и вот следует мщение.

– Я не хочу, чтобы дядя Сережа приезжал к нам, – вдруг объявляет он, рассматривая макаронину на свет.

– Почему?

Подумал. Не сразу ведь придумаешь причину. Нашел:

– Потому что у нас тесно. У нас такие маленькие комнаты.

И вправду, не хоромы у нас, но все-таки дядя Сережа как-нибудь поместится. Я хотел было сказать: «Не болтай глупостей!», но сдержался, решив, что это вовсе не глупость. Пойди придумай такой необыкновенный довод! Мне бы обнять, поцеловать и похвалить мальчика, заодно превратив все это в шутку. Но я возражаю серьезно:

– Мы же договорились с дядей Сережей. Все должно быть честно.

Он проглотил макаронину и задумчиво сказал:

– Я тебя ненавижу.

Вот те раз!

И так все время. Во мне словно двое воюют, воспитатель и просто человек. Любящий и раздражающийся. Любовь к мальчику

борется с раздражением.

А говорят, не нужно никаких наук о воспитании, никаких книг о воспитании – надо просто любить детей.

Культ просто любви весьма распространен в наши дни. Слушайся, дескать, своего сердца, и оно не подведет.

Подведет, еще как может подвести!

Уход за ребенком требует такого сосредоточения и напряжения, что его далеко не каждый выдерживает. За всеми этими тягучими завтраками, макаронами, сборами на прогулку любовь теряется.

Вот и меня в то утро, когда должен был прийти дядя Сережа, словно раздирало на части. Все кричало во мне: «Да что же это такое? Пятилетний пацан, мой собственный сын заявляет мне: „Я тебя ненавижу“ – а я его должен любить?»

Но новое чувство, постепенно зарождающееся во мне, еще слабое, еще вынужденное отстаивать себя, это новое чувство помогает мне искать выход. «Все было – этого еще не было, – говорю я себе. – Но ничего страшного… Услышал где-то. В детском саду и не такое услышишь. Обидеться? Обидно, конечно… Но ведь я люблю мальчика, – говорю я себе, – и ведь на самом-то деле я не обижен, не чувствую обиды. Я люблю его, и ему не обидеть меня ни за что. Притвориться обиженным из педагогических соображений? Чистая глупость. Превратить все в шутку? Но ему не до шуток, он ненавидит».

И самым спокойным из всех серьезных своих голосов я интересуюсь, за что же он меня ненавидит. Чистейшая серьезность и невозмутимость – вот что мне нужно в голосе. Кажется, удалось, поскольку он объясняет деловито:

– Потому что ты хочешь, чтобы дядя Сережа пришел, а я не хочу.

Снова вскипает во мне раздражение. Я люблю сына – но я люблю хорошего мальчика, а не капризного, не такого, у которого на каждом шагу «хочу» да «не хочу». Людей, постоянно повторяющих: «я люблю», «я это не люблю», «хочу», «не хочу», – таких людей я терпеть не могу.

Но ведь пятилетние буквально сотканы из этих «хочу» и «не хочу». Станет старше – пройдет само собой, а одергивать и поучать – еще опаснее. Я видел детей, которых в пять лет отучили говорить «я хочу», а в пятнадцать схватились за голову: «Он ничего не хочет! Его ничего не интересует». А в двадцать пять и вовсе были в ужасе: «Что делать? Ему ничего в жизни не нужно…»

И вот новая моя, человеческая, а не педагогическая любовь, кажется, побеждает:

– А мы его во дворе встретим, дядю Сережу, – удалось

придумать мне. – Если у нас тесно, мы подождем его во дворе.

Ура! Его величество согласилось на такой шаг. Я чувствую себя счастливым. А что делать? Кто скажет, как надо поступать в таких случаях? Или еще сложнее вопрос: кто скажет, что должен был делать, говорить и чувствовать я – такой, какой я есть?

Уверен в одном: я не укрепил случайно вспыхнувшее зло в душе мальчика, и оно улетучилось. Я победил. Не мальчика, нет! Победил зло. В это утро в мире зла стало на один атом меньше, чем могло быть.

23

Но так ли все? Правильно ли я поступил? Читательница из Кемеровской области Елена Михайловна Елисеева пишет мне, что я не прав, что ребенок в то утро понял одно: можно говорить «ненавижу» по любому поводу и в любое время, и если кто-то обидится, то ребенок удивится и не поймет, почему человек обиделся. «На месте отца я бы отреагировала сразу, – пишет она, – сознательно и доходчиво объяснила бы сыну, что нельзя говорить „ненавижу“ без особой причины, ненавидим мы очень плохих людей, например фашистов. Это страшное слово – „ненавижу“, хорошего человека оно может оскорбить и обидеть, а ты понимаешь, как это – обидеть? Тебе было когда-нибудь обидно? Вот видишь, так и мне обидно. Мне кажется, сразу надо было пресечь это. А отец промолчал, и слово это злое не исчезло, оно только затаилось».

Вот случай показать, что такое разные педагогические веры.

Сначала кажется, что Елена Михайловна совершенно права и возразить ей нечего. Все ее доводы убедительны и вызывают уважение. Но права она по-своему, в своей логике, в своей вере.

А я верю, что мир в то воскресное утро был дороже всего и что если я каждое слово мальчика начну принимать как предлог для поучения, то мне придется поучать его с утра до вечера. Пусть даже и ласковым голосом, но поучать. В конце концов мои поучения станут надоедливыми. И однажды, когда придет минута сказать решительное слово и нужно будет, чтобы мальчик услышал его и послушался, – у меня такой силы влияния не останется, я всю ее истрачу на поучения по мелким поводам. Поучения – как антибиотики, они лечат поначалу, а потом вирусы привыкают к ним.

Я думаю, что мальчик в пять лет, сказав «ненавижу», уже знал, что это обидно, что он сознательно хотел обидеть меня, чтобы добиться своего, своей цели, и если бы я показал ему, что

обиделся, – то и вышло бы так, как он хотел. Я показал бы ему, что, обижая человека, можно иногда и добиться своего. Я дал бы ему урок обидчивости, показал бы, что одна из возможных человеческих реакций на чужой поступок – это обида. Но обида – беспомощная реакция, самое слабое средство, я не хочу его учить обижаться. Я показал ему, что можно выработать и другую реакцию, можно поискать путь к согласию – мы стали искать его и нашли. Я учил его быть миролюбивым.

Я считаю, что, обидевшись, я отошел бы от мальчика, а мне важнее всего, чтобы не было между нами ни рва, ни канавки. Пока мы вместе, я могу влиять на него, а если я обиделся, отступил, отвернулся (обиделся – это отвернулся, как маленькие девочки отворачиваются и трут глаза кулачками: «Я на тебя обиделась!»), если бы я отвернулся, то мои возможности повлиять на ребенка уменьшились бы.

Я уверен, что, произнеся сердитое слово «ненавижу», мальчик все-таки не до конца еще понимал его серьезность, иначе (я его знаю, своего мальчика) он бы его не произнес. Сказал и забыл. Мог бы и похуже что-нибудь сказать… Но если я это дурное слово пропущу, не заметив, если ничего в ответ не произойдет, то спустя какое-то время мальчик и сам перестанет пользоваться сильными словами – ведь не в безвоздушном же, не в безлюдном пространстве он живет. А если бы я сконцентрировал его внимание на дурном слове, то он навсегда запомнил бы его, оно укрепилось бы в его сознании, и мальчик знал бы, что при случае можно воспользоваться этим словом – он видел бы, какой эффект оно производит.

И я не верю в педагогику пресечения («сразу надо было пресечь это»). Чуть что – пресечь! Я больше верю в педагогику противопоставления: злу противопоставляется добро. Я уверен, я верю, что мальчик отметил в своем сознании, как я отреагировал на сильное слово, на попытку обидеть, и он стал чуточку лучше, мой мальчик. Да и я, признаюсь открыто, любовью победив обиду, почувствовал, что я тоже стал лучше, и вот это мое незаметное, тонкое, неуловимое движение к лучшему – но движение! движение! – несомненно передалось и мальчику, иначе он ни за что не согласился бы на мое довольно глупое предложение встретить дядю Сережу во дворе. Ведь мальчик пошел мне навстречу, словно извинился передо мной, и насколько такое извинение дороже того, к какому я мог бы его принудить, если бы потребовал: «Ты меня обидел, проси прощения! Не хочешь? Не будешь? Упрямый мальчишка! Становись в угол!» И потом из угла услышал бы тягучее, душевно-ленивое: «Я больше не буду…» А потом пришел бы наш гость, и мы с Матвеем натянуто улыбались

бы ему и изображали хозяев, чувствуя враждебность друг к другу. Я – потому что маленький мальчик посмел сказать мне «ненавижу», мальчик – потому что я устроил скандал по пустякам.

А к тому же – отчего это никогда не приходит нам в голову? – он маленький, он бессилен передо мной. Я могу делать что хочу: звать в гости дядю Сережу, не звать в гости дядю Сережу, а мальчик никаких прав не имеет. От этого можно и возненавидеть! И отчего не приходит нам в голову, что когда мальчик говорит нам «я тебя не люблю», «я тебя ненавижу», то он не только повторяет чужие, а может быть, и наши собственные слова (не говорили ли мы ему «я тебя не люблю!», а?), но и в самом деле ненавидит. Он маленький, его чувства сильнее наших! Прочитав ему нотацию о том, в каком случае надо употреблять слово «ненавижу», а в каком – нет, я бы поучил его, как за словами прятать чувство. Хороший ли это был бы урок? Это был бы урок вежливости, не спорю, но урок чувства – дурной, а чувства в этом возрасте важнее вежливости. У мальчика сильный характер. Когда он любит – он умирает от любви, когда он ненавидит – он кричит: «Ненавижу!» Что ж! Я не должен его ломать, но я не должен и поощрять его ненависть, его злобные чувства. Я не могу искоренить их в один миг – я могу противопоставить им добро, могу освободить мальчика от злого чувства, если оно было. Елена Михайловна победила бы дурное слово, а я, мне кажется, победил дурное чувство.

Если мальчик произнес злое слово просто так, я не должен заострять его внимание на этом слове.

Если мальчик хотел меня обидеть, я не должен поддаваться и обижаться.

Если мальчик ненавидел меня, я должен помочь ему справиться со своим чувством, сделать так, чтобы он сам победил его.

Но главное в этой истории заключается в следующем. Мама Елена Михайловна с ее педагогическими убеждениями, с ее педагогической верой должна поступить так, как она предлагает, – и она будет права. Она не может принять мой совет и поступить так, как предлагаю я, потому что мой вариант ответа, но без веры в него приведет к худшим, а не к лучшим результатам. Ведь это лишь кажется, будто я попустительствовал мальчику, нет, я действовал, я сильно потрудился в ту минуту.

А Елена Михайловна, если бы она поступила, как я предлагаю, пошла бы против себя, против своих убеждений, и вышло бы, что она просто промолчала бы, проглотила обиду. Вышло бы то самое попустительство злу, против которого – и в

этом мы несомненно согласны – мы вместе восстаем, и я, и незнакомая мне Елена Михайловна, и почти все люди.

Конечно, я не произнес в уме и десятой доли тех фраз, которые здесь для наглядности воспроизведены в виде доводов и рассуждений, но все же эти фразы, эти мысли и доводы жили во мне, их подсказывала моя педагогическая вера. Но и я, разумеется, не могу принять вариант Елены Михайловны: он возмущает меня точно так же, как возмущает ее мое поведение.

Такова педагогика. В каждом слове, в каждой интонации, в каждом самом маленьком поступке отражаются все наши убеждения. В любом слове – вся педагогика во всем ее объеме, и потому, чтобы суметь сказать ребенку толковое слово, имеющее воспитательную силу, нужно вырабатывать в себе сильную, эффективную педагогику, сознательно обновлять свою педагогическую веру.

24

…А дядя Сережа все-таки пришел к нам в гости, приехал на велосипеде диковинной марки и раскраски. Он рассказывал детям во дворе сказку о том, как дружили полицейский и паук и как на птичьем рынке купили живую летающую подушку, он дарил детям апельсины из авоськи, предварительно вырезав перочинным ножом на каждом апельсине веселую или грустную рожицу. И вечером, укладываясь спать, мальчик сказал, что он очень любит дядю Сережу.

– Я его всегда знал, – сказал он.

Я почувствовал ревность, но подавил ее. В конечном счете не обязательно, чтобы мальчик любил родителей – любил бы он кого-нибудь. Бывает и безответная любовь, надо быть готовым и к этому. Лишь бы он любил кого-нибудь! Был способен любить!

Тоненький стебелек детской любви – любви к отцу с матерью, к чужому человеку, к кому-нибудь… Вдумаемся: ведь все, что в мире есть хорошего, в конечном счете вырастает на этом стебельке.

Глава 3
Средства воспитания

1

Воспитание без воспитания – общение с ребенком без прямых средств воздействия, без команд, угроз, без одергиваний, замечаний, нотаций, без наказаний, битья и других мероприятий подобного рода. Предположим, что это понято и принято. Без чего – ясно. Но с чем? Что воспитывает ребенка? Почему все-таки происходит воспитание?

Из рассмотренных нами целей и условий воспитания выведем и соответствующие средства.

2

Вместе с педагогической верой, полученной нами в детстве, вместе с образом Ребенка, который создается под влиянием этой веры, живет почти в каждом из нас и страсть к воспитанию – не замечали ее в себе?

Страсть к воспитанию себе подобных – одна из самых первых человеческих страстей и самых неискоренимых. Психологи почему-то не замечают ее.

Дана ли она нам от природы? Ведь если заложена в человеке страсть, ведущая к рождению детей, то должна быть заложена и страсть воспитывать.

Или она дана нам из первых наших жизненных опытов? Оставьте трехлетнего мальчика с годовалым младенцем – и старший тут же начнет воспитывать младшего и будет учить его, как жить, пока тот не заорет на весь дом.

Поднимаешься по лестнице, и на каждой площадке из-за каждой двери крики: там муж воспитывает жену, там жена – мужа, а там они оба воспитывают своего сына. Бушуют педагогические страсти!

И человек не просто едет в автобусе, куда ему нужно, но еще воспитывает по дороге весь автобус.

Продавщица в магазине на вопрос «Сколько стоит сырок?» отвечает: «Там написано!» А когда ей говорят, что легче назвать цену, она искренне удивляется: «Ну надо же людей воспитывать!» Она не сырками торгует, она на воспитательной работе.

Кажется, будто воспитывать всех вокруг себя – это благородно, вроде бы как «не проходите мимо», но благородство – не в потакании своим страстям.

«Оставь ребенка в покое, – говорю я себе, – перестань его воспитывать на каждом шагу, уйми свою страсть к воспитанию! Она кажется тебе благородной, а на самом деле это и есть бескультурье – посягать на ребенка так называемым воспитанием. Не стой над душой!»

Увидав слова «Воспитание без воспитания», одна из читательниц воскликнула: «Что вы делаете! Вы лишаете людей единственного их наслаждения – наслаждения воспитывать, поучать, утверждаться за счет детей! Вам этого не простят!»

Возможно. Но что делать?

Культурное – то, над чем поработали, окультурили. Собственно говоря, все задачи педагогики сводятся к тому, чтобы окультурить природную воспитательную страсть.

3

Великий спрос на педагогические знания сегодня никто не может удовлетворить – никто не знает толком, чему же учить родителей и чем им помочь.

Считается, будто обучать родителей – значит давать им главным образом психологические сведения. Консультации для родителей ведут врачи и психологи, а не педагоги. Между тем у педагогики не одно, а два основания – психология и этика. Но такой науки, которая соединила бы психологию и этику, пока нет, и оттого общее разочарование в обучении родителей.

Мы все еще очень верим в педагогику на уровне «что делать, если ребенок», верим в то, что можно, не задумываясь о нравственных основаниях воспитания, добиться от ребенка чего-нибудь некими методами и средствами, «коррекцией» его поведения, «перевоспитанием», как будто ребенок – это ракета, летающая по заданной траектории и нуждающаяся в поправках при всяком отклонении от курса, или как будто перевоспитанием можно добиться того, чего не добились обыкновенным воспитанием. И слово появилось отвратительное: «перевоспитатель», хотя часто бывает, что тот, кто приступает к «коррекции», исправлению ребенка, с нравственной точки зрения в сто раз хуже того, кого он собирается исправлять, перевоспитывать. Предаваясь изучению методов, средств, систем, мы начинаем думать, будто можно добиться успеха, заменив один метод на другой, – и главные средства воспитания ускользают от

нас.

4

Когда у нас затруднения с ребенком, мы по привычке, по старой нашей педагогической вере полагаем, что надо воздействовать на ребенка, чтобы исправить его. Так и пишут: воспитание – это воздействие. Некоторые более прогрессивные люди говорят, что надо направить усилия на самого себя – измениться, самоусовершенствоваться. Но ни то ни другое для многих людей невозможно. Я не могу своей волей переделать себя. Не умею я воздействовать и на ребенка, у меня нет на это сил, способностей, времени. А главное, ни то ни другое ни мне, ни ребенку не приносит ничего, кроме разочарования.

Не надо переделывать ребенка. Не надо переделывать себя. Наши усилия должны быть направлены не на ребенка, не на себя, а на главное – на отношение к ребенку. Человек меняется не от манипуляций, которые с ним проделывают, не от воздействий, а только от собственных душевных движений, возникающих в его отношениях с людьми. Антуан де Сент-Экзюпери писал, что человек – это узел отношений.

Подлинное средство воспитания – в нас самих, в нашем сердце. Оно действует, оно воспитывает, повторю, двадцать четыре часа в сутки. Мама на работе, сын в школе или во дворе, но отношение матери к сыну оказывает влияние постоянно.

Учителя-профессионала можно научить, каким голосом говорить ребенку «иди сюда», выработать технику поведения с ребенком. Но ни в какой книжке не опишешь эти тысячи оттенков интонации, тысячи оттенков во взгляде, никак не научишь смотреть на ребенка добрыми глазами! Все эти мелочи, из которых и состоит работа воспитания, сами собой находятся, когда изменяется наше отношение к ребенку.

Чтобы понять, насколько важно отношение к ребенку, рассмотрим вопрос, который очень часто задают родители: почему в одной и той же семье вырастают разные дети?

Потому что родители, сами того не замечая, по-разному относятся к каждому из своих детей. Незначительные прирожденные различия ведут к незначительной разнице в отношении. Да и сами родители в двадцать лет относятся к детям не так, как в двадцать три года, ко второму ребенку не так, как к первому. «Всегда с старшими детьми мудрят», – говорится в «Войне и мире».

Мне рассказывали о доме сирот. Вечер; крошечные детки в

кроватях. Один сидит насупившись, другой возится с игрушкой, а третий, когда воспитательница вошла, протянул ей руки. Воспитательница взяла на руки ребенка – именно того, кто потянулся к ней. Она ходила с ним по комнате, разговаривала с другими ребятишками, а этого держала на руках. Прижимала к себе. Все от рождения воспитывались в одинаковых условиях одними и теми же людьми, но чем-то этот ребенок чуть-чуть выделялся. Его чаще брали на руки, он сам научился протягивать руки, его стали брать еще чаще… Пройдет два-три года, и будет казаться, что этот ребенок от рождения добрый и способный, а другие – от рождения угрюмые и темные дети. Отношения – как усилитель. Маятник раскачивается: чуть не такой ребенок, чуть не такое отношение к нему, и ребенок развивается по-другому, вызывая новые различия в отношении к нему. Родители думают, будто относятся к детям одинаково, они не замечают разницы во взглядах и жестах, не замечают того, как одного похвалили, а другого похвалили чуть-чуть сильнее. Так и получаются разные дети. Судьба ребенка зависит от отношения к нему.

Если я хочу вырастить человека для человека, я и должен относиться к ребенку как к человеку, и никакого другого способа справиться с задачей нет, все другие способы – обман.

5

Только не надо думать, будто, если я стараюсь, все делаю для ребенка, отдаю ему лучший кусок, боюсь за него, – значит, я хорошо к нему отношусь. Чтобы отношение к ребенку воспитывало, оно должно быть богатым и сложным чувством. Не просто любовь, а богатое отношение.

И прежде всего хорошо относиться – значит победить в себе воспитательную страсть.

Зададим себе две серии вопросов.

Какие чувства вызываю я у своего ребенка – любовь? уважение? интерес? безразличие? иронию? презрение? страх? ненависть?

Какие чувства вызывает у меня ребенок: верю ли я в него? верю ли в его будущее? люблю ли я его?

Часто говорят об авторитете в воспитании. Без авторитета трудно. Но совершенно невозможно воспитывать, если ты не вызываешь симпатии у ребенка, раздражаешь его одним своим видом или голосом. Раздражительный отец еще может что-то дать ребенку, раздражающий ничего не даст.

На каждого ребенка есть какой-то свой идеальный способ

воспитания. А каждый взрослый может воспитывать только одним способом, который может этому ребенку не подходить. В школе это обстоятельство скрыто: на любого мало-мальски способного учителя найдется достаточное число мало-мальски пригодных для него учеников (и наоборот). Но в семье, где один на один, и нет выбора, и некуда друг от друга деться, – в семье педагогическая несовместимость иногда приводит к драматическим последствиям. Все – и родители, и дети – чувствуют себя виноватыми или, что еще хуже, обвиняют друг друга, причем проблема, как правило, переводится в моральный план. Человек не справляется с воспитанием и не может справиться, а ему говорят, что он не выполняет свой долг.

Подумаем не о способах воспитания, а о том, что нам подвластно, – о нашем отношении к детям. Если мы переменим свое отношение к ним, то, быть может, и они станут терпимее к нам, и мы найдем тот единственный способ воспитания, который и нам доступен, и детей захватывает.

6

Мы воспитываем не ребенка, а человека. Каждому человеку, сколько бы ему ни было, хоть полгода, нужно, чтобы его считали человеком. Считайте человека за человека, и он будет благодарен вам и рано или поздно пойдет вам навстречу.

Ребенку говорят:

– Будь человеком!

Слышу в ответ детский голосок:

– Я согласен! Но прошу считать меня человеком!

7

– Прошу считать меня человеком – прошу верить в меня!

Молодая преподавательница призналась мне:

– Я очень плохая учительница… Я так мучаюсь от этого, иногда и ночью не сплю.

Мне было известно о ней, что это редкая по своим качествам учительница, может быть, даже редчайшая. Я спросил, за что же она так корит себя.

– Знаете, – сказала она, – есть несколько учеников, в которых я не верю… Это ужасно. Им так плохо, когда в них не верят! Они просто на глазах увядают. А я ничего с собой не могу поделать, не могу поверить в них… Их всего несколько человек, но ведь… Это

же преступление, правда? Учитель не имеет права не верить!

Вот истинно нравственное отношение к воспитанникам.

Не верить в ребенка – значит посягать на него, убивать его. Это преступление.

Но немногие из нас понимают, что за свою веру в человека надо бороться, что мы отвечаем за веру и неверие и что мы обязаны непременно верить в человека, которого мы воспитываем.

Отец, не наказывающий мальчика, обычно чувствует себя виноватым: «Я мало занимаюсь ребенком, я не учу его, я виноват».

Но я никогда не встречал отца или маму, которые сказали бы словами учительницы:

– Что мне делать? Я не верю в своего мальчика, я виновата!

Обычно нам кажется, будто виноват мальчик – и потому в него трудно верить.

Все наоборот! Мы не потому не верим в детей, что они плохие, а дети потому и становятся плохими, что мы в них не верим.

Маленькие не понимают, в чем дело, подросток кричит матери:

– Ты меня не понимаешь, ты мне не веришь!

Мама задыхается от возмущения: не верю? Да как же тебе верить, если ты весь изолгался, на каждом шагу обман!

Но этот изолгавшийся перед матерью мальчишка больше других нуждается в доверии, и только оно его и вылечит. Сто раз уличим подростка во лжи – он обманет двести раз. Один раз поверим ему, несмотря на явную ложь, – ну хоть притворимся, что верим! – и в другой раз (или в десятый, или в сотый) ему наконец станет стыдно обманывать.

В нашем сознании живет трудноистребимая схема «проступок – наказание – а то хуже будет». У нас одна реакция на проступок: наказание, осуждение, замечание. Но ведь на проступки можно реагировать и верой: я верю, что он случаен, этот проступок, я верю в то, что ты достойный человек, я знаю, что все будет хорошо.

Это же духовные процессы, здесь все не так, как по здравому смыслу. Тихое слово действует сильнее громкого, а несделанное замечание сильнее выговора.

И незаметная, необъявленная, никак не проявляемая вера в ребенка действует на него с огромной силой. А малейшее недоверие, даже если оно не высказано, портит отношения. Ребенок вдруг становится дерзким, без всякого повода с нашей стороны. В чем дело? Но повод был. Мы подумали о ребенке

плохо.

Однажды мне привели мальчика-семиклассника, чтобы я поговорил с ним. У него не складывались отношения с родителями. Мальчик как мальчик, дружелюбный, словоохотливый, он стал мне рассказывать про свои житейские дела, про школу, про увлечение марками. Я слушал его, слушал и вдруг подумал: «Какие у него некрасивые уши!» И тут же мне стало стыдно, я попытался загладить свою вину усиленным вниманием. Мальчик это почувствовал, сбился, заторопился – разговор испортился. А кто знает, может быть, от этого разговора вся жизнь его зависела? Я позволил себе плохо подумать – а испорчена жизнь.

Есть известный психологический эксперимент. Психологи пришли в третий класс и стали изучать учеников. Приборы, тесты, расспросы – чуть не полгода работали. В конце концов они сказали учительнице, что, по результатам их исследования, такие-то три ученика в классе покажут в будущем году заметный сдвиг в развитии. Прошел следующий год, и предсказания ученых полностью оправдались.

Но эксперимент состоял в том, что эти три имени были выбраны по таблице случайных чисел. История с опросами и приборами была спектаклем для одного зрителя – для учительницы. Учительница верила в науку, поверила в трех учеников, случайно выбранных, – и они действительно стали лучше учиться.

Вера в человека улучшает человека.

Поэтому когда приходят родители и начинают жаловаться на сына: «Он такой-то и такой-то, он то-то и то-то, ну отчего это? Что мне делать?» – то ответ всегда ясен. Он такой-то и такой-то, ваш сын, потому что вы способны жаловаться на него без конца – от одного этого дети портятся! Когда я жалуюсь, что у меня плохой сын, я все больше уверяюсь в этом, я все меньше верю в него – и он становится все хуже и хуже.

Что делать? Чаще говорите себе, какой ваш сын хороший!

8

Особенно страшно для детской души подозрение.

Я обещал не учить и не призывать, но вот случай, когда я готов крикнуть: не смейте!

Не смейте подозревать ребенка в дурном! Даже если для подозрения есть основания.

Бойкий первоклассник стянул в школьном буфете

пирожные – да не одно, не два, а целый поднос. Схватил с прилавка и потащил. Разумеется, его тут же поймали и повели к директору школы на суд и расправу. Но в директорский кабинет ворвалась молодая учительница:

– Коля не брал! – закричала она. – Вы не знаете! Коля не вор! Пирожные упали, он их собрал и понес… Нельзя же с полу есть?

Когда об этом случае было рассказано в газете, то пришло несколько возмущенных писем: что же это за учительница? Она потакает воришке! Что вырастет из мальчика?

На взгляд одних, мальчик был погублен в этот день.

На взгляд других, мальчик был спасен добросердечной учительницей.

А вы как думаете, читатель?

На мой взгляд, подозрение в дурном намерении, в злом умысле, в воровстве, в предательстве так же страшно, как и сам злой умысел, воровство и предательство. Сколько детских душ погублено оттого, что на ребенка пало однажды подозрение! Какие ссоры и разлады в семьях, где растут дочери и где родители постоянно подозревают дочь невесть в чем, стоит ей лишь на полчаса позже вернуться домой!

Дети, мальчики и девочки, должны возвращаться домой вовремя: за них страшно. Но мы не должны, не имеем права подозревать их в дурном. Даже в юриспруденции, имеющей дело с преступниками, установлена презумпция невиновности: обвиняемый не виноват, пока вина его не доказана. А у нас, у воспитателей, имеющих дело не с закоренелыми рецидивистами, а с мальчиками и девочками – действительно невинными детьми, презумпции детской невиновности отчего-то нет. Дети у нас всегда под подозрением.

9

– Прошу считать меня человеком – прошу надеяться на меня!

Безобидный, привычный вопрос: «Каким человеком вырастет мой сын?» – таит большую опасность. Чрезмерные заботы о будущих качествах ребенка мешают сегодня увидеть его. Я все время гадаю: «А что из него вырастет?» – как будто тот, который сегодня передо мной, чем-то не устраивает меня.

Но с будущим общаться невозможно, будущему нельзя утирать нос, с будущим нельзя гулять – только с сегодняшним! С первого дня родители расходятся со своим ребенком: он живет нынешней минутой, а родители – будущим, которого ни дети, ни даже родители не знают. Как же им понять друг друга, найти

общий язык?

Все пугают детей неведомым будущим, все пугаются будущего. Сейчас ребенку год, три года, десять лет, пятнадцать. Но, считаем мы, коль скоро мы его воспитываем, он, следовательно, еще не совсем человек. Вроде недоделанной машины. Вот вырастет, вот закончится воспитание, тогда увидите… А когда это будет? В восемнадцать, в двадцать пять, в тридцать?

Оттого что мы относим результаты нашей работы в будущее и только в будущее, мы воспитываем вслепую.

И оттого наше воспитание, несмотря на неустанные хлопоты, не имеет силы.

Многие родители надеются увидеть своих детей великими людьми. Но иногда наша легкая мечта становится тяжелым грузом для ребенка и лишает его детства.

Когда наши дети были маленькие, я не писал о них. Я считал и считаю, что о своих детях писать и рассказывать нельзя – это опасно для них. Как вести себя ребенку, если он знает, что каждое его слово попадет в газету или в книгу? Но я отступил от своего правила, потому что первый вопрос родителей: «А у вас есть дети? А какие они? А кем они стали?» И вот я поступаю дурно. Пишу о маленьком Матвее.

Но я надеюсь, что вы будете милостивы, читатель, к нашим детям, как к своим, и не станете ждать от них слишком многого. Дети как дети, дети как все дети, и вопрос: «А что из них вырастет?» – оскорбителен и опасен для них, как и для всех детей.

Есть семьи, где, положив новорожденного на первую пеленку, завертывают его так, чтобы в будущем он поступил в институт.

Нельзя! Опасно!

Ребенок играет на скрипке, занимается в художественной школе, учит иностранный язык, катается на коньках, но не потому он ходит на эти уроки, что с ними связаны какие-то родительские надежды, непонятные ребенку, а потому, что занятия дают содержательную жизнь. И никаких гаданий о будущем! Чем больше мы желаем идеального в ребенке, тем меньше ребенок удовлетворяет это желание, тем труднее принять ребенка, найти общий язык с ним.

Когда слышишь: «У меня такая необыкновенная девочка, такая необыкновенная!» – жалко и маму, и девочку. Пройдет немного времени, девочка окажется вполне обыкновенной, и она же будет виноватой за это в глазах мамы: не оправдала надежд. Все дети – чудо, и потому – обыкновенное чудо.

Еще хуже получается, когда в ребенке видят потенциального преступника. Мы читаем в газетах ужасные истории о подростках, мы видим нагловатых ребят в подворотнях, мы слышим: «Украл… Ограбил… Нахулиганил… Посадили!» И мы боимся, чтобы и наш не украл и не нахулиганил. Но именно эти страхи и приводят к беде. Мы теряем разум, у нас остается одно: не пропустить, с детства застращать, чтобы неповадно было.

И уходит любовь, исчезает великодушие, рвется душевная связь с детьми. Их место полностью занимает страх перед будущей ужасной участью ребенка. И на каждом шагу: «Ну что из тебя вырастет?»

Да откуда нам знать, что из него вырастет? Из чего следует, что мальчишка, укравший в детском саду лопатку, неминуемо станет вором?

Но нас пугают. Мы читаем в педагогических книжках, что даже один дурной поступок ведет к разрушению нравственного в ребенке, если этот поступок не был замечен и осужден, и добавляют, что именно так приобщаются к воровству. Разве не страшно? Следи, следи за ребенком, осуждай его, принимай меры, чтобы потом на будущем суде честно взглянуть в глаза судье: «Я все сделал, я учил его только хорошему, я ему ничего не спускал».

Словно мы не воспитываем, а готовимся предстать перед судом и заранее снимаем с себя ответственность… Но взгляд на ребенка с будущей скамьи подсудимых почти наверняка приведет его на эту скамью. Ребенок вырастает человеком там, где царит надежда на лучшее, а не страх перед худшим.

Мы не выпутаемся из педагогических противоречий до тех пор, пока не перестанем даже в глубине души считать своих детей будущими людьми и результаты воспитания относить в будущее, повторяя: «Ну что из него вырастет?».

Уже все, вырос! Полгода ему? Вырос! Уже человек.

Все результаты воспитания будем определять по тому, каков сегодня маленький человек, каким тоном и как разговаривает он с детьми и со взрослыми, насколько он самостоятельный. Да и просто по глазам его будем судить. Да, у мальчика много недостатков, но я все равно не могу вырастить совершенного человека, я не знаю, как это делается. У него ясные глаза и добрый голос? Он деятелен и энергичен? Друзья любят его? Ему хорошо с нами и нам хорошо с ним? Вот результаты воспитания, и ничто другое не может мной руководить, никакие педагогические соображения. Если иногда от усталости и

раздражения я забываю, что он человек, я вглядываюсь в него, в душе поднимается что-то тихое, сердечное, и мне становится гораздо легче.

Дети – наше будущее, это верно, но они и наше настоящее. Мы верим в жизнь. Мы верим и в детей.

11

– Прошу считать меня человеком… Поймите меня! Любите меня!

Конечно, мы должны понимать их – как и любого другого человека. «Понимание – основа общения», – пишет известный режиссер Мария Кнебель. Ах, если бы мы могли понимать их, как мама понимает младенца!

Кричит, надрывается у меня на руках. Приходит мама:

– Он хочет пить.

И вправду, влили ему в рот ложку-другую кипяченой воды, он и утих. И все-то мама знает!

– Ему холодно.

– Он, наверно, мокрый.

– Он хочет спать.

– Он голодный.

Откуда они знают, что он голодный и мокрый? Неизвестно.

Но с ростом ребенка мы обычно теряем эту способность. Мы не просто не понимаем выросших детей, мы отказываемся понимать их. Пятилетняя девочка достала семейное серебро и – ложка за ложкой – побросала все в колодец. Для чего? Ну разве не понятно? Ей нравилось, как серебряные ложки делают «буль». Способны ли вы понять и разделить удовольствие такого рода?

Счастье, когда тебя понимают? Несомненно. Но понимать людей очень трудно. И своя-то душа потемки, а уж чужая! Немногие из нас могут похвастаться тем, что видят людей (или хотя бы своих детей) насквозь… Да и немногие из нас хотели бы, чтобы их видели насквозь.

Нет, счастье – когда тебя принимают. И мы любим тех, кто принимает нас.

Заколдованный, порочный круг: недостатки ребенка мешают мне любить его, но помочь ему избавиться от этих недостатков можно только любя его, только принимая его, потому что если ребенок чувствует, что его не принимают, не любят, он уходит от нас, загораживается, прячет свою душу – и тогда хоть делай ему замечания, хоть не делай, хоть борись, хоть не борись, все бесполезно.

Известный психолог, доктор наук, спросил меня:

– А почему вы не пишете об индивидуальных особенностях? По-вашему выходит, будто все дети одинаковы…

Так ведь они на самом деле одинаковы, они дети, и это прежде всего.

И любимые дети! Честные, хитрые, красивые, уродливые, здоровые, больные, капризные, угрюмые, наглые, ленивые, плаксивые, смелые, трусливые – всякие дети до тех пор дети, пока их любят.

А что значит любить? Любить – значит принимать человека таким, какой он есть.

– Но как же? Как же? – снова слышу я. – Ведь надо же бороться с недостатками детей!

Заколдованный круг. Бороться, конечно, нужно, но победить их можно лишь любовью. Ведь перед нами не враг, а собственный ребенок.

12

Насколько ребенку труднее живется, чем взрослому! Его постоянно оценивают. Он получает отметки за каждый шаг не только в школе, но и дома. Что бы он ни сделал – хорошо, хороший мальчик. Или – плохо, плохой мальчик. Мы все время гадаем: хороший, плохой, способный, неспособный? Примерьте такую жизнь на себя – да выдержим ли мы? Потому мы все и тянемся к родным, любящим, близким людям: они не оценивают, они принимают нас такими, какие мы есть. Нельзя, чтобы жизнь ребенка превращалась в вечный экзамен, а мы, родители, были вечными экзаменаторами.

Ребенка надо принимать таким, какой он есть, обуздывая свою педагогическую страсть, свое постоянное желание переделывать его во что-то другое.

Волны воспитания – это любовные волны, они идут не по умственному каналу «понимаю – не понимаю», а по душевному каналу «принимаю – не принимаю». Понимают – умом, принимают – душой. Чувствуешь, что к тебе хорошо относятся, и любое замечание стерпишь. Не любят тебя – и слушать не хочу, всегда готов к отпору. Даже справедливое не доходит до разума, не может преодолеть фильтр защиты. Поэтому речи одного человека доходят до нас, другого – нет.

Если мы, родители, – источник напряжения, неудобств, неудовольствия, опасности, ребенок загораживается от нас, и ни одно наше слово не доходит. Мы – как радиостанция, которую

никто не ловит, хотя она тратит огромную энергию.

Я принимаю сына или дочь такими, какие они есть, и тем удовлетворяю их первую потребность – потребность в безопасности и признании, потребность в правде. Если я оттолкну сына от себя, если буду досаждать ему своими замечаниями и укоризнами, то дом станет небезопасным для него. Вон из дому, туда, где принимают без всяких условий! И я потеряю влияние на ребенка. Он уйдет душой из дома, и все недостатки его лишь усилятся, а я останусь при своей благородной фразе – «я его воспитывал, я его учил хорошему». При благородной фразе и неблагодарности ребенка останусь я.

Нет, я принимаю его, и он бежит в дом, а не из дому. Пока он дома, еще есть надежда. Я принимаю ребенка таким, какой он есть. Принимая его, я снимаю озлобление, из-за которого и происходят пороки. Если же я не принимаю его, если его пороки и проступки вызывают одно лишь негодование, то ребенок никогда не услышит меня. И он пропал, и я вместе с ним пропал.

Предположим, что он очень плохой человек, мой сын. Но я принимаю его плохим, и он рано или поздно становится все лучше и лучше. Человек набирается ума лишь от тех людей, которые его принимают.

Если действовать категориями «понимаю», «не понимаю» – то где же место добру, любви? Мальчик – отличник, мальчик – чистюля; это мне понятно, и всем понятно, и не надо обладать выдающимися душевными качествами, чтобы любить его – отличника и чистюлю. Но вот другой мальчик – двоечник, лентяй, грязнуля; не понимаю, отказываюсь понимать! Но тут-то и начинается добро, любовь, великодушие.

Добро начинается с этого порога – с принятия непонятного и неприятного в человеке. Вот в чем труд души, все остальное никакого труда не составляет. Любишь женщину – и все готов ей простить. А не любишь – все раздражает, всегда она виновата, никак ей, бедной, не оправдаться.

13

Шестилетний умный мальчик грустно говорит маме:

– Я думал, вы с папой хорошие люди, а вы нет, вы недобрые, вы меня не любите. Я у вас всегда виноватый.

За вопросом «виноват?» или «не виноват?» скрывается вопрос «люблю?» или «не люблю?». Ребенок все время виноват перед нами? Значит, мы его не любим. Скорее всего, мы боимся за него, но страх не любовь. Или мы стыдимся своего ребенка перед

другими людьми, что тоже весьма не похоже на любовь. Виноват – значит, нелюбим. Любимые не виноваты!

Откажемся от мысли, будто у нас должен быть идеальный ребенок, ребенок без недостатков; откажемся от мысли доводить ребенка до совершенства. Примем его таким, какой он есть, и постоянно будет идти внутри его незаметная работа улучшения.

А если мы его не принимаем, он сопротивляется каждому нашему слову, каждому движению, и все наши усилия ни к чему не приводят.

Есть семьи, где дети навсегда признаны неудавшимися и навечно виноваты перед родителями. С ними и не разговаривают. Какие могут быть разговоры? Он мне в душу плюнул, он меня покоя лишил, а я с ним разговаривать должен? Начинается эта война с невинного на первый взгляд наказания: «Я с тобой не разговариваю, – объявляет мама дочке. – Я на тебя обиделась, я тебя не люблю». Отказ в любви – так называют психологи этот чисто женский способ влияния на детей. В детстве, лет до шести, до семи, такое наказание действует, ничего страшнее для ребенка нет, особенно для девочки: мама меня не любит, мама со мной не разговаривает! Но придет час, и дочка объявит маме: «Я с тобой не разговариваю, я тебя не люблю».

Обычно мы отказываем в любви ребенку тогда, когда он больше всего нуждается в нас, когда у него неприятности: устал, неудачи в школе, запутался в делах, нечаянно совершил серьезный проступок и его мучит совесть. Он хуже ведет себя, дерзит, огрызается – тут-то мы и отворачиваемся от него. Мы, видите ли, разочаровались, мы не ожидали, что у нас вырастет дурной сын, мы собирались стать родителями-медалистами. А вместо этого – конфуз.

Веселого и благополучного ребенка все любят, от неудачливого отворачиваются, хотя именно ему нужна наша любовь. И мы оставляем ребенка одного перед лицом жизни, перед лицом всех его неприятностей. Самые злобные чувства рождаются в душе ребенка, самые мстительные картины появляются в его сознании.

14

В идеале мать и отец относятся к ребенку по-разному.

Материнское отношение: «Я принимаю тебя (люблю) за то, что ты есть».

Отцовское отношение: «Я принимаю тебя (люблю) за то, каков ты».

При таком сочетании ребенок чувствует, что он нужен, что он любим, что он хорош, – и в то же время знает: от него ждут, что он станет лучше.

Трудно приходится матери без мужа. Хорошо, если она продолжает играть свою естественную материнскую роль: «Принимаю такого, какой есть». Но, чувствуя особую ответственность за воспитание, она обычно берет на себя непосильную роль отца. Отец умеет критиковать, не затрагивая отношений с ребенком; у матери каждое слово касается личности, отношений, любви. Отцовская критика – просто критика, материнская – отказ в любви (так кажется ребенку). Если отец отвернулся от меня – проживу, если мать отвернулась – пропал. Мать имеет отношение к самому существованию моему, мать – это почти я. К тому же, оставшись одна, женщина из страха оказаться несостоятельной начинает так настойчиво воспитывать, что ребенок чувствует себя отверженным, нелюбимым. Потеряв почему-либо отца, он теряет следом и мать.

Мать с ребенком без мужа – ситуация не вполне естественная, и, как всегда бывает в таких ситуациях, для нее нет идеального решения. Одна мать и не может дать ребенку то, что дают и отец, и мать вместе, но она хорошо воспитает детей, если будет оставаться матерью.

Принимать – это что же? Во всем уступать ребенку? Подлаживаться к нему? Нет, тогда бы я был не я, потому что я не терплю к кому-нибудь подлаживаться. Я не уступаю, не подлаживаюсь, я просто принимаю своего ребенка, ну как это еще объяснить? Я его люблю!

Замечательно, что легче всего принимают, больше любят и потому лучше воспитывают детей больных, отсталых и даже уродливых. В этом случае у родителей нет честолюбивых мыслей о совершенном ребенке, и начинается настоящее воспитание. Видали ли вы когда-нибудь женщину, у которой неизлечимо болен ребенок? На этих женщинах свет лежит, они всегда прекрасны! Их возвысила любовь и необходимость принимать ребенка таким, какой он есть.

Я знаю женщину, которая до того затуркала своего сына-восьмиклассника, добиваясь от него успехов в школе, что он стал невротиком и попал в клинику. Тут мама испугалась, примирилась с мыслью, что ее ребенок не такой, как все, что он больной и не обязательно ему учиться так уж хорошо. Она оставила сына в покое, была ласкова с ним, принимая его таким, какой он есть. Они вместе переживали семейную беду, объединились… И что же? Сын быстро поправился, закончил школу, пошел работать на завод, а спустя два года поступил в

вечерний институт и учится теперь так, что мама уговаривает его поменьше заниматься.

Мы с ребенком в одной комнате, но мы видим комнату и все вещи в ней разными глазами, с разных точек зрения. Я сверху, почти с потолка, а он снизу, почти с пола. Так, в переносном смысле, будет всю жизнь. Но мы не можем представить себе мир его глазами, и мы не можем даже вспомнить этот мир, населенный, как сказал один писатель, бесформенной массой великанов, которые иногда наклоняются над кроваткой, заслоняя свет, и громко гудят – то есть разговаривают. И наклоняться нужно, и гудеть, разговаривать тем более; но удержать бы в памяти эту разницу в мироощущении! Сколько бы времени мы ни проводили вместе, все равно ребенок ложится спать, и у него свои мечтания; мы в них не участвуем, мы в них не были, мы их не разделяем. У него свои сны, свои страхи, свои привязанности и оценки.

Мы стараемся понять ребенка; одним это удается лучше, другим хуже; но даже самые понятливые из нас, самые старательные в своих усилиях касаются лишь близкой границы мира ребенка. Чужая душа – потемки. Это справедливо и в том случае, когда перед нами не чужая, а родная душа сына или дочери. Все равно другая, все равно потемки! Не станем винить себя за непонимание этих потемок, не будем сердиться на потемки за то, что они не освещены для нас ярким светом. Единственное, что нам остается, – понимать, что мир так устроен. Понимать – и потому принимать существование всех этих чужих тайн и скрытностей, существование другого мира, другой души.

15

– Прошу считать меня человеком и быть великодушными со мной…

Все люди знают, что к детям нужно относиться по-доброму, с добром. И все знают, что есть дети, которые добра не понимают, над добрым словом смеются. Что ж, и мы порой путаемся, где добро, а где зло.

Тогда подальше от зла, в ту область, где нет и не может быть ошибок, – в область великодушия!

Нет на свете ни людей, ни детей, которые не понимали бы и не принимали великодушия.

В детском доме Януша Корчака при разборе проступков выносили одно из двух определений: или признать невиновным, или простить.

Причем те, кого прощали, еще и сердились: все-таки их признали виноватыми.

Когда ребенок набедокурил, провинился, у нас есть две возможности: показать, что мы его меньше любим, что мы сердимся, негодуем; и показать, что мы по-прежнему или даже больше любим его, жалеем и разделяем с ним его неприятности. Тогда источником неприятностей и мучений совести будем не мы, родители, а сам проступок. Плохо то, что я плохо поступил, а не то, что родители узнали об этом и наказали меня. Родители всегда со мной в моих бедах.

Маму с дочкой-семиклассницей вызвали к директору школы. Девочка плохо учится, дерзко ведет себя, вступает в споры с учительницей. «Да, да, я вас понимаю!» – мама кивает головой. Мама вздыхает, мама чуть не плачет, и девочка плачет. Но, выйдя из кабинета, мама смотрит на девочку, ей жалко дочь, и она… Она ведет ее в кондитерскую и покупает пирожное. Как назло, сюда же приходит и директор, видит эту антипедагогическую сцену.

Слышу: «Пирожные ей покупаете? А за что? Чем она заслужила? Тем, что мать опозорила? Что это за воспитание такое?»

Но мы относимся к детям не так, как к взрослым, по заслугам их, а как к детям, то есть великодушно. Дети потому и в радость нам, что только к ним мы можем относиться великодушно без особой опасности. Перебираю в уме все возможные детские прегрешения: какое из них нельзя простить? Не простишь, когда маленькие дети выбегают играть на проезжую часть дороги, когда спички берут… Вот, пожалуй, и все! Остальное можно принять, понять, простить. Умные мамы так и говорят самым маленьким детям: «Все можно. Все! Нельзя только «раз, два, три»: подходить к плите, трогать штепсель, выглядывать в открытое окно. Все остальное можно!» Полное, бескорыстное, безусловное прощение трогает самое зачерствелое сердце и действует куда сильнее, чем наказание. Оно часто бывает и шоком: чем глубже вина ребенка, тем большее впечатление производит на него наше помилование.

Высший идеал человечества, всепрощение, не может быть воплощен в жизнь взрослых, до этого еще очень далеко. Но в наших отношениях с детьми этот идеал воплотить возможно. Детство должно быть идеальным.

В одном доме пятилетний мальчик рос в окружении многих взрослых – мама, папа, тети, дяди. Каждый наказывал его, говорил: «Иди в угол». Он хмурился, но шел безропотно и лишь спустя какое-то время гордо кричал из угла: «Эй, вы, прощайте меня кто-нибудь!»

Я знаю дом, где ребенок, пока дорос до пяти лет, до сознательного, можно сказать, возраста, разбил семьдесят две чашки. Их считали, потому что приходилось покупать все новые и новые.

И его ни разу не наказали и ни разу не накричали на него…

Если у вас запущенный мальчик, его не возьмешь злом, то есть наказаниями; его не возьмешь и добром; к нему не пробьешься обыкновенным душевным отношением. Ему нужно великодушие, только великодушное отношение в конце концов спасет его.

16

– Прошу считать меня человеком и помнить, что я – другой!

Обычно родителям говорят:

– Вспомните, какими вы сами были в детстве.

Мама десятилетнего мальчика сказала мне:

– Воспитывать очень легко, надо лишь помнить, какой ты была сама, когда была маленькой.

Справедливо.

Но еще полезнее помнить, что перед нами совершенно другой человек. Не я. Не такой, каким я был в моем детстве. Иной. Другой.

Когда ребеночка приносят из родильного дома в родительский, мы остро чувствуем, что перед нами таинственное, непонятное существо – другой. Но проходит время, мы привыкаем к ребенку, узнаем его и… чудо исчезло, другой перестал быть другим. Мы уже не смотрим на ребенка с удивлением и вниманием…

Но если мы научимся видеть в нем другого, непохожего на нас человека, то нам будет гораздо легче принять нашего ребенка.

Человеку говорят: «Пойми, другие люди такие же, как ты». Но он видит, что другие во многом отличны от него. Да ведь и каждый из людей другой. Попытаемся это понять, и нам легче будет выносить всех, кто не похож на нас, и мы спокойнее будем относиться к странным на первый взгляд особенностям в характере нашего ребенка.

Другой, иной, новый человек растет у меня в доме. Я ему не хозяин, и он не моя собственность, ни один человек не собственность другого.

Спорят, есть ли другой разум в космосе, кроме человеческого.

Есть. Это разум ребенка.

Нам кажется, будто ребенок пока что дитя неразумное и надо быстрее приладить его к нашему миру, вразумить. Но ребенок не есть неразумное существо, у него другой разум, по-другому устроенный. С точки зрения ребенка, многое из того, что мы делаем, глупо и нелепо. Но если нам трудно это понять, то признаем хотя бы, что ребенок имеет право на глупость (с нашей точки зрения), он имеет право говорить глупости и совершать глупые поступки. Отнесемся к ним с уважением, это какая-то новая, еще неизвестная нам глупость, она своя у каждого поколения. Мудрость не меняется веками, а глупость молодых всегда новая, из этой новой глупости молодых постепенно вырастает обычная старая мудрость, лишь чуть-чуть не похожая на мудрость прежних поколений. И так мир делает маленький шаг вперед… Глупость взрослых – просто глупость, она безнадежна; глупость детей – кто знает, что из нее вырастет? Она вызывает надежды.

Другой человек, другой ум, другая глупость, другое детство… Если мы не понимаем, не чувствуем этого, мы стараемся другое сделать похожим на свое, другого на себя, а это невозможно, никому не удавалось. Другой всегда останется другим, и мы лишь испытаем горькое чувство бессилия и разочарования. Только в том случае, если я научусь смотреть на ребенка как на другого человека, я научусь уважать его, я смогу говорить с ним открыто, непредвзято, без поучительства. У меня нет превосходства перед ним, мы не можем ни в чем сравняться, мы разные: он другой и я другой.

Попробуем хоть несколько дней, хоть несколько минут посмотреть на детей таким взглядом, постараемся увидеть в другом человеке именно другого человека, и мы увидим, как открывается душа навстречу другому, как спокойно с другим человеком, как радует нас постоянное удивление людям, как легко поддерживать интерес к ним.

17

– Прошу считать меня человеком и не пользоваться мною в своих целях.

Бескорыстие. Воспитание ребенка – это подвиг бескорыстия, только у бескорыстных людей вырастают хорошие дети.

Нет, мы не жадные, не гребем под себя, нам ничего не нужно… Но дети растут плохие, потому что мы не замечаем, как в каждом нашем поступке проглядывает родительская корысть.

Мелкое, незаметное, педагогическое корыстолюбие – вот что

губит наших детей.

Сын плохо ведет себя в троллейбусе, шалит, вертится, громко разговаривает. Я дергаю его, угрожаю ему, я готов шлепнуть его – но не потому, что он ведет себя плохо, а потому, что люди смотрят. Я вовсе не о том волнуюсь, что мальчик мешает другим. Но люди могут плохо подумать обо мне, осудят, скажут – избаловал ребенка, не умеет воспитывать. Я не о мальчике беспокоюсь – о себе. Я хочу, чтобы обо мне хорошо думали, вот в чем моя корысть! И мальчик, не понимая этого, – понимает. Он нарочно ведет себя еще хуже.

Сын вырос, я хочу, чтобы он поступил в институт, заставляю его готовиться, умираю, если он получил на экзамене слабую отметку… Мне кажется, будто я забочусь о сыне, о его будущем. На самом деле мне стыдно перед знакомыми, перед соседями и сослуживцами. Я уже представлял себе, как я встречу Николая Петровича, он спросит: «Как сын?» – «Ничего, – скажу я скромно, – школу кончил, в институт поступил…» – и Николай Петрович посмотрит на меня с уважением.

А теперь что будет?

И не ради будущего, не ради сына, а ради малознакомого Николая Петровича я ссорюсь с сыном и при этом произношу высокие слова, невысокую цену которых он понимает.

Биография ребенка – продолжение или даже часть нашей собственной биографии. Больше того, жизнь детей – признанный результат нашей жизни. Если у меня благополучные, хорошо устроенные дети, значит, и со мной все в порядке. Дети – как аттестат; хорошо ли мы учились или плохо, но аттестат каждому хочется получше. Вот мы и дергаем детей, наваливаемся на них: «Давай! Не подведи!»

Но у выросшего сына своя жизнь, он сам по себе человек, а не приложение к моей жизни, не дополнение, не аттестат, не свидетельство. Он чувствует, что мы заботимся не о нем, а о себе, мы выпрашиваем аттестат получше. Мы хотим быть медалистами, а ребенок для нас – лишь медаль.

Мальчик плохо учится, никто его за уроками и не видел. Но вот отца вызывают в школу, и он, вернувшись домой, разражается бранью, он кричит: «Что из тебя вырастет!» – он чуть ли не за ремень хватается. Он оскорблен в своих лучших чувствах и крайне обеспокоен судьбой сына.

А на самом деле он раздражен тем, что его побеспокоили, что ему пришлось пережить несколько неприятных минут в учительской. Покой – вот в чем его корысть. И он обрушивается на сына как будто бы за то, что тот плохо учится. На самом деле – за то, что он стал причиной беспокойства.

Денег многим из нас на детей не жалко, мы для детей на все готовы. Но поступиться покоем готовы не все. На покой мы жадны.

Я такой же, как все, я тоже охраняю свой покой, я тоже уверяю себя, что мне необходим покой для работы, но постепенно я начинаю замечать, что все мои претензии к детям сводятся к одному:

– Не мешайте! Не беспокойте меня! Не раздражайте меня! Оставьте меня в покое! Почему я из-за вас должен терпеть неприятности!

И мне кажется, будто я прав.

А на самом деле я просто хочу вырастить детей, ничем не поступаясь, – а это невозможно.

Я начинаю это понимать, и в каждом конфликте с детьми я, подобно детективу или судье, спрашиваю себя: «А кому это выгодно?»

И со вздохом обнаруживаю, что в девяноста случаях из ста я ищу выгоды себе, а не детям, что все мои фразы типа: «А что из него вырастет?», «Я забочусь о его будущем», «Но надо же детей воспитывать», – все эти благородные фразы – лишь дымовая завеса для собственной корысти.

18

– Прошу считать меня человеком и не бояться за меня, как за маленького…

Риск – вот труднейшее из педагогических воспитаний. Боюсь, ни в одном учебнике педагогики о риске не говорится.

Риск! Жизнь есть риск, и воспитание – тоже риск. Не рискуя, не проживешь, не рискуя, не воспитаешь человека. Воспитание – работа без гарантированного результата, и чем больше будем мы требовать гарантий успеха, тем хуже будет результат.

Мы начинаем закаливать ребенка, но при этом мы можем простудить его, как бы осторожны мы ни были. Так что же – не закаливать?

Мы выпускаем ребенка на улицу, но… И вымолвить страшно, что может случиться. Так что же – не выпускать? Всю жизнь за руку водить?

В педагогике есть понятие: нормальный риск жизнью ребенка. Мы должны выпускать его на улицу, он должен лазать по деревьям, все это риск и риск, и нам остается лишь одно – стоять внизу и смотреть, замирая от страха, потому что если крикнуть мальчику: «Слезай немедленно! Слезай, а то уши надеру!» – вот

тут-то он и упадет.

Что делать? Бояться. Больше ничего.

Жан-Жак Руссо, автор самой знаменитой из книг о воспитании, пишет, что он готов наняться в воспитатели мальчика при одном условии: он не отвечает за жизнь Эмиля, своего воспитанника. Если ты отвечаешь за жизнь, если тебе приходится ограждать ребенка от риска, мужчину не вырастишь.

Нормальный риск жизнью…

При слове «риск» обычно ставят и прилагательное «разумный», «нормальный»; но кто скажет, где они, эти разумные, нормальные пределы?

Старшему сыну было шесть лет, когда мы отправили его на каникулы в Ленинград. Взяли билет в «сидячий» поезд, во все карманы положили записки с московским и ленинградским адресами, сто раз договорились с ленинградскими друзьями, которые должны были встретить мальчика… А все равно страшно! Да и мальчик боялся. В последнюю минуту я снял с руки часы и отдал ему: смотри, когда эта стрелка дойдет до этой цифры, ты приедешь…

И отправили одного. А что делать?

А еще прежде, в пять лет, случилась такая история: мы снимали зимой дачу и под полом ощенилась хозяйская собака. Хозяев не было. Маленький лаз под пол, только ребенку пролезть, а собака воет. Пустили маленького мальчика в темноту подполья, было страшно. Но полез, но вынес щенят!

И ведь не только жизнью ребенка приходится рисковать, но и судьбой.

В нашей семье было: умерла от чумки овчарка Уран, и сын-десятиклассник перестал ходить в школу. Десятый класс – а он дома сидит. Неделю, вторую, третью, и ничего не поделаешь! Надо, чтобы он набрался сил переступить через себя и пойти в школу… Почти месяц дома сидел, и никто ему слова не сказал, никто не упрекнул, все понимали: не может человек. Хотя, признаться, это очень тяжело – видеть здорового парня на диване, да сутками. Но настал день, поднялся он, пошел в школу. Даром, конечно, прогул этот не прошел, школу окончил не блестяще, на вступительных экзаменах в вуз провалился – но зато потом, после флотской службы, стал учиться, и с увлечением.

Ужасный пример, не правда ли? А если бы не встал, не пошел в школу? А если бы так и не стал учиться? А если бы…

Что на это сказать? Риск! Воспитание без риска жизнью и судьбой невозможно.

Прежде, когда детей в семье было много и вдруг, к несчастью, с одним из них случалась беда, родители умирали от горя – но

были у них и другие дети.

Теперь ребенок один. А вдруг что случится? Стоит парню или девушке задержаться – мама в обмороке, мама звонит в милицию, в «скорую помощь»… Мама с ума сходит! И когда девочка вернется наконец, то вместо того чтобы броситься обнимать ее и целовать – жива! здорова! невредима! – мама снимает шлепанец с ноги и по щеке, по щеке: «Ах ты мерзавка, ты почему заставляешь мать волноваться?»

Любовь – коварнейшее из чувств. Маме кажется, будто она любит дочь, ведь она боится за нее! Она жить без нее не может!

На самом деле она не любит. Она лишь боится. Страх за ребенка и любовь к ребенку не одно и то же, подобно тому как не одно и то же ревность и любовь. Да, не бывает любви без ревности, и не бывает любви к ребенку без страха за него. Любовь и страх – растения одного корня, но любовь поднимает любимого, а страх – давит.

Любовь – это «иди», а не «стой!». Так любящие матери провожали сыновей на фронт: «Иди, сын!» И любовью своей прибавляли сыну мужества.

А если мы воспитываем на фразах: «Ты же знаешь, как я за тебя боюсь», «Ну почему ты обо мне не думаешь», «Что же, мать волноваться за тебя должна?» – то ничего из этого путного не получается. Чуть что – вызывают маме «скорую». Но воспитание с помощью «скорой помощи» – самый отвратительный вид воспитания, спекуляция на чувствах ребенка, какое-то извращение.

Да, мы рискуем, мы боимся за детей, да, сердце наше полно страха: где он? что с ним? что с ним будет? – это все естественно, и глупо было бы говорить: «Не бойтесь». Мы боимся за детей и будем бояться, и не может мать не бояться, но воспитание требует риска, воспитание – дело мужественных людей.

Сколько мужества нужно, чтобы вырастить ребенка, – страшно подумать.

19

– Прошу считать меня человеком и терпеть меня…

Вера, надежда, любовь, бескорыстие, риск и терпение! Терпение! Воспитание – это терпение.

В самом деле: понимать, принимать, терпеть – это один узел. Где не хватает терпения – надо бы постараться понять, где не понимаю – постараюсь вытерпеть, и всегда я принимаю ребенка, всегда люблю.

Всегда ли? Вижу родителей с детьми, и кажется, что мама любит ребенка вообще, но в каждую данную минуту она его терпеть не может.

Или есть два вида любви – вообще-любовь и сейчас-любовь?

Читаю: «Если ваш сын опрокинул с трудом приготовленный обед, посчитайте до десяти, прежде чем вы начнете кричать на мальчика или шлепать его». А я не могу не то что до десяти досчитать, я и до одного досчитать не успеваю, раздражение охватывает меня, и я чувствую, что у меня становится зверское лицо – я вижу его отражение в испуге мальчика.

Но еще меньше способны мы вытерпеть временные трудности с ребенком, те, что пройдут сами собой.

Мама бежит навстречу:

– Что делать? У моего мальчика не растут зубы! У всех уже по зубу, по два, а у моего – нет! Научите, что делать?

– Не знаю, – говорю, – я не врач. Но много ли видали вы людей, у которых не выросли зубы?

Мальчику почти пять лет, а он не разговаривает. Со всех сторон: «К врачу! К логопеду! Подрезать жилку под языком!» – надо же придумать такое – «подрезать жилку»…

А единственное, что нужно, – терпение. Заговорит.

И заговорил, да еще как – не остановишь.

Мальчик медленно растет, меньше всех ростом. Опять начинается: да почему не растет? Да может, не так его кормят? Да в кого он такой маленький? И даже к мальчику с упреком: ты почему такой маленький?

Так задергают мальчишку, что он чуть ли не виноватым себя считает, чуть ли не больным и начинает страдать оттого, что он маленький ростом. Но ведь на свете миллионы низкорослых, а главное – что изменится от наших разговоров? И еще: может, он лет в шестнадцать-семнадцать вымахает так, что будет выше отца с матерью. Я знаю много таких случаев, и когда дети огорчаются из-за роста, говорю им уверенно: подожди, вырастешь, я тоже до восьмого класса был третьим от конца в классе, а в начале девятого стал вторым от начала. И знаете, на удивление, дети от таких разговоров вырастают.

Терпения не хватает и потому, что кто-то внушил нам странную, ни на что не похожую педагогическую логику, выраженную во фразе: «Как сегодня, так и всегда».

Мальчик грызет ногти, это некрасиво. Но много ли взрослых грызут ногти?

Мальчик неряшливо ест, но значит ли, что он и всегда будет неряхой за столом?

Мальчик долго сосет пустышку, а вдруг он и всегда будет

ходить с пустышкой во рту? И хотя я своими глазами видал маленького вратаря дворовой футбольной команды с пустышкой во рту, все-таки, согласитесь, это редкость.

Не будет всегда как сегодня, наступит и другое время, и многое дурное уйдет само собой. Всему свой срок, быстрые, «пулеметные» роды так же опасны, как и слишком затяжные. Не мы устанавливаем темп развития детей, он заложен природой и у каждого ребенка свой.

Старый, вечный педагогический грех: мы ждем от ребенка все и сейчас. Мы требуем немедленной отдачи от наших усилий, иногда мы даже получаем ее, но при этом и не подозреваем, сколько потеряли. Нам нужно, чтобы ребенок сегодня хорошо учился, мы заставляем его, он учится – но становится зубрилой и ненавидит учение. Нам кажется, что если он сегодня, в третьем классе, плохо учится, то так будет всегда – «как сегодня, так и всегда». Да нет же! Вспомните, сколько историй вокруг: не учился, не учился и вдруг взялся за ум. Поздно? Но лучше поздно, да самому, чем раньше, но из-под палки.

В воспитании, как и в романе, тоже есть всевозможные «вдруг», не учитываемые педагогикой. Девочка ездит в школу на трамвае – и без билета. Сколько ни корили ее, ни стыдили, ни угрожали контролерами – не берет билеты, и все. Но вдруг, первого сентября, в первый день восьмого класса, она почувствовала, что скорей умрет, чем поедет без билета, лучше пешком семь остановок идти, чем без билета. Что на нее подействовало? Те прежние укоры? Или просто – выросла, и то, что прежде было не стыдным, стало стыдным?

Стыд всегда появляется «вдруг». Маленький мальчик тащит из туалета горшок и усаживается на него посреди комнаты, да еще при гостях… Стыд! Позор! Так нельзя! Что из него вырастет!

Да не будет он всю жизнь при гостях на горшок садиться, придет день, и вдруг появится стыд.

Но нет терпения у родителей, но не могут они вынести этого позора (на горшке при гостях!), и, вместо того чтобы слегка посмеяться, поднимается крик и шум. Вечер у мальчика испорчен, он объявлен «плохим», «бесстыдником», «непослушным», а это во много раз вреднее, чем то, что сделал мальчик – сделал от великой своей общительности. Ему скучно сидеть на горшке одному, когда в доме гости и так интересно.

Женщина рассказывает: «Я до пятнадцати лет ложку в кулаке держала. Все вокруг едят как люди, а я – в кулаке. Ну посмеивались надо мной, конечно, а мне нравилось. А в пятнадцать лет в один день увидела, что так некрасиво…» – И нет проблемы!

Разумеется, все эти «вдруг» не сами по себе приходят, идет какая-то незаметная для родителей работа, что-то созревает в ребенке – и вдруг прорастает. Семечко ведь тоже лежит-лежит в земле – и вдруг прорастет… Яблоня растет, растет – и вдруг яблоки дала. Но надо же и дождаться! Нельзя, подобно детям, то и дело выкапывать семечко и смотреть, скоро ли оно прорастет, – оно засохнет. Или, как написал один журналист, глупо дергать рис, чтобы он рос быстрее.

Каждый ребенок – набор отставаний или опережений (а может быть, и одних только отставаний). Сверяясь с нормой (интересно же!), не будем подгонять своего под эталон, составленный из расхожих слов: «А вот другие дети уже…», «А вот я в твоем возрасте…».

Предположим, наш действительно хуже других, отстал и впредь будет отставать. Теперь что? Куда его? Выбросить и завести другого?

Есть суворовские законы – «быстрота и натиск», но есть и законы Кутузова, они лучше подходят к воспитанию. В «Войне и мире» Кутузов говорит Андрею Болконскому: «Взять крепость нетрудно, трудно кампанию выиграть. А для этого не нужно штурмовать и атаковать, а нужно терпение и время… А ведь, голубчик: нет сильнее тех двух воинов, терпение и время; те всё сделают».

20

В жизни каждого детного человека есть время, когда его терпение проверяется самым жестким образом, а он этого по большей части и не знает.

Это время – когда его ребенку два, три, четыре года, эти ужасные «дважды два», назовем их так. Я с удивлением узнал, что даже самые грамотные, интеллигентные люди уверены, что когда им становится трудно с их ребенком, то это не общее правило, а просто им такой сын достался: капризничает, буйствует, и нет с ним никакого сладу. Ужасные «дважды два» – как приемный экзамен для родителей на право воспитания: выдержат, не сорвутся?

– Молодец, хороший мальчик, хорошо ест!

Бац! С силой отталкивает от себя тарелку:

– Не хочу!

– Там нельзя ходить, там машины ходят.

Раз! Вырвал руку, выбежал на шоссе, а когда его подхватили, еще и укусил, и смотрит на тебя: что ты мне за это сделаешь? Ну

словно он нарочно испытывает наши нервы!

Кто хочет узнать подлинный характер женщины, пусть посмотрит на нее, когда она с ребенком от двух до четырех лет на руках. Есть изумительные женщины: что ни творит малыш, как ни велико возмущение окружающих, а мама не раздражается и не повышает голоса, и что-то нашептывает мальчику, и как-то успокаивает его; и маленькому кажется, будто он поступает по-своему, а на самом деле он, хоть и не сразу, а уступает.

Так они вместе справляются с капризом: и мама старается, и мальчик немножко пересиливает себя.

Истинное детство, ужасные «дважды два» – решающий момент в жизни человека. Именно в эти годы складывается мир желаний и чувств; именно в эти годы мы, грамотные и неграмотные, ведая или не ведая передаем ребенку наши недостатки; это время накопления, и низкого в том числе, в душе ангелоподобного ребенка.

Все понимают, что ребенок осваивает мир вещей: чашка бьется; потянешь за скатерть – на тебя сваливается целый сервиз; обмотался черным шнуром, стал лошадкой, доскакал до двери – вдруг сам собою грохнулся на пол телефон. Алюминиевую кастрюльку можно надеть на голову, получится корона для сказки о Емелюшке; с хозяйственной маминой сумкой хорошо играть в магазин. Это все понятно, это все на виду.

Но мы не всегда понимаем, что точно так же осваивает ребенок и новый внутренний свой мир – мир желаний. С того момента, как он вышел из колыбели, количество предметов выросло вокруг него в сто, в двести раз. А следовательно, появились и новые желания – их тоже вдруг стало в двести раз больше.

Четырехлетний мальчик говорит бабушке: «Насыпь в чай сахару». Насыпала. Через мгновение: «Высыпь обратно». Бабушка колдовским движением высыпает сахар из чая, даже и не знаю, как это ей удается. «Теперь опять насыпь, насыпь, не буду пить, насыпь сахар!» Так на каждом шагу. Кажется, он научается разговаривать, чтобы произносить только два слова: «хочу» и «не хочу». Но все его новые желания, как правило, кажутся нам опасными, неразумными, не совпадают с нашими планами, с нашим представлением о том, каким должен быть ребенок. И нам приходится на каждом шагу останавливать ребенка, одергивать и кричать «нельзя, нельзя, нельзя!».

С утра до вечера:

– Ты куда полез? Ну что это такое? Ну что это за безобразие? Ну сколько раз тебе говорить? Ну как же в твоем возрасте не знать слова «нельзя»?

Не понимая, что ужасные «дважды два» кончатся сами собой и что ребенок сам собой превратится во что-то другое, мы очень боимся за его будущее.

Молодая мама бежит мне навстречу: «Что делать?» – «Да что такое?» – «Только спустишь сына с рук, ползет к вешалке, отыскивает ботинки и лижет подошву! Сколько я его ни била, сколько ни говорила „нельзя“, ничего не помогает! Что делать, что из него вырастет?» И когда говоришь, что надо убрать ботинки, мама очень разочарована. Ну что это за педагогика? Мама слышала, что дети должны знать слово «нельзя»… Она воспитывает послушание именно в ту пору, когда сама природа требует от ребенка самостоятельности, неподчинения, отрицания, разрушения – он строит свой внутренний мир из обломков наших чашек и обрывков наших нервов.

Но храбрая мама все готова сломать: и характер, и природу. Все нипочем – шлепнула, дернула за руку, прошипела: «Я кому говорю» – и вылила на голову ребенка целый ушат всевозможных «а то»:

– А то мама уйдет!

– А то больше тебя с собой не возьму!

– А то милиционеру отдам, волку, медведю, колдуну!

– А то смотри мне!

Война, большая война с маленьким человеком! Младенец знал одно оружие против нас – плач; он пользовался им бессовестно, он вымогал уступки, чувствуя, что мы его плача боимся. Теперь плач на нас не действует. Что ж, малыш перевооружается, вырабатывает более изощренные способы борьбы: каприз, дерзость, настырность и особенно хитрость. Как умело воспитываем мы хитрость ребенка! Пока психологи измеряют умственное развитие ребенка по умению различать квадраты и кружки, ребенок становится мастером хитроумия, с которым он скрывает свои проказы, хоть и не умеет отличать кружка от квадратика. Если бы это умение нужно было ему для своих делишек, он научился бы различать геометрические фигуры в полгода! Сначала развивается наивная хитрость, потом ловкая, потом коварная, а потом и злобная хитрость, в зависимости от тяжести репрессий, которые обрушиваются на ребенка. Мы думаем, что учим его слову «нельзя», а на самом деле мы постоянно учим его: «Нельзя, чтобы мама видела».

А и всего-то ребенку в его ужасные «дважды два» нужно немножко внимания от нас, немножко движения для себя и много, очень много терпения от всех взрослых. Терпения и понимания, что не будет так всегда, что скоро все пройдет! Что бы ребенок ни вытворял, это почти всегда попытка привлечь к

себе внимание. Ему надо, чтобы с ним занимались, чтобы его замечали, чтобы с ним общались. На секунду отвлекитесь от него за столом – тут же что-нибудь натворит. Не потому, что проказник, а – не отвлекайся, не забывай про меня, я есть. Ребенок вынужден каждую минуту своего существования напоминать нам о себе: я есть, есть, есть, не живите так, будто меня нет с вами, я есть, я живой, меня нельзя сбрасывать со счетов, меня нельзя забывать. Гуляют трое: папа, мама и ребенок. У папы с мамой интересный для них разговор, но маленький не даст им поговорить. Он не может участвовать в разговоре, но и не может быть третьим лишним. А у многих ли из нас хватило бы благоразумия не обидеться, а тихо посидеть в сторонке, если бы мы почувствовали себя лишними в присутствии каких-то других людей?

Играли с мамой, все было хорошо. Вдруг звонки в дверь или по телефону – соседка или приятельница. И сразу: «Отойди, не мешай, дай мне поговорить».

Почему соседке – внимание, телефону – внимание, а ему лишь крохи, остатки, объедки маминого внимания? Он не хочет быть последним человеком. Он требует точно такого же уважения, какое проявляет на его глазах мама в отношениях с другими людьми. Она никому не говорит: «Отойди, не мешай, не путайся под ногами» – только ему. А почему? За что?

Если мы не можем уделить сыну достаточно внимания, то поймем хотя бы, что ребенок ни в чем не виноват, когда требует его, и не за что его бранить и шлепать. Не можем заниматься с ним весь день напролет, что ж, не страшно, но научимся полностью сосредоточиваться на мальчике или на девочке в те минуты, когда мы с ними общаемся.

Мы устаем от детей не потому, что они надоедливы, а потому, что мы общаемся с ними вполсилы, вполдуши. Мы читаем им сказку, а сами думаем о другом, мы играем с ними, а сами ждем, пока кончится время игры. Мы устаем от того, что постоянно пытаемся сосредоточиться на ребенке. Я знал отца, очень занятого и редко бывающего дома человека. Он поставил себе правило: полчаса в день на дочку; но он готовился к этим получасовым встречам, придумывал игры, песенки, задачки, он полностью отдавал девочке полчаса в день. И ведь это дороже для воспитания, чем целый день полувнимательного, необязательного, случайного, рассеянного общения, которое оскорбляет ребенка и побуждает к шалостям и проказам.

Такая же неукротимая и не подлежащая укрощению потребность маленького ребенка – в движении. Да, он может сидеть и слушать сказку, потому что в сказке движение,

перемещение, страх, победа. Но недолго удержишь его на месте. Ему надо двигаться, бегать, прыгать, лазать и перелезать.

Начните разучивать с трехлетним песенку – ему скоро наскучит; размахивайте руками, будто дирижируете, и мальчик начнет размахивать руками и выучит песенку. Он любит петь, но маршируя, а не сидя. Движение – это его язык. Для него что сказать, что побежать – одно и то же. И это надолго! Вот восьмилетняя девочка подбежала к маме и просит разрешения пойти поиграть с подругой. Но она не стоит перед мамой, она прыгает, как мячик, она и минуты постоять спокойно не может, ее распирает изнутри. Сказать ей: «Стой спокойно, когда разговариваешь со старшими?» А зачем? Что странного? Будет ли она всю жизнь так прыгать?

У маленького море энергии. Дайте ему волю поиграть в лошадки, он троих взрослых загонит, им и не отдышаться. Но он же не виноват в том, что мы такие усталые, слабые, вымотанные. Мы хотим покоя, но и он хочет покоя. Наш покой – замри. Его покой – побежали!

Мама сердится:

– Разве ты не видишь, что я устала?

Но он не понимает этого слова, он думает, что это способ вымогательства. «Я устал, возьми меня на руки, ноги болят, устал».

Мы не в состоянии состязаться с трехлетним, и приходится хитрить. Играешь в лошадки – изобрети себе роль столба, и пусть он, жеребеночек, вокруг тебя бегает, ему все равно, лишь бы ты играл с ним. Вместо того чтобы вызывать детей на хитрость, будем хитрить сами, и тогда окажется, что дети прямодушны и простодушны, их обмануть ничего не стоит.

Физически ребенок почти не устает, но он гораздо быстрее нас устает эмоционально. У детей огромный запас физической энергии и мизерный ресурс энергии эмоциональной. Он устает, но не телом, а душой, чувствами, и тут же начинает капризничать, поступать наперекор, все разрушать. Самый опасный момент: мальчик устал, а мы этого не понимаем. Он ведет себя дурно – мы огорчаемся, связь с ним ослабевает. В эту минуту ребенок становится агрессивным. Он закатывает глаза, что-то бормочет, он чуть ли не в истерике. Только опыт и любовь к ребенку научат нас улавливать перепады в энергии, и мы скоро поймем, что в эти минуты бесполезно требовать от него что-нибудь или обижаться на него.

Трудное время! Идеи уже есть, а взрослого разума еще нет, и договориться, уговорить почти невозможно. Остается одно: увлекай, привлекай, завлекай, хитри.

Ужасные «дважды два» – возраст, когда больше всего боятся избаловать ребенка, когда больше всего думают о том, что из него выйдет. Но ребенок капризничает и растет избалованным не потому, что его балуют, а потому, что его балуют с оглядкой, балуют со страхом избаловать. «Хочу яблоко!» – «Нет, нельзя». – «Хочу яблоко!» – «Нельзя, ты уже съел!» – «Хочу яблоко!» – «Нельзя, ты уже три штуки съел!» – «Хочу яблоко!» – «Замолчи, кому сказала!» – «Хочу яблоко!» – «Да на тебе яблоко!» Первая идея медицинская: нельзя подряд три яблока. Но удержаться на этой идее могут немногие, и в результате: «На, только отстань». Если у нас не хватает силы характера отказывать ребенку в его просьбах, будем хотя бы настолько добры, чтобы сразу соглашаться с ним, не заставлять его вымогать нас идти на уступки.

Сегодня у ребенка трудные «дважды два», сегодня он рушит дом, сегодня он бьет чашки, стаскивает скатерть со стола, сломал дорогой магнитофон, сломал проигрыватель, все в доме погромил. Но не забудем, что очень скоро ему предстоит выйти из дому, во двор, к сверстникам, где не будет ни папы, ни мамы. И если нам сейчас не хватит терпения, если мы станем ломать его характер, если нам удастся превратить его в забитое, хитрое существо, то что с ним будет, когда он выйдет во двор? И как он научится добиваться чего-нибудь от людей, от сверстников, если у него нет опыта победы, если родители никогда ни в чем ему не уступили?

21

И еще время терпеть, когда у детей наступает подростковый возраст. Беда этих лет в том, что они трудны не только для взрослых, но и для ребят. Детство – как здоровье, отрочество – как болезнь. Подростки и физически больны: идет перестройка организма, учащается сердцебиение, многих мучат головные боли. Они больны и душевно: подавленное состояние без видимых причин и без причин возбуждение. Болезнь. Темная яма, котел. У каждого из нас есть год или два, о которых мы ничего не помним, словно и не жили в это время. Плохо помним учителей, почти не помним товарищей – беспамятство. Судить о том, каким будет человек, по его отрочеству, укорять «что из тебя вырастет» – совершеннейшая нелепость. Это все равно что стоять у постели больного корью и сокрушаться: как же ты будешь жить с такой температурой?

Непросто сказать, что из отроческого котла выйдет. Какой

принц-красавец? Какая принцесса?

Подросток – гипертрофированное детское «я сам». Я сам все знаю, я сам все сделаю, я лучше знаю, что мне надо, что не надо, я сам, сам, сам! Со временем это пройдет. Это кончится так же внезапно, как и началось; но пережить, но вытерпеть всезнайство и заносчивость очень трудно. Кажется, что самомнение подростка не знает границ. Станешь спорить – он раздражается, сердится, бросает недовольные взгляды. Что поделать, и взрослые капризничают, когда больны, но на них за это не сердятся. Испытание на любовь и верность! Так легко в это время разочароваться в сыне, так трудно представить себе, что это пройдет само собой, так хочется немедленно что-то предпринять, ответить грубостью на дерзость и обидой на обиду! Мы тебе не нужны? Ладно, и ты нам не нужен!

А мы нужны подростку еще больше, чем младенцу. Мир качается в его глазах, открытие следует за открытием, новый напор необъяснимых, неясных, непонятных желаний: чего-то хочется, а чего? Новый прилив возможностей, и не совсем ясно: что можно, а что нельзя? Подросток точно в таком же положении, как и мальчик, только что вышедший из колыбели.

Все меняется в глазах подростка, но одно должно остаться непоколебимым: уверенность в родительской любви и поддержке. Да, он выглядит неблагодарным, он разрушает отношения с родителями прямо с какой-то жестокостью: «Ну и пусть, пусть мне будет хуже», – но ему нужен дом как гавань, как бухта или как берлога, в которой мог бы укрыться. Дом-защита, дом-укрытие. Школа, двор, улица, сверстники – все для него фронт. Что же мы делаем, когда лишаем подростка и этого единственного укрытия? Когда гоним его: «Где шатался? Почему уроки не выучил? До каких пор, долго это будет продолжаться?» Хватает он шапку – и на улицу. Посмотрите на уличных подростков, сбивающихся в стайки, – это же все гонимые. Кажется, если бы их раз и навсегда выгнали из дому, им было бы легче. Но их гонят изо дня в день постоянно, упорно, настойчиво, их попрекают, чем могут: «Мы тебя кормим, одеваем, а ты? Мы тебе жизнь отдаем, а ты? Ребята в твоем возрасте, а ты? Такой большой вырос, а ума нет!» Вместо того чтобы создавать условия, при которых болезнь переходного возраста могла пройти без осложнений, мы еще больше осложняем ее. Подросток бежит из дому, рвется к сверстникам, но в действительности ему нужен дом. Не крыша над головой, а душевное убежище, где все видят его трудности, его ошибки, его глупости и все-таки принимают его, причем принимают как здорового, а не как больного. Он «больной», если ждать от него идеального поведения, но хоть на время отрочества откажемся от

бредовой мысли вырастить совершенного человека. Подросток меньше всего похож на идеал! Да и мы перестаем выглядеть в его глазах идеальными людьми, и даже в лучших семьях, когда ребенку исполняется одиннадцать лет, он словно увольняет родителей с должности кумиров. Какой удар по самолюбию родителей!

Но конечно, есть и в самом деле очень трудные ребята – те, которые совершенно не верят взрослым, не слышат их и не понимают. Их может спасти только тот, кто завоюет их доверие, постепенно установит отношения, сумеет спустить слишком туго натянутый повод. За них страшно. Они шатаются неизвестно где, неизвестно с кем, поздно приходят домой, и хоть убей их – все остается по-прежнему. Они уверены, что с ними ничего не случится, – и как хороша эта уверенность! Мы со своими страхами только мешаем им жить. Еще хуже, когда мы подозреваем сына: отпусти парня гулять, а он ларек с дружками ограбит. Но если он способен ограбить ларек, то уж хоть отпускай, хоть не отпускай; совсем о другом надо думать, а не о том, когда он приходит домой…

Ребенка можно вырастить в любви к дому, к родителям, к друзьям; но воспитать подростка и юношу, вывести их в люди на такой, домашней что ли, любви практически невозможно. Подросток живет по максимуму: ему нужна не конкретная справедливость, а высшая, его мучит не только то, почему он плохой (это его часто и не мучит), а почему люди бывают дурными. Ему тесно в домашнем кругу, среди домашних будничных разговоров. Чаще всего, когда подростки жалуются на своих родителей, то главный пункт их обвинения не в том, что они плохие люди, нет, хорошие, и работают хорошо, и хорошо относятся к детям. Но о чем они говорят – вот что вызывает тоску!

Отчего такие скучные, однообразные разговоры, такие узкие интересы, такие бедные отношения! Вот что тяготит подростка и заставляет его бежать из дому – отдаляться от родителей. Бедность, приземленность интересов воспринимается подростком так же, как высокие слова и поучения, если они не имеют под собой духовной основы, повторяются механически, потому что «так надо говорить». Особенно тяжело подростку, когда в ответ на робкие свои духовные порывы и запросы он слышит: «Сходил бы лучше в магазин, вымыл бы полы…»

Да, он не любит мелочей жизни, наш выросший ребенок, он бежит от них, он живет теперь в другом измерении; придет время – он научится соединять высокое с будничным, но это нелегко дается человеку, это один из самых мучительных вопросов жизни, и если мы будем преждевременно осаживать

подростка, говорить ему: «Не заносись», мы можем нечаянно погасить жар души и превратить нашего ребенка в молодого расчетливого практика, который ни во что не верит – и ничто не ценит. И вновь мы станем удивляться: откуда, отчего?

В утешение можно сказать, что подростковые годы не все время такие уж трудные, есть и перерывы, словно природа дает нам возможность отдышаться и постепенно привыкнуть к переменам в детях.

В десять лет ребенок почти ангел; в одиннадцать лет он вдруг начинает отдаляться от родителей, его поведение резко изменяется, он некрасиво смеется, гримасничает, вытворяет невесть что; в двенадцать лет он становится энергичным, активным, веселым, двенадцатилетние подростки могут доставить много радости родителям. В тринадцать лет подросток опять замыкается, уходит в свою комнату, хлопает дверью, сердито или даже грубо отвечает старшим, выказывает полное презрение к ним, а в четырнадцать снова наступает благополучный период. Дружить с четырнадцатилетним – чистое наслаждение. В пятнадцать подросток не так уверен в себе, кажется стеснительным, подозрительным, неловким, он страдает, у него мировая скорбь. И от сознания, что он никчемный человек, хуже всех, от этих своих страданий он бывает и грубым, и дерзким, и бестактным. В шестнадцать лет, если все было хорошо, если хватило у родителей терпения и не наделали они ошибок, не оттолкнули подростка от себя, сумели принять его таким, какой он есть, показали, что любят его всякого, все вынесли, – в шестнадцать наступает в доме долгожданный мир…

22

Три самые привычные модели воспитания подсказывает старая педагогическая вера и страсть к воспитанию; назовем их условно «правила движения», «сад-огород» и «кнут и пряник».

Модель «правила движения». Нам кажется, будто детей воспитывают точно так же, как обучают их правилам уличного движения. Будто ребенок должен выучить некий свод правил – вот и все. Если ребенок ведет себя плохо, значит, взрослые, ответственные за его воспитание, не объяснили ему, как надо себя вести, поленились, проявили нерадивость. Если бы они, не жалея сил, объясняли детям, и особенно подросткам, как надо себя вести, то все было бы хорошо. Так и предлагают: надо ввести в школах урок морали. А когда подростки совершают что-нибудь дурное, то говорят: куда же школа смотрит? Почему им в школе

не объяснили, как надо себя вести? Надо было, например, объяснить подросткам, что нехорошо угонять чужую машину хотя бы и с невинной вроде бы целью покататься.

Но отчего одни люди, и в руках не державшие Уголовный кодекс, не нарушают закона, а другие, вызубрив все статьи кодекса наизусть, то и дело попадают за решетку? И разве есть на свете хоть один ребенок, который не знал бы, что не только машину – и самокат чужой брать нехорошо?

Много лет назад в Москве, в городском суде на Каланчевке, разбиралось дело молодого человека лет двадцати, убившего свою жену – и не в припадке ярости, а холодно, расчетливо убил он, чтобы доказать, что он сильный. Он был умен, образован, с хорошими манерами. И мама его тихо говорила на суде:

– Гена, ну что ты наделал? Я же тебя учила только хорошему! Ну скажи им, что мы с отцом учили тебя только хорошему!

Гена молчал.

Я помню эту скромную женщину, и не было никакого сомнения в том, что она и вправду учила сына только хорошему. Да ведь и все мы учим хорошему, разве не так? Редко кто внушает детям дурные мысли, и дети вырастают хорошими детьми не потому, что мы их учим хорошему, а дурными – не потому, что учим дурному, а по другим причинам, которые мы отчего-то и знать не хотим, безоговорочно веря в силу своего слова: «Ну я же тебе сказал! Ну я же тебе говорил! Ну сколько раз тебе говорить, сколько раз тебе повторять! Ну что же ты – русского языка не понимаешь?»

У одного литературного героя с детства висела перед глазами пропись: «Не лги, послушествуй старшим и носи добродетель в сердце». А вырос Чичиков.

Вера в магическую силу своего собственного слова идет с тех пор, когда вся жизнь человека складывалась как система подчинений. Мы видим, что многие родители, как и раньше, учат своих детей и поучают; нам кажется – и у нас должно получаться. Но мы не замечаем, что в тех удачных семьях действуют и еще какие-то силы, которых у нас нет. Не на одном лишь «я сказал!» держится там воспитание.

Модель «правила движения», вера в магическую силу поучений, нотаций, правил сильно подводит нас.

23

Вторая модель, «сад-огород», основана на всеобщем, я бы сказал, заблуждении, будто мы, родители (или какие-то другие

воспитатели), можем обходиться с ребенком как с грядкой – выпалывать сорняки-недостатки в его душе или как с деревом – прививать ему отдельные положительные качества. Но ребенок не грядка и не дерево, он существо одушевленное, он не поддается этим процедурам и манипуляциям. Я много раз видел родителей, которые борются с недостатками своих детей, но ни разу не слышал, чтобы эта борьба увенчалась успехом – если только дети не выросли и недостатки не исчезли сами собой, под влиянием других каких-то причин (вот их-то и надо бы заметить). Знакомый журналист еще двадцать пять лет назад жаловался на десятилетнего сынишку – не убирает в своей комнате, неряхой растет! И вот встречаю: «Как дела? Как сын?» – «Да беда с ним, – нахмурившись, сказал знакомый. – Неряхой растет, в комнате не убирает…» Потом оказалось, что сыну-то уже тридцать пять, он кандидат наук, автор нескольких изобретений, специалист в новой и сложной отрасли техники… А отец все воюет! Все борется с недостатком! Двадцать пять лет борется и не устает, потому что уверен, что это его педагогический долг – искоренение недостатков. Сухомлинский говорил в таких случаях, что воспитание идет «по ложному пути». «Пороки, – писал он, – искореняются сами по себе, уходят незаметно для ребенка, и уничтожение их не сопровождается никакими болезненными явлениями, если их вытесняет бурная поросль достоинств».

Установим: выпалывание недостатков – занятие бессмысленное, не дающее результатов, и чем более категорично об этом будет заявлено, тем больше пользы родителям, потому что, к сожалению, очень многие родители глубоко уверены, что воспитывать ребенка – это значит не что другое, как бороться с его недостатками, и когда говоришь, что не надо с ними бороться, они в изумлении спрашивают:

– А как же тогда воспитывать? А что же тогда делать? Терпеть?

Как будто никаких других форм воспитания нет, одна только борьба с недостатками, одна только прополка.

Модели «правила движения» и «сад-огород» особенно опасны тем, что мы, следуя им из лучших побуждений, постоянно ссоримся с детьми, разрушаем контакты, и вся наша воспитательная работа становится безнадежным занятием. При этом мы не понимаем, отчего же так случилось.

Наконец, о модели «кнут и пряник». Вот, кажется, без чего нельзя, вот самое естественное: за добрый поступок наградить, за дурной – наказать, поругать, пожурить. Как иначе? На этом мир держится!

Но мир не держится на штрафах и наградах, это нам лишь кажется. Мир устроен принципиально другим образом. Жизнь представляет собой непрерывную цепь задач и выборов, целей и средств. Неудачные выборы действительно влекут за собой неприятные, а то и просто тяжелые последствия; но за благонравие вовсе не причитается воздаяние, а за дурным поступком вовсе не всегда следует возмездие, потому что жизнь, бывает, и ошибается в распределении наград и штрафов. Кроме социальной справедливости или несправедливости, есть еще и беды, утраты, несчастья, болезни, и они выпадают отнюдь не тем, кто их заслужил, кто «сам виноват».

С первых дней жизни воспитывая ребенка поощрениями и наказаниями, то есть пытаясь воздействовать на него напрямую, мы сильно облегчаем себе работу воспитания, но одновременно мы внедряем в сознание ребенка образ вселенского кнута и пряника и подрываем его веру в справедливость.

Но разве справедливость не состоит в награде за добро и наказании за дурные поступки?

Конечно, нет. Справедливость не в расплатах и мщениях, мир не торжище, не базар и не рынок, мир скорее похож на мастерскую. Мир не торговля. Не баш на баш, не обмен: «Я сделаю добро – и мне кто-нибудь сделает». А если не сделает, тогда что? Тогда я стану злым? Нет, человек в своей душе не купец, а творец. Мы любим, мы стараемся совершать добрые поступки, мы трудимся, мы наслаждаемся жизнью, потому что она сама есть творчество, она носит проблемный, а не обменный характер.

Или мы растим ребенка, который ведет себя как человек не потому, что он чего-то боится, а потому, что он действительно человек, нравственное и духовное существо. Или мы этого ничего не признаем, в ребенка нашего не верим, в свою нравственную силу не верим – и действуем по модели «кнут и пряник».

Воспитывать по модели «кнут и пряник» относительно легко, такое воспитание нельзя не признать действенным, особенно если проводить его неуклонно. Но оно опасно для будущего детей. Может вырасти человек, который при первой же серьезной неудаче, при первой же беде возденет руки и возропщет: «За что?!» И потеряет веру в правду, веру в жизнь, в любовь и совесть. И тут уж настанет наша очередь воздеть руки и воскликнуть: «За что? За что нам такое наказание, за какие грехи?»

Мы все воспитаны по привычным моделям старинной педагогической веры, никуда от них не уйти. Мы тоже будем воздействовать на детей, воспитывать их, в дурном смысле слова; мы тоже люди, и, значит, в нас тоже кипит страсть к воспитанию. Мы непременно будем и поучать детей, и приучать их, не имея на то силы и времени, и поощрять, и наказывать; но полезно видеть и дурную сторону такого воспитания.

25

Не каждый из нас умеет любить детей, даже своих собственных, не каждый из нас достаточно разумен, не каждый умеет контролировать свое поведение, не каждый умеет не вспылить, удержаться. В большинстве своем мы усталы и раздражительны. Но дети сами смягчают наши сердца – своим существованием, смехом, шалостями; нам остается лишь не трусить, не бояться доброты в своем сердце, не поддаваться страхам типа «как бы чего не вышло!». Мы не можем стать лучше, чем мы есть, мы не можем стать сильнее, чем мы есть, мы не можем любить ребенка больше, чем мы его любим, не можем изменить свою волю, характер, но мы можем изменить взгляд на ребенка, свое представление о нем, образ Ребенка, и у нас постепенно выработается другое, новое, лучшее отношение к нему. Тут мой шанс. Это единственный шанс для слабого, неспособного, несовершенного воспитателя.

…Каждое утро взываю к тому лучшему, что есть во мне: «Мне послан ребенок; это дорогой мой гость; я благодарен ему за то, что он есть. Он так же призван к жизни, как и я, это нас объединяет – мы есть, мы живые люди. Он такой же, как и я, он – человек, и не будущий человек, а сегодняшний, и потому он другой, как и все люди; я его принимаю, как всякого другого человека. Я принимаю ребенка… Я принимаю его, я охраняю его детство, я понимаю, терплю, прощаю. Я не применяю силу к нему. Не угнетаю его своей силой, потому что я его люблю. Я люблю его, и я благодарен ему за то, что он есть, и за то, что я могу его любить, и тем самым я возвышаюсь в духе своем».

Если бы не было этих чудесных гостей на земле – детей, то мир погиб бы не от старости, нет, еще прежде – от бездуховности своей.

– Прошу считать меня человеком!

Только и всего? В сущности, как мало нужно для хорошего воспитания! Надо лишь понять, что нет двух отношений к ребенку – человеческого и педагогического. Есть одно, одно и

только одно: человеческое.

Книга вторая
Человек в человеке

Глава 1
Воспитание сердца

1

Считается, что для воспитания необходимо понимать возрастные особенности детей. Несомненно. Но чтобы понять особенности чего-то, нужно прежде представить себе общее устройство этого «чего-то».

Если вас попросят нарисовать схему анатомического строения человека, вы хоть приблизительно, но сумеете начертить, где сердце, где легкие.

Но вот внутренний мир человека… Что душа? Что дух? Что совесть? Что потребности? В какой связи находятся эти понятия, что за ними кроется? Где сердце, а где пятка? Что от чего зависит?

Всматриваясь только в детей, детей не поймешь. Мы воспитываем не ребенка, а человека. Человека в человеке. Личность. Внутренний мир человека – это и есть его личность.

Вот чем внутренний мир человека, внутренний космос совершенно не похож на внешний: материальный мир, если взять его в целом, не имеет нужды, не имеет цели. В нем все развивается по строгим законам сохранения, в нем все целесообразно, но общей идеи, общей цели развития нет.

А внутренний мир человека целенаправлен. Это его основное свойство, скрытое от большинства людей. Нам кажется, будто мы такие, какие мы есть, а на самом деле мы такие, какими мы стали от движения к целям, иногда даже и не осознанным нами. Мы называем целеустремленным человека, который настойчиво добивается своего, мы иногда восхищаемся им, иногда иронизируем: «Этот знает, чего он хочет!» – в зависимости от того, чего он хочет. Но и все люди все-таки целеустремленны, потому что личность – целеустремленная система, вне целей ее просто нет. Целеустремленность – не черта внутреннего мира, а сам внутренний мир, он и есть устремление к цели, он весь развернут по оси «нужда – цель», и он таков, какова эта ось, этот хребет, этот позвоночник личности. Личность – не стрела, которая остается стрелой, направлена ли она в сердце врага или в спину друга, личность полностью зависит от важности и нравственности цели.

Мы побаиваемся слова «цель», потому что далеко не каждый

из нас имеет ясную, осознанную цель – да еще одну на всю жизнь; мы не великие. Мы живем себе и живем. У нас множество забот сегодняшних и завтрашних, есть и заботы на будущее, заботы о будущем, но слово «цель» кажется нам слишком значительным для того, чтобы прилагать его к простым нашим заботам. И все же внутренний мир ребенка, как и внутренний мир взрослого, – это мир, движущийся к целям, пусть и неосознанным. Именно эти цели, явные или тайные, и определяют, что для ребенка имеет значение в мире, а что не имеет; что ему интересно, а что нет; что вызывает чувства, а что нет.

Из этого следует, что мы не можем повлиять на ребенка, не меняя его целей. Все воспитание – это целеуправление, целенаправление. Мы управляем не ребенком, а его целями (если умеем управлять ими). Мы достигаем или не достигаем успеха в строгой зависимости от того, становятся ли наши цели целями детей. Убеждением ли, соблазном ли, примером ли, внушением ли, просвещением ли, отношением ли своим влияем мы на цели ребенка и подростка, но другой возможности воспитывать не существует. Так – получается, а так – нет.

2

Внутренний мир человека держится на стержне «нужда – цель».

Нужда коренится в глубинах личности, цели порождаются в глубинах общества. Воспитание приобретает силу там, где умеют формировать и нужды, и цели, или, скажем проще, желания ребенка. В основе хорошего поступка лежит чистое, честное, полезное желание.

Самое основательное, самое эффективное воспитание – это воспитание желаний.

Можно воспитывать – бороться с желаниями ребенка, обуздывать их.

Можно воспитывать – учить ребенка самообузданию.

Можно воспитывать – отдаваясь на волю ребенка, уступая его случайным желаниям.

А можно воспитывать сами желания, обогащать их, направлять осторожно и терпеливо, понимая их природу, исключив из воспитания даже идею обуздания и самообуздания. Не против природы идти и не на случай надеяться, а помогать природе ребенка проявиться в ее лучшем обличье.

Большинство из нас думает, что человек действует примерно по такой схеме:

ГЛУПОЕ ЖЕЛАНИЕ – УМНОЕ СОЗНАНИЕ – СИЛЬНАЯ ВОЛЯ – ДОБРЫЙ ПОСТУПОК.

Поэтому почти все внимание педагогика сосредоточивает на сознании и воле.

На самом деле сознанию очень трудно бороться с желанием. Да и многие ли из нас обладают достаточной волей, чтобы победить сильные свои желания? Указывают на людей, умеющих держать себя в руках, ставят их в пример, – но откуда мы знаем, может быть, у них нет сильных желаний.

Нет, эта схема ненадежна. Действительно надежное поведение выглядит гораздо проще:

ДОБРОЕ ЖЕЛАНИЕ – ДОБРЫЙ ПОСТУПОК.

3

Легко сказать! «Доброе желание»! «Воспитывайте желания»! Желания ребенка случайны, мимолетны, капризны. У него нет понятия цели – и потому личность его не оформлена. Внутренний мир складывается и предстает перед ребенком лишь тогда, когда он становится подростком.

Между тем желания ребенка главным образом и волнуют нас. На практике мы только с ними и сталкиваемся, только с ними и сражаемся, только от них и страдаем.

Надо спать – а он не хочет. Надо за уроки – не хочет. Необходим покой в доме – а он хочет слушать музыку. У мамы голова болит – а он хочет барабанить. То его не заставишь, то, еще хуже, не остановишь.

Мы потому так мало заняты воспитанием желаний и так сильно – борьбой с желаниями, что культура желаний – самая трудная, самая неподдающаяся часть педагогики. Много лет назад известный психолог П.П.Блонский писал: «Если мы станем перечитывать современные книги по педагогике, мы найдем там чрезвычайно много об умственном развитии, немало о воспитании воли и характера, кое-что о воспитании чувств и почти ничего о воспитании желаний…»

Что за тайна? Почему и сегодня на тысячу книг по воспитанию ума – десять о воспитании чувств и едва ли одна – о воспитании желаний? Все пишут, что воспитание желаний – главная задача, и все отчего-то эту задачу обходят.

Да потому что в общем нашем представлении желания – это лишь одно из душевных движений человека. Есть воля, есть ум, есть чувства, есть еще что-то, и есть желания, которые непонятно откуда берутся – и потому непонятно, как их изучать и как на них

воздействовать.

На самом деле желания – не одно из проявлений личности, желания и есть сама личность, потому что личности нет вне полюсов «нужда – цель». Желания, как и личность, подобны электрическому полю, которое возникает только во взаимодействии «плюса» и «минуса».

Воспитание желаний – это не воспитание чего-то отдельного, не пресечение капризов, не борьба с потребительством, не обуздание разрушительной энергии, а воспитание всей личности ребенка.

4

Я оплошал, я здорово оплошал.

Дело было так. Наша дочка Катя с ее мужем и годовалым их сыночком сняли дачу, и мы с Матвеем поехали их навестить. Ну, лето, веранда, чай, разговоры. Матвей играл на крылечке, хлопал дверью – открывал и с силой закрывал ее не переставая. Ему говорили: «Ну хватит, ну кому сказали!» – а он, как всегда в таких случаях, смеялся дружелюбно и продолжал свое. Никакого страха! Он даже и не сердится на нас, не обижается – смеется, и все. Остановить его нет сил ни у кого, можно лишь занять его чем-нибудь другим, и он охотно отзовется на любую идею; но ведь нельзя же постоянно заниматься мальчиком! Солнечный день, сидим мирно, пьем чай, разговариваем, время от времени покрикивая: «Матвей, ну хватит тебе! Дверь сломаешь!»

Конец у таких историй одинаков: что-нибудь случается. Так и в этот раз: Матвей распахнул дверь пошире, и стоявшие на крылечке туфли свалились вниз и угодили прямо в бак с дождевой водой.

Такая чепуха! И никто не рассердился – подумаешь, дела-то. И другие туфли у Кати есть, да и эти высохнут – Катя даже и капли досады не выказала. Один лишь я отчего-то возмутился. Стыдно ли мне стало за Матвея, гордость ли моя была уязвлена – не может, мол, отец справиться с мальчиком, – не знаю, но вскипел, схватил Матвея под мышки – а он маленький еще, легонький как перышко – и выставил его за калитку. Там скамейка у забора, и я крикнул: «Сядь и сиди здесь!» – «Не буду сидеть!»

Смеется! Ну что ты с ним будешь делать? Я из себя выхожу, а он смеется, бросается к калитке, рвется в дом – война с малышом.

Я опомнился, вышел за калитку и сам сел на скамейку. Сел и сижу. Грущу. Когда же я научусь обуздывать себя? Не ребенка

обуздывать, а себя?

Я вспомнил, как к нам в дом приходила знакомая воспитательница детского сада – она могла уложить Матвея спать в две минуты. Что-то было в ее голосе резкое и бесповоротное, отчего мальчик сникал на глазах, послушно шел умываться, ложился на бок, ручки под щечку, и замирал… На глаза его надвигалась какая-то пелена, вмиг пропадал в них веселый блеск, задорный блеск в глазах маленького бандита, и все было тихо, все хорошо, все как надо… Но тоска. Тоска! Нельзя так!

Да пусть он хоть тысячу туфель побросает в баки с дождевой водой, все отдашь за этот веселый и дружелюбный блеск в глазах, за честный взгляд, за готовность любить, за открытый и беззаботный смех.

Из дома донесся голос Матвея:

– А он там сидит!

«Он» – это, очевидно, я. Наверно, его спрашивают, где папа. Подбежал косолапя к калитке, посмотрел – сижу ли? Ему интересно! Вышел, сел рядом со мной. Коленки грязные, руки черные, голова лохматая. Узкое личико, быстрый взгляд – ожившая иллюстрация к «Маленькому принцу» Экзюпери.

И заговорил со мной как ни в чем не бывало.

Но не могу же я сдаваться. Я насквозь пропитан лжепедагогикой – может быть, последние ее капли выдавливаются из меня с такой болью? Пока я работал в школе, в пионерском лагере, пока росли старшие дети, я никогда не взрывался. Но, видимо, чем лучше ребята нам достаются, чем они живее, тем хуже мы с ними… Матвей всем в радость, в нем бесконечная энергия, бесконечная любовь – и вот пожалуйста…

Я не сдался, а отвернулся от него и сказал:

– Я с тобой не разговариваю.

Где найти мне свидетеля, чтобы он подтвердил: впервые в жизни произношу я эти идиотские слова! Да и не я их вымолвил, а кто-то скучный и ленивый внутри меня нашептал мне их на ухо.

Но мальчик лучше меня. Он учит меня постоянно – педагогика от Матвея. Он и не обратил внимания на мои слова, он потрясающе необидчив. Он вновь заговорил со мной, и вновь, и постепенно я отошел… Я отвечал ему сначала сердито, потом помягче, потом мы вместе пошли в дом, и все не только делали вид, что ничего не случилось, но и в самом деле, я знаю, забыли. Кого-кого, а злопамятных среди нас нет.

Но я-то никогда не забуду урок, который я получил, пока сидел, наказанный, на скамейке. Ведь справедливость была на стороне Матвея. Это мы бросили его в одиночестве, не стали с ним играть. Небось взрослого гостя ни за что не оставили бы

одного, постарались бы занять его. А он на чужой даче гость, ему нечем заняться, и он не нарочно бросил эти треклятые туфли в бак с дождевой водой, он не видал ни туфель, ни бака, он ни в чем не был виноват – за что же отец со зверской физиономией потащил его вон из дома, за калитку?

А главное, если бы я был один с мальчиком, я бы только покачал головой, когда туфли свалились в воду: «Вот видишь, что получилось!» – сказал бы я, и мальчик почувствовал бы себя виноватым, и все было бы честно. Но на людях и даже среди близких мне людей меня вдруг охватывает позорный стыд за него, и я ничего не могу с собой поделать. Наученный собственным горьким опытом, я всем говорю: не стыдитесь своих детей при чужих людях, нормальные дети при чужих всегда ведут себя хуже, чем обычно, это они таким образом вступают в контакт с чужими, это хорошо, а не плохо. Не стыдитесь! По собственному опыту со старшими детьми я знаю, что чем меньше я сейчас буду стыдиться Матвея, тем больше он даст мне поводов гордиться, когда вырастет. Не стыдись маленьких, будешь гордиться взрослыми. Но сам я с трудом побеждаю этот ложный стыд. А наедине с мальчиком нам так хорошо!

– Матвей, мне нужно позвонить, можно? – говорю я, когда мы гуляем с ним и проходим мимо телефона-автомата.

– Нет, нельзя, – отвечает он и посматривает на меня весело, взглядом смягчая отказ.

– Ну мне очень нужно!

– Все равно нельзя!

– Ладно, – вздыхаю я. Нельзя так нельзя. Все честно! Я же спросил? А если спросил, то мог получить и отказ.

Товарищ, которому тогда хотел позвонить, потом выговаривал мне: «Ты почему не позвонил?» «А мне Матвей не позволил», – отвечал я, ужасно гордый собой.

Товарищ мой хороший не понял меня. Он знал, что Матвею шесть лет. Шестилетний – не позволил?

Да. А что значит уважать человека? Это значит уважать его желания. Только так могу я научить Матвея уважать желания других, то есть уважать людей.

5

Часто бывает, что мы не можем понять внутренний мир ребенка только оттого, что видим лишь одну сторону какого-то процесса. А есть и вторая, всегда есть вторая сторона. И если бы попросили дать самый практичный совет о воспитании, я бы

сказал: «Делайте с ребенком все, что вы делаете, но помните, что у него есть две не зависящие от нас потребности – не одна, а две, две, две: потребность в безопасности и потребность в развитии». Стремление быть и стремление жить.

Стремление быть – это потребность в самосохранении, в безопасности.

Стремление жить – это, если сегодняшним языком говорить, потребность в развитии, нужда в условиях для развития – такая же непреодолимая, как и потребность в безопасности.

Решительно все в нашем ребенке зависит от того, как мы обращаемся с двумя этими первичными потребностями – удовлетворяем ли мы их или становимся на их пути.

Замечательная пара! Поодиночке ни одну из этих потребностей не объяснишь.

Зачем сохранять себя, отстаивать свою безопасность? Чтобы развиваться – другой цели нет. Не выживешь – не вырастешь. Быть, чтобы жить!

Но зачем развиваться? Чтобы выжить. Не развиваясь не выживешь. Это правило одинаково верно и для одноклеточного существа, и для любой организации. Жить, чтобы быть!

Однако развитие опасно. Для безопасности пролежать бы жизнь на диване… Да ведь не разовьешься! Потребность в безопасности останавливает развитие, а развитие мешает безопасности.

Так эти две потребности, мешающие одна другой и необходимые одна другой, живут в человеке, борются между собой и питают одна другую.

Быть и жить, сохраняться и развиваться – эти две потребности как две ноги человечества, и куда ни глянь, всюду мы видим единство и столкновение старого (быть!) и нового (жить!), традиционного и новаторского.

Какая из двух потребностей преобладает в ребенке – зависит от его наследственности; все дети по-своему трудны для воспитателя. Если преобладает потребность быть, ребенок более агрессивен. Если верх берет потребность жить, с ним никак не управишься. Но главное – помнить, что первых потребностей две, и должно быть две. От условий, от способа воспитания во многом зависит, какая из природных потребностей станет определяющей, чем будет больше озабочен ребенок: безопасностью или развитием. Тут и корень различий между людьми. В самой общей форме можно сказать, что худшая половина человечества переозабочена своей безопасностью, а лучшая отдается потребности в развитии. Удовлетворив детскую потребность быть, освободив ребенка от борьбы за безопасность, мы открываем

простор для действия его потребности жить, потребности в развитии – и можно считать, что три четверти воспитательного дела сделано. Потому что все дурные желания связаны с потребностью в безопасности, а все добрые – с потребностью в развитии.

6

Природе от живого существа нужно лишь одно: сохрани себя, чтобы сохранить свое потомство.

Мы многое сумеем объяснить в воспитании детей, если допустим, что потребность в безопасности разделяется на две столь же непреодолимые тяги: потребность в личной безопасности и потребность в коллективной безопасности, или, можно сказать, на безопасность-Я и безопасность-Мы.

Безопасность-Я очевидна: каждому дорога своя жизнь. Но отчего же человек идет и против самого себя, отчего он готов отдать жизнь не только ради своих детей, а за идею, за честь, за людей, ради спасения другого? Отчего тянет человека к другим людям – и не только инстинкты его ведут, а что-то другое. Это другое – исторически выработавшаяся потребность в безопасности-Мы, потому что ни сохранения, ни развития не достигнешь в одиночку.

Существование этих двух потребностей – безопасность-Я и безопасность-Мы – и делает необходимой нравственность. В том и красота человека: он и личность, он и часть общества, а нравственность – жизненно важное средство для урегулирования этого противоречия. Она не дана ему от рождения, а добывается им при жизни. Тут-то и кроется свобода воли человека: у него есть потребность в других людях, но он и свободен от нее.

Сила потребностей, их взаимодействие варьируются бесконечно, они даны людям в самых разных пропорциях, в одних преобладает безопасность-Я, в других – безопасность-Мы. В опытах это проявляется в направленности личности. Обнаружено, что примерно треть людей лучше работают из личных побуждений, треть – добиваются больших успехов, когда нужна победа для группы, а треть представляют собой переходный тип.

7

Всё, всё, что гибелью грозит, Для сердца смертного таит Неизъяснимы наслажденья – Бессмертья, может быть, залог!

Не смерть манит, а бессмертие. Жизнь – опасна, безопасно только бессмертие, и нужда в безопасности у человека так велика, что он испытывает наслаждение, заглянув в пропасть опасности. Он как бы общается с бессмертием.

Страшные истории, страшные сказки, страшные поступки (перед машиной улицу перебегают, негодники!) – все это победа над страхом. Опасно, ужасно, недопустимо, но… Как без этого станет мальчишка мужчиной?

Да что мальчишка!

Женщина-инженер рассказывает:

– В детстве я очень любила лазать по деревьям. Даже не любила, не то! Меня буквально тянуло залезть на высокое дерево, и чем выше оно, чем было опаснее, тем больше манило меня. Я успокаивалась лишь тогда, когда головой поднималась над верхушкой дерева. Ну хоть макушкой!

Когда дети творят невообразимое, рискуют жизнью, мы ругаем их, браним, наказываем. Но сохраним в голосе и немножко восхищения.

8

Понятно, отчего «макушка над верхушкой»: в отличие от взрослого ребенок охраняет не жизнь, а личную свою жизнь – свой внутренний мир, поскольку заботу о его физической жизни берут на себя взрослые. Шестимесячный криком изойдет, но не станет есть кашу, если ее не так посолили и положили сахару на пол-ложечки меньше, чем всегда. У него привычка к его каше, и он эту привычку охраняет. Привычка – застывшее желание. Желание, из которого вынуто самое дорогое – размышление, изобретение, выбор, момент творчества. Личность ребенка – сумма его привычек. Поначалу она складывается и расширяется очень медленно. Природа охраняет новенькую, необкатанную нервную систему. Всякую новую пищу ребенок берет в рот неохотно, и понять, почему одно прилепляется к снежному кому его привычек, а другое со злостью отторгается, – совершенно невозможно. Собственно, поэтому так трудно учить маленького самым простым вещам – есть с ложки, проситься на горшок: не потому, что он не в состоянии научиться, а потому, что он сопротивляется, охраняет свой внутренний мир от вторжения нового. Ему все кажется как бы посягательством на его личную, внутреннюю жизнь. Еще труднее отучать ребенка от дурной (с точки зрения родителей) привычки: привычка – это я.

Не тронь!

Чем дольше остается человек ребенком в душе, тем больше привязан он к своим привычкам и строже руководствуется ими. Инфантильного, то есть оставшегося в детстве, то есть по привычкам живущего человека не сдвинуть с места и не переубедить. Как и ребенку, привычки для него дороже всего. Поэтому Жан-Жак Руссо писал о своем воспитаннике Эмиле, что у него будет лишь одна привычка – не иметь привычек.

Но это, конечно, невозможно. Не родители, а ребенок требует, чтобы строжайше соблюдался режим: попробуй уложить маленького на полчаса позже обычного времени, он всю ночь не заснет. И сказку ему рассказывай одну и ту же, потому что слушание сказки о Колобке – это часть его личности. Сказка не может надоесть маленькому. Он согласен на новое лишь как на добавку, а не замену, он переозабочен безопасностью, он всего год или два как отошел от небытия – родился на свет.

Но постепенно растет территория внутреннего мира, подлежащая охране потребностью в безопасности-Я. К тому времени, когда пора в школу, ребенок становится обучаемым, даже чересчур: теперь новое пристает, прилепляется к нему почти без разбора, и с четырех примерно лет ребенка легко учить языкам, чтению, он запоминает города, столицы, его свежая память все заглатывает и почти не нуждается в интересе. Ребенок запоминает массу вещей между делом, без особых усилий, можно сказать, механически. Однако этот процесс быстрого накопления сведений и умений как раз и определяет интересы ближайших лет, раннего подросткового возраста, когда картина переменится: теперь ребенок будет в состоянии усвоить лишь то, что ему интересно, и так лет до четырнадцати, когда он научится получше владеть своим вниманием и волей, вызывать интерес ко всякой работе по необходимости.

Сначала с большим трудом, потом с большой легкостью, потом только по интересу и, наконец, по интересу и по необходимости – так развивается способность человека к усвоению нового, в том числе новых привычек, и трудно сказать, какой же из этих периодов важнейший, потому что каждый из них подготовлен всеми остальными.

9

Новые приобретения вызывают и новые порядки во внутреннем мире ребенка. Поначалу, пока мир привычек – и, следовательно, желаний – узок, в нем все равноценно, и за каждую мелочь маленький сражается с такой силой, с какой

взрослый борется за жизнь.

Постепенно внутренний мир беспорядочно расширяется, и в нем устанавливается почти полная анархия – никак не поймешь, что ребенку важно, что не важно, отчего он поднимает крик по пустякам. Потому он и капризничает: каприз, случайность, анархия царят внутри его.

Когда же наш ребенок выходит во двор, у него довольно скоро складывается мир перевернутых ценностей, потому что прейскурант важных и маловажных вещей, цена людей, явлений и поступков устанавливаются теперь не нами, родителями, а сверстниками нашего сына и нашей дочери, теперь все зависит от того, в какую компанию попали дети и как эта компания ориентирована относительно мира взрослых: в одном направлении? в противоположном? Старший наш сын, когда был шестиклассником, вздумал носить волосы до плеч – тогда была такая мода. Школа яростно воевала с длинными прическами. Всех привели в порядок, даже десятиклассников заставили остричься – и лишь один наш пацан щеголял роскошной (на тогдашний детский вкус) прической. На какие только ухищрения он не шел! Лазил в школу в окно, чтобы миновать дежурного учителя, сбегал с уроков, прятался в коридорах, если видел директора, – война. Но лишь только на мальчика махнули рукой: пусть ходит, как хочет, – он пошел и остригся чуть ли не наголо. Тем дело и кончилось. Но интересно, что прическа была мальчику дороже возможности учиться, дороже школы, дороже всего.

Однако постепенно проходит и подростковый возраст, и в голове молодого человека устанавливается свой прейскурант на предметы, явления, поступки, поведение. Теперь в голове не анархия, а строгая иерархия, лестница: это – дороже того, это важно, но я готов поступиться, а этим не поступлюсь ни за что. Теперь мир ценностей, охраняемых безопасностью-Я, необычайно широк: от потребности мыть руки перед едой и заниматься спортом до потребности читать, слушать музыку – и дальше, до потребности в уважении и одобрении, и так до главной ценности под названием «смысл жизни». Смысл жизни становится дороже всего. Человек готов скорее умереть, чем совершить поступок, после которого жизнь теряет смысл.

Самое важное – способ приобретения ценностей. Как они установились? Механическим путем подражания другим и привычек или они прошли сложную дорогу развития? Я слушаю музыку потому, что с детства привык, приучен, не могу без музыки, – или потому, что в музыке я чувствую источник развития, обогащения?

Другими словами: я охраняю привычку – или развиваюсь?

В первом случае мне трудно избавиться от привычки, пусть и неплохой. Перемести меня в глушь, где не будет концертных залов, я стану несчастным. Во втором случае я могу слушать музыку, могу и не слушать, я хозяин своих ценностей, а не раб привычек. В первом случае действует потребность в безопасности, во втором – потребность в развитии.

Комфорт нужен всем людям, но одним – для удобства жизни и работы, другим – для престижа: если ты живешь комфортабельней, тебя больше уважают и ты сам себя больше уважаешь. Естественно, во втором случае личность человека беднее, потому что уважение к себе не должно зависеть от материальных достижений.

В идеале у человека должна быть по крайней мере одна высшая ценность – можно назвать ее и привычкой: моральная привычка добиваться своих целей только за свой счет, не используя других, не посягая на их права, на их результаты.

10

Безопасность-Я рождает дурные чувства.

Но и безопасность-Мы тоже бывает опасной для воспитателя.

Пока ребенок под родительским надзором, он – самый сильный в этом мире и самый слабый. Он защищен родителями, но не от них. Он охраняет свою безопасность от взрослых, которые ходят за ним по пятам и кричат свое «нельзя», шлепают по рукам и злятся. Как же велик запас доброты у маленького, если он сберегает ее лет до трех, до пяти и все еще бежит к нам, и все еще ласкается!

Но вот он подрос и впервые вышел во двор. Теперь он самый слабый, каждый может обидеть его. А маминой защиты нет. Теперь нужнее всех защитник, заступник, свои люди, «наши». Теперь верх берет безопасность-Мы в ее худшем варианте, и начинается великая, на всю жизнь, игра в «наших» и «не наших», в «своих» и «чужих», игра, диктуемая острой нуждой в безопасности. «Наши» – в нашем дворе, на нашей улице; а в соседнем дворе, на другой улице – чужие. Свои не обидят, чужие не дадут проходу. Я не могу оставить своих, потому что я в них нуждаюсь. Вот эту нужду поймем – и мы почти все поймем в поведении школьника.

Мама ругает: «Где пропадал?» Мальчик знает свою вину, но он ничего не может поделать, у него нет выхода. От безысходности он дерзит маме, но и завтра он будет во дворе столько же, сколько и все. Он не может отличаться от всех, он

должен выглядеть в глазах других точно таким же, как все, он должен быть «своим», и хоть каждый день его наставляй – все будет по-прежнему, потому что те побои, те унижения, та беззащитность, та отверженность, что грозят ему во дворе, страшнее материнского и отцовского гнева. Его безопасность теперь зависит не от родителей, а от ребят во дворе. Все наши фразы: «Что ты в них нашел? С кем ты связался? Я запрещаю тебе дружить с ними!» – все это пустое, бесполезное. Потребность в безопасности невозможно подавить, а фразам она и вовсе не поддается.

Но может быть, не пускать ребенка во двор? Так ведь и в школе то же самое, и в школе нужна защита. Внутри каждого класса есть «наши» и «не наши», «свои» и «чужие».

Хорошо, если мальчик справляется с учением. А если нет? Тогда школа становится особо опасной зоной, и он зорко высматривает, как избежать беды. Юлит, хитрит, обманывает, подделывает отметки в дневнике, прячется от учителей, превращается в клоуна, добивается, чтобы его выгнали с урока, – ему надо быть героем среди своих, ему надо отстоять свое достоинство перед учителями. Он, от которого все столько терпят, он – самый несчастный среди всех. Он, как зверек, борется за жизнь, за свое «я». Он связан с «нашими» по рукам и ногам. У «наших» свои словечки – и он коверкает язык, он не может говорить не так, как они; у «наших» свои манеры – и он перенимает их; «наши» девочки в гольфах пришли – и она не может надеть колготки, даже если мама убьет ее. «Наши» носят вязаные шапки и шарфы цвета такой-то футбольной команды – и ему нужны точно такие же шапка и шарф. Хотя бы для того, чтобы его не били… Стали старше – и совсем разделились по тому, кто как одевается, кто как причесывается, у кого какая сумка. Эта необходимость быть как все, носить знаки принадлежности к «своим», к своей группе, не отличаться от своей группы ни речью, ни образом жизни, ни взглядами, ни привычками, ни манерами, ни даже походкой, ничем не отличаться – это желание, которое мы с таким пылом осуждаем, сильнее подростка. Он ничего не может поделать. Он не может жить один, он должен быть среди своих.

Когда же подростки взрослеют, то еще хуже. Все чужое на себя натянет, лишь бы «свои» принимали. И опять: если талантлив, если есть своя сила – человек может позволить себе самостоятельность. Чуть послабее – тянется к «нашим», к «своим», объединяется против «чужих» и «не наших» и всех людей делит по одному принципу: «свой» человек или «чужой», «наш» или «не наш». Причем самые слабые и бесталанные особенно строго

охраняют принцип, с яростью гонят «чужих».

Человека, с детства державшегося за «наших», отличишь сразу: среди «своих» он развязен, распущен, дерзок, нахален. «Свои» и нужны ему для того, чтобы распускаться. Среди «чужих» – застенчив, неуклюж, осторожен.

Вот признак хорошо воспитанного человека: для него люди не делятся на «своих» и «чужих», он и в чужом обществе, и среди своих одинаково подобран, одинаково активен, он в ровном и спокойном напряжении, которого требует всякое общение с людьми, будь то «свои» или «чужие». Не стеснителен в гостях и не развязен дома. Он не знает состояния расслабленности и не знает тревоги среди людей. Он всегда уверен в себе, в своей речи, в своих манерах, в своей осанке, в своей одежде. Он не заискивает, не ищет поддержки, потому что никого не опасается. Про таких людей говорят, что у них благородные манеры; а благородные манеры бывают лишь у тех, кто с детства никого не боялся.

11

Видный юрист рассказывает в газетном интервью: «Шел подросток по улице. Увидел, как группа знакомых ему ребят избивала лежащего на земле человека. Думаете, он бросился на помощь несчастному? Напротив, он стал бить этого человека, которого видел в первый раз. Случай этот потряс многих. Вот уж, казалось бы, где нельзя найти ни причины, ни смысла. А они все-таки есть. Все предшествующее поведение подростка, по сути, готовило его к этому срыву. Он не знал, что такое доброта».

Но причина, по которой подросток бил незнакомого человека, не только в том, что он «не знал добра». Он бил чужого. Чтобы получить поддержку «своих», «наших», он не может прожить без них, он недостаточно развит для этого и готов пойти на все, даже на убийство человека и убийство собственной судьбы, лишь бы «свои» считали его «своим», лишь бы удовлетворялась его дикая, необлагороженная потребность в безопасности-Мы. Для него что «наших бьют», что «наши бьют» – все равно.

Из одной и той же потребности в безопасности-Мы вырастает и дружба, и товарищество – высшие нравственные качества, и дикая, необузданная, бесчеловечная страсть к объединению, к действию толпой.

Безопасность-Мы – естественная человеческая потребность, и потому нелепо бранить ребенка или подростка за то, что он подражает друзьям или не имеет собственного мнения. Это все

симптомы, а не болезнь; сама же болезнь гораздо глубже. Подростку нужна иная система ценностей, ничто другое ему не поможет. Стратегия воспитания в этом случае выражается одним словом: развитие.

Только развитие, только удовлетворение тяги к развитию делает безопасной тягу к безопасности. Чем больше возможностей для развития даем мы ребенку, чем больше развиты его дарования, тем самостоятельнее он и меньше зависит от сверстников: в конце концов он перестает делить мир на «чужих» и «своих».

При хорошем воспитании дом, семья удовлетворяют потребность ребенка в безопасности-Я, а детский сад и школа – потребность в безопасности-Мы. Для того ведь и создаются детские организации, для того и стараются создать такой классный и школьный коллектив, где ребенок чувствовал бы себя в безопасности от сильного и, следовательно, мог свободно и быстро развиваться. Если в классе нет команды, нет коллектива, то масса детей превращается в подобие бурсы. Дикая потребность в совместной безопасности, направленная на войну со старшими, овладевает детьми, у них создается превратное представление и о мире, и о себе. Выжить в компании подростков (не в коллективе, а в компании!) – выжить и сохраниться душой – могут лишь немногие, самые сильные. Они-то обычно и говорят потом с гордостью: «А вот я все детство во дворе с хулиганьем провел… Мы такое творили, когда были мальчишками!» – людям часто кажется, что их собственный опыт – достаточное доказательство правильности их нынешних педагогических взглядов: «Мы выросли? И они вырастут!»

Но «мы» выросли и стали людьми далеко, далеко не все.

Безопасность в школе и дома, развитие в школе и дома!

12

Развитие! Природа требует от нас быть и жить. Она же, по справедливости, дает и средства для этого – дает человеку дарования. Из многих даров природы обратим особое внимание на два главных – от них зависит все.

Вот эти два дара: любознательность и воображение.

Известная исследовательница детской психики Л.И.Божович считала, что любознательность вообще составляет ядро личности. Интересно, что когда подбирали самый первый отряд космонавтов и Главного конструктора С.П.Королева спросили, какими качествами должны они обладать, то на первое место он

поставил любознательность. Не что-нибудь другое, не мужество, например, а любознательность.

Приглядимся: сначала в ребенке просыпается инстинкт «что такое?», он тянется к неизвестному, он подражает взрослым. Подражание и есть первая форма любознательности. Но как только накапливаются у ребенка сведения о мире, сразу начинаются творческие игры. Природа заботится о своем дитяти, она развивает его воображение. Она дает ему для этого средство – игру, в которой почти все воображаемое.

А потом сына потянет во двор, к товарищам, и начнутся коллективные игры по строгим правилам, требующие меры, такта, чувства справедливости. Любознательность, воображение и мера. Из любознательности и воображения развивается ум. Любознательность дает возможность освоить опыт прошлых поколений, а воображение обогащает его. Любознательность – крючья, выставленные в мир, на них все цепляется: но не все, а лишь то, что нужно воображению. Без знаний нет воображения, а без воображения нет потребности в знаниях. Из этих же двух дарований развиваются и душевные качества – интерес к человеку и способность сочувствовать ему, воображением доставлять себе ту же боль, что мучит другого человека.

Человек без воображения добрым быть не может, а человек с развитой любознательностью без воображения почти наверняка будет злым: «умен, как бес, и зол ужасно».

Как пойдет развитие ребенка? Это зависит от природы его потребностей и от развития дарований, от любознательности и воображения, от того, какой из двух даров окажется сильнее, и от того, как мы, взрослые, направляем любознательность и воображение ребенка в самом их истоке, когда мы еще можем на них повлиять. Забить, затолкать, убить любознательность и воображение довольно легко; есть школы, где вполне удается сделать это. Но никакими средствами не вложишь дарования ребенку, если природа обделила его.

Будем пестовать самый маленький росток любознательности, самый крошечный цветок воображения.

13

Развитие! Развитие! Развитие! – сколько ни повторяй это слово, все будет мало.

Наш ребенок дурно ведет себя? Значит, мы мало занимаемся его развитием. На нашего ребенка жалуются? Подумаем, как развивать его дарования.

Ребенка ничего не интересует? Тем более стараемся развить его любознательность.

Семь бед – один ответ: развитие. Развитие – это расширение границ внутреннего мира, его территории. Раздвигаются границы, охраняемые потребностью в безопасности. Развитие – внутреннее обогащение, которое поддерживает процесс развития. Здесь нет «масла масляного», развитие само по себе цель, конечная цель воспитания, конечная цель жизни. Смысл жизни – в развитии жизни.

Но развитие навязать невозможно, его ведет какой-то двигатель внутреннего сгорания. Для того чтобы человек выискивал условия для развития и пользовался ими, у него должна быть внутренняя тяга к нему, непреодолимая потребность. Она и дана нам, эта потребность, природой – но, увы, не каждому и, главное, не навсегда, не на всю жизнь.

Приходит глубокая старость, наступает нормальная усталость от жизни, как говорил И.И.Мечников, исчерпывается потребность быть, и человек умирает. Ужасна ранняя усталость от жизни, трагична ранняя смерть, особенно гибель молодого человека – гибель до того, как выдохлась его потребность быть. Но смерть в глубокой старости естественна и потому величественна.

А потребность в развитии, потребность жить у многих людей исчерпывается гораздо раньше, чем наступает старость, хоть мы не всегда замечаем это.

14

Никто не станет спорить, что у человека есть механизм физического развития; примерно в двадцать пять лет механизм этот выключается – физическое развитие закончено.

Почему же не предположить, что существует такой же механизм психического развития и что он тоже может выключаться, завершив невидимую свою работу? К определенному, неизвестному нам времени ресурс этого механизма сам собою вырабатывается и психическое развитие останавливается. У больных, несчастных детей это происходит в год, два, три, четыре года, и они остаются на всю жизнь недоразвитыми, с психикой четырехлетнего. Гораздо менее заметна остановка развития в пятнадцать-шестнадцать лет: человек пишет, читает, работает, он женится и обзаводится семьей, он живет как все. Его, как и других, призывают развиваться, работать над собой, его стыдят и корят, но он развиваться не может – ресурс выработан. Вокруг нас тысячи

таких людей. А многие продолжают развиваться до последнего дня жизни. Мы хлопочем о раннем развитии, о скорости развития, а не его продолжительности. Мы торопимся сделать из детей взрослых. Между тем продолжительность развития куда важнее его скорости.

Зависит ли она от воспитания? Ответа на этот вопрос и даже самого вопроса я не встречал. Можно предположить, что раннюю остановку в развитии мы предотвратить не в силах; но продолжительность нормального развития почти целиком зависит от воспитания, от того, как удается в детстве раскрутить маховик развития, чтобы он по инерции работал долгие десятилетия.

Развитие, как и все психическое, тоже разделяется на два противоречивых и поддерживающих друг друга процесса. В отличие от животных человек развивается не столько биологически, сколько орудиями труда и мышления. Когда мы обучаем ребенка в школе, он овладевает инструментами труда и мысли, но и сами эти инструменты постоянно развиваются в течение жизни. Меняются, развиваются орудия труда, меняются книги, фильмы, песни, мода, развивается культура – и вместе с нею всю жизнь идет психическое развитие человека.

Для этого он должен с детства овладеть культурой, срастись с ней.

15

Но тут поджидает нас и беда. Да что там – почти у всех педагогических бед одна и та же причина, а именно – несовпадение этих двух программ развития, естественной и орудийной, культурной.

Естественную программу, заложенную в ребенке, вырабатывала ее величество Природа – миллионы лет трудилась.

Орудийную, культурную программу, предлагаемую ребенку, вырабатывают люди.

В тех частях, где программы совпадают, все идет хорошо. А там, где расхождение? Где отцы-воспитатели против природы?

Природная программа развития строго индивидуальна. Этому мальчику нужно для развития прыгать и скакать, а этому – сидеть в уголочке и вертеть кубик Рубика. Эту девочку надо бы вести в школу с четырех лет, а эту – с двенадцати. Она не хуже, не лучше, она не отстала, она, может быть, в академики выйдет, но при условии, что ее начнут учить вовремя, не позже, но и не раньше.

Однако что же делать? Эпоха индивидуального образования ушла в прошлое. Наши дети должны учиться, развиваться, и притом именно в школе, одного возраста.

К сожалению, мы не можем во всем следовать природе ребенка, мы не понимаем ее, и мы должны дать детям толчок для культурного развития, вовсе не предусмотренного природой… Тут серьезнейшее противоречие. Но будем хотя бы понимать: потребность в физическом и психическом развитии, пока она не угасла, такая же часть ребенка, как рука, нога, глаз. Мы не должны подавлять ее, даже если ее проявления не нравятся нам и затрудняют нашу жизнь. Уже понятно, что нельзя покорять природу, надо жить с ней в содружестве. Но и природу ребенка тоже нельзя покорять, природное отомстит нам за это – и нам отомстит, и на ребенке выместится.

Кто знает? Быть может, из всего, чем держится внутренний мир, личность, дороже всего – тяга к развитию. Сколько ни думают, сколько ни говорят, сколько ни спорят, а ведь развивать детей не всегда умеет даже и школа. Учить – умеет, а развивать – далеко не всегда и не всякого.

Когда родители водят дочку в кружок фигурного катания – что происходит с ней? На пользу это девочке? Во вред? Развивается она или тупеет? Когда шестилетнего мальчика учат рисовать по правилам – развивают его способность рисовать или приостанавливают его развитие? Кто знает?

Снова и снова: поймем, примем это противоречие, и сами собой найдутся решения, родится терпение, погаснет раздражительность, мы перестанем ждать от ребенка совершенств, не данных ему природой.

16

Проверить, идут ли занятия на пользу или во вред, можно, пожалуй, лишь одним способом, хоть он и не прост. Понаблюдайте – развивается любознательность ребенка? Гаснет? Любознательность – мотор психического развития. Когда развитие останавливается, то любознательность иссякает, а воображение превращается в старый фильм, который крутят без конца.

Разумеется, любознательность детей во многом зависит от развития родителей. Но хотя бы поймем значение любознательности, поймем, что это свойство даровано не каждому и что его надо укреплять.

– Моего ничто не интересует, – жалуются родители.

Почему так? Откуда эта болезнь? Не сами ли мы заразили ребенка равнодушием к миру науки, искусства, безучастностью к людям?

А может быть, мы пригасили любознательность своим нетерпением. Видя недостаток любопытства, мы раздражаемся, сердимся, укоряем ребенка. Отсутствие любознательности кажется нам дурным моральным качеством. Но скорее всего мы не нашли, не нащупали поля интереса, того поля, которое само рождает тысячи вопросов, их и сеять не нужно.

Одних детей больше интересуют вопросы «Что? Где? Когда?». Это растут люди энциклопедий, коллекций и кроссвордов.

Другой тип любознательности проявляется в вопросах «Почему? Отчего? Как это получается? Как это устроено?». Любознательность детей, ломающих игрушки. Для них ценность игрушек только в том, что их можно разобрать до винтика.

У нашего Матвея ни одна техническая игрушка не держится больше получаса. Хоть кричи, хоть бей его – с отстраненным выражением лица, нахмурясь, набрасывается он на дорогой лунный вездеход, подаренный неопытными нашими друзьями. Еще не успеют гости уйти, как им придется испытать разочарование: все, что можно руками отвинтить от вездехода – отвинчено. А что будет с миром, когда Матвей научится владеть отверткой?

Что ж, пусть. Ничего не жалко. Любознательность мальчика – самая дорогая, драгоценная вещь в нашем доме, и мы все бережем ее, боимся сломать.

Кажется, мальчик может замучить вопросами с десяток взрослых, и все беседы с ним кончаются одинаково: «Ой, ну хватит тебе Матвей, перестань!» Но все-таки он успевает кое-что урвать, прежде чем кончится наше терпение.

Однако лишь только он успокоится, я сам начинаю приставать к нему: а почему здесь лежит лед, а там все растаяло? А почему над троллейбусом два провода, а над трамваем один?

Он смешно пожимает плечами, как взрослый. Я молчу. Навязывать объяснения нельзя. Не то важно, чтобы мальчик знал про троллейбусы, пусть и не знает. Важно рождение вопроса. Наконец спрашивает довольно вяло: «А почему два провода?» Ну и что ж, что вяло, – а ведь спросил! Когда он спрашивает – мучение, когда не спрашивает – беспокойство. Потому что именно от любознательности зависит будущее его учение в школе и его интерес к людям. Любознательность так и разделяется: одним больше интересен мир (природа, техника, искусство), другим – человек. Мы больше беспокоимся о любознательности первого рода, потому что она сказывается на отметках; но именно

любознательность второго рода, интерес к человеку, определяет душевные свойства ребенка.

17

Интерес, рождаемый любознательностью, дает первый толчок воображению.

Нам кажется, будто одни из нас лучше представляют себе мир, а другие хуже. Скажем, дети меньше знают жизнь, а взрослые больше. Но это не так. В любом возрасте у каждого человека есть полный набор необходимых ему представлений о жизни, причем в любом возрасте и у любого из нас часть этих представлений истинна, а часть – ложна. Разница лишь в соотношении этих частей: что увидели, а что дорисовало воображение, и разница в живости воображения, в его быстроте и богатстве.

Внутренний мир ребенка почти целиком состоит из фантастических представлений о действительности, почти не соответствует ей, но ребенка это не беспокоит – его вполне устраивает мир, им дорисованный, он другого не знает. Он погружен в себя. Ребенок всегда с нами – и всегда не с нами, он как на другой планете, и наши поучительные голоса лишь изредка пробиваются на ту планету. Какие фантазии у него, это почти не зависит от нас; свойство воображения – дело природы. О Татьяне Лариной сказано, что она «от небес одарена воображением мятежным». От небес – и что же с этим сделаешь? Никаким воспитанием эту мятежность воображения до конца не объяснишь.

Личность нашего ребенка во многом зависит не от характера и не от ума, который волнует нас больше всего (умный? глупый?), а от природных свойств воображения, его живости, его горячности, спокойствия и мятежности, от его силы или слабости. Сколько бы мы ни давали ребенку материальных благ, успех воспитания зависит не от них, а от благ воображаемых – о чем мечтает ребенок? Здесь, в мечтах и фантазиях, рождается «желаний своевольный рой» – здесь первый их источник. Фантазии обусловлены действительностью, потребностями, дарованиями, но они же и случайны, прихотливы.

Дурной ребенок? Злой, мстительный, агрессивный, неблагодарный? Одна из первых причин в том, что у него безобразные фантазии, искореженный внутренний мир. Скорее всего он и в фантазиях своих, в этих снах наяву, «дневных снах», уничтожает кого-то, убивает, казнит, мучит.

Ключ к ребенку – не в поведении его, а в его воображении. Кто хочет овладеть поведением, тот ничего не добьется; но все сделает с ребенком и подростком тот, кто овладеет его воображением. Полчаса в день? Оторвемся от быта, потратим эти полчаса на «бесплодные мечтания» – они дадут свои плоды. Сколько я знал хороших родителей, все они, когда их дети были маленькими, мечтали вместе с детьми, выдумывали волшебные страны вроде Швамбрании Льва Кассиля, шутили, дурачили детей – маленькие счастливы, когда их дурачат. Они не терпят лжи, но обман их восхищает. Дети живут в мире обманов, их первый вопрос – «взаправду или понарошку?», и все, что понарошку, все, что выдумано, нравится им больше того, что есть. Им нравится ловкость обмана. Наш взрослый внешний мир весь создан мастерами реального дела; детский внутренний мир создан мастерами обмана, выдумки, фантазии, поэтому сказочник, ловкий обманщик, хитрец, фантазер – самый любимый детьми человек.

У нас с Матвеем многолетняя игра в точность. Если я сказал, что приду в шесть часов, я должен прийти именно в шесть, ни минутой позже – но и не раньше. Но вот я нарушил правило.

– Знаешь, почему я опоздал? Иду по улице, а там крокодил лежит поперек дороги и никого не пускает…

– Неправда! – кричит мальчик, но сердце его замирает от восторга, вызванного тем, что поперек улицы лежит крокодил, и тем, что он, мальчик, может разоблачить меня, отличить правду от неправды.

– Правда, – говорю я, – там стройка идет, и строители наняли крокодила, чтобы он не пускал машины.

– Ну он же зеленый! Люди будут идти на зеленый цвет! Тогда нужен красный крокодил!

Все. Машина запущена. Красный крокодил сделал свое дело.

18

Играя, ребенок не познает, не изучает мир, как обычно говорят, не стремится «познать сущность вещей», нет, зачем ему? Он и так все знает. Он просто играет, творит, строит свой мир в фантастических формах. Ребенок играет не только тогда, когда он с игрушками, а всегда, каждую минуту своей жизни, и в самую неподходящую (с нашей точки зрения) минуту. Мы торопимся в детский сад, а он плетется еле-еле и что-то бормочет: он играет в разбойников. Будем очень осторожны, видя маленького, захваченного игрой. Ни одна мама не разбудит ребеночка

толчком, но еще опаснее неосторожным движением будить ребенка, погрузившегося в игру как в сон. Когда маленький играет на полу, а ты проходишь мимо, то вся забота – не встретиться с ним взглядом, потому что и взгляд – вмешательство, и взгляд может превратить коня в палку, и не так-то легко совершить потом обратное превращение палки в коня.

19

В свойствах воображения кроются все таланты, оно может быть художественным, техническим, музыкальным, пространственным. В ту сторону жизни и будем вести нашего ребенка, добиваясь одного: чтобы воображение было деятельным, чтобы оно работало.

Воображение может быть добрым и злым, разрушительным и созидательным; но, как правило, человек с воображением больше расположен к людям, чем тот, кто лишен этого дара. Как я могу почувствовать боль другого человека? Ведь у меня ничего не болит. Но я могу вообразить чужую боль – и словно испытать ее. Лишь один грустный взгляд уловит человек, но его воображение, если оно живое, «в минуту дорисует остальное», и он переживает чужое страдание как свое, потому что страдание в воображении так же мучительно, как и реальное. Рождается то же самое чувство – это и называется точным словом «сочувствие». Человек не умом понимает, что другому плохо, а действительно страдает, потому что может вообразить, представить себе состояние другого. Человек без воображения на это физически или, лучше сказать, психически не способен.

Поэтому воспитатели так хлопочут о развитии детского воображения. Сказки, игры, рисование, лепка – все идет в ход, все необходимо, все дает свои фантастические плоды – способность фантазировать.

Говорят: «игра воображения», «работа воображения». Пусть у ребенка воображение побольше играет, тогда и у взрослого оно будет работать.

20

Подведем некоторые итоги.

Воспитание, как видим, гораздо сложнее, чем проблемы «слушаться – не слушаться».

Вместо того чтобы заботиться о нравственном здоровье

ребенка – об удовлетворении его потребности в безопасности, о развитии его любознательности и воображения, то есть вместо того, чтобы создавать условия для возникновения подлинных желаний ребенка, мы воюем с его природой, не понимая, что все происходящее с ним есть результат скрытой от нас глубокой душевной работы. И конечно же, мы эту войну проигрываем.

На счастье, в природе существует механизм обработки человеческих желаний, шлифовки их и доводки до истинно человеческого уровня. После того как природа потрудилась, начинается собственный труд человека, душевный, умственный и духовный.

21

Душевный труд? Труд души? Душа? Мы на каждом шагу произносим это слово, мы говорим о душевных людях и бездушных, но что душа?

Вновь обратимся к Главному учебнику педагогики – к языку. Современный словарь частотности русского языка показывает, что слово «душа» и близкое ему – «сердце» (значение их примерно одно и то же) входят в число наиболее распространенных слов, это простые орудия нашей речи и нашего сознания – как же строить без них педагогику? Она получится бездушной, бессердечной.

Принято считать, что душа – весь психический, внутренний мир человека. Но, судя по языку, это не так. Пушкин постоянно разделяет понятия «ум» и «сердце».

То есть душа – не «я», не весь мой внутренний мир, существуют еще ум, память, способности – это другое. О душе говорят отстраненно, как о живом существе, отличном от меня: одно дело «мне больно», другое – «душа болит». Можно сказать: «я хочу», а можно – «душа моя хочет», «душа жаждет», «душа не принимает», «душа страдает», «душа радуется»…

Душа – что-то таинственное во мне: «куда-то рвется душа моя», «никак душа не успокоится», «как-то тяжело на душе», «словно камень на душе».

И что-то бездонное в своей таинственности: «в глубине души», «в дальних уголках своей души», «из самой глубины души»…

И что-то своевольное, собственной волей наделенное: душу нельзя поработить, принудить. Человека можно заставить делать что угодно, а душу его не приневолить.

И что-то искреннее, необманное, выражающее суть человека:

от чистого сердца, сердечно… «Душевно вам предан», – говорили в старину. О хитром говорят иногда с одобрением: «Задним умом крепок», о двоедушном же – только с отвращением. Хитрить – непредосудительно, «кривить душой» – нельзя. Предполагается, что душа – это правда человека, непродажное, неподкупное. Продается сила, продаются плоды ума и таланта, но с презрением, со страхом говорят: «Душу продал…»

Самое дорогое, таинственное, бездонное, своевольное, искреннее, непродажное – такими качествами наделена в нашем сознании душа человеческая, душа живая, «заветный клад и слез и счастья».

Что же она такое, если не вся психика и не ум?

Вслушаемся в ряд выражений: «всей душой желаю», «всей душой чувствую», «всей душой люблю», «всей душой надеюсь», «всей душой благодарю», «всей душой ненавижу», «всей душой страдаю», «всей душой радуюсь».

Но нельзя сказать: «Всей душой думаю». В уме и в душе производится разная работа, ее и нужно разделять, чтобы учить детей и той и другой.

Вот что такое душа – это желания человека, чувства, вера, надежда, любовь в их единстве. Можно говорить научным языком: «эмоционально-волевая сфера», но можно – душа, сердце.

Это чрезвычайно важно для воспитания – что душа понимается как цельное: душа болит, жаждет, хочет, страдает, принимает, радуется. У нее свои, характерные для нее свойства: в чистой душе не появится низкое желание, в слабой душонке редко благородное чувство. Цельность души, устанавливаемая из опыта народом-педагогом, народом-психологом, как раз и делает невозможным воспитание по модели «сад-огород» – прививать какое-то одно чувство в отдельности.

Воспитывать можно только всю душу в целом.

Мама беспокоится: что делать? Сын растет жадным, ни с кем не поделится, отнимает игрушки у других детей. Но ничего с этой жадностью не сделаешь. Если мальчик и в остальном плох, то не с жадностью надо бороться, она лишь симптом. Если же растет добрая душа, то ничего страшного, станет постарше и не будет жадничать.

22

Вот одна из первых причин неудачного воспитания: мы мучим сердце ребенка, даже и не думая о том, что у него есть это самое сердце, душа, личность. Нам кажется, будто у ребенка одни

только физические чувства, а на самом деле у него с рождения есть внутренний мир, который состоит из желаний-чувств. Не маленький кричит в наших руках, а душа в ее чистом виде: комок желаний, комок чувств.

Пока мы беспокоимся об умственном развитии ребенка: умный? глупый? вундеркинд? – в это самое время идет не замечаемое нами быстрое развитие чувств, способности верить и надеяться, оформляется душа человеческая. Жан-Жак Руссо первым указал на это важнейшее для воспитателя обстоятельство, когда заметил, что чувствовать он научился раньше, чем думать, и так бывает со всеми людьми.

Еще ни мыслишки в голове ребенка, еще никакого «я», но он живой и, следовательно, желает и чувствует. Да еще как! Вы посмотрите на эти слезы по щекам – только чувство такой силы, какая нам недоступна, может их вызвать.

Войдем усилием памяти так далеко, как сможем, вспомним первые проблески своего сознания, и каждый обнаружит, что он и в ту пору был примерно тот же человек, что и сегодня. Чувства созревают, душа зреет, но она одна на всю жизнь, в ней подлинная суть человека. Поэтому она так дорога ему: «Не стой над душой!»

Все знают, что первые пять лет, а по другим представлениям первые три года – самое важное время в истории человека. Но почему? Не потому, что в эти годы человек получает столько-то процентов информации, хватит нам все мерить информацией, а потому, что в эти годы складывается самое ценное, самое важное, что определяет всю его жизнь: складывается его душа.

Оттого душа – самое дорогое: с рождения, еще до ума образовалась она во мне, в виде самых первых, простейших желаний возникла и живет во мне.

Оттого душа – таинственное: я не знаю, как появляются во мне желания-чувства.

Оттого душа и своевольна: не принудишь любить или хотеть, не заставишь верить или страдать.

Нам кажется, что ребеночек наш ничего еще не понимает (он и вправду не понимает умом), мы обращаемся с ним бесцеремонно, мы заняты кашей и пеленками, мы спорим, надо ли соблюдать режим, мы взвешиваем ребенка каждый час, мы шлепаем его, когда он капризничает, для нас ребенок еще матрешка, которую можно вертеть и так и эдак: но вот он стал старше, вот он стал понимать нас, вот мы разделались с кашами и пеленками, и тут мы являемся, «воспитатели», и торжественно приступаем к воспитанию. В тот самый момент, когда оно практически закончено, мы, спохватившись, начинаем бороться с

недостатками, «корчевать» их и прививать «полезные» качества, не подозревая, что поезд ушел и что те самые недостатки, с которыми мы теперь всю жизнь будем самозабвенно бороться, мы сами же и внедрили в душу ребенка, когда она развивалась и складывалась.

23

Цельность души, цельность внутреннего мира, которую и современные психологи называют таинственной, все-таки должна быть объяснена.

В самом деле, разве может быть во внутреннем мире человека нечто рядоположенное: это, это, а еще и это? Чувство. Желание. А еще и воля? Хотя бы потому так не может быть, что речь ведь идет о явлениях нематериальных, не занимающих пространства. Следовательно, не может быть никакого «рядом». Не три ручья, не плетение из трех ниток и даже не смешение трех красок, а нечто одно, одно! Чувства, воля, ум – словом, все, что мы приписываем нашему внутреннему миру, если оно и существует, то лишь как разные характеристики одного и того же.

Так и душа живая, в глубине которой рождаются желания. Мы проследили, как желания появляются из потребностей-дарований; но нужны гораздо большие усилия для того, чтобы понять, как выбираются цели, как родившиеся желания получают определенное направление и содержание.

Совершенно очевидно: чтобы появилось желание чего-то, я должен знать, что это «что-то» существует, или хотя бы верить, что оно есть. Я должен также иметь определенную надежду, что это «что-то» будет получено. Другими словами, я должен во что-то верить и на что-то надеяться.

Во внутреннем мире нет никакого «материала», в нем лишь то, во что человек верит. Верит он, что в мире есть красота и честность, – это есть и в его внутреннем мире. Не верит – совсем другой мир в нем. Вера – своего рода материал, из которого выстроен внутренний мир. Надежда – его план, маршрут его движения. Нет веры – желания не рождаются, нет надежды – желания угасают.

Вера и надежда не то, что чувства, воля, мысли, – это какое-то иное, отличное от других свойство души, на которое почему-то обращают гораздо меньше внимания, чем на чувства и на волю. А между тем именно от способности верить и надеяться полностью зависят и чувства, и воля – полностью.

В реальной жизни, в реальной речи и, значит, в реальном

нашем сознании слово «вера» используется на каждом шагу.

Мы говорим: «вера в победу», «вера в людей», «вера в будущее», «вера в жизнь», «вера в искусство», «вера в свое мастерство».

Мы говорим: «я верю в себя, в свою судьбу, верю в удачу»; девушки, обманутые молодыми людьми, обычно жалуются: «Он подорвал мою веру в людей!» – и это действительно зло. Вера в людей – большая ценность, на нее посягать нельзя.

Мы говорим: «я верю в него», «я верю, что он станет большим художником», «я верю в его талант», «я поверил в него» или, наоборот, «я разуверился в нем».

Мы говорим: «уверять», «твердая уверенность», «уверенный» или «не уверенный в себе».

Есть лишь одна область, где понятие «вера» не исследуется и не встречается, а именно та, где оно должно быть одним из центральных – область педагогики, область воспитания детей. В этом, на мой взгляд, одна из серьезных причин неудач в воспитании. Чувство было признано после ума и воли, вера же и надежда не признаны до сих пор.

Вера, надежда, любовь – не просто поэтический набор, это первая забота каждого воспитателя, а может быть, и единственная забота. Представим себе человека, который ни во что не верит, ни на что не надеется и ничего, никого не любит. Это строгое описание мертвой или, лучше сказать, парализованной души. Так бывает после большого несчастья или при несчастном воспитании, когда родители делают из своих детей душевных паралитиков.

Почти все, если не все трудности с детьми и подростками связаны с тем, что ребята не доверяют взрослым, не верят их словам, недоверчиво относятся к их ценностям, а то и вообще ни во что не верят. Воспитывать таких детей практически невозможно: они бессердечны и не знают пределов безжалостности. Они не понимают наших слов не потому, что глупые или упрямые, а потому, что у них нет чувств, нет способности не только сочувствовать, но и просто чувствовать. Чувство и вера связаны между собой. Без веры и надежды чувства нет.

24

Постоянный спор: как чувства влияют на знания? Как знания действуют на чувства?

Знания и чувства связаны верой. Она как трансформатор, она

вроде бы и чувство («горячая вера»), вроде и знание. Для того чтобы человек действовал, ему нужна вера в свои силы, в свои действия, в мир, который его окружает. В людей, с которыми он сотрудничает или встречается. Знание нужно человеку для укрепления его уверенности в успехе своих действий. Если я знаю, что у меня ничего не получится, то ведь и желание действовать не появится. Желание возникает лишь тогда, когда есть какая-то надежда на его исполнение.

Душе человеческой нужна вера, а разум современному человеку нужен именно для того, чтобы он, человек, был в состоянии верить.

Не случаен ведь девиз «подвергай все сомнению». Подвергай все сомнению не для того, чтобы во всем сомневаться, а для того, чтобы твердо верить в то, во что веришь, чтобы вера сохранилась, чтобы всегда мог ответить на вопрос: «Во что ты веришь?»

Вера и сомнение волнуют душу и ум, как страсть. Сомнение – два мнения, альтернатива. Сомнение требует выбора, успокоения – его дает знание и вера в него, убеждение; но вновь появляется сомнение… Внутренний мир словно пульсирует: вера – новое знание – сомнение – вера – сомнение – новое знание – сомнение – вера… – и так пока человек живет и развивается. Лишь только пульсация «вера – сомнение – знание» прекратилась, останавливается и развитие.

Так разум входит в самую сердцевину души. Не только по обычным нашим представлениям: мол, есть чувства и есть господствующий над ними ум; нет, и в самом истоке чувства тоже разум – составная часть веры. Верю или не верю – вот пресс разума на чувства.

25

Ум и сердце – лед и пламень, их не соединить, и кажется, будто человек непременно должен конфликтовать сам с собой. Он и действительно конфликтует, как только теряет веру, как только ломается передаточный механизм между умом и сердцем и они превращаются в чистый лед и чистое пламя – все разваливается, сгорает, погибает. Человек становится бессильным, и можно точнее объяснить почему.

В опытах доказано, что люди наиболее активны, когда вероятность успеха составляет примерно пятьдесят процентов. Человек всегда стремится именно к такой деятельности. Отчего бы это? Потому что деятельность, где «пятьдесят на пятьдесят», требует веры в успех и в то же время позволяет верить в него.

Человек ищет такую деятельность, чтобы и для души был труд – труд веры, иначе работа становится механической, бездушной. Если вера не нужна (сто процентов успеха гарантировано) или она невозможна (ожидается сто процентов неудачи), то нет охоты работать, не происходит мобилизации внутренних сил, и человек действует не лучшим способом.

«Поверить – значит удесятерить свои силы», – сказал один французский психолог.

Вера в правду, в людей, в жизнь соединяет, собирает внутренний мир человека. Нет – все распадается, и сразу появляется необходимость в механизмах принуждения, внутреннего и внешнего. Это знает каждый учитель, каждый руководитель. Руководить – это прежде всего вселять веру в успех. Воспитывать – значит вселять в ребенка веру в успех.

Пока ребенок маленький, я не могу действовать на его ум, потому что ума еще нет. Но я могу действовать на его веру в мир, в справедливость, доброту, надежность. Ведь ребенок приходит в мир, ни в чем не сомневаясь, приходит не знающим, а верящим, доверчивым существом: «Доверчив, как ребенок…» Насколько проще путь укрепления веры, чем тот, которым мы идем: сначала сами веру подрываем, потом начинаем ребенка «воспитывать».

Всюду, где одно только знание, где вера потесняется, там падает мораль. Моральный уровень человека прямо пропорционален его вере в высшие человеческие ценности, в правоту и победу своего дела.

Пушкин все это сказал строгой строкой:

…Для сердца нужно верить.

Душе человеческой необходимо верить, как сердцу – биться.

26

«Для сердца нужно верить!»

Но мы и слова такого не вводим в сознание наших детей – «вера», мы пытаемся все построить на доказательствах, будто жизнь – математические теоремы: «Докажи!» – пойди докажи, что людям надо сочувствовать! Если все «докажи», если чего не докажешь, того и нет, то ничего нет – ни правды, ни любви, ни совести, ни жалости. Одни теоремы.

К тому же мы и альтернативные знания подаем как абсолютные. Нет спора, нет момента победы, нет и убеждения – и нужды в убеждениях.

Человек мыслит в категориях, и когда в его сознании нет категории веры, то он не придает значения своей вере, не

прилагает сознательных усилий для укрепления своих убеждений. А ведь надо научить маленького человека трудом души поддерживать веру, не впадать в безверие, не падать духом.

Мы знаем, а вскоре и наши дети узнают, что в действительности добро вовсе не всегда и не сразу побеждает зло. Вера живет в нас вопреки ближайшей очевидности. Если бы добро всегда и на глазах побеждало, оно и не называлось бы добром. Но вера не дается легко, она требует постоянной затраты душевной энергии, она сама есть непрерывный труд.

Вот какая сказочная история произошла со сказкой о Красной Шапочке. Французский писатель Шарль Перро сочинил ее вовсе не для детей, а в назидание молодым девицам – не доверяйте, мол, мужчинам, и кончалась сказка трагично: волк съедал и бабушку, и Красную Шапочку. Но сказка понравилась, стала народной, ее рассказывали детям – и сам собою появился новый конец: прибежали охотники, убили волка, разрезали ему брюхо и бабушка с внучкой выходят на свет живые и невредимые, даже шапочка не потерялась.

Подумать только – что за нелепость! Разрезали живот и вытащили живую бабушку. Но люди не особенно утруждали себя выдумкой – лишь бы добро победило, иначе рассказывать сказку детям нельзя. Иным детям и волка жаль, тогда мама рассказывает, что пришел доктор и зашил ему живот.

У одного маленького мальчика, ученика Павлышской школы, арестовали отца. На следующий день дети стали дразнить мальчика. Его учитель, Василий Александрович Сухомлинский, писал потом, что лишь мгновение было дано ему, но он нашел выход.

– Кто у Петрика папа? – спросил он. – Стекольщик! А в тюрьме тоже есть окна! Вот папу Петрика и повезли вставлять стекла в тюрьме.

Мальчик с благодарностью посмотрел на учителя.

Когда рассказываешь эту историю, ее обычно встречают с одобрением, но каждый раз находятся и возмущенные: «Разве можно обманывать детей? Детям надо говорить всю правду!»

Словно есть какая-нибудь правда в том, чтобы оставить мальчика в беде, без помощи. Ах, эти ревнители «всей правды»! Какие только жестокости по отношению к детям не оправдывались словами: «Пусть привыкают, пусть знают правду!»

Есть родители, которые чуть ли не с колыбели стараются не упустить случая указать сыну: «Вот видишь, как дурно люди поступают? Видишь, какие негодяи? Видишь, что творится?»

Под словом «вся правда» иногда понимают лишь дурное о мире, о жизни. Ребенок постепенно привыкает к мысли, что

«правда» – это что-то несправедливое.

Как надо не любить ребенка, не чувствовать его души, чтобы хоть словом, хоть движением поколебать слабую еще веру в красоту мира, в добро!

Укрепить веру ребенка в силу добра и правды не так легко, как кажется. Приходится тщательно оберегать его от многих разговоров, естественных в среде взрослых: дети слишком восприимчивы и принимают все близко к сердцу. Мать с пятилетним сыном пошла к приятельнице, в разговоре взрослых промелькнуло слово «война», и у мамы при этом было озабоченное лицо. Просто обсуждали сегодняшние газеты, а мальчик в страхе, мальчик не может уснуть, он боится войны.

Представим себе: вот зло, вот родители, вот ребенок. Родители не могут представлять зло как добро, не могут и скрывать зло. Они могут лишь одно: быть источниками добра, источниками доброго взгляда на мир. Насколько это им удастся, настолько и будут их дети добрыми. Чем больше зла окружает ребенка, тем больше душевных сил приходится тратить, чтобы противопоставить ему добро.

От всего ребенка не оградишь, но будем хотя бы внимательны!

Я пришел в гости, рассказываю товарищу о неприятностях в своих делах, кого-то ругаю. Хозяин выпроваживает шестилетнего сына и осторожно говорит мне: «Слишком много отрицательной информации…» И мне стало стыдно за то, что я так дурно вел себя при ребенке.

27

Когда ребенок вырастает, он идеализирует жизнь, он судит ее по высшим мерам справедливости; и вера в добро, внушенная в детстве, претерпевает серьезные испытания в раннем юношеском возрасте.

Примем этот кризис по возможности спокойно – он не вечно будет продолжаться. Вернется и здоровье. Не бывает так: прожил жизнь и не чихнул. И духовное развитие не может быть совсем безболезненным. Но чем больше подростка питали в его детстве любовью, чем больше вокруг него ценили правду, человеческий труд, тем легче справляется он с кризисом, и вера его в добро, быть может и пошатнувшаяся, укрепляется, укореняется в душе и становится мировоззрением. Но одно дело, когда новые знания, новое видение мира приходит к человеку, способному верить, а другое – когда новые впечатления ложатся на пустоту, когда душа

мертва. Как же ей справиться с кризисом? Скепсис, сомнения необходимы, но вопрос в том, на что они ложатся – на веру, на способность верить или на пустоту?

Иные родители до того боятся будущих разочарований, что не дают своим детям и вовсе почувствовать очарование мира, очарование жизни на этой земле, да еще при этом они уверены, будто действуют в интересах ребенка: «А иначе он испытает разочарование». Называется – уберегли… А что уберегли? Ничего!

Естественный путь воспитания: от детской слепой веры в добро, внушенной родителями и воспринимаемой как нечто бесспорное, – через кризис, через сомнения, через споры, через собственные поиски правды в людях, в жизни, в книгах – к мировоззрению, глубоким и стойким убеждениям.

Мы не всегда в состоянии помочь нашему ребенку, не на все его вопросы ответишь сразу. Как не можем мы пойти работать вместо выросшего дитяти или пойти вместо него служить в армию, так не можем мы пройти вместо него трудный путь духовной эволюции, духовного развития. Наследством, которое мы ему оставляем, пусть распорядится сам; но нас будет утешать мысль, что мы все-таки оставили ему это наследство, снабдили его всем необходимым в дорогу и главное – верой в правду и добро.

В идеале юноша должен выйти из критической поры своего развития с убеждением, что он для того и идет в жизнь, чтобы сделать ее лучше. И не свою жизнь сделать лучше, а жизнь своего народа! Он должен выйти в жизнь с высокой общественной целью – не имея ее, человек рано или поздно погибает душой.

Только силы веры, любви и надежды бесконечны, все другие силы рано или поздно иссякают. И только в детстве можно дать ребенку эти бесконечные силы.

28

Я иду с Матвеем из детского сада, и он спрашивает о старшем своем брате:

– А может быть, мы его сейчас встретим?

Он очень любит его. Он хочет увидеть его сейчас же, на улице.

– Нет, он не встретится, он дома. Я уходил, он дома был, – говорю я.

Матвей останавливается и смотрит на меня с изумлением. Он ораторски протягивает руку ладошкой вверх и трясет ею, объясняя мне, глупому, такую простую вещь:

– Ну я же сказал «мо-ожет быть»!

Когда я поумнею? Даже маленький мальчик понимает, что такое надежда, а я?

Надежда – стойкость сердца. Как придет она к ребенку? Как научить его надеяться на лучшее, ждать лучшего и в любых несчастьях не отчаиваться? Надежда – добродетель; отчаяние всегда считалось не бедой, а грехом. Не смей терять надежду!

Надежда связана с бодростью и весельем. Ее порождает бодрый и энергичный, веселый тон домашней жизни.

Вырастая, человек сначала надеется на родных, на свой дом, потом постепенно он начинает надеяться и на свои силы, потом – только на свои силы. Но всегда обращается он с надеждой к гармонии мира, к красоте, всегда надеется, что мир не будет жесток к нему. Надежда на что-то, на «авось» считается легкомысленным свойством. Но как вынес бы человек все страдания, если бы не было у него надежды на лучшее, пусть даже случайное лучшее – надежды на «авось»?

Никогда не будем оставлять детей одних! Особенно если им трудно, если они запутались. Неприятности в школе, ссора с учителем, ссоры с товарищами, денежные затруднения подростка, любовные неприятности, сердечные мучения – не оставим детей одних, не будем переходить на сторону их противников, даже если дети не правы. Не будем пользоваться моментом, чтобы произнести торжествующе: «Я же тебе говорил? А кому я говорил? Я тебя предупреждал?!» Пусть дети надеются на нас, пусть не отчаиваются. Дети склонны к надежде, чувство безопасности подводит их, а мы, взрослые, склонны эти надежды разрушать. «На что же ты надеялся?» – говорим мы скептически запутавшемуся в школьных делах сыну.

Осторожнее. Хуже будет, если сын перестанет на что-нибудь надеяться.

Способность надеяться взращивается в детстве и становится душевной силой человека. Надежда живет в глубине души, она часто бывает тайной («тайные надежды», «втайне надеялся»). Надежды хранят, надежды лелеют, надежды тешат, надежды даже ласкают. Надежда – последнее, что есть у человека. «Оставь надежду, всяк сюда входящий» – надпись над входом в дантовский ад. Жизнь без надежды – ад.

Маленький, грудной еще ребенок кричит в своей кроватке, зовет маму, она на кухне, она слышит, она по голосу чувствует, что ничего страшного не случилось, и она… не торопится. Она заканчивает свои дела, потом идет к сыну, но без упреков – чего, мол, кричишь, слышу! – нет, она идет с повинной:

– Ты меня зовешь, а я не иду? Мама плохая, не сразу пришла!

Но и другой раз мама не торопится. Так она обучает Матвея первой детской добродетели – терпению и надежде. Надо обождать, перетерпеть, помощь придет, обязательно придет.

Этот эффект «отсроченного эха» довольно важен в воспитании.

Мама троих сыновей, двух больших и одного малыша, удивляется, отчего маленький, в отличие от старших, растет себялюбивым и капризным человеком. Рассказываю ей об эхо-эффекте, и она, подумав, говорит:

– А ведь правда… Те двое как росли? Все кругом были заняты. А маленький? Чуть заплачет – сейчас же семь человек бегут, и я впереди всех.

А надо дать ребенку возможность потрудиться душой – потерпеть.

Во всех приключениях – упал, ошибся, порезался, обжегся – мы говорим: «Ничего, до свадьбы заживет». Вот это «ничего», «все будет хорошо», «вот увидишь, все обойдется», «не горюй», эта сердечная бодрость и рождает тягу к лучшему, уверенность, но не самоуверенность.

29

Две противоположные задачи перед нами: научить ребенка надеяться на жизнь и научить его надеяться на себя самого. Это не должно быть открытием разочаровавшегося в людях взрослого человека: «Я понял – надеяться можно только на себя». Ребенок должен в детстве привыкнуть к мысли, что ни от кого не надо ждать помощи.

Общий фон надежды создается в семье, когда хоть кто-нибудь, хоть один человек вносит в семейную атмосферу бодрость, не дает унывать, поднимает настроение:

– Не горюй! Не вешай нос! Не унывай! Не бойся! Не пищи! Все перемелется! До свадьбы заживет! Будет и на нашей улице праздник!

В языке великое множество таких оборотов и поговорок, надежда – необходимейшее средство существования.

Конечно же, надежда укрепляется, когда ребенок растет в окружении надежных людей: сказал – сделал, обещал – выполнил, а если отчего-то не выполнил обещанного, то человек чувствует себя виноватым, огорчается не меньше обманувшегося в своих надеждах.

Дети сами-то существа ненадежные. Они обещают от всей души, а там глядишь – заигрался, замечтался, завозился, не

хватило терпения. Как и в других подобных случаях, получается лучше, если мы и не надеемся на них, объясняя свое отношение тем, что от маленьких нечего ждать, что надежность – дело взрослых. В ту пору, когда дети еще хотят быть похожими на взрослых, мы все добродетели преподносим детям как особое, почетное свойство взрослости:

– Давай поторопимся, нас Анна Григорьевна ждет у метро. Тебе можно опаздывать, ты маленький, а я – взрослый, мне нельзя, взрослым нельзя опаздывать.

Но ребенок растет, у него трудные дела в школе, и взрослые, увы, ведут себя совсем не так, как должно вести себя взрослым. Придется время от времени вести такие беседы:

– А на что ты надеялся? А почему ты сам не сделал? А почему ты думаешь, что Елена Васильевна непременно должна быть доброй и справедливой? Разве мы заключили договор, что в нашей школе все будут справедливы к тебе? В следующий раз будь расторопнее!

Да, приходится и так: «Ни на кого не надейся» – иначе придется всю жизнь играть в нудную игру под названием «Кто виноват?». И тут же говорим:

– Не унывай, не бойся, не обманут! Все будет хорошо.

Можно лишь повторить: потому и труд, что приходится преодолевать очевидное, потому и труд души, что умом с такими задачками не справиться. Ум не терпит противоречий, а душа только противоречиями и живет.

Не гладкая дорога человеческая жизнь – то падаем, то побьют нас, то отнимут дорогое, то расшибемся, то унываем, то теряем веру или цель, а то покинет нас и надежда. Чем сложнее духовная жизнь человека, тем глубже его сомнения, страшнее отчаяние. Самые великие люди знали такие минуты:

Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?..
……
Цели нет передо мною:
Сердце пусто, празден ум,
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум.

Как всегда, у Пушкина совершенно точный психологический анализ. Отчаявшийся человек… Обратим внимание, с чего поэт начинает перечень: с цели. «Цели нет передо мною». Нет цели –

пуста душа – пусто сердце, и нет работы уму.

И совершенно точное описание: однозвучный шум – все серое, все тоска.

Над этими строчками стоит дата: «26 мая 1828». Посмею предположить, что позже, когда родились дети, Пушкин не мог бы написать о жизни «дар напрасный, дар случайный», «цели нет передо мною», хотя ему приходилось очень плохо.

Трудно, баюкая младенца, провидеть его жизнь; трудно, гуляя с неповоротливым малышом в валенках и шубе, думать о том, какие мы ему даем силы, – кажется, что дети отнимают все силы у нас. Но ведь наша надежда на лучшее идет от детей, и мы должны вернуть ее детям.

30

Когда старший брат уходил на занятия, Матвей попросил его:

– Купи мне шоколадку, а?

Старший обещал, и вечером, когда он вернулся, маленький бросился к дверям:

– Принес шоколадку?

Старший огорчился:

– Забыл! Я плохой, я очень плохой, я забыл, не принес!

Я многих спрашивал, рассказывая это «чудо о шоколадке»: что будет дальше? Никто не угадал.

– Я забыл, я плохой, – повторял старший.

А Матвей пошарил в сумке с книгами и протянул пустую ладошку:

– Видишь? Ты принес, ты хороший! – И побежал к своим игрушкам.

Позже старший сказал: «Я впервые понял, что такое любовь».

31

Что ж, и нам предстоит понять, что такое любовь.

Любовь и совесть правят миром… Откуда берется любовь? И почему ее так не хватает?

Вслушаемся: для обозначения таких разных явлений, как вкус, слух, осязание, зрение, обоняние – с одной стороны, и радость, гнев, презрение, счастье – с другой, мы пользуемся одним и тем же словом «чувство». «Органы чувств» и, скажем, «чувство негодования».

Отчего так? Отчего одно слово, а не два? Наверно, оттого, что

за ним скрыто одно действие. Чувствовать – значит воспринимать, слышать, чуять, замечать, обнаруживать, выделять из других явлений, не вызывающих чувства. Чувствую жару, холод, прикосновение. Но чувствую и гнев, радость, чувствую желание…

Вот и ответ на вопрос о том, что такое внутреннее чувство, переживание, волнение. Я чувствую явления внешнего мира – для этого органы чувств. И точно так же я чувствую явления внутреннего мира, то есть желания. Чувствую желания.

Всякое явление, всякий факт, всякая вещь, всякий человек – решительно все вызывает одно из двух желаний:

желание-да – приблизить, приблизиться, сохранить, продолжить, увеличить, объединить, объединиться, сделать, создать;

или желание-нет – отдалиться, отдалить, прекратить, ослабить, разрушить, уничтожить.

Желание-нет рождается безопасностью-Я, необходимостью отстоять ценности, взятые под охрану.

Желание-да рождается из безопасности-Мы, из необходимости сблизиться, объединиться, сделать, дать.

Подобно тому как рука ощущает теплое, горячее, обжигающее, так и внутренним чувством я ощущаю лишь то, что касается меня, вызывает желание-да или желание-нет той или иной силы.

В этом и заключается таинственная цельность души: вера и надежда порождают желание, а чувство – ощущение его силы. Нет отдельно желания, отдельно чувства. Воспитывать чувства – значит воспитывать желания, и наоборот. Культура чувств и культура желаний – одно и то же.

Прислушаемся: от слова «ум» – «умный», от слова «сила» – «сильный», от слова «красота» – «красивый». А от «чувства» – «чувствительный»? «чувственный»? И да, и нет. От слова «чувство» есть еще два особых прилагательных – добрый или злой, потому что совершенно не все равно, какие чувства преобладают в душе человека.

Но тогда уж заодно и заметим, что словом «чувство» в русском языке называется любовь. Говорят: «я к нему питаю чувства», «он у меня не вызывает никаких чувств», «ответное чувство», «огромное чувство» – и можно не добавлять, какое именно.

Все чувства – любовь или нелюбовь, но именно прекраснейшее из них называется чувством. У любви свои ступени: интерес, увлечение, любовь, страсть. А у нелюбви – раздражение, отвращение, ненависть, страх.

Все начинается с внимания; затем возникает интерес или раздражение, то есть желание избавиться от предмета, от занятия, от человека. Интерес может перейти в увлечение, в любовь, в страсть или пристрастие, а раздражающее нас начинает вызывать отвращение, ненависть и даже страх, если от него не избавиться.

Внимание растет, вызывает желание, становится чувством, пока не завладеет всей душой и не выйдет из-под контроля разума: «безумная страсть», «безумный страх». Страсть и страх сливаются: «страсти-то какие», «страсти-ужасы», «умер от любви», «умер от страха». Страх и любовь – антиподы, но они могут соединяться. Онегин для Татьяны «мил и страшен», а в сцене у фонтана в «Борисе Годунове» Пушкин дает клиническое описание человека в страхе – и это же описание влюбленного, у которого стесненное дыхание, непреодолимый трепет, потеря дара речи, замутненное сознание. Сильное чувство берет верх над волей человека и потому вызывает страх, такой же притягательный для людей (а для детей особенно), как всякая опасность.

От любви все добро в мире. Это сила жизнеутверждения.

От страха все зло в мире. Это сила жизнеотрицания.

Говорят: лень – мать всех пороков. А кто отец их? Страх. Где страх, там самые дурные чувства и свойства, там излишняя осторожность, неприятие нового, чужого, там скрытность, лживость, трусость, подлость, подозрительность, зависть, жадность, коварство, предательство, наглость. Чуть поскребите любое дурное чувство, любое дурное свойство человека, и выглянет его основа – страх.

Но именно потому, что любовь и страх антиподы, только любовью можно победить страх – эта мысль была известна очень давно. Любовь – единственное педагогическое средство против невольного детского страха перед жизнью и, следовательно, против возможных пороков.

32

В первой главе мы установили, что счастье – награда природы за то, что мы стремимся к чему-то, действуем, используем каждый шанс, предоставленный нам судьбой.

С точки зрения биологической вид дороже индивидуума. Поэтому желание, родившееся из безопасности-Мы, из стремления к развитию, награждается само по себе. «Стремись к доброму!» – уговаривает нас природа. Отсюда – решающий для воспитания психологический факт: всякое конструктивное желание-да (интерес, увлечение, любовь) само по себе радостно,

приносит удовольствие, наслаждение, счастье, блаженство, а разрушительное желание сопровождается тягостным чувством недовольства. Это чувство неудовлетворения вызывается тем, что в основе всякого желания-нет лежит страх.

Природа награждает нас за то, что мы стремились к лучшему, и за то, что добились этой цели. Награждает нас радостью, удовольствием, наслаждением, счастьем, блаженством. И эти чувства, однажды испытанные человеком, сами становятся для него целью. На место чувства желания приходит желание чувства. А мы, воспитатели, получаем возможность влиять на желания ребенка – стараясь вызвать его радость всякий раз, когда он делает что-то доброе и настойчив в усилиях.

Воспитывать сердце – значит управлять радостью ребенка. Радость управляет желаниями, желания составляют внутренний мир – личность. Воспитание сводится, во-первых, к тому, чтобы ребенок испытывал радость от встречи с добрым, тогда он сам будет искать его, доброе, отдавать именно ему свой единственный процент внимания. И во-вторых, чтобы ребенок испытывал радость от достижения цели.

Тайна воспитания сердца – в управлении детской радостью.

33

Но есть дети, есть люди, которых обстоятельства жизни заставляют постоянно отстаивать себя. Они привыкают разрушать, добиваться своих целей за чужой счет: темная душа, живущая в смятении, в скрытом или открытом страхе, лишь изредка освещаемая короткой радостью победы. Чувство радости от положительной цели длительно: человека захватывает, радует процесс достижения цели – такое теплое чувство может быть постоянным спутником человека (потому, кстати, и возможна счастливая жизнь). А радость, доставляемая отрицательной целью, длительной быть не может: она приходит лишь в момент достижения или предвкушения цели. На общую беду человеческую, радость этого рода бывает более острой, чем радость добрых людей, потому что она вспыхивает на темном, тягостном, безрадостном фоне: молния в ночи. Этим объясняется, отчего некоторые люди так привержены злу. Они совершают все новые и новые разрушительные поступки, чтобы испытать хоть мгновение острой радости. Поэтому злая воля бывает такой страшной. Иногда даже кажется, будто она сильнее доброй воли, будто она притягательна, будто зло больше нравится людям, чем добро, – мне приходилось встречаться с таким мнением.

Оттого-то зло не так легко победить: оно нацелено на уничтожение. И лишь очень сильное желание добра, желание отстоять дорогое, восстановить справедливость рождает такую ответную силу, какая недоступна злу, всегда основанному на страхе, – именно поэтому добро в конечном счете берет верх. Чем сильнее умеют любить наши дети, тем реже будут сжиматься у них кулаки, но тем сильнее, а не слабее они будут. И при этом они никогда не озлобятся, не войдут во вкус уничтожения. Любовь и теоретически, и практически сильнее зла.

34

Заболел десятидневный мальчик, только что из родильного дома. Пришла женщина-врач, осмотрела его, прописала лекарство и, уходя, сказала:

– Радуйте ребенка, больше радуйте его!

Радуйте ребенка! Мы говорим о любви к детям, мы хотим, чтобы они выросли любящими людьми; но как рождается любовь в сердце ребенка, откуда она берется?

Представьте себе, что вы достаете из почтового ящика письмо и видите, что оно от любимой. Та радость, которую вы чувствуете в это мгновение, и есть любовь. (Кстати, это считается лучшей проверкой своего чувства: что мы испытываем, получив письмо от такого-то человека?) Или вы ждете вечером любимую, и вот она показалась в конце переулочка!

Любовь – радость или, по крайней мере, желание радости. Когда человек испытывает радость, он начинает любить жизнь, и сердце его просыпается, и он способен любить человека. Радость жизни – любовь к жизни – любовь к человеку – вот как развивается способность любить.

Радостью избаловать невозможно. Задари маленького игрушками, он перестанет радоваться им. Не так-то это и легко – обрадовать ребенка, развеселить, рассмешить. Я видал родителей, которым и в голову не приходит, что они обязаны радовать своих детей, как обязаны они кормить их, одевать и отправлять в школу.

Но вспомним: в сказках Несмеяна – беда, несчастье, даже если она царевна. Полцарства отдает царь, чтобы рассмешить ее, потому что нельзя девочке расти без радости, это несчастье.

Полцарства! А мы, бывает, и пальцем не пошевельнем, чтобы порадовать ребенка лакомством, неожиданным подарком, поездкой в гости. Мы протягиваем яблоко мальчику и не скажем, что оно красивое или вкусное, а приговариваем, что оно

полезное, что в нем много витаминов…

Ах эти витамины! Детям нужно яблоко не потому, что оно полезное, а потому, что вкусное, красивое, протянутое ему с любовью.

И не уставайте радоваться успехам ребенка. Сложил пирамидку, нарисовал, помог маме накрыть на стол, быстро собрался в школу – все радость. Не просто похвала, не просто одобрение, а именно радость, зажигающая радость в сердце ребенка.

В последнее время стали особенно настаивать на том, что родители должны любить детей, что только тот, кто знал в детстве любовь, и сам научится любить. Разумеется, родители должны любить своих детей, без этого невозможно воспитание – хотя бы потому, что лишь любовь может дать терпение.

Неприятность заключается в другом: наша любовь к детям отнюдь не всегда рождает ответное чувство. Любовь, как и все действительно ценное в жизни, не обменивается. Любить невозможно из чувства благодарности, любовь не подчиняется соглашениям «я тебе – ты мне», «я тебя люблю – и ты меня люби». И сколько мир стоит, столько будет на свете несчастная, безответная любовь.

Между тем для воспитания важно не столько быть любимым, сколько любить. В воспитании любимые не в счет, счет только на любящих. Мама любит ребенка? Но кто при этом воспитывается? Мама! А не ребенок. Примерно то же происходит в театре, когда молодая девушка обожает артиста. Она от этой своей любви становится богаче душой, но любимый ею артист – нет, с ним ничего не происходит.

Обычная картина: мама любит, папа любит, а сын растет эгоистом и любит только себя, то есть не знает чувства любви. Говорят: «слепая любовь», говорят: «неблагодарный сын», высчитывают, сколько ему покупают и сколько на него тратят (как будто любовь измеряется затратами) – но ведь это все слова и слова, а суть в том, что любящие мама и папа не могут, не умеют дать ребенку единственное, что ему нужно и что не имеет никакого отношения к затратам: они не могут дать ему возможности полюбить их, не могут завоевать его любовь.

Фраза «надо любить детей» хороша, да не очень точна. В ней все три слова не совсем правильны. Не стоит соединять слова «надо» и «любить». И не столько детей своих надо любить для хорошего их воспитания, сколько людей – и своих детей в частности. И не столько нужна детям наша любовь, сколько нужна им возможность любить кого-то…

Даже любовь мужчины и женщины лишь тогда бывает

прочной, когда они вдвоем любят третье – своих детей или у них общая работа, общая идея, общий какой-то интерес в жизни. Любовь с трудом держится, если люди замыкаются друг на друге. Любить – отдавать, покровительствовать, заботиться, защищать, охранять. Оттого и растет душой любящий – от чувства своей силы. Он отдает не так, как отдают слабые или мягкие люди, он отдает обогащаясь, испытывая радость. Любящим не долг движет, не совесть, не правила приличия и даже не сострадание, не участие, а именно любовь. Что может любовь – того ни долг, ни совесть, ни закон, ни мораль не могут.

Если любовь – покровительство и заступничество, то мы можем развивать это чувство в детях, поддерживая всякую их привязанность к старой кукле, к щенку, котенку, к каким-то их камушкам и стеклышкам. Все, что любит ребенок, мне так же важно и дорого. У мальчишки в карманах не «дрянь всякая», а то, что он любит. Почаще будем говорить: «Я знаю, ты это любишь», – идет ли речь о горбушке, о компоте, о рубашке; и почаще будем говорить о том, что нам нравится в нашем доме и вокруг дома, и почаще будем радовать детей неожиданным удовольствием, помня, что радость – первая ступенька к любви.

35

Мы все мечтаем, чтобы вырос ребенок, способный сочувствовать – особенно сочувствовать родителям. Мальчик может быть тонко чувствующим человеком, любящая душа растет, но если он не жалеет родителей, то сразу же начинается:

– Эгоист! Бесчувственный!

Но нельзя воспитать одну лишь способность сочувствовать. Чтобы ребенок мог сочувствовать, его надо учить многообразным чувствам: чувству Родины, чувству родного слова, чувству юмора, чувству красивого, чувству цвета – и нравственному чувству, и чувству правды.

– Неужели ты не понимаешь, что я устала? – раздраженно говорит мама, вернувшись с работы.

Две ошибки: нужно, чтобы мальчик не понял, а почувствовал ее усталость – это во-первых; упреком сочувствие не вызовешь – это во-вторых. Лучше посидеть тихонько, не сердясь, но и не сразу отвечая на просьбу сына, – может быть, в нем проснется сочувствие и он увидит маму усталой, а может быть, оно проснется через год, через два – что же делать?

А главное, мы сами должны сочувствовать ребенку. Торжественным языком говоря, сочувствие есть воспитательный

акт, одно из главных педагогических действий.

– Что мне делать? – спрашивает мама.

– Посочувствуйте ребенку.

– И все?

– Сердечное движение бывает дороже любых мер.

Когда мы что-то говорим ребенку, мы добиваемся ответа, хоть и не всегда: «Мой на всё молчит», – сказала мне мама пятнадцатилетнего мальчика. Но и молчит – не значит «не чувствует». Нам кажется, будто ничего и не произошло. Однако воспитание сердца почти все идет на бессловесном уровне. Чувство отличается от мысли тем, что его нельзя передать непосредственно. Для сообщения мысли есть орудия – слова, речь, а чувство безорудийно, невидимо, неслышимо – и все-таки оно есть, и все-таки именно оно движет людьми. Попробуем себя в искусстве воспитывать молча – одними только взглядами, легкой улыбкой, вздохом, покачиванием головы, насмешливым выражением лица. Язык чувств – мимика, интонация, смех, слезы, язык чувств – музыка. А не слова.

Чуть наш ребенок подрастет, все начинают интересоваться:

– Ты кого больше любишь? Папу? Или маму? Я зна-аю, он маму больше любит! Угадал?

Мальчик таращит глаза, ему непонятна глупость взрослых. Но это не глупость. Не глупая игра, если она веками продолжается. Смысл ее прост: люби. Умей любить. Люби отца с матерью.

Способность любить – высшее достоинство ребенка, и вопрос «Ты кого больше любишь?» задают точно с той же интонацией, с какой позже будут спрашивать об отметках в школе, а еще позже – о делах на работе.

Труд жизни начинается с труда души – с любви. Потом пойдет школьный труд ума. Потом – труд души, ума и рук вместе. Но ни ум, ни руки не работают как следует, если не трудится душа.

36

Чувство, то есть сильное желание-да, – от сочувствия. А откуда зло? Желание разрушать? Попробуем понять, как оно рождается в душе ребенка. Конечно, можно было бы выбрать вопрос и полегче, потому что проблема добра и зла – вечная человеческая проблема. Еще блаженный Августин, сомневаясь во всесилии Бога, стоял над детской колыбелькой, всматривался в младенца и недоумевал: откуда в нем-то зло? Так он пишет в

знаменитой своей «Исповеди». И задолго до Августина был создан библейский миф о древе познания добра и зла…

Мифы мифами, споры спорами, но что же нам делать? Мы должны воспитывать детей, мы должны понимать их. Мы встречаемся со злыми чувствами, с жадностью, завистью, агрессивностью, неблагодарностью, грубостью. Откуда они в душе нашего маленького ребеночка? А что, если мы, не зная механизма происхождения дурных чувств, сами укореняем их в душе подобно тому, как прежде врачи не мыли руки перед операциями и сами заражали больных смертельными инфекциями, удивляясь потом, откуда эта напасть?

37

Посмотрим, как ребенок учится говорить. Ведь язык гораздо сложнее, чем те моральные заповеди, которые мы внушаем детям. Однако малыши за три-четыре года осваивают его почти без вмешательства родителей, без наказаний и поощрений.

В определенное время у ребенка появляется потребность произнести слово; он лепечет, потом лопочет, потом «экает», потом говорит «мама» или «победа». Когда маленький Матвей съедал свою кашу до конца, мама поднимала его руки, как судья на ринге, и весело кричала: «Победа! Победа!» И мальчик выучился кричать «победа», когда съест кашу, а уж потом освоил все другие слова. Навстречу детской потребности говорить идут взрослые, разговаривающие с ребенком или между собой. Если бы не было внутренней нужды или если бы ребенок не слышал речи взрослых, то он не стал бы говорить.

Примерно по такой же модели приходят к ребенку все его психические качества: движение изнутри (направленное! к цели!) встречается с движением внутрь, словно две строительные бригады идут навстречу друг другу. Образуется тоннель – цели сливаются, качество закрепляется. Старания «привить» нечто без встречного движения изнутри бесполезны. Получается не тоннель, а подкоп, мы не воспитываем, а подкапываемся, причем подкоп в никуда – хоть всю жизнь рой.

И пропадает всякое движение души, дурное или доброе, если оно не сливается с таким же встречным движением от внешнего мира. Только доброе с добрым дает добро, только дурное с дурным складывается во зло. Только нащупав росточек доброго, можем мы добром усилить его.

Все, что есть в ребенке, возникает в результате двух встречных движений – изнутри ребенка к миру и от мира внутрь

ребенка.

Это неудобно, это сложно, но это так. Воспитывая, мы держим под контролем лишь свои действия, направленные на ребенка, и удивляемся, отчего иногда у нас получается, а иногда нет. Да потому, что мы не учитываем внутреннее движение, не умеем влиять на него, не умеем создавать его, пробуждать.

Мир действует на душу человеческую не так, как Амур, который выстрелил из лука, попал в сердце – вот и любовь. Все сложнее.

Сознательно, по воле своей мы действуем на ближайший к нам конец тоннеля, а невольно – интонациями, прикосновениями, манерами – мы в то же самое время действуем на тот, дальний конец, вызываем неподвластные нам душевные движения, добрые или злые чувства. Неподвластные в том смысле, что мы не все умеем их контролировать.

38

Ну конечно же, мы сами сеем зло, кто же еще.

Зло в душе ребенка рождается примерно так же, как болезни. В медицинской энциклопедии можно прочитать: есть лишь две причины болезней – поломки и защита. В глаз попадает мельчайшая песчинка, организм поднимается на борьбу с ней, глаз опухает – это идет война с песчинкой, и человек может остаться без глаза. Отчего? От песчинки? От защиты?

Мельчайшие песчинки – это наши грубые, неосторожные прикосновения к ранимой, тоньше глаза организованной душе ребенка, о котором мы думаем, что он ничего не понимает и потому все вытерпит. Благодаря жертвам многих ученых мы наконец научились мыть руки, а многие мамы гладят горячим утюгом пеленки – изо всех сил охраняют ребенка от невидимых микробов. И постоянно рассыпают песчинки зла. Душа, как и организм, не знает пределов необходимой обороны, она видит угрозу в мельчайшем повышении тона, в едва заметном неудовольствии мамы, в чуть небрежном прикосновении, в ослаблении чувства любви – может, просто от усталости мама сейчас не так сильно любит. Но душа маленького поднимается на защиту, в ней зарождается очаг обороны, очаг зла. Мы, бывает, отвечаем тем же, мы тоже защищаемся, мы тоже люди, и пошел раскачиваться маятник, и быстро проходим мы вместе с ребенком тоннель зла: злое чувство изнутри встречается со злым чувством извне.

Но если отчего-либо, от невидимой песчинки вспыхнувшее

злое чувство не встречает ответного зла, то нет и тоннеля, злое чувство растворяется, исчезает.

Прибегает со двора трехлетняя девочка-крепышка, ножки толстенькие, как у слоненка, кричит маме ни с того ни с сего, задыхаясь от возбуждения:

– Ты, ты, ты – собака!

Услышала во дворе.

Что на это ответить? Отшлепать, чтобы не смела так разговаривать с матерью? И что из нее вырастет, если она в три года может сказать матери – родной матери, вы подумайте только, что за дети пошли! – может сказать родной матери «собака!».

Но мама:

– Ох ты моя хорошая! – и улыбается. – А ты знаешь, кто ты у меня? Ты – зайчик!

– А ты, а ты, а ты, – захлебывается от возмущения девочка, – а ты… белочка!

И все. И пропал запал. Нет тоннеля. Нет злого чувства.

Не противопоставлять детскому злу зло взрослых, не создавать тоннелей зла, никоим образом не посягать на ребенка – вот простая стратегия воспитания. Тогда из тех мимолетных чувств, которые идут нам навстречу, злые, вызванные песчинками зла, будут пропадать, рассеиваться, а добрые – закрепляться, превращаться в добродетели, в достоинства характера, которые сами забьют возникшие недостатки.

Лишь только безопасность нарушается, а на пути развития возникают преграды – у ребенка развивается злая воля. У сильного она выражается в агрессивности; у слабого, но умного – в хитрости, изворотливости; у слабого и неумного – в коварстве и подлости. У одних защита выливается в агрессию против мира, у других – в агрессию против себя, и они становятся слабыми, бездеятельными, ленивыми людьми.

Ответ на вопрос о причине зла можно назвать определенно и недвусмысленно: всякое посягательство на ребенка, на человека есть зло. Посягательство рождает явный или тайный страх, а страх вызывает дурные чувства и свойства. Веками целью педагогики было – посеять страх в душе ребенка. Вместе с этим страхом сеяли зло и говорили потом, что зло – от рождения и надо с ним бороться.

На самом деле цель воспитания – избавить ребенка от страхов и, значит, от зла.

«Но ведь ребенок сам не понимает, в чем его добро», – слышу возражение.

Увы! И по отношению к нам кто-то творит зло, уверяя нас и, главное, себя, что человек не знает, не понимает своих интересов, что нам хотят только добра. Но будем называть вещи своими именами. Всякое посягательство на то, что дорого человеку, всякое нарушение его чувства безопасности и потребности в развитии есть зло.

Мы посягаем на ребенка и порождаем в его душе зло не только потому, что мы невежественны, а потому, что зло есть в мире, и, следовательно, оно есть и в нас. Мир далек от совершенства. Мы устаем от бытовых неурядиц, от долгой дороги с работы, от очередей, от ссор с родными и близкими людьми – все это не может не рождать зло в наших душах, и оно не может не передаваться маленьким. Потому нам трудно вырастить совершенных детей.

Мы, а не кто-нибудь иной рождаем зло в детских душах, мы, а не среда и не окружение передаем им зло мира, мы сами выступаем разносчиками заразы недоброты. И ничего не поделаешь… Но хоть будем понимать, что происходит.

Даже в бесчеловечном окружении человек может оставаться добрым, не причинять страданий людям, и, разумеется, в любых условиях можно вырастить добрых детей.

40

Неторопливо стараемся мы пробудить в ребенке доброе чувство человека.

Если горести чужой
Вам ужасно быть виною… –

вот это важней всего: чтобы нашим детям было ужасно доставить горесть другому. Будем потихоньку, не ожидая быстрых результатов, учить маленького человека чувствовать человека.

Не затрудняй! – учим мы его, стараясь не доставлять ему лишних хлопот.

Чужая вещь – не трогай! И мы тоже без спроса ничего не трогаем на столе у сына-школьника и, уж конечно, не смеем заглянуть в его портфель.

Чужое время – не занимай! – и мы стараемся поменьше обременять сына всевозможными «сделай», «сходи» и всегда договариваемся о помощи заранее, как поступили бы, если бы

обращались к чужому.

Чужое чувство – не задевай! – и мы боимся хоть взглядом обидеть сына.

Чужой мир – не вторгайся! – и мы никогда не пристаем с назойливыми вопросами.

Чужой покой – не нарушай!

Чужое желание – уважай!

Чужая мысль – не торопись оспорить!

Десять-пятнадцать лет такого воспитания, и, может быть, чувство человека хоть в слабой форме укоренится в душе сына или дочери.

41

Короткая притча о Мальчике-с-палочкой.

Энергичный наш Матвей быстро научил своего племянника, полуторагодовалого сыночка Кати, всякую деревяшку превращать в пистолет, целиться и говорить «пух!» – стрелять. Маленький произносит «пух!» таким нежным голоском, с такой счастливой улыбкой, что если бы взаправду стреляющие люди так улыбались, то из их ружей вылетали бы одни подснежники и фиалки.

Маленький нашел где-то палочку, наставляет ее на Матвея, расплывается в улыбке и говорит «пух!».

Палочка – сомнительных свойств и неясного происхождения, какая-то кривая – где он нашел ее в доме?

– Катя, отними у мальчика палочку, – говорит бабушка. – Он себе глаз выколет.

– Да? Как же я ее отниму? – удивляется Катя.

Вот и вся притча.

Кате и в голову не приходит, что палочку можно отнять – разжать руку мальчика и отнять. У ребенка в полтора года она не может ничего отнять, как и у взрослого.

Катя могла бы сказать: «Нельзя, фу!» Но почему же «фу»? За что ни возьмется маленький – всё «фу». Так весь мир станет «фу!».

Но палочка все-таки опасна, и бабушка огорчается.

Катя говорит своему сыночку:

– Ой, посмотри, что там у Матвея? Смотри, какие у него игрушки!

Малыш раскрыл рот, как ворона с сыром, выпустил палочку из рук, и Катя ловким воровским движением спрятала ее за спину, очень довольная собой. А маленький про палочку тут же забыл.

Семейная педагогика похожа на дорогу в горах, за каждым поворотом которой возможна пропасть. Но там все просто: свернул, свалился вниз – и нет тебя, никаких проблем. А в педагогике человек может ухнуть в глубочайший душевный провал и жить дальше, и воспитывать, не подозревая о том, что его, человека, как бы и нет на свете, одна видимость.

В педагогике за каждым невинным с виду словом может скрываться необъяснимое, непонятное, может проходить невидимая граница, по одну сторону которой – непременный успех воспитания, а по другую – полная неудача воспитателя, старавшегося изо всех сил.

Здесь говорится: чувство, чувство, воспитание чувств, любовь… Но есть люди (и в чем же они виноваты?) – есть люди, не знающие, что такое чувство, что такое любовь. Слышали, употребляют эти слова в речи, думают, что знают их смысл, а на самом деле и понятия о нем не имеют:

Когда б хоть тень вы разумели
Того, что в сердце я ношу!

И они даже не знают, что они чего-то не знают.

Не для вас, читатель, а для таких людей (у них ведь тоже дети) я должен объяснить, что значит слово «чувство», хоть попытаться!

…Впервые я со всей отчетливостью увидел эффект тайного бесчувствия, болезни, о которой сам больной и не догадывается, когда попал однажды на прием к Деловому человеку – назовем его так. У меня был ряд проблем, решение которых от него не зависело. Но по своему служебному положению он обязан помогать людям – в этом и состоит, в частности, его работа, за которую он получает немалые деньги и которая дает ему довольно высокое положение.

Деловой человек был расположен ко мне (как и ко всем, кто приходил к нему на прием), нетороплив, внимателен, шутлив, и я видел, что он искренне хотел помочь мне. Разговор был долгий, подробный, с записыванием деталей в большую синюю книжку из тех, что выпускаются специально для Деловых людей – обычному человеку они ни на что не годятся.

Но! Но вскоре я заметил, что принимающий меня человек быстро и профессионально точно просеивает мои речи, жалобы и рассказы, выбирая из них лишь строго деловые – в чем суть

проблемы и кому надо позвонить. Звонить он порывался тут же. Я не успевал договорить фразу до конца, как он тут же поднимал телефонную трубку. А если не надо было звонить и нечего было записывать в синюю книжку, то на лицо его мгновенно, как забрало, опускалась пелена серой скуки – он пережидал. И вдруг я понял, что подлинное его желание заключается вовсе не в том, чтобы мне было хорошо, как мне казалось сначала. Желание его состояло в том, чтобы решить мои проблемы, потому что в этом заключалась его работа, за которую ему платят деньги. Я был в кабинете не я – я был его проблема. Он был ко мне совершенно равнодушен, несмотря на то что улыбался, смотрел в глаза и готов был заниматься со мной хоть три часа подряд. Он не чувствовал меня, то есть не желал мне добра как человеку имярек, он желал себе быстрого решения моих проблем, как плотник желает себе, чтобы доска, которую он пилит, распилилась как нужно. У того работа – доски, у этого – люди, а суть одна.

Я не осуждаю Делового человека, я сейчас не о нем, спасибо ему, какой бы он ни был. Я пытаюсь на этом примере уловить и показать отличие между чувством и бесчувствием.

Деловой человек очень удивился бы, если бы ему сказали, что он бесчувственный сухарь. Он чувствовал в этот момент. Больше того, он любил, он любил свое дело, он желал ему, делу, совершенства, и это свое желание он остро чувствовал. Но хотя он работал с людьми, на людей его чувство не распространялось. Он даже и не понял бы, если бы его упрекнули, удивился бы – чего от него хотят? И зачем нужно то, чего от него хотят? Разве то, разве чувство к посетителю поможет Делу? Поможет решить проблемы посетителя?..

Довольно часто нам встречаются люди, которые не работают, а живут по модели Делового человека. Они приходят в больницу навестить больного родственника, они желают ему выздоровления, они все готовы сделать для него, но в глубине души они желают не здоровья больному, а устранения этой жизненной неприятности – болезни человека.

Жалуются (и не первый век жалуются), что мы все стали прагматиками, разучились чувствовать. И в самом деле, мы стали относиться к чувству по-деловому, мы прославляем лишь то чувство, которое выливается в действие, полезное чувство. А чувство бесполезное по-прежнему дико и смешно. Лишь та любовь считается любовью, которая доказана делом, предъявила доказательства любви. Иначе любовь любовью не считается. И вот появляются на свете монстры, чудовища: доказательства любви – но без любви! Доказательства любви, которой нет!

В семейной жизни и в воспитании детей эта невидимая, тайная, скрытая от нас драма происходит на каждом шагу: родители предъявляют окружающим, школе и самим себе доказательства любви к детям, то есть совершают поступки, которые обычно совершаются под влиянием любви (заботятся о детях, ходят на родительские собрания, посещают с ребенком зоопарк, покупают мальчику все, что нужно, хлопочут за него) – но не любят! Они ведут себя как все, перенимая лишь внешние действия, без той внутренней работы, без того волнения, в котором и заключается вся сила воспитания. И даже не догадываются о том, что они что-то делают не так. Они любят не детей, а себя в образе родителей, им нравится быть хорошей матерью, честным отцом; и никак они не могут понять, отчего же сын вырастает бесчувственным человеком.

Да оттого, что отец был не отцом, а Деловым человеком в своей семье. Он не любил, а решал проблемы. Он жил вместе с сыном, но не переживал вместе с ним его, сына, жизнь. Он не воспитывал, а вел прием.

43

Быть может, секрет заключается в слове «волнение»?

Вслушаемся, какой замечательный образ скрыт в этом привычном понятии! Волны появляются, когда ускоряется течение жидкости. В данном случае эта жидкость – кровь человеческая, «волнение крови», «волнение в крови». Когда человек волнуется, кровь бежит быстрее, сердце бьется чаще, и это главный, непременный признак чувства. Говорят: «Чье сердце не дрогнет при виде…» Древние считали, что душа человека – в крови его.

Что волнует нас на самом деле? Неприятности, вызываемые детьми, или сами дети? Волнуют ли нас дети, когда у них нет неприятностей?

Волнение противоположно покою: «Беспокойное сердце», «Успокойся, не волнуйся», – говорим мы. Волнение связано с растратой энергии, с расходом души, а страсть, говорил Л.С.Выготский, – душевное мотовство, ведущее к банкротству психики. Чувство – не желание покоя самому себе, которое мы иногда принимаем за любовь к детям, а именно непокой, волнение, бесполезное волнение. Чувство бесполезно, оно ведь не реальное действие, а внутреннее. В одних случаях оно помогает работать, в других мешает; артисту оно необходимо, для канатоходца губительно.

Но при всех обстоятельствах чувство есть любовь, горячее

желание добра и сближения.

Острое, волнующее, горячее желание добра другому безотносительно к себе – вот что такое чувство. Часто ли мы его испытываем? Даже по отношению к своим детям?

Когда человек волнуется, испытывая желание добра другому, это его волнение в чем-то выражается, и оно чувствуется другим человеком. Так происходит воспитание сердца. Воспитание сердца – передача своего волнения. Нет волнения – нет и воспитания.

Не желая добра человеку – человека не почувствуешь. Чувство, любовь есть горячее желание добра человеку – все четыре слова необходимы в этом определении.

Точно так же можно и родителей спросить: у вас дети, но чего мы хотим? Счастья иметь детей, счастья иметь благополучных детей или детского счастья? Эта едва заметная, маловажная на первый взгляд разница и есть та пропасть, в которую мы сваливаемся – и погибаем как воспитатели.

44

Злое чувство рождается мгновенно, а доброго приходится дожидаться.

Стоим с маленьким Матвеем в длинной скучной очереди у телефона-автомата. К тому же неясно – женщина в круглой шапочке впереди нас или позади?

– А эта тетя? – спрашивает тихонько Матвей, беспокоясь.

– Кажется, она за нами, но давай ее пропустим, ведь она тетя, а мы с тобой мужчины.

Матвей упрямо наклоняет голову и говорит с той интонацией, с какой дети произносят слово «нетушки»:

– А-а, мы же раньше пришли!

Молчу. Что делать? Так – значит, так. Упреком доброе чувство не вызовешь. И все же он почувствовал мою досаду и решил пойти навстречу, рассудил так:

– Но когда мы подходили, эта тетя шла сюда, мы ее обогнали. Значит, она раньше.

Я наклонился и тихонько поцеловал его.

45

Но как бы не упустить самый надежный способ вызывать добрые чувства – вы знаете его, конечно? Он основан на законе

шубы. Но может быть, вы и закона шубы не знаете, одного из главных законов воспитания?

…Известный пример из книги Л.С.Выготского «Психология искусства»: человек входит вечером в свой дом и видит – у вешалки притаился вор. Человек сильно испугался. Но через мгновение он понял, что это не вор, не грабитель, а просто шуба висит на вешалке.

Вора не было. А чувство? А страх – был? Отличалось чувство перепуганного хозяина от того чувства, которое он испытал бы, окажись под вешалкой настоящий вор? Конечно, нет. Вор не настоящий, а чувство – подлинное. Чувство вообще не может быть ложным. Мысль бывает чужой, украденной, заимствованной, вычитанной, а чувство всегда свое, ты его испытываешь или нет.

На этом законе зиждется все искусство: коль скоро подлинное чувство может возникать по ложным, нереальным поводам, то, следовательно, оно может обманывать нас, но и мы можем его обманывать. Человек приходит в театр и там, сидя в зале, в уютном кресле, радуется, горюет, страдает, плачет, смеется, испытывает счастье. Любит людей, которых, собственно говоря, на свете нет. Ничего нет – а чувства есть, и притом подлинные. В театре все не настоящее, кроме чувств. Тогда как в жизни, бывает, все подлинное, а чувства нет.

Для того театр, для того книги, для того кино, для того телевидение, поэзия, сказки, музыка – для воспитания добрых чувств. Не будь закона шубы, не будь принципа «ложный повод – истинное чувство» – воспитание детей было бы невозможно.

46

Две задачи у нас: не вызывать злого чувства в сердце ребенка и вызвать доброе желание, доброе чувство. Но оглянемся вокруг себя и в себя всмотримся – сколько среди нас таких родителей, чьи умения прямо противоположны необходимым: мы умеем вызывать злые чувства и не умеем вызывать добрые, недоуменно расспрашиваем друг друга: «А как? Как это делается?»

Так ли воспитываем мы драгоценнейшее чувство человека, этак ли, любовью ли, сочувствием, деликатностью в отношениях, терпением, совместным чтением книг, мягкими уговорами – или даже и никак не воспитываем мы душу ребенка, не умеем это делать, и некогда нам, но при всех вариантах одно очевидно: распространенными семейно-педагогическими мерами вроде замечаний и наказаний сердце ребенка не воспитаешь – в нем поселится что угодно, кроме способности горячо желать добра

другому человеку. Но именно недостаток этой, а не какой-нибудь другой способности и заставляет нас хвататься за голову и громко жаловаться на детей – мол, они растут «какие-то бесчувственные», холодные, жесткие и жестокие.

Вот этот комплекс мер, широко применяемых в домашней практике: Попрек, Упрек, Замечание, Оскорбление – ПУЗО. Воспитанием от пуза (простите за грубость!) любви не научишь, это невозможно.

47

Великий источник чувства – первая любовь. Потрясение души! Сколько читали, сколько видели по телевизору и в кино, сколько разговоров было. Сколько расспросов: «А что такое любовь? А с какого возраста можно любить?» – и вдруг на самого как столбняк находит, и впервые смысл жизни перемещается в другого человека.

Влюбленный юноша благодарен любимой именно за то, что она одарила его душу новым, прекрасным чувством: «До тебя я не знал, что такое любовь!» Его собственная любовь кажется ему подарком от любимой – да так оно и есть.

Что делать родителям?

Радоваться, что сын и дочь счастливы, что они способны любить – есть дети, которым это никак не удается. Больше заботиться о детях, потому что они как шальные забывают обо всем на свете. Хотя бы отчасти смириться с тем, что пошли под откос занятия в школе, что все стало неважным для сына, кроме его любви, что часами висят подростки на телефоне, ни о ком в семье не думая. Ни одного упрека, ни одного попрека, никаких, конечно, подшучиваний, расспросов («Кто она? Кто ее родители?»), никаких загадываний («Жених? Не жених?»), никаких подозрений, ни-чего.

Торжественный момент в жизни человека, будем и мы тихими и торжественными: первая любовь… Решается вся судьба человека.

Спросят: а что уж так – ничего не делать, не прикасаться, не вмешиваться? Кто же вмешается, если не родители, кто подскажет, кто оградит?

Да поздно, поздно! Первая любовь – первый результат воспитания. Тут все сказывается в один миг.

Любовь – поиск абсолютной безопасности и абсолютного развития. В зависимости от характера и воспитания один человек больше нуждается в безопасности, другой – в развитии. Так Илья

Ильич Обломов любил сначала Ольгу Ильинскую, это воплощение развития, но кончил домом вдовы Пшеницыной – нашел воплощение безопасности.

Что будет искать наш сын? Домашнее воспитание сердца закончено, начинается воспитание жизнью. Сердце сына, сердце дочери больше не принадлежит нам.

48

Я слышу мальчика, ему лет шестнадцать. Я слышу девочку, ей поменьше. Брат и сестра. Они сидят на лавочке возле дома и спорят. Или не спорят?

– Скажи, ты знаешь, что такое любовь?

– Я читал. Это стремление сердца к сердцу.

– А еще любовь – это когда никого вокруг не видишь, кроме него.

– Нет, любовь – это когда видишь и любишь всех.

– …когда только о нем и думаешь.

– …когда чувствуешь себя всемогущим.

– …когда счастье от одного его взгляда.

– …когда знаешь, что навсегда.

– …когда чувствуешь, что без него умрешь.

– …когда чувствуешь себя человеком.

– …когда чувствуешь, что тебя нет.

– …когда хочется скупить все украшения в мире и ей подарить.

– …когда не видишь, во что он одет и каков он.

– Любовь – это любовь, и больше ничего нельзя сказать.

– Любовь – это… Я не знаю, что это такое. Любовь – это когда очень хочется жить.

Глава 2
Воспитание духа

1

В декабрьский вечер, под самый Новый год, на лестнице многоэтажного дома нашли убитую семнадцатилетнюю девушку. Студентку техникума, первокурсницу. Убийца заткнул ей рот и нанес восемь ударов ножом. Поиски преступника, описанные в материале Аркадия Ваксберга (журнал «Звезда», № 11 за 1985 год), привели к совершенно неожиданному результату. Девушку убила ее подруга Ира Л., тоже первокурсница техникума, тоже семнадцатилетняя. Кто-то продавал очень красивое французское платье за 170 рублей, Ире очень хотелось купить его, ей казалось, что с покупкой платья у нее начнется новая жизнь, она засыпала и просыпалась с мыслью о платье. Она попросила денег у родителей, те подняли ее на смех, и тогда она сказала подруге, что может достать ей модные сапоги за 170 рублей, завела ее в чужой дом, будто бы за покупкой, покурила и набросилась на подругу с ножом. Денег Ира Л. не нашла – они были не в сумочке. А в заднем кармане брюк убитой подруги.

Преступница обнаружена, мотив преступления обнаружен и осужден, но остается обыкновенный человеческий вопрос: как она могла? Все хотят красиво одеваться, бывает, что человек ради желанной цели пускается и на махинации, довольно неблаговидные. Но наброситься на подругу и убить заранее приготовленным кухонным ножом? Идти с ней по улице, болтать, потом курить на лестничной площадке, зная, что идут последние минуты ее жизни?

Почему вообще некоторые люди способны на такое?

Когда следователь приступает к поиску, он перебирает возможные версии, отбрасывая одну за другой, пока не останется единственная, наиболее достоверная. Переберем и мы наиболее распространенные педагогические и психологические версии, которые обычно приходят в голову в подобных случаях.

У девушки была нарушена психика? Нет, Ира совершенно здорова и совершила преступление, тщательно обдумав его и подготовившись к нему. По медицинскому атласу у знакомых она изучала, куда лучше нанести удары. Никогда прежде за ней не замечали хоть какого-нибудь садизма или жестокости.

Она жила в тяжелой, трудной семье, ей подавали дурной

пример? Нет, и отец и мать ее прекрасные работники, мама – преподаватель английского языка, дед – ветеран войны и труда.

Она росла избалованной эгоисткой? Нет, родители воспитывали ее в духе скромности и трудолюбия, она отличалась послушанием, заботливо относилась к родителям, к бабушке, младшей сестренке.

Ей не привили представления о честности и порядочности? Нет, задумав свое дело, она попросила подругу собрать и принести якобы для покупки сапог именно 170 рублей – «мне не нужно было ни одного лишнего рубля», как написала она в своих показаниях. Честная.

Она была темным, необразованным человеком? Нет, Ира училась в английской школе, ее, как сказано в характеристике, составленной после преступления, «не без основания считали одной из самых развитых и начитанных учениц».

Наконец, может быть, у нее были недостатки в эмоциональной сфере – холодная, бесчувственная? Нет, она очень любила своих родителей и любила одного человека, говорила подруге, что жить без него не может.

Все педагогические и психологические версии осыпаются одна за другой. Такое необыкновенное дело: на каждый вопрос есть ответ. Как будто поставлен жизнью жуткий педагогический эксперимент. Ведь жизни Ира еще не знала, чистый, натуральный плод воспитания, педагогических усилий семьи и школы…

Что же остается? Предположить вместе с автором документальной повести, что тут действовали какие-то «неутоленные комплексы, готовые взорваться при неожиданном повороте событий»? Но коль скоро мы хоть однажды станем на такую точку зрения – тайна, комплексы, – то мы будем вынуждены ждать нападения от любого человека: вдруг взыграют в нем комплексы, набросится и зарежет? Да и как воспитывать, как верить в воспитание, если в конечном счете всё тайна? Нет, на эту точку зрения становиться нельзя. Можно не найти убийцу, но нельзя объявлять преступление мистикой и на том успокаиваться.

Есть что-то такое, что ускользает от нашего внимания.

Обычные обороты мысли: «не было сдерживающих центров», «не знала страха», «не внушили ей, что…» – не годятся. Всё ей внушили, все «центры» у нее есть, все чувства есть, все способности, ум, воля – всё при ней!

И все-таки чего-то нет. Чего же?

2

Терпение, читатель, терпение! Личность – самое сложное явление во Вселенной, и нельзя понять движущие ее силы в два счета, в полчаса, с первого подхода, с одного чтения.

Могло показаться, будто мы прошли по всем путям и знаем, как зарождается желание в душе ребенка: потребности – дарования, любознательность – воображение, вера и надежда, любовь и страх…

Однако мы лишь приближаемся к сердцевине воспитания, мы не коснулись чего-то самого существенного.

Все понятно. Все объяснимо в поведении человека, остается лишь один факт, такой незначительный и неудобный, что педагоги проходят мимо него, не придавая ему значения: во многих случаях желания возникают непредсказуемо. Они не связаны ни с чем – ни с потребностями, ни с выгодой, ни с удовольствиями, они противоречат здравому смыслу, воспитанию человека и даже его убеждениям. И все-таки они возникают, и притом такие мощные, что человек не может с ними справиться.

Достоевского особенно волновало это свойство людей. Он видел, что человек часто поступает по необъяснимому капризу – но каприз этот, своевольность, так дорог ему, что он не променяет его на самую благоустроенную жизнь, на прекраснейшие дворцы, где будет что угодно душе, но не будет у человека права на своеволие.

Можно с важным видом повторять, что нельзя потакать капризам, можно горячиться: «Да что же это получится, если каждый…», можно заклеймить здесь, на бумаге, «выламывающуюся личность». На бумаге и на кафедре педагогика – самая легкая из наук: нельзя – и точка. Нехорошо. Некрасиво.

Но перечитайте хоть «Войну и мир» – с героями Толстого то и дело случаются всякие «вдруг». Вдруг вырвалось, вдруг сказал почему-то, вдруг подумал, вдруг сделал что-то, о чем всю жизнь будет человек вспоминать со стыдом… И неужели с вами, читатель, ни разу в жизни не случалось никакого «вдруг»?

Здесь, здесь рушатся все наши прекрасные построения! Разумеется, можно упереться в то, что в основном поведение людей осмысленно и предсказуемо, что неясные и дурные желания появляются редко, что в том-то и состоит задача педагогики, чтобы научить ребенка бороться с ними; но и после всех таких призывов и объяснений природа человека останется такою же. Мы должны не отмахиваться от факта, а понять его – может быть, за ним кроется и объяснение множества других фактов?

Да, девчонка, способная хладнокровно убить подругу, –

редкое, редкостное, редчайшее исключение. Но ведь, кроме убийств, есть и другие преступления, и другие поступки и проступки, которые совершаются каждый день и на каждом шагу, и причина их – та же самая, такая же неизвестная, что и в случае с девушкой-студенткой.

Педагогика вся как детектив.

3

Шестилетний Матвей проходил мимо чужой квартиры, увидел, что в двери торчит ключ, повернул его, запер дверь, а ключ унес во двор и зарыл в снегу – скандал вышел ужасный. Хорошо, что признался мальчик, и хорошо, что отыскал ключ – он зарыл его так, что и век бы не найти.

– Ну почему ты это сделал? Ну разве ты не понимаешь? – пристаю я к Матвею, негодуя.

Но он не может объяснить! И никакой мальчик не может объяснить, почему он взял чужое, ударил товарища, ущипнул, толкнул, обозвал, почему он не стал делать уроков, показал соседке по парте язык – откуда он знает почему? И какие мудрецы ответили бы на эти наши любознательные «почему»?

Почти вся жизнь ребенка из одних только «вдруг» и состоит. Отрицать это бессмысленно, и пока мы обходим этот факт, воспитание остается бессильным. Повторяя без конца: «не понимают, надо разъяснить, надо научить, надо приучить, надо потребовать, надо, чтобы понял, надо заставить, надо контролировать» – прибегая к этим привычным педагогическим оборотам речи, мысли и действия, мы незаметно для себя проскакиваем мимо чего-то очень серьезного.

Все люди знают, что в школе надо хорошо учиться, а на работе – работать, но у всех людей тем не менее бывают вдруг желания. Это факт; но отчего в некоторых душах вдруг рождаются лишь добрые и честные намерения, а в некоторых так же вдруг – бессовестные, злые, а то и преступные? Как оно там устроено в душе, что один, воспитанный и образованный человек, может убить, а другой, невоспитанный и необразованный, убить не может?

Вот вопрос вопросов.

4

Если вопрос вопросов, если загадка загадок, то и ответ надо

искать в тайная тайных человеческой души.

Желания ведь не случайно делят на осознанные и неосознанные, и если я в выходной день вдруг решил поехать в гости, то что это – мысль или желание? Очевидно, что желания, как и мысли, рождаются на той же кухне, куда сознанию входа нет.

А теперь начинается самое интересное.

Принято думать, будто на глубинной этой кухне, как бы ее ни называли – «подсознание», «сверхсознание», – рождаются, среди других, и низменные, животные, эгоистичные желания биологического толка, что они поступают в наше воспитанное обществом сознание, которое сортирует их и все вредное, антиобщественное подавляет. Так, считают, получается нормальное, принимаемое обществом поведение. Воспитанная мысль подавляет невоспитуемое желание. Руководствуясь этой схемой, всё воспитание сводят к работе над сознанием: «чтобы знал, чтобы понимал…» – или к работе над подсознанием: «чтобы привык».

При этом считается, что подавленные наши дурные желания живут в искореженном виде и иной раз выплескиваются в виде «таинственных комплексов», ведущих к преступлениям или к неврозам.

Такова схема, и многие, даже и не задумываясь, даже и не читая Фрейда и его последователей, верят в нее – и на ней держится вся педагогика сдерживания, обуздания и самообуздания. Тут есть своя логика. Если бы дело обстояло именно таким образом (дурные влечения – сдерживающий разум), то и в самом деле надо было бы растить детей, постоянно читая им нотации, в ежовых рукавицах их держать, приучать к самообузданию и самоконтролю.

Однако, судя по всему, дело обстоит каким-то другим образом. Педагогика обуздания дает очень слабые и нестойкие результаты. Подавленные желания то и дело вырываются, как пар из котла, дают вспышки неуправляемого поведения или психические расстройства, и все воспитание приобретает случайный характер: воспитываем, воспитываем, а что получится – неизвестно. И нет никакой гарантии, что наш воспитанник или даже наша воспитанница не возьмут завтра в одну руку нож. А в другую – кляп… Кто его знает? Комплексы!

Нет, все это не так. На самом деле огромному, подавляющему большинству нормальных людей и не приходится бороться с запретными желаниями. Дурное, как говорится, «и не приходит им в голову». У большинства людей ничего не придавлено и не подавлено, но рождается только человеческое, а преступное,

античеловеческое родиться и не может.

Как же это получается, если только мы имеем дело с людьми, а не с ангелами?

Мы должны предположить единственное: есть что-то в душе человека, что противостоит инстинктам в самый момент их пробуждения. Но что, если не мысль, не сознание, не вбитый воспитанием запрет?

5

Сделаем отступление, поговорим, казалось бы, на другую тему.

Как только начинаешь задумываться о семейном воспитании, возникает соблазн составить какой-то минимум качеств, необходимых воспитанному человеку, – такой список, чтобы не прибавить и не убавить. Задача эта не так сложна, как кажется сначала, некоторые качества очевидны. У воспитанного человека должна быть совесть; и должен он любить людей; и должен стремиться к красоте, и, конечно, ему нужна воля. Что еще? Подумав и посоветовавшись с друзьями-педагогами, я включил в список-минимум слово «творчество». Творческий момент обязателен для нравственного человека, иначе он не развивается и чаще всего становится мещанином.

Итак: совестливость, любовь к людям, стремление к красоте, воля и творчество. Легко увидеть, что всякое другое достойное качество непременно будет у человека, обладающего этими пятью свойствами. Трудолюбие? Но совестливый человек обязательно будет трудолюбив. Ум? Но творчество и красота предполагают ум. И так далее.

Однако в этом списке-минимуме не нравится какая-то произвольность. Почему пять качеств, а не четыре, не десять? И отчего же эти качества не выделены в сознании людей? Так не бывает. В психологии ничего нельзя изобрести, ей миллионы лет; в психологии можно лишь понять что-то, давно известное людям.

Я стал разбирать каждое слово в списке и однажды увидел, что совесть – это стремление к правде. А любовь к людям – это добро. Правда, добро… Стремление к красоте… Правда, добро, красота – но ведь это же давным-давно принятое соединение трех великих понятий: правды (истины), добра, красоты.

А воля? А творчество? И вдруг сложилось: творческая воля. Творческая воля к добру, правде и красоте – вот этот короткий список лучших и обязательных качеств. Но как он называется?

Должно было пройти еще немало времени, прежде чем

открылось общераспространенное его наименование.

…Я пишу, читатель, о том, что известно и давно было известно культурным людям, о чем говорили все великие писатели и философы. Но темен! Темны мы! И до самых основных истин, которые я должен бы знать со школьных лет, приходится докапываться самому.

Обидно. Не мое это дело. Да я и сам с подозрением отношусь к доморощенной этике; лучше бы прочитать о ней в книгах, встретить ее в философском венце… Вот и выходит: одни скажут, что все эти построения бездоказательны, а другие – что их и не надо доказывать, они банальны, всем известны, ломится человек в открытые двери. Что поделать? Будем мужественны.

6

Итак, творческая воля к правде, добру и красоте. Но воля – это желание. Теперь недалеко и до ответа о том, что же противостоит дурным инстинктам человека в самый момент их проявления.

Разгадка заключается в том, что все желания человека можно разделить не только на высокие и низкие, «животные» или «общественные», но и так: на конечные и бесконечные.

Бесконечные не в том смысле, что они уходят куда-то ввысь, в надземное, а в самом простом значении – им нет конца, их нельзя удовлетворить.

Конечные желания, осознанные или безотчетные, в принципе могут исполниться к такому-то дню или хотя бы в мечте: это желание получить, сделать, сделаться, найти, стать, узнать, приобрести. И если вы, читатель, хотите стать губернатором острова в Тихом океане, то кто знает? Может, вас и назначат на этот пост такого-то числа такого-то года. А во сне – хоть сегодня. А в мечте – хоть сейчас.

Но есть желания бесконечные, обычно их называют стремлениями.

Бесконечно стремление к добру.

Неутолима жажда правды.

Ненасытен голод по красоте.

Никогда, ни в какой день никто не скажет: «Все, достаточно, теперь можно обойтись без добра и красоты». Правда (истина), добро и красота определяют наш труд и все наши поступки.

Что делает человек? – Истинное или ложное.

Для чего он делает? – Для добра или для зла.

Как он делает? – Красиво или некрасиво.

Что, для чего, как… Предмет, цель и качество. Истина (правда), добро и красота. Тремя этими понятиями можно довольно точно оценить любое дело, любой поступок, любую идею, любое произведение рук человеческих. Ни человечество в целом, ни человек в отдельности не могли бы существовать, действовать, общаться, развиваться, если бы не было представлений о правде, добре и красоте и если бы не было у людей внутренней тяги к ним, творческой воли.

Осталось одно – осталось найти слово. Если эти понятия играют такую важную роль в жизни, в психике, в личности человека, то отчего же мы не упоминаем их на каждом шагу? Может быть, они скрыты под другим, более распространенным названием?

Конечно. На арену выходит главное действующее лицо педагогики. Вы знаете его имя, читатель?

7

Как всегда, обратимся за словом, за именем, за точной мыслью к Пушкину.

Пушкин пишет о графе Нулине:

Желаньем пламенным томим…

О Мазепе в «Полтаве», когда Мария вдруг исчезла:

Нездешней мукою томим…

О Пророке:

Духовной жаждою томим…

Физическое желание – одно, душевное мучение – другое, но есть еще и духовная жажда. Что это такое?

Мы постоянно говорим: «духовное богатство», «духовные потребности», «духовные запросы», «духовные ориентиры», но, странным образом, никто не объясняет, что же значит в этих выражениях «дух». А, скажем, в «Педагогической энциклопедии» или в «Словаре по этике» и понятия-то нет такого – дух. Духовная жизнь – есть, а духа – нет. Прилагательное без существительного.

В самом деле, спросите десятиклассников, спросите их учителей, и все как один ответят, что духовная жизнь – это значит ходить в театры, читать книги, посещать музеи. В лучшем случае скажут, что быть духовным человеком – значит думать о смысле жизни, как Пьер Безухов из «Войны и мира».

Но повторим пушкинское: «Духовной жаждою томим, в пустыне мрачной я влачился…»

Что, собственно, происходит с героем всем известного стихотворения? Чего ему не хватает – театров и музеев?

Нет, ему не хватает правды, добра и красоты, и он страдает точно так же, как страдает человек, которому недостает воздуха, воды, пищи, света. У него есть потребность в правде, добре и красоте, и если она не утоляется, он голодает, он жаждет, он чувствует удушье, он томится духом.

Не чувственное желание гложет его, не душевное смятение чувств его мучит, а именно духовная жажда правды, добра, красоты.

Когда мы говорим «дух», «духовность», мы, сами того отчетливо не понимая, говорим о великом человеческом стремлении к бесконечному – к правде, добру и красоте. Этим стремлением, этим духом, живущим в людях, создано все прекрасное на земле – им города строятся, им подвиги совершаются. Дух – подлинная основа всего лучшего, что есть в человеке.

Как появляется дух у человека, как он развивается, почему у одних людей он сильнее, чем у других, – это все следующие вопросы, отложим их; а пока что снова вернемся на «кухню желаний»: в понятии «дух» кроется объяснение, отчего у одних даже капризные желания ведут к добру, а у других они асоциальны, антиобщественны.

Здесь самая глубокая тайна воспитания. Оттого люди в массе своей в норме добры, правдивы и красивы, что в душе человека, на «кухне желаний» постоянно горит свет – живет дух, живет желание добра, правды и красоты, которое сливается с каждым конечным желанием и освещает, а можно сказать – освящает его.

Не пресс, а свет! Не подавление, а высветление. Не мысль борется с дурным желанием, как принято считать, нет, оно само, даже если и появится, высветляется высоким стремлением к бесконечному и в таком высветленном виде поступает в сознание.

Люди сомневаются, колеблются, мучаются, бьются в противоречиях, но это волнения и страдания здоровой личности, духовное томление, а не изнурительная борьба с собственными низменными страстями. Ведь есть же разница: чувство удушья от нехватки воздуха в помещении или удушье от смертельной болезни легких – это разница между страданием здоровья и страданием болезни.

Человеческая мысль всесильна, она творит чудеса познания, она проникла в глубочайшие тайны мира, но что поделать? Мысль человека только мысль, не более, она далеко не всегда справляется с его желаниями и почти всегда бессильна перед страстью. Если мысль и подавляет желание, то только другим желанием, более сильным.

Психология подробно разбирает, отчего люди ведут себя

дурно, но затрудняется ответить, отчего же они ведут себя как люди. Этого и в самом деле не объяснить, если не понять, если не принять, что человеком руководит не запрет на дурное, налагаемый обществом, не отрицательное, а положительное – его собственное стремление к добру, правде и красоте.

Не мысль с желанием, а желание с желанием встречаются в душе человеческой! Конечное с бесконечным.

Не в подавлении, а в возвышении – вот в чем разница, вот в чем сталкиваются две противоположные системы педагогических убеждений, вот выбор, который мы все делаем, воспитывая наших детей: подавление конечных желаний или возвышение их желаниями бесконечными?

Здесь водораздел между двумя главными педагогическими верами.

Одна вера состоит в том, что ребенок «безумен», как считали в библейские времена, и надо силой – «жезлом» – обуздать его.

Другая вера состоит в том, что в человеке есть высокий дух, что стремление к добру, правде и красоте передается ребенку, становится его собственным стремлением.

Когда кто-нибудь говорит: «Родители мною не занимались, а вот я вырос неплохим человеком», это означает, что от него скрыта главная тайна воспитания. Не занимались – не поучали, не наказывали, не делали замечаний, не упрекали и не попрекали. Но был у родителей дух, он передался детям – в этом и состоит воспитание.

Поверим в силу такой педагогики, поверим, что без духовного воздействия все педагогические усилия окажутся тщетными, и у нас будут хорошие дети.

Представим себе выросших детей, которые при всех обстоятельствах, при всех жизненных выборах склоняются в сторону правды, добра и красоты, обладают творческой волей. Нужно ли еще чего-нибудь ждать от них?

Поэтому и можно сказать, что воспитание духа, воспитание духовности – это все воспитание.

В старину так и говорили: «Имей дух и умей возбудить его в детях». Этого достаточно.

8

Среди многих значений слова «дух» отметим такое: идеальная сущность какого-то явления.

Словом «дух» определяют состояние душевных сил человека: «сильные духом», «слабый духом», «взыграл духом», «собрался с

духом», «упал духом», «ослаб духом», «не падай духом». Крайне важно для понимания слова «дух», что во всех этих выражениях оно отличается от слова «воля». Воля говорит о силе, а дух – о направлении силы, о направленной силе. Дух зависит от веры в правду и справедливость. «Поднять дух» у солдат – значит внушить им веру в победу. О грабителе могут сказать, что у него сильная, даже страшная, ужасная воля, но никто не скажет, что это сильный духом человек. Дух – человеческое в человеке. Победное стремление к правде, добру и красоте. Эта потребность всегда живет в человечестве и является свойством людей. Судите сами.

Люди постоянно спорят о том, что правда и что ложь; но обратите внимание: никто не выдает правду за ложь, и даже самый бесстыдный лгун все-таки старается выдать ложь за правду, потому что правда – потребность, необходимость, обязательное условие существования всех людей, и лгун это знает.

Никто не выдает добро за зло, но и самый отъявленный негодяй старается представить зло – добром или необходимостью, оправдать его. Из одного только слова «оправдание» видно, в чем всегда и без исключения нуждаются люди. Все человеческое должно быть правдой или оправдано.

Правда и добро не нуждаются в оправдании, но ни один дурной поступок, ни одно преступление за всю историю человечества не были совершены прежде, чем преступник хоть как-нибудь, хоть самым фантастическим, нелепым способом не оправдал его в своей душе. В самом низком, самом дрянном человеке все-таки есть сердце, легкие, кровь – и все-таки есть у него потребность в правде и добре, которую он должен заглушить в себе прежде, чем совершит преступление.

Мы должны будем выяснить точнее, как появляется дух в отдельном человеке, но пока что установим и примем, что дух есть, что он живет и поддерживается человечеством в целом, и притом живет и действует не мистическим, не сверхъестественным каким-то образом, а вполне естественно, как живет, например, язык.

Каждое «я», понимаем мы это или не понимаем, несет в себе не частицу, а весь человеческий дух, как каждый из нас знает весь свой родной язык. Каждый несет в себе и передает следующим поколениям стремление к правде, добру и красоте, нужду в оправдании любого проступка.

Если я хоть в малой степени тянусь к добру и радуюсь, когда удается сделать доброе, то это не я такой хороший родился – это мне передалось общечеловеческое стремление к добру.

Если я сержусь, возмущаюсь, когда сталкиваюсь с несправедливостью, – это не я такой честный и горячий, это мне передалось общее стремление людей к правде, нетерпимость ко лжи, которая заставляет даже собственную мою ложь оправдывать, представлять правдой.

И если меня манит красивое, если я, пусть и не всегда верно, сужу: «Это красиво, это некрасиво!», то ведь это не я открыл красоту в мире, а была мне передана общечеловеческая тяга к красивому.

Ребенок должен быть осенен духом. Наделен духовностью. Воспитан как духовное существо. Поэтому-то люди и нуждаются в воспитании. Но воспитание – не превращение ребенка в копию отца или матери, а возбуждение его духа, его человеческой сущности, человеческого стремления творить на земле правду, добро и красоту.

9

Ну что же, пора подступиться к самому интригующему вопросу педагогики – как же появляется, как развивается дух в ребенке? Заметим сразу, что слово «пробуждается» не годится. От рождения духа в ребенке нет, от рождения у ребенка есть лишь способность воспринять дух – способность верить, надеяться и любить.

Но и не образованием передается дух!

Ведь духовность не то что культура или образованность. Даже и неграмотные люди могут обладать высочайшей силой духа. Само по себе изучение наук или, скажем, чтение книг, слушание музыки, пусть даже и серьезной, не есть духовная жизнь. Духовная жизнь – это собственное стремление к правде, добру, красоте, переживание этого стремления. Духовная жизнь – события, а иной раз и приключения, драмы и трагедии духа. В зависимости от обстоятельств человек то больше верит в правду и стремится к ней, то разочаровывается, то падает духом, то поднимается. В произведениях искусства и литературы, в общении с учителями, с духовно развитыми людьми человек ищет собеседника, союзника, ищет высшего духом. Искусство необходимо ему для поддержания собственного духа. Если же дух человека низок, то за книгой, в кино или в театре он лишь развлекается, убивает время. Больше того, можно быть ценителем искусства, прекрасно знать историю его – и быть совершенно бездуховным человеком. И само искусство может быть бездуховным, если в нем не видно, не проявляется стремление к

правде и добру. В таком случае мы говорим, что перед нами не искусство, а подделка под него, потому что искусство всегда духоподъемно – в этом его назначение. Искусство – это прежде всего правда, в которой так нуждается духовно развитый человек.

Откуда же берется тяга к правде, составляющая основу духа, как она первоначально возникает в душе?

Она в природе ребенка, в генах его? Нет.

Она дается воспитанием? Нет.

Она незримым каким-то способом вливается в душу маленького ребенка? Нет!

Не чудом, не от природы и не от воспитания. А каким-то способом, доискаться до которого не так-то легко.

10

Начнем издалека. Начнем с вопроса, в чем состоит правда. Очевидно, что понятие правды неотделимо от понятия добра и зла. Для воспитателя, для нравственного, для духовно развитого человека важна одна истина, одна аксиома, которую нельзя ни опровергнуть, ни доказать, а именно: между добром и злом есть граница. Добро – это добро, зло – это зло, и между ними есть граница. Она и называется правдой. Все, что выше этой границы, – добро, возвеличивание человека. Все, что ниже ее, – зло, уничижение человеческого достоинства, уменьшение его цены.

Правда не добро и не зло, а граница между ними – тонкая, как лезвие бритвы. Правда в том, что граница между добром и злом есть.

Представления о добре и зле так сильно менялись от народа к народу, от века к веку, – что часто противоречили одно другому. Это естественно. Ошибаться в том, что добро, а что зло, – свойственно людям, не все они мудрецы. Но многие из нас не только не знают, в чем добро и в чем зло, но и не придают этим словам никакого значения, выбирая поступки не по принципу «добро – зло», а по принципу «выгодно – невыгодно», «опасно – безопасно», «хочется – не хочется», «спокойнее – хлопотнее», «принято – не принято», «одобряется – не одобряется», «проще – сложнее», «доступнее – недоступнее», «должен – не должен». Человеческая линия поведения одна: «добро – зло», отступлений же от этого принципа, как видим, невероятно много.

Но есть люди, которые не только не знают, что добро и что зло, не только не хотят знать этого, но и утверждают, что границы

между добром и злом вообще нет. В различении добра и зла они не видят ни нужды, ни смысла. Как это ни странно, но такие взгляды на мир сегодня иногда поддерживаются искусством.

А между тем неразличение добра и зла, нечаянное или принципиальное, – это самый распространенный и потому самый коварный, опасный вид оправдания зла. Не отличать зло от добра – значит оправдывать зло, примиряться с ним, выдавать одно за другое.

Все что угодно, но только не смешивать добро и зло, знать, что между ними есть, есть, есть граница, называемая правдой, – верить, что правда есть на земле!

Признание правды – границы между добром и злом – единственная, повторюсь, аксиома духовности, нравственности, педагогики. На ней держится все человеческое в человеке. Если я верю в то, что такая граница есть, то все остальные положения нравственности и духовности могут быть доказаны; если я эту аксиому не принимаю, то, увы, все рассуждения и доказательства бесполезны.

Но будем верить в правду!

Правда живет в людях, живет в нашем сознании. Мы говорим: найти правду, знать правду, утверждать правду, выражать правду, нести правду. Мы спорим, в чем правда, но важно, что она есть.

Существование правды так же важно для духовного мира, как существование материи – для мира материального, и старинное понятие «природосообразное воспитание» можно дополнить понятием «правдосообразное воспитание» – воспитание, построенное на стремлении к правде, на вере в правду, на правде. Воспитание ребенка – это питание его личности, его духа правдой.

11

…Матвею семь лет, он пошел в первый класс, и у него очередной кризис. Он стал невыносим. Он буквально помешан на правде. Он на каждом шагу кричит: «Вы меня обманываете!»

Мы отправляемся на прогулку, у нас обширная программа, но только мы вышли из дому, как вдруг мой Матвей выпростал свою руку из моей, и – через сугроб вдоль тротуара, к стоящей чьей-то черной «Волге». Не успел я и сообразить, в чем дело, как он приподнял какой-то маленький щиток над задним колесом, так что открылась горловина бензобака, и, победно на меня оглядываясь, намерился отвинтить там крышку.

Ну что ты будешь делать с этим дурачком? Среди мальчишек

во дворе или в классе это, видимо, считается геройством, но те-то отвинчивают крышки тайно, оглядываясь. Понимая, что их ждет, если их поймают, а этот? Дурачок.

Но это я все понял позже. Первая моя реакция – ярость. Я взъярился! Я схватил его за руку, потащил через сугроб, я снова забылся от гнева. Я заорал, что никуда с ним не пойду, мы немедленно возвращаемся домой.

Он заплакал, но мне даже и не жалко было его. Одно только прикосновение к чужому кажется мне ужасным преступлением, я не могу совладать с собой. Домой! И без разговоров!

И тогда он, плача, сказал мне:

– Ты обманщик! Ты меня обманул! Ты обещал идти гулять, а теперь не идешь. Обманщик, обманщик! – горько повторял Матвей с такой убежденностью и с таким горем в голосе, что я застыл на месте.

Ведь он прав. Я действительно обманщик. Какое отношение имеет крышка от бензобака к нашей прогулке?

Я вздохнул, успокоился, взял его за руку и пошел с ним гулять. Но это слово «обманщик, обманщик!» так и стоит у меня в ушах.

Интересно, что сами мы никогда не обвиняли Матвея в обмане или обманах – и речи не было! – но откуда-то взял он идею, что обманывать дурно, позорно.

12

Разлитая в мире правда – эта основа человеческого духа, это утверждение о достоинстве человека, утверждение границы между добром и злом, – живет в людях в виде совести. Миллионы людей тысячи лет искали правду, добивались ее, и так постепенно сложилось общее знание, общая весть о правде – совесть: единое на всех знание о том, что есть добро и что есть зло для человечества. Не для человека, не для времени его, не для группы людей, а для человечества в целом. Правда – одна и совесть – одна на всех. Когда мы укоряем человека, что он бессовестный, мы предполагаем, что у всех должна быть такая же совесть, как и у нас.

Правда-совесть попадает в человека не от генов, повторим, и не от воспитания: если бы совесть зависела от воспитания, то огромное число людей и понятия бы не имело о ней.

Так перед нами возникает знаменитый вопрос Канта – перепишем из «Критики практического разума», из последней главы этой великой книги, которой на старости лет зачитывался

Лев Толстой, перепишем тысячи раз цитированный абзац:

«Две вещи наполняют душу всегда новым и все более сильным удивлением и благоговением, чем чаще и продолжительнее мы размышляем о них, – это звездное небо надо мной и моральный закон во мне».

Оставим удивительное звездное небо астрономам и астронавтам.

Но моральный закон внутри человека, но совесть, но правда в душе каждого из нас – откуда? Нам трудно воспитывать детей, если мы не знаем, как появляется совесть в ребенке. Мы не сделаем чего-то важного или, наоборот, возьмем на себя слишком много. Не понимая, откуда совесть в ребенке, мы можем нечаянно и затоптать ее.

Ведь она на самом деле есть у всех! Прислушаемся к нашей речи:

– Где же твоя совесть?

– Совсем совесть потерял!

– Наконец-то в тебе совесть проснулась!

Таким образом, утверждается, что совесть у человека есть или была, но – потерялась, спит.

Что такое есть в человеческом сообществе, чем владеют все и что могло бы быть носителем общего знания о добре и зле, о правде?

Это общее – язык. Ответ о происхождении совести в отдельном человеке может быть, на мой взгляд, только таким: человек получает моральный закон, то есть совесть, с родным языком. Его сознание, его самосознание, его душа формируются по мере овладения речью, его сознание и его речь – практически одно и то же. Но в речи, но в языке содержатся все важнейшие представления о добре и зле, содержится понятие правды, так же как и понятие закона; эти представления и понятия становятся собственным сознанием ребенка точно так же, как и язык. Ведь его язык – это его собственный язык, и законы, в языке содержащиеся, становятся его собственными законами – совестью.

В самом деле: вот дерзкий мальчишка, который никому не подчиняется. Но даже и он не говорит «большая стол» или «машина поехал». Он подчиняется законам языка, его логике, и это, может быть, первый закон, который он воспринимает, принимает как свой закон. Его никто не обязывает говорить «большой стол», но ему самому неудобно и смешно сказать «большая стол». Постепенно «так не говорят» и «так не поступают» связывается в сознании ребенка. Ведь все слова, имеющие отношение к нравственности, окрашены в языке одобрением или неодобрением. Не думаю, чтобы в мире был

язык, в котором слова «трус», «предатель», «убийца» звучали одобрительно или хотя бы нейтрально, и в каждом языке наверняка есть слова «хорошо» и «плохо».

Язык не говорит, как надо относиться к матери, но в русской речи, например, есть слова «мать», «мамаша», «мачеха», «матушка», «мама», «маменька», «мамочка», «мамуля», «мамулечка» – это же целая проповедь о матери. Никем не произнесенная и никем не выслушанная, она находится в сознании каждого говорящего на русском языке – и того, кто уважает свою маму, и того, кто «подлец», «совсем совесть потерял», «мать родную ни во что не ставит».

Обучаясь речи, ее живым оборотам, ребенок и впитывает общую весть о добре и зле, совесть, причем так, что и сам не замечает этого, и ему кажется, что совесть возникла каким-то образом.

Ребенок получает совесть не с молоком матери, а с языком матери. И всякий, кто говорит хоть на каком-нибудь языке, обладает совестью. На земле нет ни одного человека без совести, как нет ни одного живого без сердца. Если же нам кажется, будто у ребенка, которого мы воспитываем, нет совести, мы ошибаемся, и притом опасно. Действительно бессовестный ребенок – слишком большое и потому крайне редкое несчастье, это тяжелейшая болезнь, полный распад личности. Не подозреваете же вы своего сына в такой болезни?

Если мы будем исходить из того, что у ребенка, который рядом с нами, нет совести, то воспитание станет невозможным. Воспитание, повторим, это питание правдой, развитие совести, побуждение жить по совести. Как же воспитывать, если считать, что совести нет?

Тем и различаются между собой педагоги. Одни убеждены в том, что у каждого ребенка есть совесть. Другие пытаются изобрести такие формы воспитания, чтобы можно было обойтись без совести – без совести воспитанника и без совести воспитателя. «Совесть» кажется им чем-то ненадежным, потому что она появляется в ребенке без нас и не поддается контролю и подчинению.

Совесть есть у всех. Не наше дело воспитывать совесть, «воспитание совести» – так по-русски не говорят, совесть сама возникает в душе ребенка. Наше дело – воспитывать совестливость.

Совесть – представление о той общей правде, на которой держится все. Ребенок получает правду с языком. Но люди вокруг него, он видит, исповедуют не ту высшую правду, которую он чувствует в себе, а какую-то другую, упрощенную, извращенную. Постепенно ребенок начинает подчиняться не общечеловеческой высшей морали, а групповой морали близких и уважаемых им людей, морали «эталонной группы», как говорят социологи, то есть морали той группы людей, к которой человек хотел бы принадлежать, в которой он хотел бы быть своим, в которой он находит защиту, безопасность-Мы.

По совести – стыдно воровать, а с точки зрения сельских ребятишек бывает стыдно не залезть в чужой сад – это признак трусости. С человеческой точки зрения стыдно быть карьеристом, а с точки зрения определенной группы людей – стыдно не делать карьеры. Все дело в том, с какими людьми общается наш ребенок, на кого он равняется.

Поэтому, сколько бы ни уверяли мы мальчика или девочку, что плохо получать двойки, уговоры не действуют, если в классе презирают не двоечников, а отличников. И нужно много терпения и веры в ребенка, чтобы научить его поступать независимо от людей, его окружающих, равняться душой на высшее, а не случайное, стремиться к правде. Уговоры здесь действуют мало, а наказания совсем не действуют, они лишь укрепляют уверенность ребенка в его правоте и заставляют гордиться – ведь каждый из нас гордится, если страдает за свои убеждения.

Мораль – это не список правил, приколоченный в комнатах нашего сознания; мораль и совесть – живое и развивающееся явление. Все, из чего ребенок сознательно извлекает опыт нравственного и даже безнравственного поведения, ближе к совести, чем бездумное следование заданным правилам. Совестливость не приобретается за один вечер или за сто вечеров в беседах с родителями или учителями, совесть обостряется в поступках и проступках ценой падения и преодоления, она дается нам дорогой ценой. Никто не приобрел чуткую совесть беззаботно, без страданий и мучений; безмятежной совести на свете нет.

14

Поступать по совести трудно, во многих случаях приходится идти против своих интересов и вызывать недовольство менее совестливых людей. Поступок по совести не всегда вознаграждается, или вознаграждается с опозданием, или человек

получает лишь моральную награду, скажем, уважение людей или только уважение к самому себе. Но поскольку совесть есть у всех, то выработана целая система сделок с совестью, найдены тысячи оправданий дурному поступку, тысячи способов успокоить совесть, заглушить ее.

Дети занимаются этим постоянно, они выдумывают фантастические оправдания. Ребенка мучит совесть: он плохо относится к своим родителям. Он тут же выдумывает, что и родители его не любят, и вообще он подкидыш, приемный сын… Мучит совесть – плохие отметки по математике. Сейчас же находится оправдание: а зачем мне математика? Я математиком становиться не собираюсь… Или он переносит свои дурные качества на весь мир: все плохие, все дураки, все воруют! Или стремится уйти от мира: меня не поняли, я не такой, как все, я лучше понимаю людей и жизнь. Или он всех держит в виноватых. В социальной психологии все эти способы защиты человека от самого себя, от своей совести хорошо изучены.

Так постепенно человек приучается во всех случаях находить оправдание и живет вполне довольный собой, хотя в глазах окружающих иногда выглядит бессовестным. Вновь мы сталкиваемся с одним из очень трудных вопросов педагогики. Эти детские и юношеские разглагольствования, эти сделки с совестью – большая опасность в духовном развитии ребенка. Не то страшно, что плохо учится, а страшно, что у него еще и совесть спокойна, нашел оправдание для плохого учения.

В сделке с совестью опасность в том, что она кажется честной сделкой, а мы должны показать, что честной сделки с совестью не бывает. Мы не всегда настолько сильны, чтобы поступать лишь по совести, но мы должны понимать свою слабость именно как слабость. Если исподволь, изо дня в день, из года в год, не ожидая быстрых результатов и не отчаиваясь при неудаче, показывать ребенку, что каждый поступок человека – это поступок по совести или против совести, то и он приучается постоянно общаться со своей совестью. А если с совестью общаются, то она и не засыпает.

Совесть наша, увы, великая соня, она постоянно готова впасть в обморочное состояние, и ее приходится все время будить и будоражить. Деликатнейшее дело – воспитание совестливости! Даже пятилетние дети знают, что такое бессовестный, но что такое совесть, не знает и взрослый.

Правда-совесть – закон во мне, а с законами всегда происходит следующее: они исполняются или не исполняются в зависимости от того, как придерживаются закона все вокруг.

Точно так же и с законами совести. Будет ли ребенок совестливым человеком, будет ли он исполнять требования совести, жить по совести – это целиком зависит лишь от одного, одного и одного обстоятельства: насколько законы совести будут воплощаться в жизнь вокруг него, другими словами – насколько люди будут справедливы.

Тогда он будет верить в закон и его силу, действовать с правдой, то есть справедливо.

Слова «правда», «справедливость» часто употребляют через запятую, не различая их смысла. Но между ними разница. Справедливость – это реальное воплощение идеальной правды. Правда живет без нас, справедливость творится нами.

16

Следовательно, совестливость появляется у детей так: в мире – правда, в родителях – справедливость, тогда и у детей – совестливость, и притом без напоминаний о совести, без обращения к совести.

Пока совесть не окрепла, не стала неодолимым стремлением к правде, совестливостью, дети нуждаются в повышенном (по сравнению с обычной жизнью) уровне справедливости. Если назвать справедливость теплом, то, значит, детей надо растить в тепличных условиях. В холоде, в голоде, во всевозможных лишениях – ничего не страшно ребенку, кроме несправедливости.

Родители стоят между миром и ребенком и создают повышенный фон справедливости. Так у детей укрепляется вера в правду, в закон совести – совестливость. И если из многих детей в семье один ребенок вырастает хуже других, то это наверняка означает, что ему по каким-то причинам было недодано справедливости. К нему относились или лучше, или хуже, чем к другим, не так справедливо.

Воспитание – питание правдой, круговорот правды в личности: ребенок получает правду из жизни, а вырастая, поддерживает правду своею жизнью. Чтобы самому добиваться справедливости, вносить ее в свое окружение, жить совестливее, чем люди вокруг живут, надо иметь обостренное чувство правды.

Правда – опасная штука, правда бывает убийственной, «правда глаза колет», правда противостоит лжи. Правда, которая не уничтожает ложь, и сама не есть правда. Правду утаивают,

умалчивают, скрывают, прячут, извращают – из корысти, или из страха, или по глупости.

Родители не могут создать вокруг своего ребенка зону полной справедливости, но то, что мы можем дать, мы дать обязаны, в остальном положившись на наших детей.

Если же вместо этого мы начнем сводить счеты: «Ты со мной несправедливо поступил – ну и я с тобой так же», если мы видим справедливость не в решении проблем, а в бесконечной череде наказаний и наград, если нам кажется, будто мир устроен по принципу «баш на баш», за добро – поощрение, за проступок – наказание, то мы подрываем веру в правду и тем бесконечно и безвозвратно ослабляем духовные силы ребенка.

Нам кажется, что ребенок бессовестен, поступает не по совести, что совесть спит в нем? Значит, вокруг него ослаблен фон справедливости – другой причины нет.

Как только ребенок чуть-чуть войдет в разум, всякий разговор-уговор заканчиваем словами:

– Так – честно? По совести? Честно или нечестно?

– Честно.

– На самом деле честно?

– Ну честно же!

– Тогда все.

Не надо, чтобы он поступал честно – научится. Надо, чтобы мы поступали честно в его глазах. Чтобы он чувствовал наше стремление к правде, чтобы незаметно передавался ему дух правды и совести.

17

Оттого что правда приходит к детям не из жизни, а с языком, правда кажется им неотъемлемым свойством мира. Если люди говорят – значит, они говорят правду.

Дети не могут знать, что воплощение правды, то есть справедливость, дается людям большим напряжением сил. Дети с этой трудностью поначалу справиться не могут. Их требование к справедливости такое же абсолютное, неуклонное, неумолимое, как и к самой правде. Но редкий, редчайший ребенок относит требование справедливости к самому себе. Детям внушают, что они маленькие и вроде как неполноценные, они много не умеют, с ними случается много неприятностей. Другое дело взрослые – сильные, уверенные, правильные, – разве могут они быть несправедливыми?

Несправедливость взрослого потрясает ребенка.

Один мальчик сказал мне:

– У нас плохая школа. У нас учителя всегда делают замечания не тем, кому нужно, и не за то, за что нужно.

Действительно – плохая школа. Обзаведись хоть сотней кабинетов, принеси лучшие учебники и поставь над учителями лучших, умнейших методистов – а все равно школа будет плохой, если в ней делают замечания не тем и не за то.

«Строгий, но справедливый» – любимое выражение детей об учителе или об отце. Не столь уж любят дети строгость, но они на все согласны, лишь бы была справедливость. Справедливость, то есть поступок по правде, детям, как и всем людям, важнее еды, сладостей, игрушек и даже любви. Справедливость так существенна в воспитании детей, что в древности ее называли «добродетелью добродетелей», и даже любовь к родителям, это, казалось бы, обязательное чувство, обуславливали справедливостью. Греческий поэт Феогнид (VI век до нашей эры) обращается с поучением к юноше Кирну:

Нет ничего в этом мире отца или матери лучше,
Если священная в них, Кирн, справедливость живет.

Даже родители хороши лишь постольку, поскольку они справедливы.

…Мой друг спросил меня с сомнением:

– И что же – ты всегда различаешь, где добро и где зло? Всегда справедлив к детям?

– Конечно, нет, – ответил я. – Конечно, нет. Но дети хороши лишь в той степени, в какой я умею быть справедливым.

18

А что же справедливо по отношению к детям? На этот вопрос не ответишь, его можно задавать лишь своей совести.

Тогда спросим, что несправедливо по отношению к детям, что заглушает их совестливость?

Несправедливо бранить ребенка за плохое учение, если он отстал от школы, запутался, потерял интерес к учению.

Несправедливо сегодня бранить ребенка за то, что вчера ему позволялось.

Несправедливо растить ребенка одного, без домашних друзей – братьев и сестер; эту коренную несправедливость нельзя углублять раздражением, которое вызывается тем, что такой ребенок требует постоянного внимания к нему. Ребенку-одиночке

так же трудно, как и матери-одиночке.

Несправедливы все фразы, начинающиеся со слов: «У тебя на уме одни только…» (гулянки, тряпки, железки, танцульки, собаки, мальчишки, дружки и так далее).

Несправедливы все попреки – едой, уходом, возрастом, бездельем. Несправедливо одевать ребенка хуже других и при этом раздражаться, когда он что-нибудь просит.

Несправедливо… – составим список собственных несправедливостей; это и будет наш личный домашний учебник педагогики. Устраним, если можем, несправедливое, и в ближайшие пять-десять лет наш ребенок станет совестливым человеком.

«Так долго ждать?!» Что делать? Совесть вызревает очень медленно, поэтому-то педагоги и не жалуют ее.

19

Старательность – первый признак совестливости. Старательность – справедливость труда. Давно известно: все, что стоит делать, должно быть сделано на совесть. В самом выражении «работа на совесть» заключено признание совести как высшего мерила человеческого труда, единого на всех.

Но и каждая вещь говорит о совести, учит совестливости, передает чью-то совесть. Будем стараться, насколько возможно, чтобы детей окружали вещи, сделанные на совесть, будем стараться и сами все делать на совесть. Вот область, где побуждение может соседствовать и с принуждением: старательная работа. Когда мы заставляем ребенка слушаться, мы подчиняем его себе. Когда мы заставляем его хорошо работать, мы вместе подчиняемся правде и совести, мы показываем пример подчинения. Я знаю женщину, которая не доверяла своей шестнадцатилетней дочери мыть полы: «У тебя силы еще нет, ты не сумеешь хорошо вымыть, только грязь развезешь». Девочка выросла и стала замечательно аккуратной хозяйкой. Мама приучила ее к труду на совесть, хотя не позволяла ей ничего делать.

Как интересно в воспитании! Одни заставляют работать – и воспитывают отвращение к труду. Другие запрещают работать – и воспитывают трудолюбие.

20

Из всего непонятного, что есть в человеке, больше всего удивляет не закон внутри нас, а то, что когда мы нарушаем его, поступаем не по совести, она мучит нас. Мы испытываем угрызения совести и стыд. Совесть – закон, за нарушение его – наказание. Самое тонкое и самое страшное…

Понять это невозможно. Что, в самом деле, доставляет мучения? Прищемил палец, зажат нерв – боль. Это понятно. А что же болит, когда нас мучит совесть?

В одной из трагедий Еврипида, жившего в пятом веке до нашей эры, героиня ее, Федра, говорит, что различаются два вида стыда. Первый – «ужас перед разоблаченными чувствами» («страх стыда»), второй – это стыд, который боится порока («страх порока»).

Да, к несчастью, многие из нас знают лишь стыд первого вида – стыд разоблачения, стыд, который возникает, когда нечаянно открывается тайное прегрешение, интимное, тайное чувство или душевное движение, когда мы попадаем впросак, когда над нами смеются или могут посмеяться, когда нам кажется, что кто-то плохо подумал о нас, когда мы чересчур открываемся другому. Так случилось с Кити в «Анне Карениной»: она танцевала вальс с Вронским, но вдруг он увидел Анну… «Кити посмотрела на его лицо, которое было на таком близком от нее расстоянии, и долго потом, через несколько лет, этот взгляд, полный любви, которым она тогда взглянула на него и на который он не ответил ей, мучительным стыдом резал ее сердце».

Этот стыд знают лишь тонкие натуры.

Но еще важнее тот единственный вид стыда, который украшает человека – стыд порока, великое «не могу».

Принято прославлять могущество человека, выходят книги о возможностях людей; человек, говорится в них, велик, человек все может.

Нет, человек велик тем, что на свете есть много такого, чего он не может. Педагогика испокон века движется в сфере «хочу» и «надо», но первое, но главное слово человеческое – «не могу». Оно основание нравственности, оно основание совести, оно основание духа. Не могу!

Не могу продать, не могу отступиться, не могу предать, не могу обмануть, не могу небрежно работать, не могу оставить человека в беде, не могу не отдать долг, не могу украсть, не могу жить без любви, не могу не радоваться таланту, не могу не выполнить свой долг – не могу! И уж конечно, не могу убить человека…

Жизнь каждого человека почти вся держится на этих «не могу», которых мы не замечаем, потому что они естественны для

нас, составляют как бы часть нашей природы. Так и говорят: «физически не могу». Человек потому человек, что он многого не может.

Как взрастает в человеке это великое «не могу», как оно появляется в его душе?

Принято считать, что если ребенку постоянно говорить «нельзя, нельзя», то постепенно это внешнее – извне идущее – «нельзя» превратится в моральную привычку, во внутреннее «не могу».

Так ли это? Научных исследований и доказательств нет, одни лишь частные соображения. Но можно считать установленным фактом, что одним детям говорят «нельзя, нельзя», и оно превращается в «не могу», а в других случаях этого превращения почему-то не происходит.

Стыд – это боль личности. Как физическая боль служит охране организма, сигнализирует об опасности, о наступающей болезни, так душевная боль стыда служит охране личности. Личность – обнаженные нервы, и всякое прикосновение к личному вызывает стыд, иногда довольно поверхностный. Так царапина на пальце болит порой сильнее, чем пораженный опухолью внутренний орган на первых стадиях болезни. Боль – сигнал опасности для тела: остановись! отдерни руку! Стыд – сигнал опасности для личности. Действие, которое вызывает стыд, продолжать невозможно. Его стараются не держать в памяти, скорей забыть. Но в истории каждого человека есть история стыда – были минуты, которые при воспоминании о них заставляют съежиться и через много лет. От гнева и страха человек может развить бешеную активность. От стыда он замирает, сжимается, умирает. А глубинный стыд, боль совести, боль сердца, духовная боль настолько невыносимы, что даже Иуда, чье имя стало символом предательства, пошел и удавился.

Мы иногда со страстью воспитываем у детей нетерпимость к другим, но человек начинается с нетерпимости к себе – нетерпимости, которая возникает при каждой попытке поступить против совести.

Как противоречив человек, как противоречива наука о его воспитании! Воспитывая совестливого ребенка, мы обрекаем его на мучение. Чем ниже болевой порог совести – тем больше будут наш мальчик, наша девочка страдать. Но что поделать?

21

Иногда я отчаиваюсь, чуть не криком кричу – проклятое

занятие, проклятая наука! Чуть только приблизишься к существенному, к тому, что и в самом деле влияет на воспитание, – как все ускользает из-под рук и о самом важном ничего нельзя сказать. Не мистика – но и неуловимое. В самом деле: все от стыда и совести; нет совестливости у ребенка – ничего нет; не стыдится он дурного – ничего с ним не сделаешь. Но как воспитывать эту ценнейшую способность стыдиться, испытывать угрызения и мучения совести?

Во-первых, мы установили, что стыд – это боль. Когда человека стыдят, ему хотят причинить боль. Он, естественно, сопротивляется, и происходит процесс, обратный тому, которого желал воспитатель: стыд не возникает, не увеличивается, а уменьшается. Пристыжение – наказание душевной болью, может быть, еще более сильное, чем наказание болью физической. Но постепенно у ребенка возникает привычка к стыду, и он становится бесчувственным, бесстыдным. Достаточно один раз «переступить через стыд», как дорога к бесстыдному открыта навсегда.

И во-вторых, мы установили, что коль скоро стыд – это боль совести, то он и зависит от совести. Когда мы стыдим детей, мы думаем, что обостряем их совесть. Нет. Не совесть обостряется стыдом, а стыд – совестью. Чтобы человек испытал стыд, нужно, чтобы у него была совесть, честь, которую он боится потерять, иначе и позор ничего не даст. Стыд и позор испытывает лишь тот, у кого есть совесть, поэтому и говорится: «ни стыда ни совести», а не наоборот.

Считается, что если ребенок совершил дурной поступок, а его не разоблачили, то он, оставшись безнаказанным, совершит проступок и второй раз, и третий, привыкнет поступать дурно – и вырастает дурной человек. Так?

Нет. На самом деле все наоборот! «Я начал ловить себя на желании, чтобы все проступки колонистов оставались для меня тайной, – пишет А.С.Макаренко в „Педагогической поэме“. – Проступок, даже самый худший, если он никому не известен, в дальнейшем все равно не будет иметь влияния, все равно умрет, задушенный новыми общественными навыками».

Вот и выходит, что проступок, оставшийся в тайне, – это еще не беда, еще есть надежда на лучший исход, на то, что он «умрет» сам собой. Тогда как разоблаченный, открывшийся проступок может сыграть в судьбе воспитанника самую страшную роль. Пока проступок не раскрылся – подросток не переступил через стыд, он еще держится на нравственной поверхности. Отношения правды и справедливости не нарушены, справедливость уважается. Когда проступок раскрылся – никто не предскажет, что может

случиться. Вот почему воспитателю иногда приходится закрывать глаза на дурное поведение детей: не знаю! не видел! Но если узнаю, увижу – берегись!

Так что же все-таки делать? Верить в правду, поступать по правде и внушать тем самым веру в правду – развивать совестливость. Совестливость сама все сделает.

22

Нечто похожее на чувство стыда и вины зарождается очень рано, на первом году жизни. Во всяком случае, мальчик, едва научившийся ходить и разбросавший из шкафа вещи, оглядывается – не видят ли его? Если мама оказывается рядом, то он произносит сердитое «У-у-у» – сам себя ругает и даже может шлепнуть себя. Он разбрасывает вещи, взрослые сердятся – пожалуйста, он тоже сердится на себя. Правила игры он уже знает, хотя не говорит еще ни слова. Но это еще не совесть, это страх. Близнецы совесть и страх рождаются и начинают расти вместе. Задача воспитания совести первоначально сводится к тому, чтобы нечаянно не заглушить ценное чувство стыда и не подменить его малоценным чувством страха.

Конечно, было бы удобно, если бы ребенок каждый раз рапортовал нам: «Мне стыдно, мне очень стыдно». Но ведь стыд скрывается, в этом его особенность. Чем больше людей знают о моем стыде, тем мне больнее; поэтому я его прячу. Если мы хорошо понимаем ребенка и верим в него, мы сами чувствуем, что ему стыдно, и на том, можно считать, конфликт исчерпан. Ребенок достаточно пострадал за свой проступок: он наказан собственным стыдом. Если же у нас не хватает чуткости, мы начинаем требовать какого-то выражения стыда: «Скажи, что ты больше не будешь, попроси прощения» – в тот самый момент, когда ему стыдно! Но, обращаясь к стыду, заставляя проявлять чувство стыда, мы искореняем его.

Чтобы ребенка мучила совесть, чтобы он знал, что такое стыд, его нельзя стыдить. Стыдить – облегчать совесть. Каждый раз, когда ребенок набедокурит, просто огорчимся – вместо того чтобы наказывать и стыдить. Совесть пробуждается от любви, при виде причиненных страданий. Стыд во всех случаях возникает тогда, когда человек боится, что близкие и дорогие ему люди подумают о нем плохо. Сила стыда зависит не от того, насколько часто мы стыдим, а от того, насколько мы близки и дороги ребенку.

Стыд внушить нельзя, природа стыда, мы видели, не

позволяет внушать его. Можно тысячу раз повторять мальчишке: «Тебе должно быть стыдно!» – но ему не стыдно, и он ничего не может с собой поделать, даже если чувствует себя виноватым в том, что ему не стыдно.

Стыд – чувство более тонкое. Охранять стыд, как охраняют природные ценности, – вот что мы должны делать для воспитания совести. Охранять стыд! В книгах советуют, чтобы родители проводили беседы с детьми об интимных сторонах жизни, и маме кажется, что она поступает правильно, сообщая дочери некие научные и крайне полезные сведения. Но при этом маме приходится говорить об интимном, оно становится нестыдным, и вред от беседы, который состоит в снижении остроты стыда, превосходит пользу полученных знаний. Мы слишком верим в силу знаний и не понимаем, что во многих случаях человека может удержать от дурных поступков именно стыд, а не знание, и что всякое знание, умаляющее стыд, вредно. Приводят примеры, показывают, какие беды ожидают иных молодых людей, если у них нет знаний об интимной стороне жизни. Но на каждый пример (не отрицая их!) можно привести сто примеров, показывающих, какие беды ожидают тех же самых молодых людей, если в них ослаблено чувство стыда. Наверное, правильнее, когда медицински полезные сведения дети получают из книг и брошюр. Сухомлинский нарочно подкладывал такие брошюры; они исчезали; он подкладывал новые. Вот и все… Охраняйте стыд!

Как правило, ребенок, совершивший нечто дурное, знает, что он поступил дурно, и его хоть в какой-то степени мучит совесть. Он поступил дурно не потому, что у него нет совести, а потому, что у него не хватило сил удержаться от соблазна, или его что-то сильно привлекло, или его кто-то влек, или он сам не знает, как это у него получилось, – ведь и мы, взрослые, вдруг ни с того ни с сего соврем, или не скажем всей правды, или испугаемся чего-то, или невольно вырвется какая-то нелепость. Дети еще больше взрослых подвержены случайным, необъяснимым, неожиданным влечениям, поднимающимся из глубины души. На вопрос: «Почему ты так сделал?» – не всегда и взрослый ответит, а ребенок почти каждый раз в недоумении. Но вот взрослые начинают бранить ребенка; за что же они бранят, за что выговаривают? Первое слово на наших устах – «бессовестный». Но есть совесть и есть слабость! Ребенок дурно поступил по своей слабости, а мы его браним за отсутствие совести, и укоры наши становятся несправедливыми. Ребенок чувствует, что совесть его мучит, а ему говорят «бессовестный». Он сопротивляется, он не без основания полагает, что взрослый не прав, – и совесть

перестает его мучить.

Совесть заглушается.

Отсутствие совести – грех, стыд, позор, ужас; отсутствие воли – слабость, болезнь, беда, несчастье. Когда мы корим за бессовестность, мы задеваем личность ребенка сильнее, чем этого требует любой проступок. Мы оскорбляем, унижаем ребенка, если, конечно, он принимает нас всерьез. Когда же мы говорим о слабости, мы тем самым выражаем желание помочь, поддержать, мы попадаем в точку.

Да, нам нужно, чтобы у ребенка была не только совесть, но и сила поступать по совести, воля. Однако если мы совесть усыпим, то и воля будет ни к чему. Нет ничего хуже, чем вырастить человека с сильным характером, но без совести.

23

Подобно тому как дети рискуют жизнью, испытывая свою смелость, испытывают они и свою совесть, преступают правила и законы, чтобы самому – нарочно! – испытать жуткое чувство стыда. Жуткое, страшное, сильно наказуемое привлекает детей как испытание, в котором вырабатывается независимость.

Чего только не творят дети, испытывая свою совесть!

Две девочки десяти лет, две подружки из обеспеченных семей, попрошайничают на улице, выпрашивают десять копеек, покупают в овощном магазине два соленых помидора и идут счастливые оттого, что страх быть пойманными и стыд просить – позади.

Компания шестиклассников – каждый в отдельности предельно честен – забрасывает камнями проходящую мимо электричку, бьют стекла, а когда электричка останавливается и разъяренный машинист бежит к подросткам, то они не думают скрываться. Стоят гурьбой и нагло смотрят в глаза машинисту: «А это мы? А вы видели? Иди отсюда, дядя».

Что они, не знают, что попрошайничать, бить стекла (с риском убить человека) – нельзя, бессовестно, стыдно? Знают, конечно! Или они такие безвольные, что не могут удержаться? Нет, конечно. Но влечет их непреодолимое, необъяснимое желание испытать страх и стыд, пройти через нравственные приключения, пусть и опасные для жизни и чести. И ничего с этим не поделаешь, так было, так будет. Счастье, если кто-то не попался, остался неразоблаченным – пережитого страха и стыда порой хватает на всю жизнь. Несчастье, если поймали на дурном, да еще попал в руки безжалостных людей, не умеющих и не

желающих простить… Но что делать, ведь сознательно шли на риск, а риск не может быть игрушечным, дети рискуют до конца – жизнью и достоинством.

Два тормоза есть у человека: страх и стыд. Дети подавляют страх, чтобы дать место стыду, чтобы жить и поступать не за страх, а за совесть, то есть чувствовать себя свободными людьми. Принуждение совести – единственный вид принуждения, дающий человеку чувство свободы. Чем больше несвободен человек от совести, тем свободнее он.

Януш Корчак писал: «Мой принцип – пусть дитя грешит. Потому что в конфликтах с совестью и вырабатывается моральная стойкость». Если ребенок растет таким осторожным и благонравным, что никогда, ни разу не совершил ничего предосудительного, то как он вообще узнает, что такое совесть и стыд? Не испытав ни разу угрызений совести и чувства раскаяния?

Каждый раз, когда ребенок совершает нечто с нашей точки зрения кошмарное, подумаем: а что это было? Испытание смелости или механическое следование за толпой? Дурная привычка или тяжелый порок?

Проступок-испытание, если уж ребенок попался, стоит осудить, а может быть, стоит и наказать ребенка, иначе, пожалуй, он будет и разочарован: какой же риск, если ничего за это не было? Сделаю-ка я нечто более рискованное… К тому же полезно приучать ребенка держать ответ за свои действия.

Если же перед нами не проступок честного человека, а порок слабовольного ребенка, то наказывать и стыдить нелепо, ибо порок надо лечить, как болезнь, и почти всегда какой-то переменой обстоятельств или усилением надзора. А лучше всего порок лечится верой в ребенка, постоянными уверениями: «Ты не такой, ты хороший», и главное – терпением. Не надо фиксировать внимание на пороках, справедливое сочувствие ребенку – лучшее лекарство против любого порока.

24

Известный человек, многого в жизни добившийся, с высоким положением, жалуется:

– Почему это? У меня сын – толковый парень, кандидат, а такой, знаете ли… – Он поморщился. – А внук, – добавил он, – так и вовсе! – Он махнул рукой. – Ну почему? Скажите!

Ну что скажешь? Откуда я знаю? Посочувствовал… Но при следующей случайной, мимолетной встрече спросил его с ходу,

без подготовки…

– Скажите, пожалуйста, как вы думаете – есть правда на земле?

– Правда? – сказал он. – Конечно же, нет!

Вот и объяснение, отчего сын и толковый, и кандидат – а непорядок с ним.

Дети – жестокие наши разоблачители. Они беспощадно и неподкупно свидетельствуют миру о том, кто мы с вами есть на самом деле. Всегда считалось, что плохой сын – позор для отца и для матери. И ничего в мире не изменилось, никто этого морального закона, одного из важнейших законов всякого общества, не отменял.

Но нам не нравится считать, что родители отвечают за воспитание детей, нам гораздо спокойнее жить с этой удобной тайной природы: хорошие родители, но, увы, отчего-то плохие дети. Отчего же плохие? Всеобщее пожимание плечами – природа, гены, то да се, и на работе отец занят… недоглядел… «Жена сына растила… Я ей говорил…»

Ах, если бы хороших детей давали по знакомству или по заслугам! Не правда ли, есть что-то несправедливое в том, что высшее из благ распределяется неизвестно кем и неизвестно по какому принципу?!

Но принцип распределения хороших детей между людьми есть, его можно объяснить.

Проделаем мысленно такое упражнение. Выберем в комнате, где сейчас находимся, что-нибудь заметное – дверь, окно, зеркало. Ну хоть дверь. Представим себе, что это – правда, и подойдем к ней лицом вплотную. Так жить трудно. По правде живут праведники, но их не столь уж и много на земле. Обычно люди живут в каком-то отдалении от правды – сделаем шаг назад от двери, глядя на нее, и другой шаг, и третий, а может быть, и четвертый, и пятый – это как мы свою жизнь оцениваем. Некоторые люди живут ближе к правде, другие дальше, и все, конечно, важно для воспитания детей. Но это не главное.

Повернемся спиной к двери – к правде. Вот главное для воспитания: лицом к правде мы живем или спиной к ней. Веря в правду или не веря в нее.

Потому что детям передается не сама наша жизнь, они не могут оценить ее, а наша вера в правду, наше стремление к правде, наш дух.

Самый опасный человек для детей не тот, кто дурно живет, а тот, кто считает, что и все люди дурно живут, что правды и вовсе нет на земле. Стараясь внутренне оправдаться перед детьми, такие люди и убивают совесть в них.

Каждый раз, когда я вижу человека, открыто попирающего правду, я смотрю на него с ужасом: «Неужели он не боится за своих детей? Неужели он думает, что его дети ничего не чувствуют?»

Нравственная судьба моего ребенка зависит не от того, богат я или беден, грубоват я или мягок с ним, воспитан я сам или не воспитан – ни от чего такого судьба мальчика или девочки не зависит, она зависит лишь от одного: верю я в правду или нет.

Соберите десять или сто людей, спросите их, от чего зависит успех воспитания. Пожалуй, ни один из десяти или даже из ста не назовет причиной веру в правду. А на самом деле вера в правду, стремление к ней – последняя, глубочайшая причина, по которой вырастают хорошие или дурные дети. Когда мы верим в правду, мы стараемся поступать с детьми справедливо, у них развивается совестливость – и вырастают порядочные люди, на них можно положиться.

У вас должен появиться ребенок? Обзаводитесь пеленками и верой в правду. Будем служить нашим детям верой и правдой, верой в правду.

25

Но не совесть правит миром, нет!

А любовь и совесть – добро и правда.

Зло – это посягательство на человека, чем бы оно ни объяснялось. Но добро – это не отсутствие зла; чтобы подняться в область добра и великодушия, в ту область, где только и живет педагогика, надо затратить определенный труд души, приложить силу. Эта сила – любовь к людям, этот труд – труд любви.

Добро и есть любовь к людям. Чтобы по-доброму относиться к человеку, то есть возвысить его, я должен принять его таким, какой он есть. Я могу желать ему стать лучше – но для него, а не потому, что такой, какой он есть, он мне мешает, не удовлетворяет меня. Нет, я его принимаю, я его люблю, я не собираюсь его переделывать – вот в чем добро. Я не только не посягаю на него (это справедливость), но я еще и отдаю ему часть своих сил, возвышаю его достоинство. Результат доброго поступка всегда один: кто-то начинает лучше думать о себе и о людях, кто-то больше верит в правду. Делать добро – значит любовью утверждать правду. Поэтому в каждом добром поступке или отношении обязательны две составные: правда и любовь. Без любви – справедливость, а не добро; без справедливости – зло, хоть и любовь.

Все, что ниже черты правды, – зло, как бы ни казалось оно добром. Про детей иногда говорят, будто они не понимают добра – понимают! Но бывает, что добро, которое им оказывают, не содержит в себе правды, и значит, оно только притворяется добром. Если в добре нет правды – оно зло, и дети отвергают его.

26

Для художественной литературы вопроса нет: любовь к людям – непременное свойство каждого привлекательного героя и тем более каждого значительного писателя.

Но для педагогики здесь много сложностей. То, что очевидно для писателя или поэта, отнюдь не очевидно для практического семейного воспитания, для педагога, теоретика или практика:

– Как это – любить людей? Разве можно всех любить?

– Это что – толстовство?

– Я не люблю, не могу любить лицемеров!

– Я не могу любить людей, которые меня не любят!

– Не-ет, так нельзя! Тут вы загнули, дорогой товарищ! Всех подряд? Нельзя! Одни достойны любви, другие – нет. Вон бездельник, тунеядец, потребитель – его любить? Нет!

Причем возражения такого рода может привести и милый, добрый человек, который сам любит людей страстно.

Снова мы сталкиваемся с одним из самых трудных вопросов нравственности и воспитания. Ах, если бы и в самом деле можно было любить всех людей – как легко было бы воспитывать детей! Но любить всех невозможно. В чем же выход?

В том, чтобы учить невозможному – учить ребенка любви к людям.

Будем учить детей любви. Научатся любить людей, будет что и кого любить – они сами научатся ненавидеть тех, кто посягает на любимое и дорогое.

Но слова «любовь к людям» все-таки тревожат нас, с ними трудно согласиться, и мы сами не понимаем, отчего же это?

Да потому что способность любить людей – высшая человеческая способность, выше ее ничего нет. Никакой нормальный человек при обычных обстоятельствах не скажет о себе:

– Я люблю людей!

Это невозможно. Хотя в обычной жизни, просто на улице, легко услышать разговор прохожих:

– Нет, с ним нельзя работать… Он какой-то… Он людей не любит…

Способность любить людей мы считаем обязательным свойством любого человека – и мы же отвергаем ее, когда речь заходит о нас самих. Это больное место в совести каждого. Мы все втайне знаем, что человек должен любить людей, но мы не идеальные люди, и мир не устроен идеально, нам трудно любить всех, и мы сердимся: «Всех любить невозможно!»

Конечно же, на свете есть люди, которых и людьми-то не назовешь, не то что любить их, и в этом наше общее мучение. Духовный человек страдает при каждой встрече со злом, с бесчестным, с дурным – нарушается гармония мира. Это именно страдание, тоска по любви, по добру.

Но чтобы она была, эта тоска, чтобы была эта тяга к добру, чтобы ребенок, вырастая, мог уходить в поле великодушия, мы должны с детства пробуждать в нем стремление к добру – любовь ко всем людям. Из воспитания ничего не получается, если нет сердечной тяги к людям, любви. Философы говорят, что это непременное условие нравственности: стремление увидеть доброе даже и в злом. Ведь все мы различаемся по отношению к людям: стремимся ли увидеть в них доброе или торопимся осудить?

Именно любовь к людям – не разделение людей на чистых и нечистых, это сердечное движение навстречу людям, близким и далеким, заступничество за людей.

Да, это не всегда легко – любить людей. А уголь в шахте добывать легко? А работать в грохоте ткацкого цеха легко? Почему же мы, привычные к физическому и умственному труду, не хотим дать себе труда духовного, ленимся в самом важном деле человеческого бытия? Если с детства не воспитывается любовь к людям, то на всякое наше «так нельзя» подросток рано или поздно спросит: «Почему?» – «Да потому, что люди пострадают от этого!» – «Ну и что?» – спросит он, ухмыльнувшись, или удивится, глядя на нас честно-невинными глазами: «Ну и что? А мне какое дело? Пусть сами о себе и заботятся».

Пробить эту броню будет невозможно.

27

Присмотримся, прислушаемся – растет маленький человек и слышит: тот плох, потому что глуп или груб. Тот пьяница. Тот злой. Тот жадный. С тем не водись и с этим не водись. Все говорят о любви к людям, а на поверку оказывается, что любить-то и некого – все вокруг дурные, за что же их любить?

Пришли гости в дом, их принимают, угощают, а ушли – перемывают им косточки.

Зазвали нужных людей, улыбаются, заглядывают в глаза, а потом вздыхают, подсчитывают расходы и говорят о гостях с насмешкой.

Так что же – не звать? И мало ли кто приходит в дом?

Но коль скоро мы хотим воспитать хороших детей, то ведь надо же чем-то и поступиться. Пока в доме дети, то хотя бы ради них не имеем мы права принимать ни одного человека, о котором мы не можем не говорить дурно. В нашем доме должны быть только хорошие люди, в нашем доме о людях говорят только хорошо.

Почти невыполнимое правило. Но, повторю, потому-то и вырастают у нас плохие дети, что трудно его выполнить.

Если ребенку с детства не внушают: «Не осуждай!», он не станет добрым, и в конце концов родители первыми попадут в число тех, кого любить не стоит. Сегодня мы осуждаем соседа Николая Петровича, а завтра или через пять лет этот урок будет воспринят до конца, и выросший сын начнет без жалости осуждать нас самих, а мы будем воздевать руки: «Бессердечный, как об отце говорит! Отца родного не жалеет!»

Не жалеет. Это мы научили его не жалеть отца родного в тот самый момент, когда не жалели соседа Николая Петровича со всеми его грехами.

Кто торопится обвинить другого, кто всегда ищет виноватых, тому не дело важно и даже не жизнь его собственная важна – ему важно оправдаться и обвинить. Жаждет справедливости? Но какая же справедливость, если все вокруг виноваты?

Но вот перед нами совсем дурной человек, и так трудно удержаться от осуждения… Что ж, скажем детям: «Не думайте, будто хоть какой-нибудь человек до конца понятен, не наклеивайте на людей ярлыки. Человек – тайна, эту тайну надо сохранять и уважать. Вам кажется, вы понимаете человека? Значит, вы его не очень любите, у вас нет интереса к нему, и нужно сделать усилие, чтобы этот интерес появился. Все нелюбимое – понятно, все любимое – таинственно».

Быть может, мы не способны испытать чувство любви к людям. Что ж, будем хотя бы милосердны.

28

Когда в доме дети, мы стараемся почаще хвалить людей, удивляться: «Прекрасный человек! Какие красивые люди!» Пусть мальчик-подросток подшучивает: «Мама, у тебя все добрые и красивые». Завтра он и сам увидит людей красивыми, добрыми,

интересными.

Не побоимся отдавать из дома все, что можно, не побоимся трат. Любой подарок, любая помощь кому-то возвращается нам сторицей – богатством добра в душе ребенка.

Что стоил бы наш сын, если бы он был способен любить только маму с папой? Товарищ во дворе, девочка в классе, старый дядюшка, сосед… Драгоценнейший опыт детской души: открытая, восторженная, захватывающая любовь!

И конечно же, никаких насмешек, никакого «реализма», никаких попыток вызвать разочарование. Всегда тревожно: сын потянулся к дурному человеку. Но пройдет время, и он сам увидит его действительную цену. А чувства, а опыт чувства, а душевные волнения гораздо дороже… И не будем упрекать сына: «Ты никого не любишь!» Обычно за этим упреком слышится: «Ты меня не любишь», чувствуется требование: «Люби меня, ты обязан меня любить». Стремление к добру, зарождаясь, далеко не всегда проявляется в поступках. Сначала оно может быть скрытым, поступки ребенка противоречат его стремлению к добру. Бывает, что он стесняется своей доброты.

Только не ждать сиюминутной отдачи, только не думать, будто вымытый пол свидетельствует о доброте, а неубранная постель – симптом неблагодарности. Добрый взгляд ребенка, ласковая интонация, доброе слово, смущение, способность покраснеть от стыда – вот дорогое!

Большинство из нас способны лишь на избирательную любовь: мы любим достойных нашей любви, или близких, или тех, кто любит нас. Всех любить невозможно – это факт. Но, любя избирательно, прививая избирательную любовь к людям, детей хорошо не воспитаешь, это тоже факт.

С той минуты, когда появляется первый ребенок, мы вынуждены начать бесконечный, для многих почти непосильный труд: стараться любить всех людей, окружающих нас. Но если мы и этой счастливой возможностью не сумеем воспользоваться, то тут уж ничего не поделаешь. Наша воспитательная сила прямо пропорциональна силе нашей любви к людям. Не к нашему ребенку, а к людям!

29

…Маленькое отступление: несколько слов об искусстве выбирать жену или мужа.

Понятно, что судьба не рожденных еще детей во многом зависит от того, какие у них отец и мать. История знает разные

способы выбирать будущих супругов: по воле родителей, по материальному расчету, по различным житейским или престижным соображениям, по случаю или по любви. В наши дни больше принято жениться (или выходить замуж) по любви, хотя и не без расчета. Девушка-десятиклассница объяснила мне свой взгляд на брак: сама она вовсе не стремится к особому материальному благополучию, но хочет, чтобы ее будущие дети не жили в бедности. «А то – представляете себе? – сын просит денег на кино, а мама говорит: „Ты лучше посиди почитай книжку“, – у нее нет денег, чтобы дать сыну на кино!»

Однако, все это изложив, девушка вдруг махнула рукой и добавила: «А может, и передумаю, и выйду замуж так».

«Так» – это значит по любви. Не станем морализировать на тему опасности расчетов и необходимости выходить замуж по любви, тем более что неизвестно, какие браки крепче: по любви, по расчету или по любви с расчетом пополам. Но вот неплохой способ выбирать жену: представить себе, какой она будет матерью, что она даст детям, как будет воспитывать их. Или – каким отцом будет избранник девушки?

Конечно, это скорее благое пожелание, чем дельный совет, потому что когда люди любят, они не задумываются над будущим. И конечно же, почти невозможно угадать в молодой девушке будущую маму – с рождением ребенка женщина и мужчина меняются. Но присмотримся, как наша избранница или наш избранник относятся к людям. Не к нам и не к детям, а ко всем людям на улице, в трамвае, в очереди, на работе…

Сердятся на них, обвиняют, судят, упрекают? Мои дети будут несчастны, и я вместе с ними.

Стараются со всеми быть добрыми, прощают людей, замечают в них хорошее, ласково говорят обо всех? У нас будут прекрасные дети.

Иногда говорят: «Да ну тебя, у тебя все хорошие. Недотепа ты!»

Вот эти недотепы и становятся лучшими воспитателями.

Слепая любовь – не умная любовь и не глупая. Думают, будто слепо любить – значит не видеть недостатков в своем ребенке. Нет, слепая любовь – любовь только к одному своему ребенку, она и губит его, потому что несправедлива и, следовательно, есть зло. «Люблю всех людей, в том числе и своего ребенка!» – такая любовь поднимает детей. «Люблю своего ребенка и больше никого» – вот губительная любовь, она не вызывает любви к людям.

Вот как стройно складывается в душе: вера тянется к правде, любовь – к добру, надежда – к красоте. Душевные способности соединяются с духовными желаниями, человеческое с человечным.

Но что высшее в душе?

Тяга, устремление к красивому.

Справедливость требуют, о добре просят, о милосердии умоляют, а красоты и просить нельзя. Ее ждут, на нее полагаются, на нее надеются.

Что позволяет мне надеяться на лучшее – на удачу, на свои силы, на то, что любимая, которую я жду, придет, на то, что дорогой человек выздоровеет, на то, что придет помощь и все устроится, и все будет хорошо? Это не разум действует – иногда нет никаких оснований надеяться, – это действует надежда на гармонию мира. Мир устроен красиво, мир прекрасен в своей завершенности, и не будет он жесток ко мне.

Поступить красиво – значит сделать нечто такое, что выше справедливости и добра. В красивом поступке есть незаурядность. Одинаковое, штампованное, банальное красивым быть не может, красивое – уникально и потому непредсказуемо. Кто может угадать, какой вид примет работа художника? Он и сам этого не знает, его работа – завтрашняя тайна.

В современном мире, который не верит в сверхъестественное, который мог бы повторить слова Эйнштейна, что вся его жизнь была бегством от чуда, – чудо все-таки есть. Оно в волшебстве музыки, оно в пронзительной линии на рисунке гениального художника, оно в строке Толстого или Бунина. Читаешь, перечитываешь и замираешь в изумлении: неужели это человек мог придумать!

Но как развить стремление к прекрасному? Это все тот же вопрос о сущности и форме. Можно хорошо учиться в школе и не знать тяги к правде. Можно благонравно вести себя и не знать, что такое любовь к людям. Можно наслаждаться искусством и даже создавать нечто, похожее на произведения искусства, играть на фортепьяно, рисовать, вышивать и танцевать в ансамбле – и не знать стремления к прекрасному. Суть прекрасного все-таки в гармонии. Главное слово в мире прекрасного – вкус. Гармонично развитых и гармонично сложенных людей не так уж и много, но еще реже встречаются люди гармоничного, прекрасного духа. Они поражают с первой встречи. Они несут покой – но не покой застоя, а покой внутреннего напряжения, живую тишину.

Что же? Есть стремления к точному пределу; есть бесцельные блуждания; но есть и стремления к таинственной, волшебно-манящей цели – мы не знаем ее, но чувствуем ее существование,

ее притягательность, и одно лишь стремление к ней делает нас выше и чище. Будем стремиться к гармонии, что бы ни значило таинственное это слово, будем держать ее перед своим духовным взором – и дети от этого станут лучше.

31

Чем ближе к нижним сферам, к обыденному, тем труднее выполнять требования жизни. Но чем выше поднимаемся мы по ступеням духа, тем легче и прочнее усваивает ребенок законы людей. Если мы не даем ребенку духовной пищи, если держим его только на будничном: «сделай, сходи, подмети», то ему потребуются немалые усилия, чтобы развить свой дух. Не каждый на эти усилия способен. Но каждый рано или поздно получает от жизни какой-то толчок, от которого может начаться самостоятельное развитие его духа, и если человек не способен отозваться на этот толчок, он на всю жизнь остается бездуховным, то есть несчастным. Ему отказано в главном – ему отказано в творчестве.

Стремление к добру, правде и красоте – это ведь не что иное, как стремление к творчеству. Не может быть правды без творчества – правда живая. Не может быть любви без творческой силы. И тем более не может быть красоты без творчества. Духовные стремления неутолимы, они становятся источником тяжелых страданий человека, если не находят выхода. Тогда и получается: «Духовной жаждою томим…» Эти страдания высоких духом людей и выражены русской классической литературой. Духовные стремления героев Толстого, Достоевского, Чехова безмерны, а выхода нет, а деятельности нет, а поприща нет. Страдание. Где нет духа, там нет ни силы жизни, ни смысла жизни. Смысл жизни состоит в охране и развитии жизни, в развитии духа и в утолении его.

Чем больше духовности – тем больше творчества в труде, тем больше и радости в нем; чем более творческий труд у человека, тем духовнее он сам. Одни люди вносят творческое, духовное во всякий труд, у других даже чисто творческий труд не рождает высокого духа – не воспитаны.

32

Давно спорят об авторитарном и permиссивном воспитании. Первое держится на подчинении авторитету: «Я кому сказал?»

Пермиссивное – значит многое разрешается. Но людям непонятно: если «все дозволено», откуда же берется дисциплинирующее начало?

Педагоги упрашивают: будьте добры к детям, любите их! Родители слушают их, и вырастают капризные, избалованные люди. Все хватаются за голову и кричат педагогам: «Это вы научили! Вы детей испортили!»

А дело в том, что результат воспитания зависит не от твердости или мягкости, и не от одной лишь любви, и не от того, балуют детей или не балуют, и не от того, все им дают или не все, – он зависит лишь от духовности окружающих людей.

Именно духовность, это невидимое, но совершенно реальное и определенное явление, вносит укрепляющий, дисциплинирующий момент, который не позволяет человеку поступать дурно, хотя ему и все дозволено. Только духовность, не подавляя воли ребенка, не заставляя его бороться с собой, подчинять себе – себя же, делает его дисциплинированным, добрым человеком, человеком долга.

Где высокий дух, там можно всё, и все пойдет на пользу; где властвуют одни лишь конечные желания, там ребенку всё во вред: и конфетка, и ласка, и таска. Там всякое общение с ребенком опасно для него, и чем больше взрослые занимаются им, тем хуже результат. Учителя пишут родителям в детских дневниках: «Примите меры!» Но в иных случаях, если быть честными, надо бы писать: «Ваш сын плохо учится и мешает классу. Оставьте его в покое! Не подходите к нему!»

У матери несчастье, вырос сын тунеядец. Она убивается: «Я виновата, я ни в чем ему не отказывала!» Она покупала ребенку дорогие игрушки и красивую одежду, «все ему давала, чего ни попросит». И все жалеют маму, говорят: «Верно… Слишком мы на них тратимся!..»

Но все, что можно оценить, измерить в рублях, часах, квадратных метрах или других единицах, все это, быть может, и важно для развития ума и пяти чувств ребенка, но к воспитанию, то есть к развитию духа, отношения не имеет. Дух – это бесконечное, не измеримое ни в каких единицах. Когда мы объясняем дурное поведение выросшего сына тем, что мы сильно на него тратились, мы отчасти похожи на людей, охотно сознающихся в небольшой вине, чтобы скрыть серьезную. Наша истинная вина перед детьми – в полудуховном, в бездуховном отношении к ним. Конечно, легче признаться в материальной расточительности, чем в духовной скаредности.

В век науки мы все хотим делать по-научному. На все случаи жизни мы требуем научных рекомендаций! Но если кому-нибудь

нужна рекомендация, как по науке вытирать нос ребенку, то вот она: с научной точки зрения духовный человек может вытирать ребенку нос как ему заблагорассудится, а бездуховный – не подходи к маленькому. Пусть ходит с мокрым носом.

Нет духа – ничего не сделаешь, ни на один педагогический вопрос правдиво не ответишь. Да ведь и всех вопросов о детях не множество, как нам кажется, а всего лишь три: как воспитать стремление к правде, то есть совестливость; как воспитать стремление к добру, то есть любовь к людям; и как воспитать стремление к красивому в поступках.

Спрашиваю: но как же быть тем родителям, у которых нет этих стремлений к высокому? Как им воспитывать детей?

Ответ звучит ужасно, я понимаю, но надо быть честными… никак! Что бы такие люди ни предпринимали, у них ничего не выйдет, дети будут становиться все хуже и хуже, и единственное спасение – какие-то другие воспитатели. Воспитание детей – это укрепление духа духом, а иного воспитания просто нет, ни хорошего, ни плохого. Так – получается, а так – не получается, вот и всё.

33

Но что же эта девочка, семнадцатилетняя Ира Л., – почему она убила?

Убила из-за платья, убила из-за денег, убила потому, что хотела выглядеть красивой, – все это понятно. Но почему она смогла убить? Почему не сработало великое «не могу»?

Мы не знаем подробностей ее воспитания, но объяснение может быть лишь одно: ужасающая, полная бездуховность. Она могла любить одного, но не знала любви ко всем, той любви, которая одна только заставляет нас охранять и спасать чужую жизнь, а не отнимать ее. Не будем ужасаться мелочности повода – красивое платье. А если человек поднял бы руку на другого ради значительного какого-то дела, – скажем, ради строительства плотины, которая нужна многим людям? Его преступление было бы так же безобразно. Платье ли, плотина ли, мелкое ли, крупное – добивайся своей цели за свой счет!

Требования нравственности ограничивают нас, указывают нижний предел доступных средств, заставляют отказываться от целей, если они недостижимы без посягательства на другого.

Требования духа открывают простор, указывают цели: добро, красота, правда.

Нравственность – нижняя граница, а верхней границы нет,

вверх – бесконечное духовное устремление.

Всего этого девушка не получила. Внешнюю порядочность – да, волю к достижению цели – да, образование – да, но духа любви и правды – нет. Тяжелый укор ее воспитателям. Прежде чем девочка пошла убивать, был убит ее дух. Прежде чем она стала убийцей, она убила свою душу, свои лучшие стремления.

Одна деталь, проскользнувшая в журнальном материале. Когда девочка попросила 170 рублей у родителей, они… Что они ответили?

Может быть, вздохнули, сказали: «Ну что ты, ну где ж у нас такие деньги?» Пожалели девочку? Забеспокоились – а не собрать ли нужную сумму? Погоревали вместе с дочкой?

Нет, они подняли ее на смех. А что, если в семье и во всем царили такие отношения: совпадающие с нормами морали, но безлюбовные?

А наша героиня? В месте заключения она, как явствует из справки, выполняет норму швеи-мотористки на сто один процент, участвует в выпуске стенной газеты, выписывает журналы мод и готовится через десять лет, после отбытия наказания, поступить в институт.

…Криком кричу, душой изнываю, ненавижу свой ум за бессилие, свой труд – за слабость, но все-таки – ну давайте же сдвинемся с места, давайте же задумаемся, что же мы делаем не так, давайте признаем, что привычное воспитание далеко не всегда срабатывает, давайте искать, искать, искать надежные пути, давайте учиться воспитывать душу человеческую и дух. Ну нельзя же, чтобы девушка-медалистка ножом убивала подругу за платье!

34

Только дух и достойные условия жизни, вместе взятые, составляют достоинство человека.

Но в воспитании детей все зависит от того, что все-таки пересиливает в нашей душе, какие стремления, какие желания: конечные или бесконечные.

Можно показать, в каком соотношении находятся достаток, духовность и воспитание.

Пока достаток семьи еще в новинку для нее и непрочен, пока мы все как новоселы, которые вешают занавески и кухонные полки, а детям кричат: «Марш во двор, не путайся под ногами!» – то и дети растут как трава, и малыша, поцарапавшего новый шкаф, разве что не убьют. Вещи дороже детей. Материальные

заботы сильнее духовных, и дух ребенка зависит от каких-то других обстоятельств – от товарищей, от школы, от знакомых во дворе.

Но идет время, люди обживаются, привыкают к вещам, и постепенно в их сознании дети поднимаются до уровня вещей – в чем виден и прогресс. Не надо этого бояться. На наших глазах нужда в хорошем воспитании детей выходит в число первых социальных потребностей, и к детям начинают относиться с той же ревностью, как и к прочим элементам престижности. Отношение к детям принимает полудуховный характер. Малолетний обидчик, ударивший сына, вызывает такую же ярость, как и злоумышленник, поцарапавший автомобиль. Сын – моя собственность, точно такая же, как сервант, холодильник, люстра и другие вещи. И родители бросаются на защиту сына, скандалят во дворе и кричат на учительницу в школе не ради него самого, а потому что – мое! Не тронь мое! Это довольно опасная стадия развития, потому что сами родители, люди вполне добропорядочные, иногда не замечают, что дети для них, их успехи и даже их судьба – лишь одно из средств для осуществления материально-престижных целей. Вполне естественно, что ребенок не выдерживает такой нагрузки, он не может быть элементом семейного благополучия, ему неуютно в неживом вещном ряду, и он это благополучие нарушает, если и не вовсе разрушает. Он сопротивляется – он не вещь, не средство для достижения престижных родительских целей.

А так как он испорчен полудуховным воспитанием, то и протест его принимает уродливую форму лени, безделья, презрения к родителям, ко всем взрослым. Это случается не только в семьях, где родителей одолевает страсть к наживе, нет, это может произойти и в обыкновенной, по средствам живущей семье, если материальные заботы ее так велики, что останавливают духовное развитие, вызывают нелюбовь к людям, зависть, душевный непокой. Одних отравляют свои вещи, других – чужие.

Вот простой закон семейного воспитания: всякий прирост материального благосостояния должен сопровождаться таким же духовным приростом, иначе дети начинают голодать среди изобилия, им не хватает духовной пищи.

Материальное благосостояние само по себе не портит ребенка, иначе лучшие дети вырастали бы в нищете, а это не так. Материальное благосостояние вообще не имеет отношения к результатам воспитания. Все, что можно измерить, повторюсь, в метрах (жилье), в рублях, потраченных на детей, в часах, отведенных им родителями, – все это важно для обучения,

развития, приобретения культурных навыков, но к воспитанию нравственности и духовности отношения не имеет, если, конечно, родители способны оставаться духовными людьми при всех обстоятельствах. Говорят: «А как же мы в войну росли – голодные, холодные? Учились без учебников, занимались при коптилках». Это кажется загадкой: условия были тяжелые, а результаты воспитания хорошие. Но загадки нет. В тяжелое для страны время повсюду царил дух самоотверженности, сознание общего долга, деятельное стремление к правде – стремление к победе; этот дух и воспитывал детей. Когда мы говорим о высоком духе народа, это означает, что в нем сильны высшие стремления; наоборот, в годы упадка нравственности падает дух – люди меньше стремятся к правде и добру, перестают отличать красивое от некрасивого.

Излюбленная тема разговоров «дети и вещи» лишь затуманивает наше педагогическое сознание. Действительно вечная тема для обсуждения – «дети и духовность». Так называемый «вещизм» – не желание хороших вещей (кто их не желает?), а бездуховность.

Все очень просто, математически просто: «больше – больше». Материальный достаток необходим именно потому, что он создает лучшие возможности для духовного развития. Если же достаток появляется, но не несет с собой духовного развития, он становится отравой, как спитой чай. В нашей семье появился достаток? Подумаем, как соответственно увеличить духовный потенциал семьи, помня, что духовность не в посещении музеев и театров, а в собственных стремлениях к правдивому, доброму, красивому. Больше материального – больше духовного, иначе детям придется трудно.

Но заметим, что процесс одухотворения идет. Поскольку дети все-таки не мебель, то, включенные в ряд серьезных семейных забот, они сами начинают оказывать одухотворяющее влияние. Не сразу и, может быть, не в одно поколение, а все-таки постепенно полудуховное воспитание становится правдосообразным, духовным. Дети растут не «как трава», а составляют в семье центр духовности.

Рождение ребенка позволяет родителям испытать высший духовный подъем – всех люблю, всех простил, отрешился от мелких забот. Воспитание детей позволяет в самой высокой степени ощутить стремление к правде, добру, красоте. Если бы не дети, мир давно бы погиб, и не оттого, что прервалась бы цепь рождений, нет, раньше – от бездуховности. Дети пробуждают наш дух и поддерживают его.

У нас в головах столько ненужного для жизни – повторим и нужное.

Во всем, что делает человек, в его работе, его поступках, словах, мыслях, чувствах, отношениях, желаниях – во всем решительно есть какая-то степень правды, добра и красоты, высокая или низкая. Что, для чего и как – три главных вопроса любого действия, и ответы на них – степень правды, добра, красоты. Не генетически и не только от воспитания, но с языком и культурой заложено в нас стремление к правде – совесть, «закон внутри нас», стремление к добру – любовь к людям, милосердие, стремление к красивому, выражающееся в жажде гармонии.

Стремление к правде, добру и красоте – это основа духовной жизни. Дух развился исторически и живет точно так, как живет язык: он один на весь народ, на все человечество, но он каждому представляется своим, личным. Оттого, что закон совести – свой, мы испытываем мучение и стыд, когда нарушаем его, поступаем не по совести. Но поскольку дух и свой и общий, то и состояние его зависит как от состояния общественного духа, так и от личной силы и личных духовных усилий каждого человека. Поддерживать дух людей, самому не падать духом, руководствоваться совестью, то есть претворять идеальную правду в реальную справедливость, – вот долг и назначение человека. Появляясь на свет, мы получаем правду из мира, она питает наши души, и мы должны поддерживать ее своей жизнью, возвращать ее миру обогащенной. Так происходит правдообращение – от мира к человеку, от человека – в мир. Духа нет вне человека, дух живет лишь в каждом из нас, и мы отвечаем за его состояние в том сообществе людей, на которое распространяется наше духовное влияние. Духовность – не одно из многих качеств человека, а главное, оно определяет все его моральные достоинства, его цену. Именно в духовности заложены возможности воспитания. В каких бы неблагоприятных условиях ни рос маленький человек, я, воспитатель его, имею возможность и силу влиять на его душу, потому что высокий дух всегда сильнее бездуховности. Воспитывать – значит в духовном общении возбуждать и поддерживать веру в правду, чувство любви к людям и надежду на гармонию мира, укреплять творческую волю к правде, добру и красоте.

Имей дух и умей взрастить его!

36

Но может быть, это все мерещится? Может быть, никакого

духа нет в людях и он удел избранных? Вон как много людей на свете, и все разные. Может быть, и бессмысленно искать общее в них?

…Ранним летним утром, еще и семи нет, я стою на перроне Киевского вокзала. Только что пришла дальняя электричка, и густым потоком во всю ширину платформы идут спешащие на работу люди. Ничто их не объединяет сейчас, каждый в отдельности погружен в свое. В свои мысли, каждый в своем мире. Да и разные какие! Какое богатство типов и личностей, непохожестей и определенностей, какое разнообразие в росте, в возрасте, как различаются люди по свету в лицах, по прямоте походки, по движениям, по одежде и прическе – нет двух одинаковых в тысячном потоке.

Но это же лишь видимое! А невидимо в жилах каждого течет кровь, и она настолько общая, что ее можно переливать от одного к другому, и у всех одна температура, если не болен человек, и одно количество гемоглобина, у всех легкие… И точно так же, при всем огромном разнообразии личностей, нравственное здоровье всех этих людей зависит не от чего-нибудь, а от состояния духа – от стремления к добру, правде и красоте. Эти люди очень озабочены сиюминутными делами: они боятся опоздать, они ждут встречи с работой, с товарищами, с начальством, и каждый из них оставил заботы в своем доме, чтобы вернуться к ним вечером. Заботы! Проблемы! Тревоги! Мечтания и ожидания. Но есть и русло, в котором текут все эти заботы, тревоги, радости и горести, любовь и злость, грусть и счастье; это русло – духовность в той или иной ее степени.

Нет, неверно, что в каждой семье свое и только свое и потому нет и не может быть общих законов семейного воспитания. Свое-то свое, но есть в людях общее – одна правда на всех, одно милосердие, одна красота. Законы воспитания – это прежде всего законы передачи общего.

…Как узнаёт в городе отец о рождении сына или дочери? По телефону. Звонит – и ничего, звонит – ничего, и вдруг, когда он в полном отчаянии, незнакомый голос говорит ему: «Поздравляю вас…» В одно мгновение проходит человек всю амплитуду чувств и состояний от низин отчаяния до высших вершин счастья. И вот что интересно (я многих мужчин расспрашивал, все говорят одно): в эти минуты у человека нет забот, и нет тревог, и нет досад, и нет обид – всем все простил, весь мир любит, все может, потому что явлена человеку высшая справедливость – он отец!

Нам трудно примириться со смертью; мы говорим, что человек продолжает себя в детях, в делах, что он живет в памяти людей, он что-то оставляет после себя. После! А его не будет. И не всем дано совершить такие дела, чтобы они жили вечно.

Но нет же, человек и в самом деле не весь умирает, потому что со смертью его умирают лишь конечные его желания – они сугубо личные. Но бесконечные его стремления остаются – они ведь общие. Не только память о нем остается (она-то как раз может и исчезнуть), не только в детях и делах остается человек, нет, остаются его реальные общие желания. Оттого у духовно развитого человека возникает глубокое ощущение бессмертия. Здесь нет самообмана: общие стремления – часть, большая часть его личной души, и поскольку эти стремления не умирают, то не вовсе, следовательно, умирает и человеческая душа. Так возникло представление о бессмертии души, приобщенной к всеобщему бесконечному стремлению к правде, добру и красоте. Как видим, здесь нет мистики.

«…Я не боюсь смерти, – писал Муса Джалиль. – Это не пустая фраза. Когда мы говорим, что мы смерть презираем, это на самом деле так… Если я при жизни делал что-то важное, бессмертное, то этим я заслужил другую жизнь – „жизнь после смерти“. Но важное и бессмертное лишь то, что отвечает бессмертному духу человечества».

Если назвать словом «святое» самое высокое, выше нет («святая память», «святое чувство любви к Родине»), то великое стремление людей к возвышенному, к бесконечно правдивому, доброму и красивому, к свету, к светлому – это святой дух, хотя он и живет на земле, в землянах – в людях.

38

Ах, как хорошо писать и рассказывать о театре, о пианисте, о великих людях прошлого или настоящего, о вдохновенных ученых и замечательных стройках – обо всем, где дух, где свет, где значительность! А вот – семья, дети, дрязги, неуемный крик по ночам, кто-то канючит, кто-то раздраженно кричит: «Замолчи, я кому сказала!», запах пеленок, пролитая каша, горшок посреди комнаты, порванные колготки, сопливый нос, золотушные пятна, надутые губы, плач, рев, и снова: «Замолчи, а то сейчас получишь!» И вот в этой безысходной череде неумолимых забот, от которых нет ни отдыха, ни спасения, в этой беспросветной круговерти и рождаются чистые души, высокий дух, растет нечто прекраснейшее на земле – то, без чего нет ни театра, ни концерта,

ни стройки, ни науки, ни возвышенного, ни света – ничего.

Как сохранить ясный взгляд? Все великое мы видим очищенным от быта, и только величайшее из чудес, восхождение человека до человеческой высоты, предстает перед нами одной лишь закулисной своей стороной. Семья противоположна театру: в театре быт за кулисами, а на сцене – высокий дух; в семье на сцене – быт, а за кулисами домашних явлений – дух. И человек растет не в тех дрязгах и раздражениях, что на виду и на слуху, а в чем-то невидимом и как бы не существующем для многих из нас – в духовной жизни, в духовной атмосфере, в развитии своего духа, под влиянием духа народа и семьи.

Имей дух и умей передать его ребенку.

Глава 3
Воспитание ума

1

Давно замечено, что в наше время мир чувства особенно отчетливо противопоставляется миру интеллекта. Мы ориентированы на знание, науку, технику; достижения разума поражают разум. Сильный ум открывает новые способы производства; а что может дать ему сильное чувство? Что страсти? Разумный человек понимает свои обязанности, и на него можно положиться. А что делать чувству возле конвейера? И как чувством управлять?

Так возникает ложное представление о превосходстве разума над чувствами, об антагонизме между чувствами и разумом, о пользе ума и бесполезности чувства. Будем помнить об этой опасности, размышляя о воспитании ума. Даже для удобного изучения, даже временно, даже в виде допуска не должны мы разделять ум и чувство. В «чистом виде» ум и чувство не существуют, не воспитываются и крайне опасны для человека и его окружения. Вода – соединение кислорода и водорода, но не кислородом и водородом утоляем мы жажду, а все-таки водой.

Развитый ум, соединенный с высокой совестливостью, называется интеллигентностью. Это слово появилось в России в середине XIX века, когда серьезное образование от дворян перешло к разночинцам и снова обострилась вечная проблема «знание и нравственность». Аристократы отличались, как было принято считать, благородством крови. Но чем будут отличаться новые образованные люди? В чем их благородство? «В интеллигентности», – был ответ. В благородстве духа. Так язык ответил на потребность общественного развития, и появилось новое слово, перешедшее во многие языки мира. Интеллигентность то же, что и духовность, но в основе ее – вера в правду, порожденная разумом и образованием. Интеллигент – человек, соединяющий в себе знания и нравственность. На место дворянской родовой чести пришла честь интеллигента, которая состоит в уважении к разуму и правде.

Однако нравственность, как уже говорилось, предполагает отказ от целей, которых невозможно достичь, не посягая на других. Интеллигент, неспособный причинить зла другому, неспособный к эксплуатации человека, унижению его

достоинства, стал казаться существом мягкотелым и безвольным. Все на свете имеет и дурную сторону; интеллигентность породила интеллигентщину – склонность рассуждать, ничего не делая, нерешительность, доведенную до нравственной дряблости.

Интеллигентность от интеллигентщины отличается главным образом волей. Русский интеллигент развил науку, культуру, медицину и образование, русский инженер-интеллигент опоясал страну железными дорогами – какая уж тут безвольность! И он сохранял в чистоте свою совесть, совесть «мыслящего человека», вышедшего из народа и народу преданного.

В наше время образование снова делает грандиозный скачок, следовательно, опять обостряется проблема знания и нравственности, ума и сердца. Самыми опасными людьми становятся именно образованные, но неинтеллигентные люди. Выученные, умеющие добиваться своих целей, но не умеющие отказываться от них, если для их достижения приходится прибегать к неправедным средствам. Интеллигентность, которая прежде была уделом относительно небольшой группы людей – интеллигенции, теперь должна быть непременным качеством каждого человека.

Будем растить ребенка так, чтобы в этом мире на одного интеллигента стало больше.

2

Но для этого нам нужно прежде всего найти точку слияния ума и сердца. Ведь ум – холодный, а сердце – горячее. «Воспаленный ум» – признак болезни, «охлажденные чувства» – признак сердечной беды. Как соединить несоединимое, лед и пламень – и для того соединить, чтобы лед стал холоднее, а пламя – жарче? Чтобы и чувства, и ум ребенка сильнее развивались?

Подступаясь к решению этой неразрешимой с виду задачи, прежде всего уточним, какой же ум имеется здесь в виду.

Не тот ум, который воспитывается с помощью кубика Рубика, головоломок и кроссвордов.

Не тот ум, который позволяет способным ребятам быстро решать математические и физические задачи.

Не тот ум, который живет в пальцах мальчика-технаря и позволяет ему творить чудеса отверткой и паяльником.

Не тот ум, который даже и пятиклассника иного подвигает на хитрейшие финансовые операции – да так, что он всегда остается с прибылью.

Не тот ум, который развивается в девчонке, которая одним взглядом, одним словом может привлечь сердце избранного ею мальчишки.

Не тот ум, которым человек проникает в души других людей, видит их насквозь, управляя ими.

И даже не тот сметливый ум, с помощью которого иные люди обходят все неприятности на своем пути, выворачиваются из самых трудных положений…

Все эти стороны ума по-своему важны и необходимы, без них не было бы ни науки, ни техники, ни общества, без них человеку не прожить. Эти свойства ума даются человеку природой, образованием, жизненным опытом, но воспитанием дается, но для жизни важнее всего тот ум, о котором пишет в одном замечательном своем наброске Пушкин:

> От Западных морей до самых врат восточных
> Не многие умы от благ прямых и прочных
> Зло могут отличить…

Вот ум! Редкий ум различения добра и зла, ум для поиска и познания правды, ум, который составляет основу человеческого духа и вместе с любовью определяет его силу.

3

А где правда? В мире. И в человеке. Человек живет в двух мирах, связанных между собой, – внешнем и внутреннем. Правдивое представление о мире и правдивое представление о внутреннем своем мире, о себе – вот первое поле, на котором развивается ум, связанный с нравственностью, то есть интеллигентность.

Именно в этих представлениях и стыкуется познавательное с нравственным. Представление о мире – это знание об окружающей меня объективной действительности, которое зависит от моей нравственности. Представление о себе – это по возможности объективное знание о личном, о нравственности во мне. Личное об объективном, объективное о личном. Именно здесь знания и нравственность не просто соединяются союзом «и» и не просто провозглашается желательность их единства, а мы действительно находим точку их соединения – или, скажем, общий ствол.

Разум, интеллект не совмещаются, не присоединяются к душевным свойствам, а входят в них как непременное условие

существования.

Какое представление о мире и о себе будет ближе к истине? Очевидно, то, применяя которое в своей практике я могу ожидать, что меня не обманут, я сам не обманусь – и не обману других, не буду обвинен в обмане. Но мы-то, родители, имеем ли мы сами такие необманные представления о мире, о себе и о нашем ребенке? Увы и увы…

Дети, как уже говорилось, крайне чувствительны на правду и обман. В этом смысле они зябкие, нежные существа. Мы-то закалены, у нас дубленая кожа, мы в ледяных прорубях купаны, только отряхиваемся. А дети от обмана заболевают. У них получается нравственный грипп с непоправимыми последствиями на всю жизнь. Встретившись с обманщиком, мы думаем: «Вот негодяй! Обманул!» Ребенок же, встретившись с обманщиком, ничего не думает, душа его объята ужасом: «Значит, в мире есть обман? Значит, обманывать можно? А что, если мир вообще состоит из одного только обмана?» Наиболее предприимчивые тут же пытаются проверить эту догадку, обмануть других.

Этот великий спор относительно обмана – спор о том, как устроен мир, – начинается, я думаю, примерно в год, если не раньше, а заканчивается? Да никогда он не заканчивается. Мне, во всяком случае, приходилось спорить о сущности мира (на обмане он стоит или на правде?) с людьми весьма и весьма почтенного возраста. Обычно те, кто признает основой мира обман, чувствуют себя мудрыми, опытными людьми, а к сторонникам противоположного взгляда относятся в лучшем случае снисходительно, считая их дурачками, если не дураками.

Человек, исповедующий веру в обманность мира, может многого достичь: он всегда на страже, его и в самом деле трудно провести – он вертится, он активнее, как человек во враждебном окружении. Но у всех таких людей, без единого исключения, получаются плохие дети – плохие даже по отношению к родителям. В воспитатели такие люди не годятся и потому, что они проповедуют ложный взгляд на жизнь, и потому, главное, что они, всегда и от всех ожидая обмана, не способны верить и детям, а это приводит к разрушению контакта с ними.

Детей удается воспитать лишь в том случае, если глубоко веришь в правдивость мира. В этом случае мы способны каким-то образом, иногда даже и неявным для нас, передать свою веру детям и создать у них правильное представление о мире.

Вот его первые постулаты:

любовь и совесть правят миром;

совесть – правда в тебе, слушайся ее, и все будет честно;

правда – граница между добром и злом; она есть, эта

граница;

добро все, что возвеличивает достоинство человека, а зло – все, что уменьшает его;

зло – посягательство на человека; добивайся своих целей за свой счет;

правда – есть, а за справедливость надо бороться;

превращение правды в реальную справедливость, жизнь по справедливости – долг и назначение человека;

но справедливость может противоречить любви; а миром правит любовь и совесть.

Хочешь познать окружающий тебя мир? Люби его и будь по отношению к нему справедлив – честен. Трудись на совесть.

И не бойся обмана, а презирай его:

Мужайся ж, презирай обман,
Стезею правды бодро следуй…

4

Однажды я был в школе первого сентября на первом уроке в первом классе, сидел тихонько на последней парте. На переменке я увидел в коридоре растерянного малыша: заблудился.

– Ты из какого класса? – спросил я.

– Из вашего, – пробурчал он, не глядя на меня.

Он первый раз в школе, и он видел: у стола стоит тетенька – учительница, а на последней парте сидит дяденька. Наверно, думает он, так и положено в школе, чтобы у стола – тетенька, а в конце класса – дяденька.

Но и весь мир для ребенка таков, каким увидит он его в первые годы, в первом классе жизни, на первом ее уроке. Это на всю жизнь определяет его миропонимание. Человек сам конструирует представление о мире. Фактически каждый из нас имеет дело не с таким миром, каков он в реальности, а с какой-то самостоятельной, собственной конструкцией его, с какими-то «конструктами», как говорит психолог Дж. Келли. Конструкты могут отвечать реальному положению вещей, а могут быть превратными.

Десятиклассница рассказывала мне, как она маленькой девочкой услышала в пионерском лагере песню о командире на горячем коне, и в этой песне была такая строчка:

Красный бангорит на груди!

Много лет подряд пела она песню, ничуть не сомневаясь в

том, что бангорит на груди командира – это драгоценный камень, и лишь в десятом классе обнаружила, что надо было петь:

Красный бант горит на груди!

Мы и представить себе не можем, сколько таких «бангоритов» в сознании детей и подростков.

Мы бережем ребенка, мы окружаем его любовью, мы искренне стремимся охранить его чувство безопасности – но что возникает в его воображении? Какие «бангориты»? Маленький человек говорит как все и поступает как все, но при каких-то случайных обстоятельствах выясняется, что его представление о мире в чем-то превратно, он не знает чего-то простейшего. А мы не знаем его незнания, не догадываемся о нем и браним ребенка. Он защищается, не понимая, в чем дело…

5

Объясняем, объясняем, терпеливо объясняем маленькому, как устроен мир, почему люди ведут себя так, а не иначе, что из чего получается. Лучшее время – лет до семи, пока он еще имеет право на совершенно глупые вопросы. Объяснения сильней нотаций и проповедей, они вымывают из головы ребенка нечаянные «бангориты».

– Матвей, крепче держи шарик, а то он вырвется и полетит на мостовую.

– И тогда что будет?

– Ты побежишь за ним, а тут машины.

– И что?

Ему шесть лет, он прекрасно знает, «что», но идет игра в познание. А может, и не знает он, что бывает.

– Что, что… Попадешь под машину!

– И тогда что?

Так без конца; терпение должно быть бесконечным.

Принесли вкусный кекс с изюмом, готовятся пить чай.

– Хочу кекса! Ну дай кекса! Ну дай, пожалуйста, кусочек!

– Матвей, – говорит мама, – ты что – не видишь? Я готовлю чай, сейчас сядем все вместе… В чем дело?

– Ну дай кекса! Ну почему она мне не дает? – обращается мальчик ко мне и вдруг задает потрясающий по своей логике вопрос: – Зачем же я тогда прошу, если мне не дают? А?

Проходим мимо милиционера, Матвей намеревается выстрелить в него из игрушечного своего пистолетика, но – побаивается:

– А что будет, если я выстрелю в него?

– Не советую.

– А что будет?

– Милиционер может не разобраться, какой у тебя пистолет, быстро выхватить свой из кобуры и выстрелить. Он же обучен сразу стрелять, если у кого-нибудь пистолет.

Но это я глупость сказал. Совершенно не умею разговаривать с маленькими детьми.

Матвей пожал плечами и посмотрел на милиционера несколько свысока:

– Ну он же видит, что я ребенок.

Однако все-таки воздержался от вооруженного нападения на милиционера. Обстрелял меня – это безопаснее.

– Ты убит! Падай!

Падать в грязный снег мне лень. Я слегка дрогнул в коленках и быстро согласился:

– Убит, убит! Я на том свете!

Неосторожное заявление. «Тот свет» чрезвычайно заинтересовал Матвея:

– А где тот свет? – Видя, что я затрудняюсь с ответом, Матвей благородно поспешил мне на помощь: – Тот свет – на планетах? Да? А сколько всего планет?

Я начал перечислять в беспорядке: Марс, Венера, Юпитер… Одной недосчитался. Вдруг вспомнил: Земля! Земля ведь тоже планета.

Но это Матвею не понравилось. Он с укоризной посмотрел на меня и прочитал следующую лекцию по космогонии:

– Земля не может быть планетой. Земля же внизу, вот. – Он топнул валенком. – Копай, копай туда вниз, там будет только песок, и больше ничего. Песок, песок, ну разная там глина, и все, – повторил он с величайшим убеждением.

Что делать? Рассказывать о планете Земля? Я уклонился. Я подумал: у мальчика есть твердое, законченное представление, по-своему логичное. Важно, что ему это подходит. Придет время, и он узнает про Землю вместе с другими научными фактами, в системе. Если я ему сейчас попытаюсь объяснить вращение Земли (о котором я и сам знаю лишь из книг), то я запутаю его. У него будет знание понаслышке. Пожалею-ка я ум ребенка!

Природы глас предупреждая,
Мы только счастию вредим…

И я перевел разговор на другую тему. Я скрыл истину, но, думаю, против правды я не пошел. Ведь, кроме истины о планетах, есть правда отношений между нами, есть логика спора,

умение обсуждать вопрос и признавать убеждения другого… Правильное представление о космосе придет к Матвею рано или поздно, но представление о человеческом микрокосмосе важно создавать сейчас, пока мальчику семь лет. Планеты планетами, но важно, что мир устроен вот как: в нем можно спорить даже со старшими, если ты споришь, убеждаешь, а не капризно твердишь свое. Земля ведь действительно – копай, копай, и что там? Песок и песок. Разве не так? Разве не убедительно?

6

Да, в мире много дурного, это правда. Когда ребята подрастут, полезно, на мой взгляд, сообщить им правду о капканах.

Мы внушаем детям, что человек все может, что человек всегда побеждает и должен побеждать, что отступаться стыдно, что отходить в сторону – трусость.

Все это правильно. А также и неправильно.

Читаю в книжке для подростков: мальчик ходит в гости к девочке, а во дворе ее – шайка хулиганов, жестоких и циничных. Они избивают мальчика до полусмерти, и вновь избивают и грозят убить, и, по всему видно, способны убить. Реальный мальчик выбирал бы, что ему делать. Литературный мальчик идет на смерть, и автор как бы провоцирует юного читателя – давай! Главное в жизни – не отступать! И вот реальный мальчик, начитавшись подобных книг, испытывает ужасные угрызения совести, мучится душой, а иногда и гибнет. Ему кажется, будто в одиночку воевать с бандой – это его моральный долг.

Вот это и есть капкан. На пути каждого человека расставлены такие капканы – из них нет выхода. Бандиты, компания хулиганов, с которой связался, несчастная любовь, вдруг подступившее чувство одиночества и неверия в себя, нечаянно совершенный нечестный поступок – все это капканы, капканы и ловушки. Неверно, что не бывает безвыходных положений, они есть, и надо учить детей хоть в какой-то степени справляться с ними. Они должны уметь отступать, должны понимать, что мир не поддается любым, даже самым мощным усилиям отдельно взятого человека, что некоторые капканы имеют социальную основу – их не уберешь с дороги личным сопротивлением, что можно и нужно пытаться, но нельзя поддаваться унынию и отчаянию в случае поражения, что поражение – тоже часть нашей жизни.

«В жизни как на войне, – говорю я иным мальчишкам, – а на

войне иногда отступают. Борись, борись до конца, не сдавайся, но когда видишь, что выхода нет, отчетливо сознавай это и все-таки не теряй веры в добро, правду и справедливость».

7

Ум ребенка развивается в действии, а действие для ума лишь там, где выбор: в чем же правда? Что правильно?

В мире постоянно сталкиваются противоположные мнения, взгляды и оценки. А мы исповедуем школьное правило «единых требований», добиваемся, чтобы родители обращались к детям с такими же требованиями, как и педагоги в школе. Но зачем? Мир-то не единообразен в своих требованиях и оценках. «Ты почему пошел на тот пустырь? Сколько я тебе говорила!» – сердится мама. «А меня Колька позвал!» – «Колька? А у тебя своя голова на плечах есть?»

То-то и оно. Чтобы была своя голова на плечах, нужен и Колька, который соблазняет сомнительными предприятиями…

Мир многообразен, внушаем мы ребенку, но тем не менее помни:

все на свете или честно, или нечестно;

все на свете или добро, или зло;

все на свете или красиво, или некрасиво.

И не путай! И не ищи середины! Выбирай честное, доброе и красивое.

Ведь представление детей о мире складывается не столько от наших разговоров о нем, сколько из тех реальных выборов, которые делает сам ребенок.

8

Психолог Лоренс Колберг выделил несколько уровней морального сознания у ребенка, подростка и юноши, несколько уровней обращения со своей совестью.

Первая стадия – ориентация на наказание и награду. Если ребенку удается избежать наказания, это ценно для него само по себе. Нетрудно заметить, что многие люди на всю жизнь остаются на этом первом, низшем уровне морального развития. И мы, применяя политику кнута и пряника, закрепляем этот слабейший способ обращения с совестью.

Вторая стадия – человеческие отношения рассматриваются так, как обмен товарами на рынке: ты испачкал мою тетрадку, я

порву твою.

Третья стадия – ориентация на хорошего мальчика, хорошую девочку. Ребенок на этой стадии убежден, что хорошее поведение приятно людям.

Четвертая стадия – уважение к законам, к порядку, к авторитету, к правилу. Человек поддерживает установившийся социальный порядок, правилом поведения считает выполнение своих обязанностей. Кажется, что это высшая ступень морального развития; но нет, есть еще и пятая стадия, и шестая.

Пятая стадия – человек стремится понять законы как условия общественной жизни, критически изучить их.

Шестая стадия – человек ориентируется на универсальные этические принципы, самостоятельно выбирает их, стремится найти общие принципы справедливости. Другими словами, он стремится жить по правде.

В идеале ребенок, как и любой человек, должен поступать, подчиняясь только одному судье – своей собственной совести.

Это, а не что-нибудь другое называется умом и самостоятельностью. Но ребенок – всего лишь ребенок, он не может перейти сразу на высшие стадии сознания, его ум и совесть не готовы сделать это. Поэтому бранить ребенка за то, что он несамостоятелен во взглядах и поступках, – занятие такое же нелепое, как если бы мы ругали первоклассника за то, что он не десятиклассник.

9

Что у каждого человека есть представление о мире, это очевидно. Но подлинным открытием, одним из самых крупных гуманитарных открытий XX века было «представление о себе», «я-концепция». Тысячи исследований проведены, тысячи книг написаны!

Представление о себе – это не самооценка, не самоуважение, не самоанализ, это именно представление, другого слова не скажешь. Представление, внутренний образ самого себя. Я-образ. Наше внутреннее нравственное лицо, в которое мы иногда и не вдумываемся, и не всматриваемся – ведь не всякий же любит смотреться в зеркало. Но свое лицо чувствует каждый.

Человек редко спрашивает себя, какой он; но он всегда знает, чувствует, представляет себе – себя. Мальчик по имени Коля Петров не думает про себя: «Я честный и добрый человек». Но Коля Петров чувствует себя честным и добрым человеком – и он действительно стремится быть добрым и честным. Он страдает,

когда ему это не удается.

Обратное: если некто ворует и пьет и знает про себя, что он вор и пьяница, если таково его представление о себе, – ему с трудом помогут тюрьма и клиника, пока не переменится каким-то образом его представление о себе: «Воровать я не могу. Я не вор».

Прежде думали, будто человек не вор, потому что он не ворует. На самом деле он не ворует потому, что он знает о себе: он не вор. Это тонкое, не сразу понятное различение приводит к очень важным педагогическим последствиям.

Ведь если человеку, подобно гоголевскому чиновнику, представляется, будто он испанский король, то он и ведет себя соответственно: не встает перед директором департамента («… Чтобы я встал перед ним – никогда!») и расписывается на важной бумаге «Фердинанд VIII». Попробуйте заставить дрожащего чиновника не вставать перед начальством – нет такой возможности, кроме одной: внушить ему, что он выше своего начальника. Чтобы он сам в это верил.

Психолог пишет: «Если человек считает себя очень сильным, он принимает такие вызовы, которых охотно избегают другие… Напротив, человек, который считает себя слабым, болезненным, повышенно чувствителен к усталости… Если с человеком обращаются как с нижестоящим, он часто приходит к представлению о себе как о низшем существе, и его поведение может стать инфантильным… Все, что делает или не делает человек, в очень большой степени обусловлено его концепцией самого себя… Вот несколько строк из книги Т.Шибутани «Социальная психология»: «Сознательное поведение является не столько проявлением того, каков человек на самом деле, сколько результатом представлений человека о самом себе…»

Значит, чтобы изменить поведение ребенка, я могу лишь одно: влиять не на это поведение, а на я-образ, который постепенно складывается в сознании ребенка, становится основой его поиска правды о себе. Поведение ребенка – знак, сигнал, по которому мы можем судить, правильно ли идет воспитание. Но очевидно, что для получения хороших вестей мы должны действовать не на сигнал (поведение), а на самый источник вестей, на я-образ.

Лермонтовский Печорин пишет в дневнике: «…Такова была моя участь с самого детства. Все читали на моем лице признаки дурных свойств, которых не было; но их предполагали – и они родились. Я был скромен – меня обвиняли в лукавстве: я стал скрытен. Я глубоко чувствовал добро и зло; никто меня не ласкал, все оскорбляли; я стал злопамятен; я был угрюм, – другие дети веселы и болтливы; я чувствовал себя выше их, – меня ставили

ниже. Я сделался завистлив. Я был готов любить весь мир, – меня никто не понял: и я выучился ненавидеть. Моя бесцветная молодость протекла в борьбе с собой и светом; лучшие мои чувства, боясь насмешки, я хоронил в глубине сердца; они там и умерли. Я говорил правду – мне не верили: я начал обманывать…».

Потрясающая драма! Она часто происходит на наших глазах. Нам кажется, будто мы видим в ребенке дурные свойства, а на самом деле эти дурные свойства рождаются именно оттого, что мы видим их.

Чтобы у ребенка было хорошее представление о себе (и, следовательно, поведение), мы обязаны думать о нем, о ребенке, хорошо, и только хорошо.

Ничего дурного о ребенке – ни в глаза ему, ни за глаза.

Говоря дурное в глаза ему, мы не приносим ему пользы.

Говоря дурное о ребенке за глаза, мы укрепляемся в своем плохом представлении о нем и тем наносим вред ребенку.

Воспитатель – пессимист? Это его личное дело. Жизнь представляет широчайшие поля для пессимизма.

Но он не имеет права быть пессимистом по отношению к ребенку.

Наш ребенок плох не потому, что он плох, а потому, что мы его видим плохим. И чем хуже он в наших глазах, тем хуже он в своих собственных глазах, тем хуже он ведет себя. У нас плохое зрение, а расплачивается за это ребенок.

Запретим себе бранить ребенка хоть неделю и, если хватит выдержки, мы с удивлением увидим, насколько мягче, добрее, послушнее, веселее и лучше станет наш сын. Это покажется чудом, но чуда нет – просто мы на неделю сошли с ложного пути воспитания и стали на истинный, и эффект не замедлил сказаться. Мы только одну неделю поддерживали честь и достоинство ребенка, охраняли честь в его глазах – и ребенок воспрял. В наших отношениях появилась правда.

И в народной педагогике живет убеждение – человек ведет себя в зависимости от того, каково его представление о себе: «Говори человеку „свинья“, он и захрюкает».

Кто не видал, как расцветает человек, когда его любит любимая?

Но мы скупы на похвалы, мы «честные», мы боимся испортить ребенка, мы раздражены житейскими неприятностями. Ребенок нас огорчает своим неумением, своими капризами, своей неряшливостью, своей медлительностью, своим непослушанием… И пошли холодные взгляды, замечания, одергивания, брань – не так, не так, не так, не так ты все делаешь, не умеешь ты ничего,

дурной ребенок, глупый, хуже других детей.

Девочка-первоклассница идет первый раз в школу. В руках у нее большой букет гладиолусов в бумаге. Ветер задирает бумагу, девочке трудно идти.

– Мама! – просит она помощи.

Мама идет рядом, и мама говорит:

– Да неси ты, с цветами не можешь управиться, бестолковая!

Принесет девочка цветы в школу, но когда ее в первый раз вызовут, она будет молчать, потому что ей семь лет твердили, что она бестолковая. И учительница подтвердит мамины слова и тоже рассердится: «Да сядь, какая бестолковая!»

В сердцевине представления о себе – совесть человека. Даже самые трудные дети сердятся, возмущаются, когда им говорят: «Бессовестный!» Это слово задевает всех – оно задевает неотделимую от совести личность. Совесть – стремление к правде, и пока я чувствую связь с правдой, я – человек. Разрушить представление сына о себе как о достойном человеке – значит убить в нем совесть. Превратить ребенка в ничтожество, в ничто.

У ребенка появляется представление о себе самом как о ничтожестве: «Я ничто… Чем-то могут быть только взрослые. А вот я уже ничто чуть постарше…» – так определяет это детское состояние Януш Корчак.

Но попробуйте воспитать Ничто! Попробуйте сделать человека из Ничтожества! Невозможно это. Ничтожество бессовестно.

С самых первых дней, когда нам кажется, что ребенок нас еще не понимает – «Да ладно, он нас и не слышит!» – мы жалуемся на ребенка соседям и гостям, рассказываем, как мы замучились с ним, вздыхаем: «Горе ты мое…», старательно и тщательно превращаем душу ребенка в ничто, а потом принимаемся воспитывать его, искоренять пороки. А ведь Ничто всегда полно самых страшных и неискоренимых пороков, это другой полюс Человека. Человек – это его достоинство.

10

Известный наш физиолог академик А.А.Ухтомский утверждал, что в жизни действует непреложный закон заслуженного собеседника.

Вот замечательный закон Ухтомского: каждый человек встречает в своей жизни именно таких людей, каких он сам заслуживает. К благородному человеку все поворачиваются благородной стороной души, вокруг дурного все дурны. Рядом с

хитрым все начинают хитрить, рядом с добрым и все отчасти добреют.

Интимнейшая тайна воспитания! Когда ребенок попадает к хорошему учителю, то он, мальчик, поворачивается к нему лучшей своей стороной – по закону заслуженного собеседника. При долгом общении эти лучшие его свойства закрепляются, становятся прочными, и он сам превращается в лучшего человека наподобие своего учителя. И сам он, по тому же закону заслуженного собеседника, начинает видеть людей лучшими. Так распространяется добро в мире.

А.А.Ухтомский видел людей удивительными, прекрасными – и не обманывался. Это не был взгляд на мир через розовые очки, ученый видел то, что есть на самом деле, но скрыто от других, и этим видением он делал людей прекрасными. Он был умный человек, он видел в людях правду.

Увидеть человека прекрасным – значит и сделать его реально прекрасным. Тут нет хитрости, нет обмана, это происходит на каждом шагу, и каждый это знает.

11

Мы развиваем ребенка, помогаем ему учиться, мы приводим его к реальным успехам и улучшаем его представление о себе как о достойном человеке. Но это трудный путь, и не многим родителям он доступен. За полчаса вряд ли так уж поможешь сыну в учении.

Но ведь есть и другая возможность: мы внушаем ребенку, что он достойный, способный, умный человек, у него самого появляется стремление жить достойно. Внушаем, что он умный, он и становится умнее.

Однажды я был у любителя певчих птиц. В закрытых ящиках у него жили десятки канареек, и всех звали Дуньками. И та – Дунька, и эта – Дунька. Я удивился, отчего же так? Хозяин объяснил: когда он занимается с одной канарейкой, он приговаривает: «Дунька, Дунька! Хорошая Дунька!» – а другие канарейки слышат это и – завидуют. И оттого хуже поют. А если все канарейки – Дуньки, то они и думают, что это с ними занимается хозяин, что и они – хорошие… И они хорошо поют.

Даже канарейке приходится внушать, что она хорошая!

И собаке каждую минуту твердят: «Хороший пес, хороший!» Отчего же детей мы всё упрекаем да попрекаем?

Сухомлинский писал: «Никакой воспитатель не может утвердить в душе ребенка хорошее, если сам ребенок не

стремится к этому», – первая мысль, первый шаг. И следом второй: «Но это стремление есть только там, где коллектив и воспитатель видят в ребенке прежде всего хорошее».

Трудный ребенок? Непослушный? Неподдающийся? Вот единственный способ исправить его: надо увидеть его хорошим и дождаться, пока он сам не станет стремиться к хорошему. Тогда он реально изменится к лучшему.

Нам кажется важным доказать ребенку, что он все делает не так: не туда пошел, не то взял, не так ест, не так, не так… Нам кажется, будто мы вкладываем ему свой ум, а на самом деле мы разрушаем его способность думать. Если ребенок примет все эти «не так», он будет смят, разрушен, подавлен, его ум замрет. Но он спасается. Он закрывается от нас. И все слова – как об стенку горох.

Предположим, мы правы и наши упреки справедливы. У других дети как дети, а наш все делает не так. Но мы же хотим, чтобы он все делал «так»? У нас нет другой цели? Значит, у нас нет и другого средства, кроме одного: переменить тон и сказать: «Ты молодец, старайся еще». Ребенок пьет эти слова как бальзам, они необходимы ему для поддержания сил. Теперь мы его союзники.

В воспитательных целях приходится иногда сбивать слишком высокое мнение человека о себе (особенно среди взрослых, когда они зарываются). Но ведь и в этом случае мы действуем на его представление о себе, а не на что-нибудь другое. Мы говорим: «Посмотри на себя!» При этом на собраниях требуют: не переходите на личность. Поступки осуждают, а личность неприкосновенна.

Вычеркнем из нашего лексикона слова, относящиеся к личности: «лентяй», «неряха», «да что ж ты у меня такой глупый». Ребенок может лениться, может сказать и сделать глупость – но он не лентяй, не грубиян, не глупый, не вор, не дурак, не растяпа. Нельзя говорить ребенку: «Ты вообще такой» – одно «вообще» может навсегда сделать его дурным человеком.

Надо щадить слабых ребят, не давать им заметить, что они менее способны, чем другие… Стараться незаметно вдохнуть в них веру в свои силы… И таким путем подтягивать слабых. Лучшие учителя и лучшие родители всегда справлялись с недостатками детей одним и только одним способом: внушая им веру в себя, возбуждая желание стать лучше.

Мы все уверены, что должны быть объективны к детям, а так как немногие из нас ведут себя идеально, а мы – люди «принципиальные» и недостатков не терпим, то мы и сосредоточиваемся на недостатках детей, не понимая, что тем

самым губим их, «воспитываем лжецов, хулиганов, воров».

12

На эти две точки психики, на представление о мире и представление о себе, мы можем действовать непосредственно. Способности с трудом поддаются развитию, ценности не всегда удается передать, душа и дух запрятаны глубоко в недрах личности, а представление о мире – вот оно, в «наружном слое». Поначалу оно почти целиком зависит от родителей. Ведь в первое время весь мир ребенка – это его мама, папа, бабушка, дедушка – семья.

Не из мира, а из своего представления о мире черпает ребенок материал для развития.

Если в глазах ребенка и мир кажется справедливым, и он сам представляется себе достойным человеком, то он вырастает сильным и уверенным в себе. Это лучшие люди – те, для которых и мир достаточно хорош, чтобы за него бороться, и сами они достаточно хороши, чтобы чувствовать себя нужными людьми. При других вариантах, указывают психологи, начинаются затруднения. Если «мир хорош, а я плох», человек всю жизнь словно дитя, он обижается там, где надо действовать, и постоянно стремится доказать себе и людям, что он тоже хорош. Сочетание «мир плохой, и я плохой» делает человека несчастным. А сочетание «мир плохой, а я хороший» может породить преступника. С таким человеком никогда не договоришься: все доказательства заранее отвергаются, потому что все мы, с точки зрения такого человека, принадлежим к дурному миру. Известные формулы психического, умственного, нравственного, духовного здоровья звучат так: «Ты хорош, но не лучше других», «Ты хорош, и мир хорош».

Вот это и есть умный взгляд на мир и на себя. Сухомлинский эту же самую мысль выразил в таких сильных словах: «Помните, мать и отец, воспитатель и ученый-педагог, что… единственная реальная движущая сила воспитания – стремление быть хорошим. Ни на что другое опираться нам нет возможности, все другое – пустопорожняя болтовня».

Понимаете? Не так обстоит дело, что одна педагогическая вера правильна, а другая ложна; нет, надо сказать жестче: стремление быть хорошим, то есть стремление быть правдивым, добрым и красивым, то есть духовность, – это единственное, на что мы можем рассчитывать, воспитывая детей, а все остальное – пустопорожняя болтовня.

Ну что же делать, коли это так?

13

Если выбирать самое короткое, самое поэтичное и самое точное определение человека, то воспользуемся пушкинскими строчками:

Ты, коему судьба дала
И смелый ум, и дух высокий…

Из многих качеств ума Пушкин больше всего ценил смелость его. Смелый – тот, кто смеет, не боится. Трусость, овладевая человеком, проникает и в сердце, и в ум, подавляет и мысль, и желание, и становится он, иногда с детства, как те ханские жены в «Бахчисарайском фонтане», о которых сказано:

Нет, жены робкие Гирея,
Ни думать, ни желать не смея,
Цветут в унылой тишине…

«Ни думать, ни желать не смея…» – не про наших ли с вами детей это сказано? Нет?

Ум и желание, ум и чувство, ум и воля сведены в один узел, они не поддаются воспитанию по отдельности. Спрашивают: «Что делать? Мой такой безвольный!» Все мечтают о волевых детях. Словно в воспитании, как в медицине, есть на каждую болезнь свое лекарство: одно от сердца, другое от головы («Дайте мне, пожалуйста, что-нибудь от головы», – просят в аптеке).

Мы говорим о чувстве: это сила желания.

А воля?

Мы часто поступаем «помимо своего желания», «вопреки своему желанию», «против своей воли», «подчиняясь чужой воле». Или так мы еще говорим: «Усилием воли заставил себя…» Как будто два действующих лица в каждом из нас, как будто желание – мое, а воля всегда чуждая мне, с моим желанием не совпадающая.

И вместе с тем в сказке сказано: «По щучьему веленью, по моему хотенью…». «Щучье веленье» – это сознательное желание, «мое хотенье» – это безотчетное желание. Можно сказать, что сердечное желание – мускулы, а воля – их напряжение.

Желания возникают и пропадают, а воли складываются,

вычитаются, соединяются, умножаются – совсем как физические силы. Родители могут прибавить свою волю к воле ребенка, а могут вычесть свою волю из детской – и, бывает, ничего не остается. Подавленное существо, не смеет ни думать, ни желать…

14

Чувство – сила желания, воля – напряжение желания. Добавим, что желание растет с уверенностью человека в себе и в своем представлении о мире – уверенностью, которая дается умственным постижением себя и мира, знанием, опытом. Тогда можно составить такую формулу, объединяющую ум, сердце и волю: воля – это чувство, умноженное на уверенность.

Из формулы вытекает несколько интересных следствий, решительно всем известных; но в этой книжке вообще нет ничего такого, чего не знали бы все, кто умеет воспитывать детей. Я хочу лишь показать непреложность всем известных истин, показать, что нарушение естественных законов воспитания неминуемо ведет к дурным результатам.

Прежде всего из формулы видно: нельзя, чтобы чувство или уверенность равнялись нулю, – тогда волевое усилие невозможно.

Заставляя сына-школьника сесть за уроки, мы упрекаем его: «Безвольный! У тебя нет силы воли!» На самом деле у него нет не воли, а веры, уверенности в том, что его усилия к чему-нибудь приведут. Волевое усилие в этом случае практически невозможно – хоть кричи, хоть бей, хоть сам плачь, хоть доведи до слез ребенка. Надо увеличить его веру в результат, в успех – уговорами или помощью. Иногда родители заманивают ребенка посулами: «Получишь хорошие отметки, куплю велосипед». Ожидаемым результатом становятся не знания и даже не отметки, а подарок. Но если сын верит родителям и если он отстает не безнадежно, то он может и позаниматься, отчего бы и нет? Однако и в этом случае решающим является уверенность, вера в то, что его не обманут. Примерно того же добиваются родители, когда они угрожают суровыми наказаниями за плохие отметки – ребенок садится за книги, чтобы избежать наказания, в этом результат, в который он верит. Так, собственно, учит школа: она наказывает за невыученные уроки плохими отметками. Когда их ставят справедливо, ребенок уверен в том, что за невыученный урок он получит плохую отметку, за выученный – хорошую, и он способен на волевое усилие. Когда же он не верит в справедливость отметок («Учи не учи, все равно больше тройки не поставят»), то он перестает заниматься – и не потому, что он

лентяй, а потому, что это противно человеческой природе: уверенность, равная нулю, уничтожает возможность волевого усилия.

Чтобы ум и умственные способности развивались, ребенок должен верить в успех своих занятий или хотя бы в справедливость учителя.

15

Но та же формула подсказывает и другой путь: чувство, интерес к учению. Если у ребенка не хватает воли, мы стараемся вызвать интерес, и чем больше он будет, тем легче садиться за уроки. На вопрос о том, как победить лень, Макаренко отвечал, что это можно сделать лишь постепенным развитием интереса. В раннем подростковом возрасте, примерно в четвертых-седьмых классах, дети могут учиться только по интересу, и ничем другим учиться их не заставишь. Но как раз в это время интересы их находятся обычно очень далеко от учения…

Когда есть интерес, воля растет как бы сама собой, так что ее трудно назвать волей. Это самый верный способ учиться: учение с интересом, с любовью к науке. Я описал его в книжке для детей «Учение с увлечением». Это же и самый верный способ работать: работа с увлечением. И самый надежный способ жить: жизнь с увлечением…

Мы часто восхищаемся трудоспособностью великих людей, нам ставят их в пример: вот, мол, человек всю жизнь отдал искусству, науке, борьбе. Гении действительно великие труженики, но, как правило, им не приходится заставлять себя, у них великая любовь к своему делу, страстная увлеченность. Природные дарования дают им возможность добиваться исключительного успеха, отсюда их великая вера в результат, уверенность в себе, отсюда – интерес и воля. В формуле сердца все три составляющие (воля, чувство, вера) вырастают до огромных размеров, и мы говорим – гениальная трудоспособность.

16

Повернем ту же формулу по-другому, и мы увидим, что чувство обратно пропорционально уверенности – вере и надежде. Когда желание сильно, а надежды исполнения его мало, чувство возрастает. Так слишком страстный болельщик, до последней

минуты надеявшийся на победу любимой команды, вдруг, при финальном свистке, мгновенно и окончательно теряет надежду, чувство его возрастает до бесконечности, а так как именно чувство связано с сердечной деятельностью («сердце сильно бьется»), то человек дома, у телевизора, получает инфаркт. Так не раз погибали люди. Мгновенное крушение всех надежд, неожиданное известие о потере любимого вызывают сильнейшую вспышку чувства, шок – они и в самом деле смертельно опасны для человека.

По этой причине мы должны, воспитывая ребенка, как можно больше питать его сердце калорийной духовной пищей – верой и надеждами. Чем больше верит ребенок в родителей, учителей, чем надежнее его жизнь, тем меньше, при одних и тех же нормальных чувствах, напряжение в сети, меньше чисто волевых усилий приходится употреблять ребенку, чтобы справиться со своими чувствами, и он растет спокойным человеком, способным и на сильное чувство, и на решительное волевое усилие.

Внутренний мир ребенка скорее похож на аккумулятор, который может и разрядиться, – и тогда напряжение садится, воли нет, одни только чувства, да к тому же и отрицательные. Психика расшатана, ребенок становится дерзким, дерганым, диким. Тут-то родители и бросаются к педагогам: «Что делать с ребенком?» – и слышат в ответ, что надо лучше смотреть за ним, не оставлять без наказания его дикие выходки, внушать ему, что такое хорошо и что такое плохо, и учить обуздывать свои чувства… Нелепость!

17

Но из той же формулы вытекает, что когда у человека безграничная вера в себя, в успех, то он почти и не нуждается в чувстве. Интересом становится исполнение желания, а люди вокруг, а мир сами по себе никакого чувства не вызывают. Происходит как бы короткое замыкание, то есть воля становится равной уверенности.

Чувству здесь нет места, и человек добивается своих целей за счет других, даже не замечая, не чувствуя этого. Он не способен понять чужие чувства, потому что его собственные сведены до одного: до чувства желания добиться цели.

Представим себе сверло. Можно сказать, что у него стопроцентная уверенность в себе. Заставьте его сверлить неподдающийся мрамор, оно, сверло, с той же бодростью начнет крутиться – хотя тут же и сломается. У сверла нет сомнений!

Для дела, для успеха, для достижения цели необходима воля, а без чувства можно обойтись – если человек как сверло, как машина. Для человеческого же успеха чувство, любовь необходимы. У некоторых людей всякое желание тут же превращается и в действие, в попытку действовать, – и никаких тебе чувств. Так бывает в любви: мужчина любит женщину, добивается ее, женится на ней, все для нее делает, окружает ее заботой – но он не любит, он лишь действует. У него одно лишь желание добиваться своих целей и огромная уверенность в том, что все доступно, все возможно. И женщина, у которой все есть, которой все доступно и все возможно, погибает душой – мы говорили об этом.

Когда мы с детства нацеливаем ребенка на успех и только на успех, на хорошие отметки, на спортивные достижения, на победу в драках, когда мы хотим, чтобы наш ребенок был «в порядке», когда мы растим делового парня, то все, что неуспех, кажется нам «эмоциями», чем-то несущественным. Так мы лишаем ребенка теплоты души, губим его способность любить.

Бывает, что родители не заботятся о детях, не дают им достаточного образования, и, вырастая, дети укоряют отца и мать. Но криком кричит, но воем воет выросший человек, если родители не научили его любить, если он не чувствует себя способным полюбить.

Бесчувственный – безнравственный. Потому и говорят, что страдание просветляет душу. Горе, потери, крушение надежд уменьшают опасную уверенность в себе и в мире, и сейчас же возрастает чувство, способность чувствовать, – человек начинает замечать людей вокруг себя.

18

Все, что относится к воле, называется словом «характер». Бесхарактерный – безвольный.

Все, что относится к чувствам, называют словом «темперамент»: горячий темперамент, холодный, нет темперамента – не способен на сильные и быстро возникающие чувства. Про северные народы говорят, что они обладают сильным характером, про южные – что им свойствен горячий темперамент.

Характер и темперамент определяют деятельность ребенка; но почти все болезни его личности, как говорят психиатры, начинаются с поломок в темпераменте – в области чувств. Ребенок возбужден, он чувствует сильнее, чем мы, и сильнее

выражает свои чувства, он кричит, грубит, буйствует. Это никому не нравится. Но вместо того чтобы успокоить ребенка, мы тоже начинаем выражать свои чувства негодования, перестаем любить маленького, потому что он досаждает нам, и тогда развивается невротическое состояние: ребенок не просто не справляется со своими чувствами, а в нем развивается неуверенность в себе, он слишком сильно нуждается в признании – складываются определенные черты личности. Если на первой стадии достаточно было бы успокоить ребенка (может быть, и уступив ему), то теперь надо думать о системе его отношений с людьми и с миром. И быстрее думать, пока эти затруднения – внутренние проблемы ребенка или подростка. На третьей стадии эти недостатки выражаются в поведении, и тогда перед нами «трудный» или больной подросток с дурным характером. А начинается все с того, что мы не умели управиться с чувствами ребенка, неправильно отвечали на бурное проявление чувств.

Человек – это желание. Желание может целиком уйти в волю – вырастет бесчувственное, безнравственное существо.

Желание может целиком уйти в чувство – вырастет бездеятельный человек, склонный к ленивой мечте.

Желания могут быть слабыми и случайными – вырастет пустой, капризный, никчемный человек.

Как бы нам вырастить человека с гармоничной душой – с сильными и точными желаниями, с горячими чувствами, с напряженной волей, смелым умом, с верой в жизнь, с надеждой на будущее, с уверенностью в своих силах, с высоким духом?

Есть один секрет, мы подходим к нему.

19

Коль скоро у человека две главные потребности – в безопасности и в развитии, то и воля у него двух видов, двух типов. Потребность в безопасности рождает волю сопротивления. А потребность в развитии – волю творить, соединять, создавая что-то новое для себя и оттого испытывая энтузиазм или вдохновение.

Взращивая эту творческую силу, мы воспитаем все лучшее, о чем только можно мечтать.

Потребность в безопасности дает силу упорства, разрушения, а потребность в развитии – добрую волю.

Обычно творчество называют способностью, говорят: «творческие способности» – как будто есть и нетворческие, и говорят: «творческое мышление» – как будто есть мышление

нетворческое. Но каждый шаг и шажок человека основан на его воле действовать, решать, выбирать, придумывать, пускать в ход интуицию, проявлять инициативу.

Творческая воля – это такая же сила всех психических процессов, как и привычная всем воля. Все процессы – творческие, все волевые, но важно, чего в воле человека больше: упорства или творчества.

Воля сопротивления выражается в стремлении к господству, к насилию, к посягательству. А творческая воля выражается в любви. Она и есть любовь – непременное и сильное желание создавать, поддерживать, общаться, объединяться. Творческая воля точно отвечает устройству нашего мира, его проблемному характеру. Жизнь человека – цепь проблем, он решает их, если с детства его уму придан такой склад, если в его душе главенствует творческая воля, если он по самой сути своего характера (употребим английское выражение) «проблем-солвер» – «решатель проблем».

С первых дней жизни ребенка будем подталкивать его к творческому действию, чтобы в этом направлении развивались его любознательность и воображение.

Упорство в ребенке развивается принуждением, творчество – побуждением. Для упорства главное – препятствие, для творчества – свобода и цель. Тихонько, осторожно, не спеша, словно перед нами птица, которую можно спугнуть, приучаем ребенка видеть мир как цепь вопросов и проблем и помогаем ему эти проблемы решать, добавляя свою волю – к его слабенькой. Сначала в каждом поступке ребенка сто процентов нашего творчества, но настанет день, когда один процент, одна слабенькая мысль будет принадлежать ему – вот и хорошо.

Не станем торопить ребенка, стоять над душой: «Думай, думай сам, ну что же ты такой балбес», не станем с пеленок растить академика, не будем слишком надеяться на головоломки и тесты – все потихоньку. Но на каждом шагу:

– Сейчас пойдем гулять или попозже?

– Ты что хочешь надеть – пальто или куртку?

– Ты чай хочешь или компот?

– Папа скоро с работы придет – давай ему сюрприз приготовим. А что мы придумаем?

И обо всех жизненных проблемах:

– Поссорился с ребятами? Что же нам делать? Давай придумаем!

– Учительница географии не любит тебя? Что же делать? Должен быть какой-то выход!

– Двойка по геометрии? А какой может быть выход? Ты что-

нибудь придумал?

– Идешь на день рождения? А что ты придумал, кроме подарка?

Есть дети, которые не могут заснуть, если не решили заданную на дом задачу. До утра будет сидеть, в школу не пойдет, неделю просидит, отощает и ослабнет – но решит. Воспитанием таких детей не вырастишь, тут нужна и природная творческая воля; но будем в ту сторону рулить, думать именно о творческой воле. Во всяком случае, она легче поддается воспитанию. Упорством на творчество не повлияешь, а сила творчества сама собой рождает упорство.

20

На каждом шагу услышишь:

– Неужели вы в самом деле верите в воспитание? А наследственность? А гены? Вы что, не читали? Вот если у человека не в порядке с хромосомами, ну там, лишняя, что ли, или не хватает одной, то он становится преступником. Не читали?

Знакомая мне женщина, искусствовед высокой квалификации, прекрасный знаток Возрождения, купила в киоске бланки объявлений и развесила их по городу: меняется. Разъезжается со своей двенадцатилетней дочерью, не может с ней жить под одной крышей, потому что у дочери плохие гены, у нее гены отца.

На свои гены никто не жалуется, только на чужие.

На самом деле наукой не доказано, что в человеке «все от генов». Два крупных американских университета еще в тридцатые годы провели исследования по одной методике, и обе группы ученых пришли к решительным и однозначным выводам. Один университет со всей очевидностью доказал, что все в человеке зависит от наследственности, другой университет с такой же убедительностью подтвердил, что все зависит от среды, окружения, воспитания.

Да так оно и есть.

Януш Корчак, напомню, говорил, что никто не вырастит из ста детей сто идеальных людей. Всегда будет какой-то разброс в качествах. Значит, все от природы?

С другой стороны, отдайте трудного мальчишку вместе с его дурными генами в руки хорошего воспитателя, в хороший детский коллектив, и он очень скоро станет другим человеком, я видел это много раз.

Значит, все от воспитания?

Это противоречие так и надо принимать – как противоречие. Снова мы сталкиваемся с характернейшей особенностью воспитания: оно все состоит из противоречий, которые и нельзя, и не надо приводить к одному знаменателю.

Посмотрите на любого человека, вглядитесь в него, особенно если это чужой – ну, скажем, в трамвае или троллейбусе, – вглядитесь, и вы ясно увидите перед собой чисто природное существо. В нем все от природы, каждая черточка, каждое движение. И в то же время, вспомнив знакомых, вы непременно разделите их на хорошо воспитанных людей и на плохо воспитанных, на развитых и неразвитых.

В человеке все, решительно все – в том числе и ум, и воля – от природы. И в человеке все, решительно все – от воспитания.

Все от природы и все от воспитания. Это позволяет нам не думать о генах, поскольку мы все равно ничего с ними не можем поделать. Будем заниматься своей работой, будем верить в великие возможности воспитания, потому что от этой веры зависит судьба ребенка.

21

С одной стороны, простейшая педагогическая наука, которая все укладывает в одну фразу: «А дать ему как следует, чтобы знал!»

С другой – бесконечные сложности и противоречия.

Что делать? Выбирайте, читатель!

Да вот он, наш ребенок:

у него есть природные потребности и дарования;

у него есть творческая сила и сила воли, определяющие его характер;

у него есть душа, сердце, есть душевные силы – вера, надежда и любовь, определяющие его темперамент;

у него есть дух, есть духовная сила стремления к добру, правде и красоте;

у него физическая сила и умственная; представление о мире и о себе;

у него есть ценности, развившиеся из потребностей, и есть способности, развившиеся из дарований.

Мир предстоит перед ним как правда и творчество, и в нем самом живет творческая воля к правде, он возвращает ее миру своей справедливостью, своим трудом – так происходит процесс правдообращения, основа воспитания.

Можно даже представить себе педагогическую модель личности.

Внизу – потребности и дарования, природный материал, с которым воспитатель имеет дело.

В середине – «сердце, дух, разум» – рабочая часть личности, главная наша забота.

Вверху – результат воспитания, ценности человека и его способности. Двумя этими словами можно определить личную и общественную значимость любого человека.

Но будем помнить, что в каждой «клеточке» нашего внутреннего мира, в каждом нашем желании, в каждой мысли, в каждом чувстве, в каждой крупице веры и надежды содержится все это, потому что личность едина, в ней нет границ, перегородок, мембран. Это все один внутренний мир, развернутый по оси «нужда – цель». Нужда поднимается из глубины организма, цели определяются духом.

Научимся, воспитывая, трудиться душой, умом и духом, научим такому труду ребенка – и сложится в человеке человек, и все будет хорошо. Просто замечательно все будет!

Книга третья
Человек и человек

Глава 1
Воспитание общением

1

Днем мы несколько раз ссорились с Матвеем. То он баловался, когда мама помогала ему одеваться, то ему вздумалось подобрать валявшийся на улице старый трамвайный билет:

– Ты же знаешь, что я люблю билетики! Он мне нужен!

Но вечером, когда пришло время укладываться спать, мне захотелось похвалить его, и я сказал:

– Матвей, ты себя сегодня очень хорошо вел. – От этих своих слов я почувствовал прилив нежности к мальчику и неожиданно для себя добавил: – Я тебя очень люблю.

– И я тебя очень люблю, – быстро, с воодушевлением откликнулся в темноте Матвей. – Я с тобой даже дружу.

Великий человек наш Матвей.

2

Первая глава книги была о родителях, вторая – о детях, третья, как и обещано, о третьем слагаемом воспитания – отношениях между родителями и детьми.

Очень многие люди на вопрос о том, что нужно для хорошего воспитания, отвечают не задумываясь:

– Как – что? Контакт! Нужен контакт с детьми!

И я, когда начинал книгу, тоже так думал, пока меня не спросили однажды:

– А что такое контакт?

Выяснилось, что ответить на вопрос не так просто. Кто понимает это слово без объяснения, не нуждается в советах по воспитанию, а кому надо объяснять – тому и объяснения не помогают.

Трудные дети – те, у кого нет душевных контактов со взрослыми.

Трудные родители – те, кто не умеет и не хочет устанавливать такие контакты, не ищет общего языка с детьми, а добивается, чтобы ребенок хорошо учился и хорошо себя вел только потому, что «сколько раз тебе говорить?».

К сожалению, не все люди достаточно эмоциональны, чтобы чувствовать, есть ли у них контакт с ребенком, и не все в таком контакте нуждаются; иные прекрасно обходятся без общей тайны с ребенком – и тут уж ничем не поможешь. Остается сказать лишь одно: старайтесь… Вся эта книжка, все эти длинные обсуждения и объяснения лишь для одного: чтобы помочь читателю понять себя, понять условия воспитания, понять своего ребенка, принять его, увидеть, что возможно в воспитании, а что невозможно, – и почувствовать необходимость в контакте с детьми. Вся эта книжка, от первой страницы до последней, служит объяснением единственного слова «контакт». Короче не объяснишь.

Многие дети вырастают вне контакта с родителями. Это в общем-то и не всегда страшно. Просто у них другие воспитатели: учителя или сверстники.

Но если мы чувствуем хоть малую ответственность за детей, если мы хотим воспитать их, то нужен контакт с детьми, что бы ни означало это слово.

Воспитание без контакта совершенно невозможно.

Душевный контакт с ребенком – первая и последняя проверка, как идет воспитание. Есть контакт – все идет хорошо и будет хорошо; нет контакта – ничего нельзя предсказать. Как получится, так и получится. Воспитание в этом случае зависит не от нас, а от многих житейских обстоятельств, от других людей. Чтобы не держать в уме все сложности воспитания, можно, как по компасу, вести корабль, направляя его на душевный контакт, и немедленно менять курс, если контакт разлаживается.

Опять то же самое: возможное и невозможное… Вы чувствуете, что вы правы, вы говорите правильно, вы требуете все, что нужно, вы и в самом деле совершенно и абсолютно правы – но все же это не имеет никакого значения, если нет контакта с ребенком. Все пустое, формальное, все цели недостижимы.

Умеем устанавливать контакт, сохраняя самые высокие свои принципы, – замечательно. Не умеем – приходится снижать планку, уступать; иногда едва-едва на поверхности держишься. Лишь бы сохранялся контакт, лишь бы не разрыв, не развод с детьми, не война! В воспитании все лучше, чем война с собственными детьми.

Будет контакт – есть надежда, что будет все. Не будет контакта – надеяться не на что.

3

Юноша-десятиклассник жаловался мне:

– Ну что такое? Шестнадцать лет живем с родителями под одной крышей и никак общего языка найти не можем!

Все наши затруднения с детьми можно описать как неумение найти общий язык. Не понимает нас ребенок! «Я тебе сколько раз говорила – не ломай игрушки, они денег стоят!» А когда ребенок ленится, то: «Говоришь, говоришь тебе, а ты все свое. Сначала сделай уроки, потом пойдешь во двор. Неужели тебе не понятно?»

В русском языке на этот случай есть огромное количество устойчивых оборотов, что свидетельствует об остроте и всеобщности проблемы:

– Ты что – не слышишь?

– Ты что – глухой? Оглох?

– Я кому говорю?

– Я что – стенке говорю?

– Я тебе говорю или нет?

– Я тебе, кажется, русским языком говорю!

– Ты что, русского языка не понимаешь?

– Сколько раз тебе говорить?

– Сколько тебе повторять?

– Мне надоело повторять тебе одно и то же!

– Тебе что – сто раз повторить нужно?

– Ты что молчишь?

– Ты что – язык проглотил?

И вправду – как будто глухой! Как будто русского языка не понимает!

Когда студентов-педагогов после первой практики в школе спросили, что им было труднее всего, восемьдесят (!) процентов из них ответили: «Найти общий язык с детьми».

Казалось бы, этому и должен быть посвящен учебник педагогики; но в нем говорится: «Надо, чтобы был общий язык…» – и все.

Нам кажется, что дети нас действительно не слышат, и надо повторить, надо сказать в третий раз, да прикрикнуть – вот и услышит, вот и поймет, и все будет хорошо. Но многое из того, что мы говорим ребенку, до него никогда не дойдет, потому что мы не на том языке говорим.

Общий язык – это не язык команды и послушания. Это язык веры. Язык надежды. Язык любви.

Дети больше нас нуждаются в общении со взрослыми. Пока разум не развит, душа занимает во внутреннем мире гораздо больше места, почти все «пространство» психики; но одно из главных свойств души состоит в том, что она жаждет общения, и не просто с человеком, а именно с душой другого человека. Без общения детская душа не развивается, она не может ни любить,

ни верить, ни надеяться – она хиреет.

Пушкинский Фауст, который «с жизни взял возможну дань» и не видит толку ни в глубоком знании, ни в славе, ни в мирской чести, все же признает:

Но есть
Прямое благо: сочетанье
Двух душ…

«Прямое», действительное, единственное благо!

И в речи нашей, вслушаемся: «живут душа в душу», «задушевный разговор», «поговорим по душам». После такой встречи «душа очистилась», «душа омылась», «на душе легче стало», «душа успокоилась». О человеке, который понимает меня, говорят, что «он заглянул мне в душу», «понял мою душу», «душевный человек». Душевный не тот, кто видит меня насквозь, а тот, кто душой к душе моей прикасается.

Общаться с детьми – не значит болтать с ними, разговаривать, отвечать на их вопросы, что тоже важно. Но общаться – это нечто другое. Попробуем наконец приблизиться к пониманию этого непередаваемого в словах состояния – «сочетание двух душ».

4

Детьми приходится управлять, и мы должны учить их, передавать им некий опыт нашей жизни. Но мы иногда думаем, будто управлять и учить – это и значит воспитывать. Вспомним: «Я учила тебя хорошему!»

Глагол «воспитывать» скрывает в себе, объединяет три разных действия: управлять, учить и общаться. Мы должны управлять детьми, пока они маленькие, мы должны учить их, но довольно часто мы этим и ограничиваемся, оставляя в стороне, опуская самое важное педагогическое действие – общение. И можно понять, отчего мы склонны опускать общение, – оно несовместимо с управлением и учением!

Для учения необходимо, чтобы учитель превосходил учащегося в знаниях или опыте. Для управления тем более необходимо превосходство по возрасту, или по опыту, или по должности, или по уму, или по силе, или по авторитету. Чем значительнее превосходство, тем легче управлять. Управление крепнет от власти.

Общение же, наоборот, требует абсолютного равенства.

Всякое неравенство, превосходство, власть, необходимые для управления, для общения губительны, делают его невозможным. Общение – соединение двух душ; они хоть на миг становятся равными. В этом уравнивании – наслаждение, человеческий смысл общения. Один миг общения дает для воспитания больше, чем целые часы поучений.

Общение – это уравнивание.

Но как я могу быть равным с ребенком? В каком смысле?

Не равны между собой старший и младший, академик и трехлетняя девочка, полководец и солдат. Однако есть в них что-то такое, что позволяет им, при определенных условиях, общаться, сочетаться душами, испытывать это «прямое благо».

Потому что души всех людей в известном смысле равны. Не равны ум, опыт, возраст, таланты, положение – во всех направлениях люди не равны между собой, а души их – равны. Более того, равны души живущих людей и тех, кто жил тысячу или пятьсот лет назад. Иначе мы давно перестали бы читать Гомера и Шекспира. Мы только потому и можем наслаждаться их книгами, что между нашими душами и душами их героев нет разницы.

Кто назовет современное чувство, неизвестное шекспировскому герою? Его нет. Прогресса в чувствах, нарастания числа чувств или их объема – нет. Нет никакого свидетельства о том, что с гомеровских времен и до наших прибавилось или убавилось хоть одно чувство.

Меняются в веках представления о безопасности и ценностях, да они и в каждое данное время различаются у разных народов, у разных людей; меняются формы выражения чувств, меняется мода на чувствительность, но сам набор чувств остается общим для всех, с небольшими вариациями.

Все могут общаться со всеми, но не все умеют это делать, потому что не все взрослые нуждаются в общении – душа высохла, и не все могут снять с себя доспехи превосходства, разоружиться при встрече с человеком, открыться душой, почувствовать чужую душу равной, прикоснуться душой к душе и открыться такому касанию. Не у всех хватает простодушия, способности чувствовать просто.

Собственно, в этом-то и состоит педагогический талант – в умении почувствовать в ребенке равного себе душой, в способности к душевному общению. Для воспитания детей нужен не великий ум, а большое сердце – способность к общению, к признанию равенства душ. Ум и способность к общению – разные качества, они могут не совпадать в одном человеке, и это объясняет, отчего лидером в классе становится отнюдь не

отличник, а может быть, даже и вовсе неспособный к математике – у него есть дар общения. Для лидерства и для воспитания нужен дар общения. Чтобы принимать в педагогический институт, надо было бы каким-нибудь образом проверять дар общения. Будущему артисту нужен дар выражения своих чувств, будущему учителю нужен дар общения.

Общение с другим – это вчувствование в другого.

Общение возможно лишь с тем человеком, от которого не исходит опасности. В поезде два человека разговаривают откровенно, потому что они не опасны один другому.

Чтобы ребенок общался со мной, я должен не вызывать у него ни малейшего чувства опасности, он должен полностью доверять мне – вот и всё.

Когда ребенок в школе, в нем как бы два существа: он один – и он один из тысячи других детей. Как один из тысячи, он подлежит управлению. Как один, как человеческая душа, он управлению не поддается – только бесстрашному общению. Конечно, это очень неудобно, однако душой управлять нельзя, она закрывается и становится непроницаемой для воспитателя. Человеком, ребенком можно и манипулировать; душой – нельзя. Это надо знать! Если педагог в школе не умеет управлять, он пропал; если же он умеет только управлять – пропали дети.

Многие думают, будто управлением мы научаем ребенка подчиняться законам, создаем привычки общежития. Это мнение тем более обманчиво, что оно вроде бы отвечает здравому смыслу. В действительности же только общение делает детей воспитуемыми. Только дети, знающие общение со взрослыми, поддаются разумному управлению и обучению, не чувствуя его тяжести, не доставляя хлопот старшим. Видимое, энергичное, громко заявляющее о себе управление на самом деле действенно лишь в той степени, в какой оно может опереться на скрытое, неуловимое сердечное общение.

Где нет общения, там и управление детьми невозможно – они не слышат старших, не уважают их, не любят труда и остерегаются законов лишь постольку, поскольку боятся быть пойманными. Чем больше уповаем мы на одно лишь управление, тем хуже результат воспитания, и нам остается только жаловаться, что нам достались трудные дети, «неэмоциональные», «бесчувственные», «нечувствительные к чужой беде».

5

Одна девочка-шестиклассница сказала мне о том, как она

влюблена в мальчика: «Мне хочется, чтобы у нас с ним была общая тайна!» То есть: я хочу ему доверять, я хочу, чтобы он мне доверял.

Общение с ребенком тоже обычно держится на совместной тайне, на каком-то воспоминании, на памяти о том, как когда-то, в какое-то мгновение было хорошо, как вместе пережили одно и то же и объединились в этом переживании. Общая тайна связывает взрослого и ребенка, обостряет чувство безопасности. Вся детская дружба на этом держится: «А ты никому не скажешь? Ты умеешь молчать? Ты надежный товарищ?» И все детские ссоры и несчастья, все детское горе, как правило, описывается одним словом – предательство… Нарушение тайны!

Родители и дети, будьте взаимно доверчивы!

Общение, как и всякая растрата чувств, требует от человека душевного усилия; оно не может быть непрерывным, и в этом одна из причин конфликтов между детьми и родителями: или ребенок требует постоянного общения, или, наоборот, мама требует от маленького постоянного общения, а он устает душой, он хочет просто поиграть.

Общение, как и радость, редко приходит по желанию, по плану, преднамеренно. Чувство взаимной близости дается нам как награда. Стараться нельзя, наоборот, надо освобождаться от чувства ответственности, открываться, рисковать своим авторитетом и ни о чем не беспокоиться.

Нескольких минут общения достаточно, чтобы ребенок понял или почувствовал, что души равны.

6

У общения такие ступени: контакт, душевное общение, духовное.

Во многих семьях родители и дети, обладая покладистыми характерами, живут в простом дружелюбном контакте, не задевая друг друга, как бы слегка рассеянно.

Душевное ласковое общение возможно и при случайной встрече.

Но только духовное общение соединяет людей навсегда, даже если они встретились на мгновение или вообще не встречались, – так общаемся мы с великими писателями.

Люди в духовном общении не единомышленники, а, говоря пушкинским словом, «духовные труженики». Это не то, что описывается фразой: «У нас с ним общие интересы», нет, тут само поле общения другое. Не мысли-соображения общие у них и не

интересы, а стремления, «священный сердца жар, к высокому стремленье».

В духовном общении люди могут быть и не равны, стоять на разных высотах, так же как и в творческом стремлении к правде, добру и красоте. Великий артист на сцене и ничем не примечательный зритель в зале не равны; но у них одно общее духовное устремление, и они духовно общаются. Дух одного передается другому, укрепляет его, поднимает.

Великое счастье – встретить брата по духу; величайшее из возможного счастье – найти брата по духу в собственном сыне.

7

Голос и взгляд – первые инструменты общения.

Невыдержанный, несобранный, неумный или недалекий – всякий может воспитывать детей лучше или хуже, и только злобный не может. Это исключено. Злоба плотиной стоит на пути общения.

Но что делать? Человек чувствует себя неудачником, обижен на жизнь, и злость переполняет его сердце – ему кажется, что оно вот-вот разорвется, как бомба, и всех вокруг уничтожит.

Но у него дети… Он должен найти в себе хоть какие-то резервы доброты, собрать ее по крохам, выразить. Как?

В голосе.

Первое, что слышит ребенок, – голос матери, а не ее слова. Она не справляется со своим характером, она нетерпелива и раздражительна, но все-таки она может управлять своим голосом. Облегчим себе работу воспитания, постараемся следить за своим голосом.

Выражать в голосе доброту иногда трудно потому, что недобрые интонации и тембры окружают нас со всех сторон и портят наши голоса. Когда ребенок капризничает, то всегда услышишь капризные, раздражительные интонации и в голосе родителей. Оттого и ребенок самые простые свои просьбы тоже выражает, кривляясь и ломаясь.

Доказано, что еще до рождения, в чреве матери, ребенок слышит материнский голос. Так, может быть, интонации материнского голоса и сказываются на голосочке новорожденного ребенка? Может быть, голосом матери и передаются ребенку какие-то первые черты характера? Во всяком случае, у добрых женщин дети кричат не так, как у злых, не злым голосом. Ах, если бы с будущей мамой разговаривали бы только по-доброму и она сама говорила только мягким голосом! Кто знает, может, с самых

первых дней с маленьким было бы легче.

Попытаемся не забывать, что дети улавливают не столько смысл наших слов, сколько интонации.

Доброта, серьезность плюс чуть-чуть юмора – вот лучший рецепт для папиного и маминого голоса. Вместо псевдолюбовных интонаций – псевдосуровые, дети очень хорошо понимают их и легко включаются в игру. Мама бранит, но она по-прежнему добрая и любит меня.

«Это что такое? Это кто сделал? Это что за кошмар?» – во всех этих маминых преувеличениях чувствуется игра. Двухгодовалый мальчик подхватывает ее. Нет, это не он, это кошка разбила блюдце! Начинается легкая перебранка: кошка ли?

Мальчика не ругали, не бранили, не шлепали, но и разбитое блюдце не осталось вовсе неотмщенным. Игровым (а не игривым) голосом мама восклицает: «Ну, где же кошка? Сейчас я ее выброшу за дверь!»

Теперь надо спасать от наказания кошку; но заступиться за нее – значит признаться в своей вине… Сомнение и нерешительность, борение в душе…

Идет воспитание. Слова, как видим, ужасны: тут и за дверь грозятся, тут и обвинение невинной кошке, и явное попустительство преступнику. Но то – слова, а воспитывают голосом, голос же у мамы добрый.

8

Голос – и взгляд!

Говорят: «Любовь с первого взгляда». Не с первого слова – с первого взгляда. Если бы нам удалось научиться говорить с ребенком добрым голосом и смотреть на него добрыми глазами, больше ничего и не нужно было бы, никаких педагогик. Все проблемы с детьми возникают там, где воспитателю не хватает доброго голоса и доброго взгляда. Мы выстраиваем монбланы теорий, методик и предписаний, чтобы покрыть эту недостачу, возместить невозместимое…

Постепенно вычеркиваю из репертуара своих взглядов – взгляд косой, подозрительный, настороженный, хмурый, кислый, унылый, умиленный, пронзительный, недовольный, насмешливый, сердитый, безразличный…

Это все антипедагогические взгляды.

Оставляю в репертуаре: взгляд добрый, ласковый, нежный, любопытства, веселый, радостный, юмористический, понимающий, прощающий, утешающий, подбадривающий,

приглашающий, восхищенный.

А для наказания – удивленный взгляд: «Я знаю, что ты замечательный парень; как же ты мог так поступить? Что это с тобой случилось? На тебя это не похоже! Не понимаю… Просто растерян, не понимаю!»

Вместо всех этих слов – один взгляд, в котором, как и всегда, выражается доброе отношение к ребенку. Не гневный взгляд (в нем сила), не печальный (в нем слабость), а удивленный!

Каждая наша недобрая интонация, каждый недобрый взгляд – это проступки перед детьми. Мы не являемся перед своими детьми нечесаными, небритыми, грязными. Почему же мы позволяем себе непричесанные голоса и лохматые взгляды?

9

Я давно его знаю, своего товарища, – это умный, образованный и хорошо воспитанный человек. Он работает в конструкторском бюро, где книги о семейных делах передают из рук в руки и зачитывают до дыр – чтобы быть «на уровне». Мой товарищ тоже читает эти книги, когда доходит его очередь, и всегда говорит: «Вот правильно, и я так же думаю». Но, рассказывает он, по утрам приходится собирать пятилетнего сына в детский сад, а тот все делает, конечно же, медленно, отвлекается. И умный мой товарищ… Думаете, он кричит на ребенка? Нет, он не способен кричать. Сердится? Нет, он не способен и сердиться на сына.

Он раздражается.

В его голосе появляются торопливые интонации, он в эти минуты меньше любит своего ребенка, чуть резче обычного берет мальчика за руку.

Видимо, раздражение – это состояние, подобное стрессу, его можно назвать неспецифической реакцией организма на помехи и неудобства.

Есть, однако, и кардинальное различие между стрессом и раздражением, причем различие это не только в силе ответных действий. Стресс – защитная реакция на сильные ситуации, неподвластные нам, на сильного человека. Раздражение – защитная реакция против слабого или равного. Сравните: что делает человек, если на лесной тропе он встречается с тигром? Застывает в испуге или бросается бежать с невероятной скоростью. Но, согласитесь, невозможно представить себе человека, который, заметив тигра, впал бы в раздраженное состояние. Хотя, наверное, дрессировщика могут раздражать его

неумные или ленивые тигры – потому что дрессировщик сильнее их.

Да, дикие тигры нас не раздражают, но вот назойливая муха может вызвать раздражение на весь мир. Таким образом, раздражение – это реакция на мелкое, слабое (или равное по силам); это, пожалуй, самое мелочное из всех наших чувств; а раздражительность – признак глубокой, иногда тайной мелочности характера. Раздражительность возможна только там, где есть уверенность в безнаказанности. Малейшее подозрение об опасности, о возможности ответного применения силы мгновенно снимает раздражение – человек успокаивается или, наоборот, разъяряется, но слово «раздражение» перестает отвечать состоянию его чувств.

Известно, что при стрессе выделяются определенные гормоны, но что, скажите, происходит с нами при раздражении? Думается, ничего хорошего. При стрессах одни люди действуют хуже, чем обычно, другие – лучше. В раздражении все решительно действуют хуже собственных стандартов поведения. Стресс подавляет одни чувства и обостряет другие, раздражение же вытесняет или, по крайней мере, обедняет все наши эмоции, как положительные, так и отрицательные; это всеобщий суррогат чувств. И чем беднее человек эмоционально, чем меньше он способен на общение, тем он раздражительнее.

10

Если так понимать раздражительность, то станет многое понятно в отношениях детей и родителей. Заметим сразу: дети никогда не раздражаются из-за взрослых. Они могут быть раздражительны в детской среде, где есть сильные, слабые и равные, но по отношению к взрослым дети бывают лишь капризны, а не раздражительны.

Но едва иной ребенок становится взрослее, вступает в переходный возраст, он тут же начинает сам раздражаться, причем с такой иногда силой, что кажется, будто раздражительность – первая из взрослых доблестей. Это он набирает силу, наш ребенок! А пользоваться ею пока не умеет.

Раздражительность потому еще так свойственна подросткам, что это прежде всего болезнь справедливости, поломка чувства справедливости. Раздражение похоже на гнев, но это почти всегда гнев неправедный. И в других человеческих чувствах бывает мало здравого смысла, и ярость бывает слепой, и любовь – глупой; чувства и здравый смысл лежат в разных, лишь иногда

пересекающихся плоскостях. Но раздраженный человек всегда чувствует себя правым, вот в чем беда. «У сильного всегда бессильный виноват». Не многие считают себя самыми умными людьми на свете, право же на раздражение каждый признает только за одним человеком – за собой. Раздражительность – болезнь людей, всегда и во всем правых.

11

К знакомой учительнице явилась однажды вечером, после работы, комиссия из райисполкома – по письменной жалобе соседки, живущей этажом ниже. Соседка писала, что у нее над головой целый день топают…

Ну кто бы, вы думали, топает? Кошка.

– Но ведь все-таки у меня кошка, а не слон! – изумилась учительница.

– Как знать? Может быть, вы держите в квартире кота в сапогах? – мрачно пошутил один из членов комиссии, и по предъявлении обыкновенной босой кошки средних размеров жалобу закрыли.

Но если раздражает даже кошка на верхнем этаже, то как же раздражают дети – чужие и свои!

Почему раздражают нас дети?

Потому что не отвечают они порой нашим представлениям о замечательном ребенке, который по заслугам должен быть послан такому прекрасному человеку, как я. Ходит грязный, не умеет вести себя за столом, бездельничает, плохо учится!.. Ленивый, медлительный, неаккуратный ребенок, глаза бы на него не смотрели!

И потому еще раздражают они нас, что мешают. Я устал, а он шумит, играет на барабане. Я хочу посидеть в тишине, а он включает телевизор. Я люблю порядок, а он все раскидал.

И потому, что он, видите ли, не слушается! Я ему сколько раз говорил, чтобы он вовремя приходил домой, – нет, бегает где-то допоздна. Не то меня раздражает, что он поздно приходит и мать волнуется, а то, что я сто раз ему говорил! Значит, мое слово ничего не стоит в моем доме?! Может, и я ничего не значу?

Нетрудно заметить, что все эти наши претензии несправедливы – недаром они вызывают именно раздражение, а не гнев и не злость. Ребенок и не может быть идеальным существом, а если он плохо воспитан, как нам кажется, то скорее всего виноваты в этом мы сами – именно потому, что воспитывали его в раздражении. Надо ли говорить, что

раздражение на сто процентов лишает наши воспитательные действия силы. Я могу влиять на ребенка только в той степени, в какой я справедлив. Раздражение же, как и всякая несправедливость, вызывает отталкивание от моих слов и моего примера. Воспитывать в раздражении – все равно что включить в машине полный газ и одновременно нажать на все тормоза. Но в жизни, но в отношении к детям иные родители не знают другого состояния…

Раздражение – первый признак уходящей, погибающей любви. Пока человек любит, его ничто не раздражает в любимом. Как только любовь уходит, начинает раздражать все.

Присмотритесь внимательней, не слишком ли многое раздражает вас в вашем ребенке? Не значит ли это, что вы перестаете его любить? И если вам кажется, что вы правы, что ваш ребенок невыносим, то тем хуже обстоят дела, потому что стойкое чувство правоты – первый и верный симптом пустой раздражительности, неправедного гнева. Нет, здесь не призыв к олимпийскому спокойствию, наоборот. Только когда поймешь особое место раздражительности среди других наших чувств, поймешь, что можно сердиться на ребенка, можно огорчаться, можно злиться, можно и гневаться – все не во вред. Но нельзя проявлять суррогатное чувство мелочного раздражения. Если постепенно, потихоньку учить подростка различать свои чувства, разделять злость и раздражение (а это не так уж трудно), то можно вырастить воспитанного человека.

Спору нет: когда закипает в душе раздражение, сдержаться трудно. Но попробуйте задать себе два коротких вопроса: «Чем виноват перед тобой ребенок?» и «Любишь ли ты его?». Обычно при слове «любовь» раздражение стихает. Любимые не раздражают! Можно, однако, заметить, что привычка (а это привычка) к раздражению убивает, подтачивает любовь…

Бегу в метро. Передо мной старый человек, и у него упала монетка, он нагнулся, долго ищет ее, загораживая автомат так, что я не могу и помочь ему. Чувствую укол раздражительности в груди – да что этот старик там возится? И сейчас же заставляю себя подумать: «А чем он виноват?»

Никто из нас не раздражается против самого себя (хотя, бывает, мы и обижаемся на себя, и сердимся, и гневаемся). Это говорит о том, что раздражение вполне можно победить. Иной раз нам просто не хочется успокаиваться, снимать раздражение, нам почему-то выгодно не снимать его, выгодно, чтобы нас немножко боялись… Но этот удобный нам детский страх и делает невозможным общение с ребенком.

Снова и снова слышу: «К чему вы призываете всей вашей книгой? Это что же у вас – непротивление злу насилием?»

Вот что сказал об этом Андре Моруа в книге «Открытое письмо молодому человеку о науке жить»: «Поживв с мое, вы поймете, что на жестокость нужно отвечать жестокостью. В непротивлении злу насилием есть своя прелесть, но оно на руку подлецам. Важнее всего – предотвращать жестокость, всеми силами борясь с ее проповедниками…»

Словно исполняя завет, которого я прежде не слыхал, это я и делаю: борюсь с проповедниками жестокости по отношению к детям, жестокости тем более опасной, что мы ее и не замечаем в себе, что она (впрочем, как и любая другая цивилизованная жестокость) оправдывается необходимостью или неизбежностью: «Ведь надо же детей воспитывать!» С применением насилия? Насилия открытого, физического, или скрытого, лукавого насилия над желанием и мыслью? Нет, если это называется воспитанием, то воспитывать детей не надо.

Воспитание – это стремление предотвратить появление жестокости в будущем взрослом человеке.

Невоспитанный человек или сам по себе становится жестоким, или его затягивает в лагерь зла, и не потому, что жестокость будто бы в нашей природе, а потому, что у невоспитанного человека нет сил проявить свою подлинную природу. В отличие от хищников люди не нуждаются в жестокости, чтобы выжить. Наоборот, для выживания людей необходимо добро, и сейчас больше, чем когда-либо раньше.

Непротивление злу насилием «на руку подлецам», но дети, даже вроде бы самые злые, все-таки не несут в себе зла. Маленький кричит всю ночь напролет и не дает спать семье, но есть ли в нем зло? Нет, конечно. Зло зарождается от применения насилия. При последовательном насилии над ребенком зло в его душе укрепится, разрастется, и тогда, увы, добрая идея непротивления злу насилием потеряет смысл по отношению к такому человеку, станет ложной и вредной.

На жестокость взрослых необходимо отвечать жестокостью.

На жестокость детей нельзя отвечать жестокостью.

И первое и второе правила, взаимно дополняемые, ведут к одной цели: к предотвращению, уменьшению жестокости среди людей. Если хотя бы одно из них не выполняется, зло не исчезнет в мире никогда.

Но чем выше духовное развитие общества, тем в большей степени может оно позволить себе и ко взрослым относиться так

же великодушно, как к детям, – прощать их… Прощением укрепляется совесть; прощая, мы учимся любить. Кого не прощали, тот без совести, кто не прощал, тот живет без любви.

13

Представим себе тяжелое бревно; чтобы поднять его, нужно десять человек. Сколько человек должны стараться, когда несут его? Очевидно, все десять, иначе бревно упадет.

Теперь представим себе школьный класс с десятью учителями. Сколько из них должны быть духовными людьми, чтобы в классе была чистая атмосфера?

На этот вопрос отвечают по-разному: кто говорит – все десять, кто – пять.

На самом деле – один.

Для переноски бревна, для физической, административной и другой подобной работы нужны усилия каждого. Но там, где речь идет о духовной деятельности, там достаточно и одного человека, сильного духом.

Принято подчеркивать: воспитывает все, воспитывает каждый сантиметр и каждый встречный. Это верно, это полезно помнить. Но, слишком в это поверив, мы опускаем руки: коли воспитывает все, то что же я могу поделать с ребенком? Я, воспитатель, беспомощен. Мы не на уединенном острове растим детей; все влияет на них. Но любой человек, отец, мать или кто-то из старших, может оказать на ребенка такое сильное духовное влияние, которое перевесит все другие влияния. Если бы среда жестко определяла результаты воспитания, то уж давно не осталось бы на свете ни одного доброго и честного человека, – а сколько их? Мир какой есть – такой есть, не педагоги мир переделывают. Я педагог? Воспитатель? Сколько детей в моем ведении – один ребенок? Два? Тридцать два? Передать их миру честными людьми – вот моя простая забота.

У нас полчаса в день на ребенка? Наш сын может быть прекрасно воспитан и в эти полчаса, если мы будем помнить, что воспитание – это не уход, не надзор, а душевное и духовное общение. Уход в полчаса труден, надзор невозможен, а сила общения измеряется не временем.

Глава 2
Воспитание сотрудничеством

1

Ребенок приходит в жизнь как гость – он другой, неизвестный нам человек, мы рады ему, мы на все готовы ради него, мы любим его, мы счастливы видеть его таким, какой он есть. Дорогой, самый дорогой гость в доме.

Но, вырастая, он постепенно становится равным нам, нашим сотрудником. И так в семейную нашу педагогику входит, быть может, самое важное и самое сложное слово – сотрудничество. Сотрудничество в воспитании – то же, что дух в личности.

Я помню, как было неприятно мне это слово, когда впервые пришло на ум: оно поразило неуклюжестью и тяжестью: со-трудни-че-ство. Старомодное, неудобопроизносимое слово. Как сказать его родителям? Я год промучился, все пытался обойтись без него, прежде чем решился опубликовать статью, в которой было сказано о «сотрудничестве» в воспитании. Но оказалось, что в это же самое время идея обсуждалась и психологами. Теперь по работам педагогов-новаторов слово стало общеизвестным: педагогика сотрудничества.

2

Кроме всем известной биологической генетики есть ведь и другая, условная генетика – ее можно назвать педагогической. Веками и веками складывался и передавался из поколения в поколение «педагогический генофонд», отработанные приемы воспитания, отношение к детям, отношения с детьми. Этот фонд отработанных приемов и взглядов, конечно, не так устойчив, как биологический фонд наследственности, но все же на судьбу ребенка влияют не два набора генов, а четыре: два биологических и два педагогических. Комбинации, столкновения, подавления и проявления генетико-педагогических линий, по всей вероятности, подчиняются тем же законам, что и биологическая наследственность, ну, может быть, не так строго и четко. Но нет сомнения, что если прадедушка нынешнего отца был жесток с дедушкой, когда тому было пять лет, то это не может не отозваться на внуке, на правнуке и праправнуке. И если в семье

матери пять поколений говорили мягкими, тихими голосами, то это в какой-то степени передастся нынешнему ребенку. Два набора генов в ребенке и два человеческих духа над его колыбелью.

Но как бы ни различались наши педагогические «гены», в одном решительно все люди сходятся. Одну схему воспитания держат в уме все: «Я – большой, ребенок – маленький. Я знаю, как жить, он не знает. Я его веду».

Нет человека, который не представлял бы себе воспитания таким образом. Как же иначе? Я веду – он идет.

А в жизни он почему-то не идет, сопротивляется. Не понимает, неразумный, что я веду его для его же пользы.

В прекрасной схеме «я веду – он идет» есть слабый пункт, а именно ребенок. Ребенок мешает! Мне ничего не остается, как заставить его идти за мной. Власть становится вроде бы первой необходимостью воспитания, непременным условием его. Без власти над ребенком воспитание по схеме «я веду – он идет» просто невозможно: не поддается мальчишка. Но если власть – первая доблесть воспитателя, то в чем же первая доблесть ребенка? Естественно, в послушании. Тот ребенок хорош, который послушен родительской воле; то воспитание идеально, при котором растут идеально послушные дети.

Так воспитание превращается в процесс подчинения ребенка. Родители добиваются власти над ним, а он – собственной власти над всей ситуацией. Начинается худшее, что только может быть в воспитании: борьба за власть.

3

В семье, где идет спор за власть, чем бы он ни кончился, этот спор, и чему бы ни учили ребенка, его учат спорить за власть – и только. Его учат, встречаясь с человеком, во что бы то ни стало добиваться «верха» или смиряться, покоряться. Учат глядеть на мир с точки зрения силы: или твоя сила, или моя.

Такое воспитание держится на безусловном соподчинении.

Есть еще воспитание, которое строится на принципе «я тебе – ты мне». «Я тебе мотоцикл – а ты хорошо учись». Дети в такой семье смотрят на всех с точки зрения выгоды: кто выгоден, с теми ведут дружбу. Не стало выгоды – наступает конец всяким отношениям.

В семье, где установились отношения соподчинения (спор за власть) или сообщничество, нравственного воспитания быть не может, там только видимость его – и в этом кроется истинная,

глубокая причина всех неудач в воспитании, потому что спор за власть и сообщничество – первый признак бездуховности, несправедливости. Там идет тайное, скрытое даже от глаз родителей, но мощное обучение безнравственному поведению, растление душ.

Но наша жизнь – это совместный труд со множеством людей, физическое, душевное и духовное сотрудничество.

Не соподчинение, не сообщничество, а сотрудничество. Воспитание – это сотрудничество с детьми, ответственность за которое несут взрослые. Педагогика занимается вопросами сотрудничества с частью человечества, называемой словом «дети». Педагогика – наука об искусстве сотрудничества.

Подумаем, а что, собственно говоря, нужно нам от детей?

Да одно, и только одно. Чтобы они могли активно, сознательно, творчески сотрудничать с людьми и с обществом в целом. Не подчиняться, не подчинять, не приспосабливаться и не ломать всех вокруг себя, а сотрудничать. И кого мы больше всех ценим в нашей жизни? Людей, с которыми легко и интересно работать вместе. Сотрудничество – одно слово, но оно содержит в себе, если вдуматься, все высокие нравственные качества. Только в сотрудничестве и можно воспитать человека для человека. Сотрудничать с людьми – значит уважать их, ценить, уметь поступаться своими желаниями, нуждаться в них и быть им нужным. Но ведь это то же самое, чего мы ждем от ребенка. Вот то поле, на котором дальние и ближние цели сходятся, совпадают – поле сотрудничества с людьми.

4

Все было бы хорошо, да вот беда. У нас с детьми разная служба. Мы сотрудники из разных ведомств – отсюда все неприятности.

Дом – мое дело, мое предприятие по производству быта, развития, отдыха, семейных радостей. Я его построил всею своей жизнью, я в него столько трудов вложил.

А для ребенка дом – само собой разумеющееся условие существования, как, например, для меня – вся наша планета. Хоть это было бы и правильно, но все же не многие из нас чувствуют себя хозяевами на планете.

Так и ребенок. Его мир, его «производство», отнимающее у него все его душевные силы, – его собственная жизнь, его развитие, которое приведет к тому, что он выстроит свой дом. Наш дом – наш, а его дом – в будущем. По этой причине в

хорошем детском учреждении воспитание старших ребят идет лучше, чем в семье: там у детей и у воспитателей один дом, там воспитатели целиком сосредоточены на детях. Там дом для детей, а не для воспитателей.

Оттого дети неохотно сотрудничают с нами, оттого нужны особые усилия, особые умения, чтобы их к сотрудничеству привлечь. Это всегда лучше получается, если мы становимся их сотрудниками в их жизненной работе, в развитии, если всякая работа в доме представляется как необходимая всем.

5

Почему меня слушаются дети? Да они вовсе не слушаются меня, это со стороны так кажется! Они не слушаются и не сопротивляются – мы вместе что-то делаем, и мы вместе решаем какие-то проблемы: мою, или детскую, или общую. Я не воспитываю, не держу в голове, что из него что-то надо сделать. Он не маленький, он не большой – он человек, он другой. С каждым человеком, если я в нем заинтересован, я должен сотрудничать, у меня нет другого выхода, я не умею властвовать над людьми. Мне приходилось руководить довольно большим числом людей, но они были для меня сотрудники, а не подчиненные. И ни разу в жизни не было у меня начальника, который не был бы и сотрудником. Если с начальством нельзя было сотрудничать, я тут же с такой работы уходил. Я не терплю властвовать, я не терплю власти над собой. У людей должно быть одно начальство – дело, которое должно быть сделано лучшим образом. Так и с детьми: я им не начальник, я им не подчиненный, я не спорю и не хочу спорить с ними за власть.

Значит, всеми принятая схема «я веду – он идет» не годится?

Именно так. И сразу спадает груз с души!

Предположим, я, отец, отказался от спора за власть и стал стремиться к сотрудничеству. Я не боюсь теперь потерять авторитет, он мне не нужен и потому не заботит меня. У меня больше нет жизненной необходимости в авторитете, у меня одна необходимость – сотрудничать с ребенком. Я перестаю воспитывать – и становлюсь действительно воспитателем. Я не боюсь потерять авторитет и потому приобретаю его. Но этот авторитет не давит, у ребенка естественное уважение ко мне, как и у меня к нему. Мы не равны по опыту, но равны перед нашим общим делом, и он и я заинтересованы в нем.

Что наше общее дело? Не столько семейный быт, наше, отца с матерью, развитие, сколько его, ребенка, развитие, его

нормальная жизнь.

Прежде я старался подавить любое сопротивление ребенка, теперь я не могу командовать, распоряжаться и заставлять. Он, ребенок, не подчиненный мой, а сотрудник, и мне приходится искать какие-то другие средства, чтобы побудить его к сотрудничеству, или, если я этих средств не нашел, то выполнить работу самому – тоже не страшно. Ведь у меня такой сотрудник, которого я не могу заменить на другого, на которого не могу никому пожаловаться и которого не могу заставлять. Я вынужден сотрудничать с ним и учить его сотрудничеству. Обучая ребенка подчиняться, я невольно заглушаю лучшие, активнейшие силы его души; обучая сотрудничать, я обращаюсь именно к этим лучшим силам, пробуждаю и укрепляю их. Когда воспитание – спор за власть, ребенок постоянно стремится к свободе, самостоятельности. Когда мы сотрудничаем с детьми, они чувствуют себя самостоятельными чуть ли не с трех лет, и никаких разговоров о свободе. Не то воспитание – свобода, где ребенок делает что хочет, а то, где ребенок свободно действует вместе с родителями, стремясь к одной с ними цели.

Да, у меня нет власти над ребенком; но и у ребенка нет надо мной власти, как бывает в очень многих семьях.

Прежде, в споре за власть, мы вынуждены были идти друг другу на уступки: то он мне уступает, то мне приходилось скрепя сердце терпеть. Теперь исчезла сама идея уступок, досадное чувство уступки. Сотрудничество, согласие в делах стало самой большой ценностью в семье, и нет никаких уступок. Прежде, когда мы жили в споре за власть, я не мог любить своих детей, они совсем не отвечали моим представлениям о хороших детях, я постоянно дергал их, они защищались – огрызались или замыкались. Я чувствовал, что дети не слышат, не хотят слышать меня. Я научился не делать им замечаний. Ведь не делаю я замечаний своим сотрудникам по службе! На работе, если я начну ворчать, одергивать, поправлять, меня сразу поставят на место. Сын не может меня осудить, но я не должен пользоваться этой его деликатностью. Я бы не хотел, чтобы он подшучивал надо мной, значит, я не имею права подшучивать и над ним. У нас равные права по отношению друг к другу, иначе ниточка сотрудничества оборвется. Если мне что-то не нравится в жизни сына, я говорю ему смущенно (человек не может делать замечания другому человеку без смущения), я говорю ему:

– Что-то мне не совсем понятно, что-то мне не очень нравится… Что-то неправильно получается у нас с тобой…

Всякий его недостаток – это не его недостаток и не мой, это наш общий недостаток: мы – виноваты!

Вместо «я воспитываю – он сопротивляется», вместо «я воспитываю – он терпит» приходит совместный труд души, основанный на общении.

Воспитание как сотрудничество с детьми вовсе никакое не открытие, это естественное воспитание, и мы чувствуем дух сотрудничества в каждой дружной семье. Собственно говоря, это и есть коллективное воспитание, ибо коллектив – совместная работа и совместная духовная жизнь какого-то множества людей, будь хоть два человека, мать и сын. Одни родители легко достигают сотрудничества с детьми, о них говорят «прирожденные воспитатели»; другим добиться его сложнее; третьим неимоверно сложно, потому что они сами к сотрудничеству не способны, сами воспитывались в споре за власть. Но если поставить себе целью добиться сотрудничества, то каждый может достичь его в той или иной степени.

В этом и ценность сотрудничества, что мне, воспитателю, не надо держать в голове сто разных целей, двести восхитительных качеств ребенка. Мне нужно только одно, чтобы совместная работа и деятельность доставляли ему удовольствие, были бы его потребностью. Само это стремление так сильно влияет на ребенка, обладает такой воспитательной мощью, что все другие средства воспитания становятся просто ненужными.

6

Важно заметить, что сотрудничества достичь легче, чем каких-либо других отношений из всех тех, к каким нас обычно призывают.

Я делаю только одно: с самого рождения ребенка потихоньку втягиваю его во все домашние дела и заботы и жду отклика. Если его сегодня нет, если нет ответного движения – что ж, завтра будет. Когда воспитание идет как спор за власть и ради далеких идеалов, все усилия воспитателя направлены на ребенка. Я – воспитатель, все знаю, все умею, я умный и правильный человек, а ребенок – глуп, своеволен и дерзок. В педагогике сотрудничества мне приходится направлять силы и на ребенка, и на самого себя. Я озабочен не тем, каковы достоинства и недостатки моего сына, а тем, как идет работа в семье, как мы все вместе налаживаем семейную жизнь, – вот мои заботы. Воспитание становится скрытым, незаметным, уходит в подтекст. Нет «объектов», нет «субъектов», никто никого не воспитывает в общепринятом смысле слова. Мы вместе работаем, старший и младший, и я действительно могу уважать ребенка, потому что

уважать – это значит принимать в работу, в разговоры, считать себе равным. Там, где стремятся к сотрудничеству, ребенку и в голову не приходит, что родители живут только для него. Дети, воспитанные в контакте, в общении, со стороны обычно кажутся очень послушными детьми. Но они не послушные, нет, они слышат взрослых, слышат сверстников, каждого человека слышат.

Создается психологический комфорт в семье, а он, этот комфорт, во сто раз дороже бытового.

Когда кто-нибудь спрашивает, что ему делать с его трудным ребенком, можно ответить:

– А ничего не надо с ним делать, подумайте о цели. Ничего не меняйте в своем характере, не выдумывайте какие-то небывалые мероприятия, которые в один день превратят вашего ребенка в ангелоподобное существо, чудо послушания… Попробуйте переменить цель вашего общения с ребенком. Если цель – быстренько довести ребенка до идеального состояния, то мы его загубим. Поставим цель прийти к сотрудничеству, и тогда, быть может, ребенок сам приобщится к идеалу.

7

Заметим, что в слове «сотрудник» хороший корень: труд. Труд и должен быть основной формой воспитания – духовный труд, душевный, умственный и физический.

Все душевные силы, все духовные способы употребим на то, чтобы втянуть ребенка в увлекательную жизнь вместе с родителями – не ожидая от него совершенства, но думая о его душе, о его чувстве безопасности, о необходимости развиваться. Все силы любви соберем, отбросив страхи, приготовясь нести ответ за ребенка и перед людьми, и перед ним самим по формуле мужественных людей: «Поступай как должно, и пусть будет, что будет».

Возможно, при слове «сотрудничество» читателю представилась идиллическая картина: есть в доме помощник. Он и полы вымоет, и обед приготовит – что скажу, то и сделает.

Конечно, все не так. Чтобы ребенок вырос сотрудником, его надо учить этому примерно лет восемнадцать – от рождения. Учить – значит относиться к нему особым образом, искренне видеть в нем не подчиненного помощника, а сотрудника, без которого не справиться.

Сотрудничать – значит «разделять труд». Но чтобы ребенок научился разделять человеческий труд, брать на себя долю побольше, мы должны показывать ему пример – постоянно

разделять его собственный труд детства, отрочества, юности.

Девочка-школьница не может решить задачки по математике: на глазах слезы. Приходит папа. Если он умеет помочь – хорошо. А если нет? Что сказать девочке?

Папа говорит:

– Нечего плакать, посидишь, посидишь – и получится!

У девочки – беда, а папа говорит – нет беды. И так на каждом шагу. Получила двойку, поссорилась с кем-то, потеряла книжку, боится контрольной – и мы тут как тут со своими утешениями: не беда! Для ребенка – беда, а для нас – не беда. У нас свои беды, настоящие, а те – детские, «игрушечные», «пустяковые», «мне бы твои заботы».

Мама приехала в пионерский лагерь к семилетнему мальчику. Он бросился к ней:

– Что ты привезла?

Мама возмущена: «Как он не понимает! Как не чувствует! Ведь я устала, пока дошла, я с дороги, у меня тяжелая сумка!»

Вроде бы все правильно; но слова – не урок, а поведение – урок. Если бы мама обрадовалась мальчику и без упреков порадовала бы его гостинцами, она дала бы ему урок: как хорошо радовать людей! Но она дала ему урок совсем другого рода: требуй, чтобы тебя понимали, требуй взамен гостинцев благодарности, требуй и требуй…

Мы разделяем заботы ребенка, но ничего взамен не требуем. Никаких обменов, кроме шутливых, в нашем доме нет. У нас нет менял, у нас все подлинное, ничто ни на что не меняется, у нас все чувства и заботы имеют собственную, а не меновую стоимость. У нас всякое «на» – от чистого сердца, и всякое «дай, пожалуйста» – безвозмездно.

Ужаснейшая из псевдопедагогических мыслей: «Как ты со мной – так и я с тобой». С ребенком нельзя вести счеты. Просчитаемся!

Мы не требуем сотрудничать с нами, не добиваемся сотрудничества, а учим, растрачивая собственную душу.

Все движения – навстречу ребенку.

Мы не торгуем своей любовью, не используем ее для своих домашних выгод, для принуждения или побуждения. Запрещенные фразы: «а то я тебя любить не буду», «я тебя больше не люблю», «я с тобой не разговариваю», «я на тебя обиделась».

Наоборот: я всегда с тобой, я всегда готов, я всегда готова прийти на помощь, я тебя люблю! Повторять это на каждом шагу невозможно и не стоит, но есть много способов сообщать ребенку о своей любви.

Я знаю родителей, которые и рады бы услужить своим детям, но их одолевают страхи: вдруг вырастут эгоистами, вдруг лентяями, вдруг… Педагогические соображения одолевают. А ведь если разобраться, не так уж и серьезны домашние дела, чтобы поднимать их на принципиальную высоту.

Семья садится за стол. Всегда бывает: то вилки нет, то ложки, то соли. И начинается: «Возьми сам, я тебе не служанка, небось руки не отвалятся». А почему? Прислуживает за столом один, он просит: «Не вставай, я подам, я сам, мне это легко». Мама даже сердится, если кто-нибудь встает за ножом или вилкой: такая радость кормить своих.

Приходит мальчик из школы.

– Возьми там в холодильнике! Согрей себе! Не маленький!

А почему так?

Мама объясняет: должен же мальчик приучаться… К чему – приучаться? К небрежным, ленивым, безрадостным отношениям?

Я говорю маме: «Придет сын – усадите за стол, подавайте, ухаживайте, любите его!» Мама отвечает: «Да я бы рада. Я с удовольствием! Но я боюсь!» – «Чего?» – «А вдруг он вырастет белоручкой?» И опять все сначала: «Ну должен же он!» – говорит мама.

В хорошей семье никто не знает слов «ты должен». Должен только я.

Пока я сотрудничаю с человеком, я больше озабочен тем, как я выполняю свой долг, а не тем, как выполняет его другой. И детей с первого дня учат, что никто никому ничего не должен, ни с кого ничего нельзя требовать, требуют только от самого себя и все выполняют свой долг, а не следят ревниво за окружающими, делают ли они свою работу. И это самый верный путь воспитания чувства долга.

Жизнь в доме должна идти на возможно высоком уровне активности, деятельности, старательности. Накрывают на стол – должно быть красиво и удобно, учатся – должны учиться, приглашают гостей – должны хорошо принимать их, убирают в комнате – должно быть действительно чисто. Всякое дело требует старательности и внимания, и мы, старшие, вкладываем в любое дело свою старательность и, вовлекая детей в работу, добиваемся высокого результата. Но не высчитываем, кто сколько сделал.

От дела – к личности, а не от личности – к делу. Труд воспитывает. Мы не занимаемся детьми, мы не воспитываем их в общепринятом смысле, мы налаживаем жизнь в доме с участием детей, мы все вместе стараемся жить весело – это и есть

воспитание.

9

На домашней работе мы обычно и спотыкаемся. Довольно часто наши суждения о ребенке сводятся к одному: помогает по дому – хороший сын, не помогает – дурной. Мытье посуды становится мерилом человеческой доблести, подметание полов заменяет все другие отношения. Кто метет и моет, тот и хорош. Но домашняя работа – очень невыгодный с педагогической точки зрения труд, по ней нельзя судить ни о лени, ни о трудолюбии, и в одной только домашней работе трудолюбия не воспитаешь. Когда дети работают вместе с родителями в поле, они действительно помощники, они приучаются к производительному труду. Но подметание полов вовсе не то же самое, что работа в поле. «Застели постель, почисть ботинки, мог бы помочь матери, видишь, я с ног сбилась, принеси, подай!» – у всех этих дел нет конца, нет результатов, нет плодов, они не приносят главного, что должна приносить работа, – радости. Нам приходится принуждать ребенка, и он мысленно привыкает, что работа – это неприятность. Воспитывают трудолюбие, а получают стремление избегать труда. Ребенку исподволь внушается уродливая мысль, будто труд есть наказание.

И уж во всяком случае, если ребенок не приучен помогать, если дочка моет посуду только с боем и криком, то в один день ее не перевоспитаешь, и надеяться на то, что вот я погромче крикну, найду слово пообиднее, и у нее вдруг заговорит совесть, она засучит рукава и возьмется за грязные тарелки, – надеяться на это трудно.

10

Нравственное отношение к труду возникает в самые первые годы жизни, когда ребенку предоставляют возможность самому о чем-то заботиться. Забота – сердечное дело, она бывает только добровольной. Труд может быть и подневольным, а работа всегда свободна.

Закон заботы – знаете?

Если присмотреться к домашним, служебным и другим нашим занятиям, то легко заметить следующее свойство всякой работы: она требует определенного количества забот, не больше и не меньше. Определенная забота нужна для поддержания дома в

чистоте, для покупки хлеба и так далее. Если один человек берет на себя всю заботу, то другой неминуемо перестает заботиться: дело этого не требует. И в языке нашем: «Разделить заботы…» – подразумевается, что у забот есть определенный объем, который можно разделить. Решено, что мальчик ходит за хлебом. Мама с утра начинает напоминать: «Ты не забыл? Посмотри, есть ли хлеб, сходи – это твоя обязанность». Ходит за хлебом мальчик. Мама взяла на себя заботу, и мальчику можно не беспокоиться: когда нужно будет, скажут, и он пойдет. Если мы беспокоимся сами, мы не даем возможности беспокоиться ребенку. Кто с детства привык, что его заботы постоянно кто-то разделяет, тот и всю жизнь будет надеяться: ничего, как-нибудь получится, кто-нибудь позаботится. Позже появится и циничное: «Дураки всегда найдутся». Единственный выход: поручив какое-нибудь дело, выкинуть его из головы, перестать о нем беспокоиться. Тогда после многих неприятностей и обедов без хлеба наступит наконец момент, когда беспокоиться о хлебе будет мальчик.

Кто решил воспитать заботливого ребенка, тот должен заранее смириться с тем, что многое в доме пойдет кувырком. Распределение обязанностей в семье? Нет, пожалуй, получится лучше, если каждая обязанность разделяется в семье всеми. Не так – я работаю, ты учишься; я натираю полы, ты покупаешь картошку. Каждое дело вместе! Это не значит, что мы идем вместе в булочную, но я, взрослый, участвую в этом походе: снаряжаю в магазин, оцениваю покупку, выслушиваю рассказы о приключениях по дороге в булочную.

Но сколько нужно терпения, чтобы дождаться, пока чувство заботы проснется в ребенке!

Извечная проблема всех родителей: ребенок не убирает игрушки. «Что из него вырастет, если он сейчас такой неряха?» Это продолжается годами. Напомню историю о моем товарище, которого не видел много лет. Спрашиваю, как жизнь, как дети. Он жалуется: «Да вот все с сыном ругаемся». Сыну идет тридцать пятый год. Он инженер, изобретатель, кандидат наук. «Из-за чего же вы ругаетесь?» – «Да понимаешь, никак не научится убирать в своей комнате!» Как началось в два или в три года, так и продолжается до тридцати лет. Вся жизнь ушла на то, чтобы научить сына убирать за собой.

Можно точно установить, когда начинается правильное воспитание: с той минуты, с того дня, когда мы впервые сказали ребенку «спасибо».

Мы весьма озабочены тем, чтобы ребенок вырос благодарным, вежливым, говорил нам «спасибо».

Но душа ребенка растет не на тех «спасибо», что он говорит, а

на тех, которые мы ему можем сказать.

11

Простая семейная забота – надо поехать к больной бабушке и отвезти ей продукты.

– Ты не можешь съездить? – спрашивает отец у пятнадцатилетней дочери.

Она мнется: у нее свидание.

– А ты не можешь? – спрашивает отец у сына-десятиклассника.

И он мнется: у него тренировка.

– Я бы съездил сам, но у меня срочные дела, – говорит отец.

– А давай позвоним бабушке, и я съезжу к ней после тренировки, ночью? Или утром до школы? – предлагает сын.

– Нет, ничего, я съезжу, – говорит отец. – Делать нечего, я съезжу.

Эту историю рассказывали на работе, и сослуживцы, конечно, возмущались:

– Но надо же воспитывать детей! К бабушке они поехать не могут! Я бы им показал!

Да не надо на каждом шагу воспитывать, надо решать деловой вопрос – кто поедет? Перед этим вопросом все равны. И ничего хорошего не вышло бы, если бы дочь вместо свидания поехала к бабушке, досадуя на нее. Это не принесло бы пользы ни дочери, ни бабушке. Да к тому же очень редко встречаются такие семейные дела, которые нельзя отложить на несколько часов.

Уступка не позорна; если она ведет к взаимопониманию, тогда она – победа. Уступка унижает, если ребенок добился ее силой, вне контакта с родителями, вне понимания: выклянчил, выпросил, добился капризным поведением.

Заставьте дочь или сына поехать – и в следующий раз придется заставлять, и всегда придется заставлять, да еще читать при этом проповеди о хорошем отношении к бабушке, о совести, о человечности и тому подобное. Попросите, проявляя готовность подменить, и в следующий раз детям будет неудобно отказаться. «Воспитывая» (в кавычках), мы пробуждаем дурные чувства; не воспитывая – добрые (вина, стыд, справедливость). В каком же случае действительно воспитывают?

Мы никогда не должны посягать на ребенка. Нам кажется, что его время ничего не стоит, что он бездельничает, лентяй, и потому его можно без разговоров посылать туда и сюда, просить о том и об этом. Нет. «Если ты можешь… если тебе не трудно…

когда ты сможешь…» – вот начальные слова каждого обращения к ребенку. И уж во всяком случае – «пожалуйста» с мягкой интонацией.

Сотрудничество с детьми держится не на требованиях, не на повелениях, не на приказах, а на просьбах.

Просьба – вот лучшая форма делового общения с детьми. Если бы меня спросили, в чем состоит что-то единственное, к чему надо приучать ребенка с самых малых лет, я бы ответил: умению откликаться на просьбы и умению просить, а не требовать. Культуре просьбы.

Я распоряжаюсь – ребенок или подчинится, или не подчинится. Но что делать, если он не подчинится?

Я распоряжаюсь – душевное усилие ребенка или нейтрально (выполнил распоряжение), или направлено против меня.

Но вот я прошу… И ребенку необходимо сделать душевное усилие навстречу мне, даже тогда, когда он просьбу выполнить не может или не хочет.

Распоряжаясь, я побуждаю ребенка думать о том, насколько разумно мое распоряжение. Просьба же содержит основание в себе самой: человек просит! Ведь и дети во дворе говорят между собой: «Ну тебя просят же!» – и это кажется им достаточным основанием. Просьба может быть неразумной, и все-таки ребенок откликнется: человек просит. Просьба дает ребенку ощущение свободы. Он делает все, что надо, но делает сам, по своей доброй воле. Он мог бы и не согласиться, ничего бы ему за это не было. Просьба вызывает к жизни только добрую волю.

Признаюсь, я чувствую некоторую неловкость, когда пишу о таких простых, каждому человеку понятных вещах. Но что делать? Я встречал множество родителей, которым и в голову не приходит о чем-то попросить ребенка. «Чтобы я стал у него просить? Да кто он такой, чтобы кланяться ему? Унижаться перед ним?»

Но гораздо унизительнее распоряжаться, видеть, что твое распоряжение не выполняется, и бегать по людям, жаловаться на своих детей и на «нынешних», на поколение.

12

Кто не привык просить детей, а только распоряжается, тот думает, что просьбы – это бесконечные дебаты и уговоры, пререкания и споры. На самом деле именно просьбы споров не вызывают.

Просьба от распоряжения тем и отличается, что на

распоряжении необходимо настаивать, чтобы не потерять авторитет, а на просьбе, наоборот, настаивать нельзя. Когда мы просим, мы должны быть готовы к тому, что нам откажут. Ничего обидного, но даже когда обидно, то это небольшая цена за такую дорогую вещь, как контакт с детьми. Просто в следующий раз будем осмотрительнее. Нелепо говорить: «Я тебя прошу, учись хорошо». Ребенок не может вдруг начать хорошо учиться. Но его начинают упрекать: «Я же тебя просил…» А немного погодя следует и вывод: «Моего хоть проси, хоть не проси». Или еще так: «Прошу тебя, не шали», – а он не может не шалить! «Прошу тебя, потише», – но у него гости-третьеклассники, они не могут «потише»!

Обычно мы в таких случаях повторяем свое «я прошу», но железным голосом. А нельзя. Научимся сами и детей научим искренним просительным интонациям. Просительные – не искательные; просящий уважает другого, но уважает и себя. Воспитанный ребенок от невоспитанного отличается точностью интонаций в просьбах.

А просьбы ребенка?

Из десяти просьб «можно я…», «разреши мне…» я стараюсь выполнить по крайней мере девять. Никакая просьба детей, даже самая нелепая, не возмутит меня: «Ты что, с ума сошел?»

У одних людей при любой детской просьбе первое побуждение – «нельзя!». Потом начинают размышлять: а почему, собственно, нельзя? Но они думают, что воспитывать – значит почаще повторять «нельзя». Нет, я буду для своих детей «человек-можно», а не «человек-нельзя». Моя первая мысль, первое побуждение – «можно!». Потом уж прикину, нет ли тут очень большой опасности для ребенка. Спросил разрешения, значит, взял на себя какую-то обязанность. Значит, думает обо мне, беспокоится обо мне, заботится. Если я не разрешу, он рано или поздно поступит по-своему, и начнется: «Ты почему не спросил меня?» – «А ты все равно бы не разрешил». – «Откуда ты знаешь?» – и так далее.

Диалог с отцом взрослых детей:

– За всю жизнь дети ни разу меня не ослушались, ни единого разу, – говорит он.

– Этого не может быть.

– Это было, потому что я ни разу в жизни ничего им не запретил.

– Они делали все, что хотели?!

– Нет, они делали то, что мы вместе хотели.

Нам кажется, будто запреты воспитывают, а разрешения балуют детей. Иногда так именно и бывает, потому что, запрещая,

мы сердимся, волнуемся, тратимся душой, а разрешаем легко, равнодушно. В запреты вкладывают больше души, чем в разрешения, оттого они и воспитывают лучше! Значит, будем разрешать детям все, о чем они ни попросят, но – активно. Хочешь идти играть в футбол? Иди, а потом уроки вместе сделаем, я тебе помогу. А с кем вы играете? Не будем особенно приставать с расспросами, но проявим интерес, он так нужен ребенку.

Разрешать труднее, чем запрещать. Иногда сердце от страха за сына сжимается, а разрешаешь!

В семье, где полностью разрушен контакт с детьми и где перестало действовать волевое начало, где дети не отвечают ни на окрик, ни на брань и даже на побои не реагируют, – в такой семье попробуем перейти к обыкновенным просьбам, это важный шаг на пути к сотрудничеству.

13

Где просьба – там и выбор, обучение самостоятельности. На каждом шагу предоставляем ребенку возможность выбора, вовлекаем его в наши планы, чтобы он был участником всякого дела. Не исполнитель, а сотрудник.

Если мальчика никак не заставишь одеваться, спросите его: «Ты эту рубашку хочешь или в клетку?» – и чаще всего он переключается на выбор рубашки.

Отец восьмилетней девочки рассказывает: «Я целое лето обещал дочери поехать в парк кататься на карусели, но все было некогда, собрались только поздней осенью. Направляемся к каруселям, и я издали вижу, что мы безнадежно опоздали, карусели не работают – холодно, сезон кончился. Что же делать? Сейчас начнутся слезы и упреки… И тогда я сам вдруг начал причитать и плакать: „Ой-ой-ой, карусели закрыты, такая беда, а я так мечтал покататься!“»

Дело кончилось тем, что не папа успокаивал девочку, а девочка еле-еле успокоила безутешного папу: «Ну подумаешь, – говорила она, – ну и пусть, мы на следующий год придем, ты не плачь».

Каждый раз, когда у нас возникают затруднения с детьми, мы должны искать выход точно так же, как если бы мы решали математическую задачу.

Нам неоткуда списать ответ, мы не можем подогнать под ответ и даже не можем выбрать задачу полегче. Нам задана именно эта, и мы должны на ней мучиться, пока не решим!

Прекрасное средство воспитания – намек. В чувашских семьях, например, не принято упрекать детей. Если дети провинятся, то отец действует только в обход, намеком. Сын подрался на улице. Отец не станет его ругать; но за обедом скажет, что он слыхал: кто-то подрался сегодня…

Отец не ждет ответа, покаянных речей. Заряд послан, и в душе ребенка идет невидимая работа. Сын трудится, постигает слова отца.

Когда моим маленьким детям прописывали горькое лекарство, я первый глотал целую ложку: совсем не горько! И дети, когда выросли, рассказывали, что из всего детства это запомнилось больше всего – как отец глотал столовыми ложками горькое лекарство. Да и было-то всего раз или два. А вот поди ж ты, помнят.

Могут сказать:

– А к чему эти выкрутасы? Нет у меня на них ни времени, ни сил и нервов нет.

– Тогда что ж, – говоришь в ответ, – тогда, значит, так. Воспитывать, не тратя сил, не тратя времени и даже души не тратя, наверно, можно. Но я этого не умею и обманывать вас пустыми советами не хочу.

На выкрутасах вся семейная педагогика держится.

14

Вот поле постоянной семейной войны – деньги, вещи, «дай», «купи». Как превратить его в поле сотрудничества?

Жадность – чуть ли не первый детский грех. «Жадина» – первая детская дразнилка: «жадина-говядина». Другие дурные свойства еще скрыты, а жадность, кажется нам, проявляется на первом году: «Дай маме мячик», – не дает. Прячет за спину, «мое».

Мама приходит в ужас. Мальчику два года, а он за столом тянет тарелку у матери, норовит отнять, все себе заграбастать. Что из него вырастет? Во имя светлого будущего своего ребенка мама принимает решительные меры. Она – по рукам, она отнимает игрушку у жадного сына, она силой: «Отдай, поделись!»

Она думает, что приучает отдавать и делиться, на самом деле, как мы уже знаем, она учит: сильному все можно, сильный отнимает, отнимать хорошо, вот и мама отнимает; но надо быть сильным, как мама и папа; вырасту – у всех все буду отнимать…

Такое воспитание идет.

Ребенок тянет к себе игрушку, конфету, мамину тарелку, потому что у него нет понятия «мое, твое, чужое». Весь мир

принадлежит ему, и не стоит внедрять с грудного возраста в сознание «мое» и «чужое». Все в доме не «мое-твое», а все – наше, все общее, всего вдоволь, и никто у тебя ничего не берет, ничего не отнимает.

Но отучать от жадности трудно; будем приучать к щедрости. Старая женщина, опытный воспитатель, никогда не дает внуку одну конфету – только две. Чтобы у него было много конфет, чтобы он мог поделиться, если захочет. Она и кусок хлеба прежде переломит, а уж потом даст, чтобы много было. Два печенья, два яблока… Или так: «На конфетку, отнеси маме!» Мальчик настороженно смотрит, осталось ли для него? Осталось, несет маме. «Теперь папе отнеси. Отнес папе? А это тебе». Пройдет год, два, и мальчик спросит: «А тебе где, бабушка?» Но не сразу.

Ребенок должен видеть, что мне ничего не жалко. Я нерасчетливо щедр, я не храню вкусные вещи ни на будущее, ни для гостей. Есть – пожалуйста.

Чем позже ребенок освоит житейскую механику «ты – мне, я – тебе», тем лучше. Я знаю семью, где отец, возвращаясь домой после работы или после долгой отлучки, никогда не привозил ничего детям, чтобы они не кидались к нему со словами: «Что ты принес?» Чтобы они не думали, будто отец обязан приносить. Иногда, раз в году, он появлялся с ящиком яблок или апельсинов, наверное, премиальные получил. Для питания детей нужно по яблоку в день, для воспитания – ящик яблок за все детство. В семье, о которой я рассказываю, родители не дарили детям подарки даже на день рождения, но устраивали щедрые праздники для детей.

Дети могут и не знать, сколько получают их родители и что почем стоит, но они должны знать, что денег в доме в обрез и поэтому просить о покупках нельзя, да и бесполезно: коли нет денег, так что же говорить? Они должны также знать, что при первой возможности родители ничего для них не пожалеют – вот и дорогая вещь, вот и дальняя экскурсия с классом. В таких семьях ребенок ни разу не произнесет фразу «мама, купи» или «мама, дай». Все, что нужно, покупают или дают родители, не ожидая детского унижения, боясь его; покупают и дают с радостью оттого, что у них есть такая возможность; а когда возможности нет, то здесь умеют не слишком огорчаться, и дети не умирают, не страдают, не хнычут и не плачут: нет так нет, что поделаешь.

Выдача денег на неделю, вроде зарплаты, вряд ли разумна. В этом случае я становлюсь должником детей: пришла суббота – гони пятерку. А если у меня ее нет, значит, я виноват перед детьми? В нормальной семье, повторяю, никто никому ничего не

должен, но все верят в доброжелательность каждого.

Говорят, что при еженедельной выдаче дети учатся правильно расходовать деньги. Но бережливость зависит не от количества денег, а от многих качеств характера. И так ли уж надо приучать детей копить деньги, рассчитывать и вообще заниматься деньгами? В доме Марины Цветаевой в ее детстве детей заставляли мыть руки каждый раз, когда они брали деньги. Многие житейские умения сами приходят со временем, и вовсе не обязательно приучать детей ко всему, необходимому в жизни. Кроме того, какую бы сумму мы ни установили, всегда понадобятся и еще деньги на непредвиденные расходы, так что проблема остается.

Ребенок должен привыкать к лишениям, но к естественным лишениям, а не к педагогическим.

Женщина советуется:

– Дочка, ей семнадцать лет, просит купить сережки. Покупать ли?

– А у вас есть деньги на сережки?

– Есть.

– Так в чем же проблема?

– А хорошо ли, педагогично ли?

Странные рассуждения: Если сережки некрасивые или у дочки много украшений и они валяются, если это пустая трата денег, то зачем покупать? А если вещь красивая, украшений у девочки нет и деньги есть, то почему не купить? А главное, все равно ведь купит! Посетуют, проведут серию длинных речей на тему «а я в твои годы…», доведут всю семью до нервного истощения и все равно купят и тем продемонстрируют дочери, что мама просто жадничала.

Покупать или не покупать дорогие вещи – это вопрос наличных средств, а не педагогики. В обычной семье денег на дорогие вещи не хватает, и этим все решается. Дети у нас не на сдельщине. Мы хотим, чтобы они выросли трудолюбивыми, мы приучаем их к труду, но не потому, что купили магнитофон. Была возможность – купили, не было бы возможности – не купили бы, а трудиться дети все равно должны. Но покупать магнитофон, потом попрекать за это? От таких попреков и рушатся добрые отношения с детьми и вырастают люди, глубоко убежденные в том, что и весь мир держится на принципе «ты – мне, я – тебе» или «мы – вам, вы – нам». Если бы все воспитание сводилось к тому, что не надо покупать детям лишнее, как легко было бы воспитывать!

Старшие дети ни разу за всю их детскую жизнь не попросили: «Папа, купи!» Я и слов-то таких не слышал. Но вот Матвей, он

растет один, и, словно в наказание нам, словно для равновесия, он на каждом шагу: «Купи!» Купи мороженое! Купи шоколадку! Купи, купи!

Я мучился, мучился, потом придумал.

– Матвей, – сказал я, – будем говорить по-другому. Как что захочется, ты говори: «А давай мы купим мороженое, а?», «А давай мы…».

Странно, но подействовало! Словами «давай мы» он втягивает меня и сам втягивается в обсуждение. «Купи» – приказ, тут говорить не о чем. «А давай мы купим» – совсем другое дело.

А с пяти лет я стал водить его в «Детский мир», где игрушки. Раз или два в месяц мы идем. Сначала я боялся, думал, замучит своими «купи». Оказалось – нет. Только скажешь, что дорого, – и повторять не приходится. Рядом продается огнедышащий автомат, чудо, а не вещь, а мы покупаем игрушку подешевле. Мальчик весь подбирается, сосредоточивается, держит в уме: «Если ту машинку купили, то можно еще этих солдатиков?» И ни разу мы с ним в «Детском мире» не поссорились, и ни разу он не ввел меня в большой расход. Только надо покупать не одну игрушку, а три-четыре, и нельзя быть расчетливым: «У тебя же есть! Зачем тебе?» Полное доверие, он выбирает, я, если могу, покупаю.

И я точно знаю: вырастет мальчик – и никогда не потребует он дорогую, не по карману, вещь.

15

Бедный или богатый, ухоженный или запущенный, но красивым наш дом может быть всегда, это доступно всем.

В Тарханах, в лермонтовской усадьбе, есть изба дворового человека, превращенная в музей. Привычно слышать: серая изба. А на самом деле – какое богатство красок! Изумрудные флаконы, яркая расписная посуда, цветные изразцы, вышитые полотенца – все яркое, и нет ни одного неукрашенного предмета. Все деревянное покрыто резными узорами, все матерчатое – вышивками, все стеклянное – цветное, все глиняное – расписное. Все, что сделано руками, все красиво, во всем стремление к красивому.

А наш дом? Как сделать дом красивым?

Вот самый простой способ поддерживать чувство красивого: украшать обеденный стол. Как бы мы ни торопились, как бы ни устали, но никогда не позволим себе и детям сесть за неубранный стол, не позволим есть как попало, не переменяя тарелок. Одна

минута – расставить все на столе красиво. А может, убрать стол цветами, салфетками, красивым кувшином, хоть он и не нужен? Не будем думать о том, кто за кем ухаживает, кто кому подает, – должно быть красиво, это обязательно! Поразительно, как действует на детей, особенно на подростков, когда в их доме едят красиво. Им начинает казаться, что их дом отличается от всех других домов.

И даже если в доме все будет вверх ногами, на кухне должно быть чисто, красиво и уютно.

А вещи? При самом небогатом ассортименте все же можно собрать, выбрать красивое. Художники-прикладники говорят, что они могут сделать сервиз, от которого у всех будет хорошее настроение. И могут сделать такой сервиз, что, как поставишь его на стол, все начнут ссориться и сами не будут знать, отчего ссорятся…

Хороший способ проверить, покупать или не покупать вещь: представим себе, что она принесет в дом – мир или ссору, успокаивает или возбуждает чувство неловкости, неустроенности? От самой ценной и нужной вещи откажемся, если она раздражает. И ничего не жаль для вещи, которая приносит радость.

Как бы ни было трудно, а все же в наше время ребенка можно одеть красиво. Нет возможности приобрести дорогое платье? Но не будем по крайней мере ханжами, не будем упрекать: «У тебя одни наряды на уме». Стремление одеваться модно, выглядеть красивым и красивой далеко не всегда признак пустоты. И хотя бы одна красивая, ценная вещь должна быть у ребенка. Женщина рассказывала: «Мы жили вдвоем с мамой, жили бедно, но у меня всегда были лучшие туфли в классе».

Детей, конечно, одевают по возможности хорошо, но родители должны быть одеты лучше. Ребенок страдает, если он плохо одет, но он умирает от стыда, если плохо одеты родители. Есть люди, которым к лицу все модное. Что ни наденет – прелесть. Есть дети, которым приходится быть более строгими в выборе одежды. Трудная наука быть красивым – узнать, что годится тебе, а что не годится, и какой цвет – твой, и какая прическа – твоя. Если эту науку обойти – дети будут потом страдать всю жизнь.

И вот где еще красота: осанка, движение, физическое развитие и просто манеры за столом! Внешняя красота зависит от внутренней, но и внутренняя, духовная красота тоже зависит от красоты внешней, особенно от осанки и манер; они взаимозависимы, эти два вида красоты. Бернард Шоу показал в «Пигмалионе», как можно создать совершенно нового человека,

если изменить его произношение и манеры. Более поразительного примера воспитания не знает мировая литература. А учитель маленького Гете добивался от него красивого почерка, потому что, считал он, почерком образуется характер.

16

Один знакомый мне семиклассник убежал зимой из дому. Объявили розыск, парня нашли где-то в поле, чуть не замерзшим, привели домой, отогрели.

– Куда же ты бежал?

– В Южную Америку.

– ?!

– А там нет обязательного образования, я в газетах прочитал…

Где тот ребенок, который выучился потому, что его принуждали? Спрашивать уроки с десятиклассника, который не делал их с шестого класса, – бессмыслица. Не может он готовиться к экзаменам, если прежде не учился, а только сидел в школе. Поэтому каждый родительский упрек, сам по себе справедливый, нагоняет на парня лишь тоску. Он и рад бы учиться, да не может, так неудачно сложилась его школьная судьба. Что теперь – его же и проклинать? Его же и виноватить? Ему же и закатывать ежедневные скандалы, которые ни на шаг не продвигают дело, а лишь вызывают озлобление?

Воспитание, при котором не учитываются уже сложившиеся обстоятельства, а продолжают настаивать на общих правилах, теряет силу. Да, дети должны учиться, обязаны учиться, это важно и для них, и для страны. Все верно. Но надо исходить из наличных обстоятельств. Ведь неучение – всегда вина ребенка и всегда его беда. Чего же видеть только вину, а на беду закрывать глаза?

Много лет назад мне было поручено составить текст для фильма режиссера В.Виноградова «Час ученичества». Там был такой эпизод: девочка-семиклассница учила маленьких рисовать зайца. «Зайца рисовать очень просто…» – начала она, показала на доске, как же его рисовать, а потом ходила вдоль парт и помогала первоклашкам одному за другим. Девочка эта была прирожденная учительница. Всматриваясь в ее работу, я понял – у нее есть простое педагогическое правило, оно в трех словах:

– Внушай уверенность и помогай!

Позже, после выхода фильма на экран, я встречал эту

формулу и в педагогических трудах:

– Внуши уверенность и помоги!

Помоги! Не бойся помогать! Отбросим пустые соображения на тему «Что же из него вырастет, если он привыкнет пользоваться чужой помощью». Если мальчик нуждается в помощи сегодня, то сегодня и поможем ему, а там будет видно.

Усвоение учебного материала состоит из трех частей: восприятие, схватывание и переработка. Иногда самые умные из детей плохо учатся лишь из-за того, что они с трудом воспринимают материал. У них хорошая память, они умны, но как будто барьер вокруг ума возведен, не пробьешься: не понимают на слух. Другие легко усваивают материал на слух, но душа их не принимает печатного слова. Такие дети, сколько ни бейтесь с ними, очень медленно читают. Иногда бывает достаточно прочитать девятикласснику страницу, и он тут же все поймет, все схватит и перескажет материал, добавив свои соображения. А то – сидел, уставившись в книгу, и тосковал над ней.

Сын плохо читает? Что ж, будем читать ему. Внуши уверенность и помоги!

Плохо рассказывает? Пусть рассказывает с книгой в руках, чтобы напрягать не память, а способность перерабатывать материал.

Хорошо учит, хорошо помогает детям в учении не тот, кто знает науку, а тот, кто умеет строить мост от незнания к знанию, кто видит и противоположный темный берег незнания и непонимания. Нащупать, чего не знает ребенок, для учения важнее всего. Сколько ни раздражайся, сколько ни повторяй: «Ну это же ясно, ну как ты не понимаешь», – понятнее не станет. Некоторые очевидные истины доходят до ребенка очень долго, месяцами, и этот процесс созревания нельзя ускорить понуканиями: яблоко созреет в свое время. Школа торопится, в школе программа, но нам торопиться необязательно.

Никаких «сразу», «сейчас», «завтра же»! Ребенок и так тупеет от плохих отметок, от непосильного ему темпа, а мы, родители, еще и подгоняем его, совершенно отбиваем охоту учиться.

Не всякая школа, не всякий учитель умеют учить с увлечением; будем дома поменьше говорить об отметках, постараемся хоть немного увлечь ребенка учением. Дети ленятся почти нарочно, протестуя против скуки. Чем больше они ленятся, тем меньше интереса; чем меньше интереса – тем труднее сесть за уроки. Заколдованный круг. Его одним рывком не сдвинешь, его можно заставить вертеться в другую сторону лишь огромным вниманием, участием, помощью.

Руссо говорил, что нет ничего труднее, чем отличить действительную тупость ребенка от кажущейся и обманчивой тупости, которая является признаком сильных душ.

Надо ли заставлять ребенка учиться? Способного – надо, неспособного – лишь в пределах его способностей. Какое-то побуждение (уговорами, совместными занятиями, контролем) допустимо. Но там, где резервы личности исчерпаны, нужно больше заботиться о развитии, а не о завтрашних уроках. Там принуждение не помогает. Силу можно применять только по отношению к сильному, тогда нет насилия.

О том, достаточно ли у ребенка способностей, можно судить по тому, что мы сами чувствуем, занимаясь с ним. Заниматься со способным ребенком – удовольствие, даже если он ленится или ничего не знает. Но если радости нет, значит, не развиты способности и надо искать другие выходы. Бывает, что способности человека лежат в области жизни, не охватываемой школой, и тогда что же делать? Да просто перетерпеть школьные годы, стараясь, чтобы ребенок не слишком отупел от неудач.

Но при всех обстоятельствах будем вести дело так, чтобы учение было заботой ребенка, а не нашей родительской заботой. Мама всю ночь просыпается, смотрит на часы, чтобы вовремя поднять сына, а он спит спокойно: разбудят. Мама требует складывать книги с вечера. Мама волнуется из-за двоек. Мама напоминает: скоро контрольная! В результате они вдвоем кончают школу – сын и мама. Сын с золотой медалью, мама с железным характером, закалившимся в десятилетних заботах. Про сына же говорится: «Он рохля, он такой ленивый, если бы не я…»

«Если бы не я…» – то сын, возможно, и не получил бы медали, но стал бы деятельным, заботливым, самостоятельным человеком, который знает, что такое неприятности, но знает также, как их избежать. Забота об учении тоже имеет определенный объем, и о том, о чем заботится мама, не заботится сын.

17

Многие учителя умеют поддержать ученика, сохранить его любовь к школе и к учению. Они не жалуются родителям на детей, они справляются сами, им не нужна помощь ни родителей, ни директора школы.

А бывает, к сожалению, что у детей с учителем конфликт. Учитель держит нашего ребенка в тупых, в лентяях, видит лишь

одно: «Не работает, мешает вести урок». На всех уроках дети хороши, а на уроке географии, например, ведут себя плохо. Вызывают родителей, ругают их: «Не смотрите за детьми, растут хулиганами, оскорбили учительницу географии, сорвали урок географии». Естественно было бы помочь учительнице географии, но ругают родителей – дети при всех обстоятельствах должны вести себя хорошо, а учителей не критикуют.

Учителей действительно не стоит критиковать, как, впрочем, и других взрослых людей. Но что делать? Мы должны сотрудничать с ребенком в его конфликтах с миром. Самые прекрасные наши рассуждения о том, какою же должна быть школа, ничем ребенку не помогут.

Будем помнить о нашей цели. Она не в том, чтобы перевоспитать учителя, не в том, чтобы выразить справедливый свой гнев, не в том, чтобы «показать им всем там», нет! Нам нужно, чтобы у сына или дочери сохранилось чувство собственного достоинства – вот наша цель!

Если ребенку плохо в школе, то весьма возможно, что он сам в этом виноват. Быть может, он раздражает учителя нелепыми замечаниями, дерзит, говорит вызывающим тоном. Не стоит торопиться обвинять учителя, но нельзя и ребенка оставлять одного с его бедой: и учитель его ругает, и дома проклинают…

Всеми силами постараемся снять конфликт. Не раздувать его, а погасить.

Не скандалить в школе. Скандал только ухудшает отношения, это попытка действовать силой, а силой изменить отношение к ребенку невозможно.

Не жаловаться. По возможности не жаловаться на учителя – подобно тому как нельзя жаловаться и на своего ребенка.

Стараться понять учителя. За что он не любит нашего ребенка? Может быть, он всех детей не любит? Может быть, он невзлюбил только нашего – за что же?

Постараемся сделать учителя своим союзником, чтобы и он увидел, что перед ним не враг, готовый горло перегрызть за свое дитя, а человек, способный понять другого и разделить его трудности.

Не подозревать учителя в дурном. Учитель, как и все, нуждается в успехе, нуждается в одобрении. Мы почти ничем не можем помочь учителю в его работе, так хоть не откажем ему в добром слове.

Не всегда, но во многих случаях удается перейти от взаимных жалоб и обвинений к совместному обсуждению: что делать? И это будет лучшей помощью ребенку в его конфликте.

18

А если конфликт с родными, с соседями, с другими взрослыми?

Тут, к сожалению, действует неумолимый «закон кошки» – так его можно назвать.

…Когда Матвею было два года, он ужасно мучил нашего котенка. Таскал за хвост, раздирал ему пасть, засовывал под ковер и садился сверху, а то поймает его и сунет в унитаз вниз головой. Что только мы ни делали, какими словами его ни ругали – не помогало.

Но пришло время, Матвей подрос, и кошка выросла. И в один прекрасный день она так хватила Матвея лапой по щеке, что он с ревом побежал от нее; и роли вмиг переменились. Теперь не кошка бегала от Матвея, а он от нее, да еще как! С какой прыткостью!

Вот закон кошки: наладить отношения между двумя существами никто третий не может. Лучше и не вмешиваться!

Если мальчик плохо относится к бабушке, то, конечно, можно обвинить его в том, что он плохой внук, – отчего же и не обвинить? Кажется, будто сделал что-то полезное, восстановил справедливость, облегчил совесть. Но дело не сдвинулось. Отношения бабушки с внуком полностью зависят от бабушки.

19

И еще конфликты, самые трудные: ссоры с товарищами. Мальчик страдает, а нам что делать?

Мне пришлось однажды разбираться в такой истории. Мальчика-восьмиклассника обвинили в классе в том, что он не отдает взятую им книгу, и даже назвали вором. Мальчик пожаловался отцу. Папа пришел ко мне советоваться: не надо ли ему пожаловаться в роно? В гороно? В министерство?

Совет, который я дал, очень не понравился рассерженному папе. Я сказал:

– В детские конфликты почти никогда не стоит вмешиваться – мы можем сильно навредить ребенку.

Идет мальчик, навстречу ему верзила: он толкнул мальчика. Тот оглянулся, видит – верзила. Что же делать? Проглотил обиду и пошел дальше. Не все отчаянные герои. Но вот тот же мальчик идет с девочкой, а такой же верзила толкается. Теперь что делать? Положение мальчика резко ухудшается, он почти вынужден драться. Хорошо, если рядом с ним умная девочка, она

успокоит: «Не обращай внимания». Но ведь у нас и девочек воспитывают в героическом духе, и подружка мальчика может еще и трусом его назвать. В общем, плохо.

Точно так же бывает и в том случае, когда мы вмешиваемся в конфликты нашего сына. Мы играем роль девочки-свидетельницы, мы невольно толкаем мальчика на чересчур храбрые, неоправданные поступки, мы подливаем масла в огонь и, кстати, внушаем опасную, ложную мысль, будто все конфликты кончаются победой. Да, сын потерпит поражение, но ему будет легче перенести его без свидетелей.

Нельзя все знать о детях!

Общее правило состоит в следующем: мы как можно больше помогаем сыну, дочери в их внутренних делах – во всем, где мы можем придать им сил; мы не торопимся помогать им в их столкновениях с миром, полагаясь на их силы и стараясь, чтобы они не привыкали жаловаться и надеяться на помощь родителей, затруднять их. Все то же самое – не затрудняй!

Первое правило сотрудничества парадоксальным образом звучит так: не затрудняй!

20

Вот что такое сотрудничество: не говори ребенку «ты – неряха»; всякий недостаток ребенка – наш общий недостаток, наше совместное упущение в той работе, которую мы вместе ведем в воспитании культурных навыков. Подумаем вместе, как тебе стать аккуратным. У нас одна цель – твое развитие, твоя воспитанность.

Об этом можно не говорить ребенку, но это нужно держать в уме. Все, что мы можем сделать с ребенком, мы можем сделать только вместе с ребенком, вовлекая его в решение задачи. И ничего нельзя сделать помимо него!

Культурная программа нашего сотрудничества с детьми в общем-то не так уж и велика. Первоначальные навыки культурного поведения несложны: говори «пожалуйста, спасибо, здравствуйте, до свидания», умей извиниться, содержи себя в чистоте, аккуратно ешь, не прерывай другого в разговоре, уступай место и дорогу старшим и девочкам, не привлекай к себе внимание громким разговором в общественных местах… Трудность освоения этой простой программы в том, что она почти целиком состоит из всевозможных «не»: не забудь сказать «спасибо», не клацай вилкой, не садись за стол с грязными руками, не толкайся, не прерывай, не шуми… А запрет – не

лучший способ воспитания и вовсе не годится для сотрудничества. Наложив запрет, я должен следить за его соблюдением, я становлюсь контролером, я вынужден постоянно поправлять и делать замечания, причем ребенок не может отвечать тем же. Я не допускаю, чтобы он мне делал замечания. Но всякое воспитательное действие, которое разрешено только одной стороне, для воспитания плохо. Я не могу шлепать ребенка хотя бы потому, что нельзя, чтобы он шлепал меня. Не могу острить в адрес ребенка, если не допускаю, чтобы он острил в мой адрес. Не стану поправлять ребенка, если не хочу, чтобы он поправлял меня.

Папа с сыном-первоклассником подходят к дому, папа предупреждает: «Не будем звонить, мама больна. Откроем дверь ключом».

Прекрасный урок. Но отец опоздал, сын по привычке нажал кнопку. И тогда: «Я кому сказал? Паразит!» По расстроенному пианино можно, конечно, ударить кулаком, но ни один инструмент в мире не начал от этого удара звучать чище. Мы должны не столько учить вежливости, сколько воспитывать сердечный слух, чувство человека, и тогда ребенок легко овладеет правилами поведения. Он не просто будет вести себя культурно, поведение будет отражать внутреннюю его культуру, будет следствием развитого сердечного слуха. Но мы не всегда понимаем, что вежливость и сердечный слух – явления, совершенно разные по своей природе, они приходят к человеку по-разному. Внешняя культура, вежливость – это набор навыков, привычек поведения. Сердечный слух – психическая способность. Но то, что полезно для образования привычки, порой вредно для развития способности.

Пришла тетя, принесла конфеты: «Что надо сказать? Скажи тете спасибо».

Мы сконфузили ребенка, и еще хуже, если не сконфузили: значит, он и не знает, что такое смущение. Вежливости учим, а сердечный слух забиваем. Привычка к вежливым формам в языке усугубляется, а сердечный слух притупляется. Сто таких упражнений – и от драгоценного свойства слышать сердцем другого ничего не остается.

Правила вежливости рассчитаны на проявление положенных чувств, даже если чувств в действительности нет. Как часто приходится говорить «спасибо» и тогда, когда мы не чувствуем особой благодарности. Это все необходимо в обществе. Но преждевременно обучая ребенка высказывать словами чувства, которых он не испытывает, мы можем испортить его сердечный слух. Сказал «спасибо» – и незачем теперь выражать

благодарность улыбкой, и нет никакой благодарности за подарок! Квиты.

Лучше действовать так: «Сейчас придет тетя в гости, она нам скажет „здравствуйте“, и мы с тобой не забудем, я скажу, и ты скажешь…»

Но забыл, не сказал – что ж, в следующий раз повторим урок, не делая замечаний. Не торопиться, не щеголять выучкой своего ребенка: посмотрите, какой он у меня вежливый, как хорошо я его воспитываю. Мы не в цирке, мы не дрессированных собачек показываем, мы вообще не показываем своего ребенка, не демонстрируем его.

Маленький мальчик вмешался в разговор взрослых – обнимем его, прижмем к себе, палец ко рту – «тихонько!». Потом наедине скажем: «Нам с тобой надо учиться не прерывать разговора взрослых». И в троллейбус садясь: «Будем тихо разговаривать, хорошо? Чтобы нас никто, никто не слышал». Мама без упрека вытирает за ребенком, когда он вошел в комнату и наследил: «Ой, смотри, грязь какая». Сын будто и не обратил внимания на это. Но нет, что-то там, в голове, сработало, и постепенно он приучается вытирать обувь, даже быстрее, чем если бы на него каждый раз кричали: «Вытирай ноги, сколько раз тебе говорить!» Кричать можно всю жизнь, и всю жизнь без толку.

21

Обучение вежливости и аккуратности так похоже на воспитание! Но, обучая вежливости, мы обычно тратим не душу, а нервы; мы не вглядываемся в ребенка, а раздражаемся; мы не говорим с ним, а напоминаем ему; мы не переживаем с ним чье-то несчастье, а наказываем. Вежливость продавца с покупателем можно заметно повысить беседой, выговором и особенно премиальными. Но сердечный слух подобным воздействиям не поддается. Это слух не на слово, а на состояние другого человека. А мы с первых лет исключаем понятие «другого» из семейного обихода. Когда малыш тянется к горячему чайнику, мы говорим: нельзя – будет больно; или: нельзя – разобьешься, нельзя – упадешь. Самые первые моральные понятия связываются с вредом себе: нельзя, потому что тебе будет больно. А ведь истинное «нельзя» – потому что больно другому.

Воспитание сердечного слуха требует нравственной тишины, и нельзя внешнюю культуру воспитывать методами, подавляющими культуру внутреннюю.

Ничто, пожалуй, не возмущает нас так сильно, как человек

вежливый, но бессердечный. Вежливость – признак воспитания, бессердечность – признак невоспитанности. Противоречие между вежливостью и бессердечием мы и воспринимаем как обман. Будем вежливыми с детьми, будем оберегать их сердечный слух!

Когда жалуются на сына, я спрашиваю:

– Представьте себе, что ваша семья смотрит телевизор. А сыну надо пройти, на мгновение загородив экран. Как он пройдет: быстро? пригнувшись? испытывая смущение? или спокойно, не торопясь?

Тут и ответ о сегодняшних результатах воспитания. Если поторопится – с мальчиком все в порядке, и теперь главное – не замучить его воспитанием и тревогами: «Что из него вырастет?»

22

Все правила вежливости постараемся преподносить детям не как требования этикета, а как необходимость не затруднять людей. Добивайся своей цели за свой счет. Все, что можно делать самому, – делай сам, никого не затрудняй, а если уж затрудняешь, то проси об одолжении. Ни с кого нельзя требовать – никто в этой жизни, включая родных, ничего мне не должен и ничем не обязан. Я обязан людям, мне в радость оказать услугу, я могу просить о помощи, но мне никто ничем не обязан. Не трогай человека, не принуждай, не вынуждай, не вмешивайся в его жизнь, не вторгайся в его душу, не добивайся верха над ним. Люди типа «мой верх» – самые отвратительные люди на свете. Помни правила деликатности.

Не затрудняй людей – не добавляй им забот без крайней нужды.

Не затрудняй людей – не будь угрюм.

Не затрудняй людей, не старайся выглядеть несчастным и нуждающимся в помощи.

Не затрудняй людей – проси о помощи только того, кто может и хочет тебе помочь, и не проси о помощи без конца.

Не затрудняй людей, не ставь их в неловкое положение, а если почему-либо чувствуешь свое превосходство над человеком, то тем более уступай ему.

Не затрудняй людей – если жалуешься кому-нибудь на свои беды, а человек тебя утешает, будь благодарным ему и не отводи его утешения как ничего не стоящие.

Не затрудняй людей ничем, ни силой своей, ни слабостью.

Как научить ребенка этим правилам? Бесконечными повторениями? Нет, соблюдением их в общении с детьми.

Маленькая педагогическая задача. Мама, укладывая десятилетнюю девочку спать, всегда читает ей несколько страничек из книжки. Так заведено, и девочка целый день ждет этой минуты. Но вот однажды, в то самое время, когда укладывались спать, к маме ненадолго зашла подруга. Мама сказала девочке: «Сегодня читать не будем, на кухне тетя Наташа ждет меня». У дочки на глазах слезы…

Что делать? Рассердиться на девочку за ее нечуткость, за то, что она не хочет уступить? Сказать ей, что она грубый и бессердечный человек, поссориться с ней?

Вообще-то говоря, у мамы есть на это право; хорошо воспитанная девочка уступила бы, ведь ей не четыре года – десять лет. Но надо воспитывать совестливость, а не считаться с правами. Да если и с правами: у девочки есть эти пятнадцать минут маминого внимания, так заведено.

Мама сказала: «Конечно, неловко получается, тетя Наташа ждет, но я обещала тебе… Давай читать». Стали читать; не прошло и пяти минут, как девочка прервала маму: «Там тетя Наташа ждет». Маленькая битва выиграна. А могла бы девочка и не остановить маму – что ж, все равно она получила бы урок порядочности. Постепенно, через год, два или через пять лет, девочка научится уступать, видя, как это делает мама. А еще важнее, что мама вовсе и не уступила. Если бы она сказала: «Сегодня не будем читать», а девочка пустилась бы в слезы, закатила истерику и мама, браня ее и сердясь, взяла бы книжку, – это было бы неправильно. Но мама сама стала читать, сама проявила деликатность, а не уступила девочке под давлением. Это важный оттенок отношений. Хорошее правило: не дожидаться, пока ребенок начнет требовать.

Мы учим детей общаться, сотрудничать, а не подчинять себе других.

Глава 3
Воспитание сотворчеством

1

Соподчинение, сообщничество, сотрудничество… Но есть и более высокий тип отношений между людьми, между родителями и детьми – сотворчество. Счастливейшее состояние духа! Мы не всегда вольны выбирать тип отношений с детьми, но пусть общение перерастает в сотрудничество, а сотрудничество – в сотворчество.

В совместном коллективном творчестве между детьми и взрослыми само собою устанавливается подлинное равенство, идет духовное общение. Но можно ли такие отношения установить в семье, где практически нет коллектива?

Не знаю.

В решающий момент я вынужден сказать: не знаю, не видал.

Как я развиваюсь вместе с сыном? Где, в чем хоть малый элемент совместного созидания? Если я помогу рисующему мальчику, то я просто подскажу ему. А в чем совместное наше напряжение духа?

Но все же прикинем, представим себе какие-то практические действия в семейном сотворчестве. Выберем в качестве первого шага область любознательности, область воображения, область эстетики.

2

Вспомним, что любознательность – ядро всех познавательных способностей ребенка. От нее зависит и память, и творческая сила. От нее же зависит и интерес к людям.

Любознательность – глаза, направленные в мир. Чем острее зрение, тем больше и улов, тем богаче человек. С любознательным ребенком интереснее, его все любят. Поэтому, как бы мы ни уставали, будем хвалить ребенка за всякий интерес, за всякий вопрос, за всякую попытку исследовать мир, даже если это исследование дорого нам обходится.

Ребенок в возрасте «почемучки» задает в день чуть ли сотни вопросов (кто-то насчитал более четырехсот). Многие из них малоценны: пятилетний просто хочет привлечь внимание.

Вопросы тоже могут быть механическими, так что наше раздражение понятно и простительно. Надоедает. Но будем на страже, не пропустим среди пустяковых вопросов – ценный. Тут нужно определенное напряжение, внимание.

Вот фразы, которые стоит почаще произносить в присутствии детей: «Как интересно! А я и не знал, что… Оказывается, что…» Если у нас родились дети, мы должны развивать свой интерес к миру.

Но будем бояться нового порока – «кроссвордных знаний», «кроссвордной любознательности». Люди, ничего не зная глубоко, с изумительной ловкостью, в считаные минуты решают самые сложные кроссворды, и им кажется, будто они все знают.

Каким бы малоценным с нашей точки зрения занятием ни увлеклись сын или дочь, заметим, что все-таки увлеклись, все-таки хоть что-то они стремятся знать. Заставим и себя оценить это увлечение, вложить в него частицу души. Гораздо хуже, когда приходится вздыхать: «Моего ничего не интересует…»

Но и эту фразу оставим при себе, никогда не будем корить ребенка за нелюбознательность – это опасно. Наоборот, постараемся внушить ему, что его все интересует, будем без конца удивляться его острому глазу, быстрому уму, тогда, быть может, нам и вправду удастся раскачать тяжелый маховик нелюбознательности.

Если десятилетний за все хватается и все бросает, он ищет свой интерес, ищет такое дело, которое у него пойдет; не будем корить его, сдержимся, постараемся быть терпеливыми педагогами. Конечно, мальчик, который разбрасывается, отстанет от тех, кто занимается одним видом спорта или в одном техническом кружке с шести лет; но мы же не чемпиона растим.

Особенно трудно подростку. Куда бы ни пришел – всюду новичок, всюду отстал от сверстников. Поэтому, если есть возможность, постараемся пристроить сына или дочь к какому-то занятию до десяти-одиннадцати лет; а подростка оставим в покое. Переждем!

Нам часто будет казаться: если ребенка не интересует то, что интересует нас, значит, его ничего не интересует. Опасное заблуждение. Интересы ребенка могут сильно отличаться от наших, и мы должны потрудиться душой, чтобы признать их.

Так хочется посмотреть на занятия и интересы ребенка с точки зрения будущей профессии. Один отец сломал голубятню, сказав сыну: «Голуби тебя не прокормят». Это верно, не прокормят; но мы не можем знать, какие ценнейшие качества личности развивает даже малоценное занятие.

Сознательно увлечь ребенка очень трудно. Прикинем, кого

мы можем привлечь на помощь – кого из родных, знакомых, нельзя ли хоть на время отдать ребенка в чужие люди, отослать в гости, чтобы там с ним ходили на рыбалку, на охоту, отдать в помощники и подмастерья – вдруг он где-нибудь встретит свой интерес?

Не стоит торопить ребенка с выбором профессии. Когда же время выбора подойдет, не позволим чужим людям приставать к сыну с вопросами: «Ты кем хочешь стать?» Мы и представить себе не можем, как мы все надоедаем детям! О будущей профессии разговариваем так же осторожно, как о первой любви: это интимнейшее дело.

3

А интерес к людям? А воображение? Почаще будем разговаривать с детьми о людях – об их судьбах, делах и поступках, и, разумеется, только доброжелательно, с удивлением, состраданием, любованием. Оказывается, это и нам трудно – вот тут-то и приходится переделывать, творить нового себя. Каждый встречный человек должен интересовать нас и нашего ребенка. Вместе отыщем, что можно хорошего сказать о нем.

Особенно постараемся обращать внимание и привлекать внимание детей к людям малозаметным, «маленьким». Приучимся жить в ожидании чуда – чуда встречи с необыкновенным человеком в любом обличье, будем ждать чуда вместе с детьми.

«У всех можно чему-нибудь научиться!» – так говорим мы детям. Нет человека ниже меня, у каждого можно чему-нибудь научиться, каждый человек – мой учитель. Но даже мне, старшему, трудно поверить в это. Но нам поможет сотворчество с детьми.

Любознательность толкает меня к человеку, воображение помогает понять его. Каждый человек – другой, не такой, как я; тем больше нужно воображения, чтобы почувствовать его душу. Почаще будем говорить детям: «Давай поставим себя на его место…» – но не тогда, когда мы упрекаем детей. Представим себе состояние другого человека, чтобы вместе простить его.

Дети всё умеют! Я не умею скакать на лошади, а трехлетний сын – умеет. Он скачет на палке. Побоимся отвлечь детей, когда они скачут, торгуют в магазине, воюют, тушат пожар, лечат. Кто-то рассказывает в воспоминаниях о своем детстве: он играет в лавку, мимо проходит мама и целует мальчика. «Ну мама, – говорит он недовольно, – ну разве когда ты входишь в лавку, ты

целуешь лавочника?» Не целуйте лавочников, не мешайте пожарникам тушить пожар и не отнимайте у ребенка стул, если этот стул – паровоз.

Люди не равны между собой, а дети равны всем людям. Я – это только я, а он, маленький, – он король, он и принц, он космонавт, он индеец, он папа. Если в мою комнату вошел король, то я обращусь к нему не иначе как «Ваше величество!».

В хорошей семье должен быть такой порядок: все должны вовремя приходить к столу. Уважительной причиной для опозданий можно считать лишь одно: зачитался или заигрался. Заигрался! А в иных семьях мальчика или девочку еще бы и наказали: «Тебе бы все играть и играть…» Или: «Не наиграешься…»

Сухомлинский говорил: в сказках о том, что на Солнце живут два кузнеца и потому оно раскаленное, для ребенка больше правды, чем в сведениях о физическом строении светила. В сказке, в поэзии больше правды, чем в истине. Никогда не станем разоблачать детские выдумки и фантазии. Если хотите, то ведь и будущий заработок сына зависит от того, насколько он умеет фантазировать, потому что на каждой стоящей работе требуется воображение. Постараемся укрепить тот вид фантазии, который сильнее у ребенка, не слишком стремясь к гармоническому развитию. Упор на то, что есть у ребенка, а не на то, чего у него нет.

Когда нам кажется, будто у нашего ребенка совершенно нет воображения, это обычно означает, что у него нет того воображения, которое свойственно нам. У него оно какое-то другое, и надо терпеливо искать его, чтобы развить.

Стоит помнить, что школьная программа относительно условна, она связана традицией и недостатком учебного времени. Почему в ней есть литература, а нет истории музыки? Разве музыка менее значительна, чем литература? Почему нет в школе геологии? Бухгалтерии? Истории кино? Философии? Но ограниченность школьной программы, вполне оправданная, не должна стать ограниченностью детей. Не стоит думать, будто интересы, связанные с программой (и приносящие отметки), важнее непрограммных интересов. У них одинаковая ценность.

Почаще играем с детьми воображаемыми предметами. Мы вдвоем месим тесто на столе, раскатываем его, мажем повидлом, ставим в духовку, вынимаем, режем на части, едим и хвалим!

«Хочу все знать» – это замечательно. Но еще дороже – «хочу представлять», «хочу придумать». Знания ребенок получает в школе, в книгах, с телеэкрана. Но кто, кроме нас, подтолкнет его к мечте, фантазии, к преображению?

Один мальчик, когда ему говорили, что он врунишка, отвечал: «Я не вру, я фантазирую!» Отличать ложь от фантазии не всегда легко. Если нам говорят, что окно разбил ветер, колдун, незнакомец в черной шляпе – это одно; если говорят, что окно разбил соседский мальчик Женя – это другое…

Прекрасно, когда мальчик выучил уроки и получил «пять». А не выучил уроки, но получил «пять»? Ловкач или молодец? Не будем торопиться с осуждением. Выучить все уроки можно лишь в школе; в жизни все уроки не выучишь. Если ребенок привыкнет отвечать лишь тогда, когда он знает урок назубок, – он пропал. Надо быть и находчивым, надо быть и сообразительным, – творческим и неунывающим человеком!

4

Во всяком творчестве две стороны: изобретение и оценка. У мастера фантазия и смекалка, но у него и вкус, какое-то внутреннее мерило – оно заставляет его не удовлетворяться слабой работой, искать новое, отбрасывать банальное и уродливое. Изобретение дается любознательностью и воображением, оценка – вкусом, который дается нам от природы и развивается в соприкосновении с красивым.

Первой заповедью поставим себе – не критиковать вкус детей: «Ну что за дрянь ты читаешь, ну что ты слушаешь, ну как тебе не надоест?» Вкус к прекрасному развивается медленно, он буквально созревает и должен созреть сам. Мы воспитываем свой вкус и не навязываем его ребенку. У детей есть право на свой вкус, и часто они любят странные, на наш взгляд, книги и фильмы. Но любят же они ириски и невкусный, приторно-сладкий лимонад? Постараемся проникнуть во вкус ребенка, понять его и принять.

Пользуемся любой возможностью побывать с детьми в театре. Ничто не возбуждает так тоску по красивому, как театр. И никогда не позволяем себе бранить театральные спектакли. В театре живые люди, их нельзя ругать, как, впрочем, не стоит и ругать артистов на телеэкране.

Пошли в кино? После сеанса не боимся обсуждать фильм не как произведение искусства, а как реальную историю. Художественные достоинства дети научатся понимать позже. Моральное в искусстве для детей важнее чисто художественного. И выкинем из словаря слово «ничего». Вот где нам придется поработать вместе с детьми – борясь со словами «ничего, так себе». Ничего – книга, ничего – фильм, ничего – спектакль… В

результате появляются ничего-зрители, а потом ничего-люди. Соберемся с силами и скажем о фильме нечто содержательное. Иногда приходится и во время сеанса думать: а что я скажу о нем после окончания?

Говоря о спектакле, фильме, картине, мы стараемся навести мысли ребенка на автора: что он за человек? Герой повести Сэлинджера «Над пропастью во ржи» думает о писателе: «Этому человеку я бы позвонил…» А мы захотели бы позвонить автору спектакля?

Крепко подумаем, прежде чем высказать дурное мнение о спектакле или фильме. В этом случае – как можно меньше решительности! Но не стесняемся в выражении восхищения, не боимся выглядеть смешными или восторженными.

Если есть возможность, будем устраивать семейные чтения вслух. Выросшим детям читать вслух еще интереснее, чем маленьким. Если ребенок мало читает, не станем слишком беспокоиться и заставлять его читать. Будем сами больше читать, будем собирать хорошие книги, и придет время, когда сын станет читателем.

Вот что мы должны делать: давать ребенку как можно больше разных языков, потому что мир многоязычен. Речь идет не только об иностранных языках (хотя они тоже нужны), нет – о языке кисти и красок, о языке мелодии и гармонии, о языке чертежа и детали, о языке цветов и грибов, о языке закатов и восходов, о языке поэтического образа и сказочного символа, о языке театральных декораций и актерской игры. Будем вместе с детьми, напрягаясь душой, овладевать этими языками точно так же, как иностранными: учимся понимать их и говорить на них в какой-то степени. Чем больше таких языков усвоят сын и дочь, тем более многосторонним будет их взгляд на мир, тем богаче будет их душа, тем легче будут они принимать возвышенное и стремиться к идеалу, тем сильнее будут они духом и тем больше у нас будет возможностей для взаимодействия друг с другом.

5

Общение, сотрудничество, сотворчество… Но есть в русском языке еще одно слово: соцарствие. Я однажды встретил его. Что оно значит? Не могу и представить себе. Но как-то в телефильме об одном замечательном современном нашем писателе сказали, слегка шутя, что он любил царить в своем доме, царствовать. А может, бывает в доме и «соцарствие»?

Скажут: «Эк занесло его! Еще и соцарствие!» Но всегда

ошеломляет разница между тем, о чем мы читаем в великих книгах, и обыкновенной нашей жизнью. Ну что уж так? Ну хоть в мысли, хоть в мечте, хоть в сердечном замирании, хоть ненадолго поднимемся, поднимемся…

6

А Матвей-то наш маленький отличился!

В 1985 году был в Москве Всемирный фестиваль молодежи и студентов, и кинорежиссеру Владимиру Левину поручено было снять фильм о детской части фестиваля – о том, как жили в Москве маленькие гости со всего света. Режиссер углядел Матвея, его поразило, как он рассказывал, естественность в поведении мальчика, и он добился, чтобы нашего Матвея включили в число делегатов фестиваля. Он был, если не ошибаюсь, самым маленьким среди детей, съехавшихся сюда из разных стран мира. И так его все полюбили; так он работал – именно работал, соединяя самых разных ребят между собой, веселил их и будоражил; с такой честной гордостью повторял он: «Я из Советского Союза!»; так смешно, так искренне уверял, будто знает много языков – и английский («сэнк ю вери мач»), и французский («мерси боку»), и еще какие-то другие, – словом, так он достойно представлял нашу делегацию, что был награжден Почетной грамотой.

А сорокаминутный фильм о детях на фестивале, главный герой которого – наш маленький, быстрый, находчивый в ответах Матвей, показывали и по телевизору. Текст от Матвея читает известный артист Евгений Леонов. Рассказывают, что он все время удивлялся, как может мальчик вести себя с такой простотой и независимостью? Фильм Центральной студии документальных фильмов называется «Жил-был Матвей».

Но для честности должен добавить, что Матвей-то наш уже школьник, первоклассник, и пока что беда с ним. Читает, считает, рассказывает, слушает внимательно, хорошо сидит на уроках, но все буквы пишет только печатные и только в зеркальном виде. Уже третья четверть кончилась, уже учительница в отчаянии, уже поговаривают о том, чтобы оставить его на второй год, а он по-прежнему пишет «с» – влево, «ч» – вправо, а косую палочку в печатном «и» – сверху вниз. Буквы прыгают по линейкам как им вздумается, от тетрадей Матвея можно упасть в обморок, и ничего не помогает. Идея старательно выводить буквы глубоко непонятна ему, он пишет так же быстро и небрежно, как взрослые всю жизнь на его глазах пишут, а учительница сердится, говорит,

что мальчик не приучен трудиться.

Что делать? Строгими мерами можно было бы научить его, в какую сторону пишется «с» и «е», а в какую «ч»; но что будет утеряно при этой операции, кто знает? Придет время, и научится он писать; и во всяком случае его грех грязнописания меньше греха неверия в мальчика. Не надо все немедленно исправлять, поддаваясь психологии ремонта, и нет в педагогике фразы опаснее, чем «на ошибках учатся».

Дети на ошибках не учатся; дети учатся не на ошибках, а на своих успехах, достижениях. Дети развиваются прибавлением положительного, а не вычитанием отрицательного. Знака «минус» в педагогической арифметике нет, в ней только «плюс», «умножить» да еще «разделить» – разделить с детьми их тревоги и трудности.

Дети. Что поделаешь? Не то, так это. Педагогика от Матвея продолжается. Видно, мальчик еще не всему научил нас.

7

В телевизионной передаче для молодежи – беседа с восемнадцатилетним парнем, который отбывает долгое наказание за квартирные кражи. Красть он начал в четырнадцать лет. Парень довольно добродушно объясняет, отчего он воровал:

– Воли не было. Знаю, что нельзя, а воли нет.

В этой фразе – вся расхожая педагогика. Тысячи книг написаны по этой трехкодовой схеме:

1. Есть кем-то установленные «нельзя».
2. Знай, что нельзя.
3. Имей волю удержаться от того, что нельзя.

Так все просто: «нельзя + воля». Эта схема, глубоко в нас сидящая, и ведет к порокам и преступлениям. Конечно же, есть великое множество «нельзя», их гораздо больше, чем значится в Уголовном кодексе. Но из этого вовсе не следует, что жизнь человеческая катится по дорожке, с двух сторон огражденной заборами из «нельзя». Все гораздо сложнее. Если бы жили и действовали по схеме «нельзя + воля», то уголовных преступников было бы куда больше.

Вокруг нас полно «нельзя», но изнутри человека вырастает мощное «не могу», которое в тысячу раз сильнее, чем «нельзя».

Воля человеку необходима, но она дана вовсе не для удержания его в границах «нельзя», а для сотворения красивого мира.

Воспитание по схеме «нельзя + воля» – воспитание в два

прихлопа, в два притопа; раз-два, раз-два, нельзя – держись, раз-два, нельзя – крепись, раз-два, нельзя – не смей, раз-два, нельзя – смотри! При обедненном этом воспитании «нельзя» становится сладким запретным плодом, а воля, направленная на подавление собственных желаний, погибает.

Парень с телеэкрана потому и попал в заключение, что ему не вкладывали в голову ничего, кроме жалкой схемы «нельзя + воля». Только такая схема ему и понятна, только в нее он и верит; все остальное кажется ему пустым. Так просто: нельзя! Почему нельзя? А потому, что заругают, накажут, посадят. А может, обойдется, может, не поймают. Вдобавок человек чувствует себя героем, свободной личностью: всем нельзя, а ему можно.

Ну а что же вместо этого, привычного? Да все то непривычное, о чем говорилось в книге.

8

Дети – благодарный народ, дети – народ неблагодарный.

Родители мучают ребенка, чуть не силой заставляют его учиться – ничего, потом скажет спасибо.

Но если «спасибо» отложено на годы, ребенок растет, не зная благодарности, и душа его как в темноте – много ли толку от поздней деловой благодарности?

– Сережа, сходи в магазин!

Нет чтобы ему взвиться как на пружинке и побежать! Надо десять раз повторить. Наконец он поднимается, неохотно надевает пальто и отправляется с таким видом, будто он вовсе не за хлебом. Ну уж ладно, ладно, по дороге, может быть, и купит.

Привыкнем к этому. Забудем пустые фразы: «Сколько раз тебе говорить? Тебе что – сто раз повторять надо?» Все равно не узнаешь, услышал он нас или не услышал. Ответ придет через много лет, словно сигнал был послан на далекую звезду.

Всей нашей жизнью мы приучены: если ты сделал человеку что-то хорошее, то и он с тобой – по-хорошему или уж во всяком случае будет благодарен. Вся жизнь так устроена. А в доме что? Сыну и то купили, и это, и куртку, и магнитофон, и велосипед… А он? Как приносил двойки, так и приносит, как болтался с дружками до полуночи, так и болтается. Хоть бы мать пожалел! Мать ночей недосыпает, куска хлеба недоедает, а он? Неблагодарный.

Идея отдачи, и притом немедленной, если она овладеет родителями, может погубить всю работу воспитания. Идея отдачи естественна в сфере материального производства: вложил рубль –

должен получить отдачу в рубль с чем-то. Вклад и отдача измеряются одной мерой, в рублях или тоннах. Не так с отдачей в сфере духовного производства. Родители вкладывают в ребенка нечто материальное – деньги. Силы, жизнь свою вкладывают в него, а отдача? Она нематериальна: свойства детской души. Лишь только мы начинаем измерять отдачу твердой мерой: отметками, помощью в хозяйстве, приличным поведением – мы пропали. Наш труд воспитателя покажется нам бессмысленным, бесконечным и напрасным – где же взять силы терпения и любви?

С детьми нельзя вести счеты и потому, что душа от этого хиреет, и потому, что вклад и отдача несоизмеримы, да и просто потому, что просчитаемся. Кто завел счеты с детьми, тот просчитается. Дети даны нам для нашего бескорыстия.

Древняя легенда замечательно объясняет, в чем выражается благодарность детей.

…Старый орел с тремя молодыми орлятами залетел далеко в море на маленький островок. Вдруг поднялась страшная буря. Орел подхватил одного из сыновей и понес его над бушующими волнами. На полдороге он спросил:

– Сын мой, видишь, как я забочусь о тебе, как спасаю твою жизнь… Будешь ли и ты так же заботиться обо мне, когда я стану совсем старым и дряхлым?

– О конечно, отец! – отвечал сын. – Я отплачу тебе тем же, я буду заботиться о тебе так же, как и ты обо мне…

Тогда старый орел сказал:

– Мне очень грустно, что у меня вырос сын-лжец…

И он бросил сына в море.

Вернулся за вторым. Понес его к берегу.

– Будешь ли ты, сын, заботиться обо мне так же?..

– Отец, как ты можешь в этом сомневаться? Только донеси меня до берега…

И второго сына постигла та же участь – отец бросил его в море. Он не терпел лжецов.

Полетел за третьим, несет его над волнами, чуть не падая.

– Сын мой, будешь ли ты заботиться обо мне так же, как я о тебе?

– Отец, этого я тебе обещать не могу, – сказал третий сын. – Но я обещаю, что, когда у меня будут дети, я буду заботиться о них так же, как ты обо мне…

И старый орел донес орленка до берега.

Принять такой взгляд на жизнь нелегко, и найдется много охотников поспорить: ну как же – а забота о престарелых родителях?

Но не надо понимать легенду буквально. Примем одно: жизнь

должна идти вперед, родители все отдают своим детям, а дети – своим детям, и так эта эстафета бескорыстия идет через века. Дети благодарны, но они благодарят не нас, а жизнь.

Так что же выходит: все отдай и ничего взамен?

Мы получаем больше, чем отдаем.

Вот совсем еще маленький Матвей кричит свое «э-а!». Вот ему два года, я мою ему руки под краном, а он бьет по воде, брызгает и смеется, и сердце мое замирает от наслаждения видеть и держать в руках эти ладошки величиной с мой мизинец. Вот он подрос, играет в другой комнате, я зову его, а он деловито кричит мне: «Циво?», то есть «Чего?», и даже голос его туманит мне голову. Вот и всё, вот и все наши радости – этот смех, эти брызги, это веселое «Циво?». Ах, если б навеки так было!

А за это что отдать, когда сидишь за столом и вдруг слышишь за дверью пыхтенье и странные, нигде в мире не существующие звуки: тепа, тепа, тепа… шлеп, шлеп, шлеп… – и в двери, в самом низу ее, появляется нечто совершенно удивительное – маленький Матвей на четвереньках вползает в комнату, громко шлепая ладошками по полу, выкидывая руки, словно пловец с ластами: шлеп, шлеп, шлеп… Голова поднята, два живых глаза смотрят на меня с восторгом: приполз, нашел, увидел! Что за это отдать, что – жалко? И вот еще чудо – пошел! Сам пошел, пошел, пошел и идет, шатаясь, с отрешенным, в себя углубленным взглядом человека, занятого сложной внутренней работой. Нелепо держит перед собой руки, словно они фарфоровые и могут разбиться, не понимая еще, зачем ему руки при ходьбе… И так, пошатываясь, ни на кого не глядя и никого вокруг не замечая, прошел всю комнату и упал, сел – словно пришел в себя: что это было с ним, что приключилось? Он ли это шел и почему сейчас сидит?

Нам, взрослым, чтобы испытать такое ощущение, надо было бы вдруг взлететь под облака, и такие же крики восторга сопровождали бы наш перелет, как и я кричу: «Пошел, пошел, сам пошел!»

И так каждый день, каждый год, всю нашу совместную с детьми жизнь: то пополз, то пошел, то заговорил, то «зачитал», как говорят учительницы первых классов: «Ну всё, у меня все дети зачитали» – научились читать.

Вот наша отдача, обратная связь, доход, прибыль, как хотите назовите. Иные из нас и за всю жизнь не испытали бы острого любовного чувства, не узнали бы, что такое нежность, заливающая, останавливающая сердце, если бы не дети. Так кто же у кого в долгу?

В заключение нечто вроде премии терпеливому читателю – краткий пушкинский курс педагогики. Куда короче – в шести строках! Наука искусства воспитания для очень занятых людей.

Однажды Пушкин записал шутливые стихи в альбом семилетнего мальчика, Павлуши Вяземского. Пушкин был верен себе в каждой строчке и в каждой шутке, и даже экспромты его гораздо содержательнее, чем кажутся с виду. Вот случай убедиться в этом: переведем веселые строчки на язык педагогических законов.

Пушкин написал:

Кн. П.П.Вяземскому

Душа моя Павел,
Держись моих правил:
Люби то-то, то-то,
Не делай того-то.
Кажись, это ясно.
Прощай, мой прекрасный.

В шести строчках – все искусство воспитания!

«Душа моя Павел» – люби ребенка, как душу свою, умей выразить любовь в ласковом слове, в ласковой интонации.

«Павел», «Кн. П.П.Вяземскому» – обращайся с ребенком как с равным, как со взрослым, невзначай подчеркивай, что он уже большой – Павел! Дети никогда не бывают для себя маленькими, они всегда «уже большие». И как бы ты ни любил ребенка, будь с ним немножко сдержан, особенно с мальчиком: «Душа моя», но «Павел».

«Держись моих правил» – сначала обзаведись, пожалуйста, своими правилами жизни, убеждениями, принципами – без них к ребенку лучше и не подходить. И это должны быть свои правила, своею жизнью выработанные, чужие правила детям внушить невозможно. Сколько неудач в воспитании из-за того, что мы пытаемся вбить в детские головы правила, которых сами не придерживаемся! Нет, «держись моих правил» – слово, убедительное для ребенка своей честностью. И не назидание, а дружеское: «держись». Совет, которым можно и не пользоваться. В необязательном «держись» поучение, необходимое ребенку, и свобода от поучения. Взрослый направляет, а действует ребенок сам.

«Люби то-то, то-то…» – люби! Все воспитание держится на

одном этом слове: люби! Воспитание – это не запреты, воспитывать – пробуждать способность любить. Где любовь, там и благодарность, там волнение, там доверие, там все лучшие человеческие чувства – люби.

«Не делай того-то» – сказано категорично и без объяснений. Отметим тонкость: «не делай» – относится к автору, взрослому человеку, это ведь из его правил – «не делай», это правило взрослого, а не особое детское правило для маленьких. «Не делай» – закон взрослых, серьезных, честных людей. Не запрещено, не осудят, не накажут, но не делаю – не в моих правилах. «Не делай» и «люби» – двух этих слов достаточно. Есть поле человеческого поведения. Нижняя граница его твердая: «не делай», а верхней границы нет, она бесконечна – «люби!».

«Кажись, это ясно» – ребенку и надо внушать, что все наши установления и советы просты, понятны, безусловны, ими весь мир живет. А ты маленький, умница, ты все понимаешь с полуслова, ты не нуждаешься в длинных нотациях. Пусть ребенок не понял взрослого – не страшно. Вера в понятливость мальчика постепенно сделает его умнее: люди удивительно быстро умнеют, когда их держат за умных. И с какой легкостью говорит поэт с мальчиком о самых важных правилах жизни, с какой легкостью! «Кажись, это ясно…» Он открывается перед мальчиком. Он не просто подчеркивает равенство обращением «Павел», он в самом деле чувствует себя равным с мальчиком. Не демонстрирует равенство, а искренне проявляет его тем, что говорит с мальчиком всерьез, хоть и в шутливой форме, и говорит не заученное, а только что самим открытое.

«Прощай, мой прекрасный» – прощай! Взрослые и не должны слишком много заниматься детьми. Ребятам лучше быть в компании сверстников, отдаваться играм и своим делам. Поиграли, поговорили, объяснились в любви – и достаточно, беги к своим игрушкам, там твой мир.

И словно кольцо замыкается: «Прощай, мой прекрасный». Внушайте ребенку, что он прекрасен в глазах взрослого! Кто умеет от сердца сказать маленькому: «Мой прекрасный» – тот счастлив в детях и у него счастливые дети. Между двумя этими обращениями, «душа моя» и «мой прекрасный», заключено все искусство воспитания детей.